

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№ 11 2024 (НОЯБРЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боробов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

М. А. Комарова

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел./факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

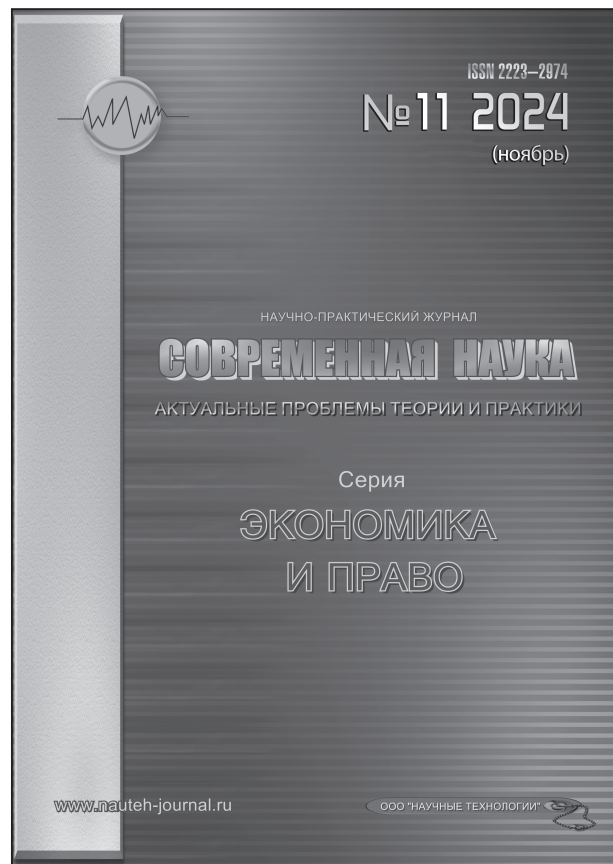
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.1.x, 5.2.x, 5.4.x)

В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 25.11.2024 г. Формат 84x108 1/16

Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;
профессор, Белгородский Государственный Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор, г.н.с.,
НИЦ 4 ВНИИ МВД России

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор, Московский
Педагогический Государственный Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор, Санкт-
Петербургский университет МВД России

Проказина Наталья Васильевна — д.с.н., профессор,
Алтайский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, Российский
государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА

Аббасзаде Фаган Видади — Инновационная роль новых технологий в пищевой промышленности
Abbaszade Fagan Vidadi — Innovative role of new technologies in the food industry6

Воронин Н.Д. — ДНК-менеджмент как способ организации управления цепочкой создания ценности
Voronin N. — DNA-management as a way of managing the value chain13

Запорожцева Л.А., Маркова А.Л., Леонова Н.В., Кузнецова Е.Д. — АПК — драйвер устойчивого развития сельских территорий региона
Zaporozhtseva L., Markova A., Leonova N., Kuznetsova E. — Agricultural complex — the driver of sustainable development of rural areas in the region17

Зубкова С.В., Чванов Б.А. — Цифровизация сельского хозяйства и экосистемы
Zubkova S., Chvanov B. — Digitalization of agriculture and ecosystems23

Куксенюк С.В., Барышева Г.А. — Архитектура человеческого капитала в условиях второго демографического перехода
Kuxenok S., Barysheva G. — Architecture of human capital in the context of the second demographic transition27

Лебедев Н.А. — Технологический суверенитет и инновационный потенциал: возможности развития
Lebedev N. — Technological sovereignty and innovation potential: development opportunities ..35

Матанцева О.Ю., Казанцев И.С. — Современное состояние грузового российского автомобильного транспорта
Matantseva O., Kazantsev I. — Current state of Russian freight road transport39

Насер Мухаммед Хусейн Насер — Роль промышленных кластеров в достижении организационной креативности в Ираке (тематическое исследование Генеральной

компании текстильной и кожевенной промышленности, Багдад)
Nasser Muhammad Hussein Nasser — The role of industrial clusters in achieving organizational creativity in Iraq (case study of the general textile and leather industries company, Baghdad)45

Никулин М.В. — Модель, функционал и роль субъекта управления в инновационном технологическом развитии промышленных компаний
Nikulin M. — Model, functionality and role of the management subject in the innovative technological development of industrial companies52

Осипов В.В. — Современные задачи прогнозирования предпочтений потребителей продуктов питания
Osipov V. — Modern tasks of forecasting the preferences of food consumers61

Секисов А.Н., Папоян А.А., Антипин П.А., Гиш Б.Р. — Разработка экономико-математической модели сотрудничества строительной компании и технологического стартапа
Sekisov A., Papoyan A., Antipin P., Gish B. — Development of an economic-mathematical model of cooperation between a construction company and a technological startup65

Середин Е.П., Гутман С.С., Середин В.П. — Умная энергетика как драйвер обеспечения устойчивого развития городов
Seredin E., Gutman S., Seredin V. — Smart energy as a driver for sustainable city development70

Тан Чжэньлянь — Эмпирическое исследование состояния развития транспортных средств на новых источниках энергии в Китае
Tang Zhenlian — An empirical study on the development status of new energy vehicles in China78

Хачатурян К.С., Хачатурян С.А. — Управление запасами для производства продукции двойного назначения
Khachaturyan K., Khachaturyan S. — Inventory management for the production of dual-use products82

- Черникова А.Ю.** — Роль цифровизации в развитии национальных инновационных систем: международный опыт
Chernikova A. — The role of digitalisation in the development of national innovation systems: international experience.....86
- Право
- Аксенов И.С.** — Особенности правового регулирования труда надомников
Aksenov I. — Features of legal regulation of homeworkers labor.....90
- Джандубаева Т.З., Ерофеева К.Ю.** — Правовое регулирование улавливания и хранения диоксида углерода как приоритетного способа декарбонизации
Dzhandubaeva T., Erofeeva K. — Legal regulation of carbon dioxide capture and storage as a priority method of decarbonization.....96
- Завьялов С.О.** — Особенности и проблемы конституционной обязанности государства по защите прав и свобод человека и гражданина в современной России
Zavyalov S. — Features and problems of the constitutional obligation of the state to protect human and civil rights and freedoms in modern Russia.....99
- Зубарев Д.С.** — Использование электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях, зафиксированных в информационном пространстве, а также на мобильных и других компьютерных устройствах
Zubarev D. — The use of electronic evidence in proceedings on administrative offenses recorded in the information space, as well as on mobile and other computer devices..... 103
- Латынин А.О.** — Философская категория «свобода» в цифровом пространстве. Ее происхождение и применение к правовой категории «договор»
Latynin A. — The philosophical category of «freedom» in the digital space. Its origin and application to the legal category of «contract» 110
- Лончакова Ю.А.** — Основные научные воззрения на сущность осуществления транспортного процесса и института перевозки грузов
Lonchakova Yu. — Main scientific views on the essence of the implementation of the transport process and the institute of cargo transportation..... 114
- Орехова Н.Л.** — К вопросу о правовом регулировании электронной торговли
Orekhova N. — On the issue of legal regulation of electronic commerce 118
- Парамузова О.Г.** — Характер взаимодействия международного и внутригосударственного правопорядка в контексте определения возможности применения оговорки о публичном порядке
Paramuzova O. — The nature of the interaction of international and domestic law and order in the context and determination of the possibility of applying the public policy clause 122
- Хайруллина Р.С.** — Терминологический аспект правового регулирования генетических технологий для медицины
Khairullina R. — Conceptual aspects of legal regulation genetic technologies for medicine 125
- Шабалина Е.И., Крылов П.С.** — Контроль как стратегический инструмент государственного строительства
Shabalina E., Krylov P. — Control as a strategic tool of state building..... 129
- СОЦИОЛОГИЯ
- Базуева К.И., Гериханов Д.Т., Дао Зьеу Линь** — Стратегии и методы оптимизации медико-социальной экспертизы в условиях современного общества
Bazueva K., Gerikhanov D., Tao Zieu Lin — Strategies and methods of optimizing medical and social expertise in the context of modern society 132
- Вагапов А.И., Штофер Г.А., Эскерханова Л.Т.** — Роль качества жизни в формировании социальной активности в монопрофильных городах
Vagapov A., Shtofer G., Eskerkhanova L. — The role of quality of life in forming social activity in single-industry cities 137
- Васильев А.В.** — Совершенствование формы размещения информации об органах муниципалитетов Московской области
Vasiliev A. — Improving the form of posting information about the municipal authorities of the Moscow region..... 143

Гаматаева С.Х., Нажмутдинов Г.И. — Эволюция понятия «инвалидность» в контексте современных социально-экономических реалий <i>Gamataeva S., Nazmutdinov G.</i> — Evolution of the concept of «disability» in the context of modern socio-economic realities 149	Магдиева Н.Т., Лабазанов И.Л., Борлакова Ф.А. — Традиционные и инновационные формы устройства детей-сирот: содержательный анализ <i>Magdieva N., Labazanov I., Borlakova F.</i> — Traditional and innovative forms of placement of orphans: a content analysis 180
Гильфанова А.В., Газизова Н.В., Кафарова К.З. — Проблемы социальной адаптации студентов с ограниченными возможностями здоровья в высшем учебном заведении <i>Gilfanova A., Gazizova N., Kafarova K.</i> — Problems of social adaptation of students with disabilities in higher education institutions 154	Милинис А.А. — Медицинский блогинг и социология цифрового разрыва в здравоохранении: анализ доступности информации и потенциальных негативных последствий для уязвимых групп населения <i>Milinis A.</i> — Medical blogging and the sociology of the digital divide in healthcare: an analysis of the availability of information and potential negative consequences for vulnerable groups of the population..... 185
Гильфанова А.В., Гериханов Д.Т., Тарамова М.С. — Исследование уровня коммуникативной толерантности у студентов педагогических вузов <i>Gilfanova A., Gerikhanov D., Taramova M.</i> — Study of the level of communicative tolerance among students of pedagogical universities 159	Писаревская Н.С., Толмачева И.В., Кожина В.О. — Эффективный менеджмент коммуникации в digital пространстве <i>Pisarevskaya N., Tolmacheva I., Kozhina V.</i> — Effective communication management in the digital space 191
Карапетян С.А.Р. — Феномен доверия в условиях цифровых трансформаций экономики и общества России <i>Karapetyan S.</i> — The trust phenomenon in digital transformation of the Russian economy and society..... 164	Скопа В.А. — Подходы к понятию и сущности социализации как социального феномена <i>Skopa V.</i> — Approaches to the concept and essence of socialization as a social phenomenon 195
Левченко Н.В. — Репертуар региональных театров во времена ВОВ и в настоящее время <i>Levchenko N.</i> — Repertoire of regional theaters during the Second World War and now 169	Яковлева О.И. — Вопросы по организации независимой оценки квалификации в области обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях <i>Yakovleva O.</i> — Questions on the organization of an independent assessment of qualifications in the field of safety in emergency situations 199
Литвиненко И.Г. — Инициативное бюджетирование в Республике Крым: динамика развития и перспективы <i>Litvinenko I.</i> — Proactive budgeting in the Republic of Crimea: development dynamics and prospects 176	Наши авторы 204

ИННОВАЦИОННАЯ РОЛЬ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Аббасзаде Фаган Видади

Докторант, Бакинский Государственный Университет
feqan.abbaszade@mail.ru

INNOVATIVE ROLE OF NEW TECHNOLOGIES IN THE FOOD INDUSTRY

Abbaszade Fagan Vidadi

Summary. The purpose of this study is to comprehensively examine the role and impact of technological innovation in the food industry. It can be said that the technologies used in the food industry have evolved along with other technological developments. Additionally, it has been observed that technological innovations such as Augmented Reality, Internet of Things, Artificial Intelligence and Robotics, Smart Apps and 3D Printers have been adopted and started to be used at the industry level. When assessed in this context, it can be said that the food industry has adapted to digitalization and these innovations will continue in the future. The study used quantitative methods such as statistical analysis, SPSS analysis, regression analysis as well as qualitative methods such as observation, induction and deduction.

Keywords: food industry, technology, consumer, use of robots, artificial intelligence.

Введение

В настоящее время, с быстрым ростом населения, увеличивается спрос на продукты питания и расширяется ассортимент продукции. Миссия пищевой промышленности — быть отраслью, которая обеспечивает безопасность пищевых продуктов, является экологически чистой, ориентированной на потребителя, устойчивой и борется с голодом и пищевыми отходами. В последние годы пищевые технологии больше внимания уделяют альтернативным источникам, эффективно использованию существующих ресурсов и предотвращению пищевых отходов.

В последние годы с использованием нанотехнологий были реализованы такие приложения, как нанонапитки (напитки, цвет и вкус которых меняются в зависимости от температуры), титановый шоколад (стойкий к плавлению шоколад, содержащий наночастицы TiO_2) и нанобиосенсоры [1]. Кроме того, в пищевой промышленности появляются трехмерные (3D) принтеры [27], устройства и датчики, содержащие роботизированные конструкции или искусственный интеллект [5]. Среди всех этих разработок также включены методы предотвращения и оценки увеличения пищевых отходов [17].

Инновационные технологии, используемые в пищевой промышленности, подразумевают ряд таких изме-

Аннотация. Целью данного исследования является всестороннее изучение роли и последствий технологических инноваций в пищевой промышленности. Можно сказать, что технологии, используемые в пищевой промышленности, развивались вместе с другими технологическими разработками. Кроме того, было замечено, что технологические инновации, такие как дополненная реальность, Интернет вещей, искусственный интеллект и робототехника, интеллектуальные приложения и 3D-принтеры, были адаптированы и начали использоваться на отраслевом уровне. Если оценивать в этом контексте, то можно сказать, что пищевая промышленность адаптировалась к цифровизации и эти инновации будут продолжаться и в будущем. В ходе исследования использовались количественные методы, такие как статистический анализ, анализ SPSS, регрессионный анализ, а также качественные методы, такие как наблюдение, индукция и дедукция.

Ключевые слова: пищевая промышленность, технологии, потребитель, применение роботов, искусственный интеллект.

нений, как обновление существующих системных особенностей переработки пищевых продуктов, результат инновационного производства продуктов питания, а также раскрытие функциональных аспектов продуктов питания [25]. Технологические разработки, происходящие в условиях глобализации, затронули все аспекты человеческой жизни, а также оказали влияние на такие виды деятельности, как традиционные методы производства продуктов питания и предоставление услуг. Пищевая промышленность и промышленность напитков, занимающая важное место в пищевой промышленности, также выиграла от этих разработок в сложных производственных процессах.

Изменения в предпочтениях потребителей привели к тому, что предприятия стали извлекать выгоду из технологий, чтобы продолжать свою деятельность, адаптироваться к тенденциям и иметь конкурентоспособную силу. В то же время технологии играют важную роль в улучшении взаимодействия людей с пищей.

Пищевая промышленность оказывает широкий спектр услуг, включая сельское хозяйство, пищевую промышленность, розничную торговлю и услуги общественного питания, охватывая значительную часть мировой экономики. Это одна из очень крупных отраслей, которая включает в себя ряд производств, переработки

и услуг, включающих обработку, приготовление и доставку пищевых продуктов с поля на стол потребителям для удовлетворения потребностей людей в еде и питье [6]. Он представляет собой разнообразную сеть заводов по производству продуктов питания, дистрибьюторов, розничных продавцов, фермеров и предприятий, заинтересованных в туристическом аспекте. Предприятия, предоставляющие услуги по производству продуктов питания и напитков в этой отрасли, вносят изменения, чтобы получить конкурентные преимущества в условиях глобализации, изменений в поведении потребителей и технологических разработок [22].

Быстрые изменения в технологических разработках позволили получить широкое распространение в пищевой промышленности. Благодаря технологическим инновациям блюда быстрого приготовления и стандартного качества начали производить из продуктов питания с помощью трехмерных принтеров (3D). 3D-принтеры, которые радикально меняют пищевую промышленность, открывают возможности для инновационных приложений, таких как продукты питания, разработанные в соответствии с запросами клиентов (питательная ценность, внешний вид и т. д.) [20]. Первое поколение 3D-принтеров было представлено публике около 10 лет назад. Компания Nanotek Instrument открыла двери технологическому производству персонализированных продуктов питания, получив патент на прототипирование и изготовление праздничного торта, разработанного ее клиентами. 3D-принтеры начали играть очень активную роль в ближайшем будущем в сфере продуктов питания и решать такие вопросы, как развлечения, эстетика, искусство и устойчивое развитие. 3D-принтеры — важная технологическая разработка в сфере продуктов питания, которая также используется для здоровья и комфорта человека. Европейский Союз подчеркивает, что 3D-принтеры обладают значительным потенциалом в питании пациентов и пожилых людей с проблемами питания и глотания. В этом контексте с помощью 3D-принтеров можно производить персонализированные продукты питания в соответствии с индивидуальными потребностями (питательная ценность, вкус, аромат, запах и т. д.) пациентов, которые часто потребляют продукты с низкой пищевой ценностью и, как правило, безвкусные [26]. С открытием в Лондоне в 2016 году ресторана Food Ink 3D-принтеры начали использоваться в сфере производства продуктов питания и напитков. Чтобы дифференцировать качество обслуживания клиентов в ресторане, клиентам выдаются очки виртуальной реальности и подается еда [24].

В настоящее время, с развитием технологических приложений, роботы эффективно используются в таких процессах, как приготовление и подача еды [12]. Примером роботов, служащих поварами в ресторанах, является робот-повар по имени Флиппи, который готовит гам-

бургеры в ресторане CaliBurger в Калифорнии [16]. Также известно, что Pizza Hut использует роботов-официантов по имени Пеппер, чтобы принимать заказы клиентов и оплачивать еду во время оплаты [10]. С появлением информационных технологий в ресторанах появились роботы, такие как Пацци, который производит, готовит и нарезает пиццу, роботы в самурайских костюмах, отражающие японскую самурайскую культуру и обслуживающие заказы клиентов [18].

Пищевая промышленность является одним из краеугольных камней мировой экономики и сталкивается с постоянно меняющейся динамикой рынка и ожиданиями потребителей. Растущая конкуренция, глобализация и технологические разработки влияют на конкурентоспособность пищевой промышленности по сравнению с другими секторами. В этом контексте использование технологий играет решающую роль для компаний в получении конкурентных преимуществ и достижении устойчивого роста.

Целью данного исследования является изучение влияния использования технологий на конкурентоспособность компаний пищевой промышленности. Исследование охватывает компании различного размера, работающие в пищевом секторе Азербайджана. Методом случайной выборки были отобраны компании из разных географических регионов и разных подсегментов отрасли (переработка, производство, дистрибуция и т. д.).

Гипотезы исследования

Гипотезы исследования формулируются следующим образом:

H_1 : Использование инновационных технологий в пищевой промышленности оказывает прямое и положительное влияние на повышение эффективности и конкурентоспособности производства.

H_2 : Использование стратегий цифрового маркетинга оказывает прямое и положительное влияние на развитие клиентской базы.

H_3 : Использование передового программного обеспечения оказывает прямое и положительное влияние на повышение операционной эффективности в пищевой промышленности.

Модель исследования

Исследование состоит из 2 частей. Вопросы первой части направлены на изучение демографической информации участников. Так, здесь участникам опроса были заданы вопросы, определяющие их возраст, пол, семейное положение и профессию. Результаты вопро-

сов были проанализированы в программном обеспечении SPSS и представлены в виде таблиц и диаграмм.

Во второй части участникам были заданы более исследовательские вопросы, чтобы изучить влияние использования технологий на конкурентоспособность компаний пищевой промышленности. Результаты исследований были проанализированы и зафиксированы в виде таблиц.

В дальнейшем был проведен регрессионный анализ для проверки обоснованности выдвинутых гипотез относительно темы исследования, а результаты проанализированы и зафиксированы.

Метод сбора данных исследования

В качестве метода сбора данных в данном исследовании использовался анкетный опрос. Опрос был доставлен участникам через социальную сеть. Полученные предварительные результаты были проанализированы с помощью программного обеспечения SPSS.

Анализ надежности (КМО и тест Бартлетта) и тест на нормальность (значения асимметрии и эксцесса)

Как известно, для того чтобы любая шкала была достоверной, значение альфа Кронбаха должно быть выше 0,70. В наших исследованиях мы видим, что это значение превышает 0,70 (табл. 1).

Таблица 1.

Статистика надежности

Альфа Кронбаха	Альфа Кронбаха на основе стандартизованных пунктов	N элементов
.864	.869	9

Источник: Составлено автором в программе SPSS на основе ответов на анкету.

Проверка гипотез и регрессионный анализ

В исследовании был проведен регрессионный анализ, чтобы определить, как использование технологий влияет на конкурентоспособность компаний пищевой промышленности.

В ходе анализа мы выдвинули следующие гипотезы:

H_1 : Использование инновационных технологий в пищевой промышленности оказывает прямое и положительное влияние на повышение эффективности и конкурентоспособности производства.

H_2 : Использование стратегий цифрового маркетинга оказывает прямое и положительное влияние на развитие клиентской базы.

H_3 : Использование передового программного обеспечения оказывает прямое и положительное влияние на повышение операционной эффективности в пищевой промышленности.

Давайте напишем уравнение модели, используя простой анализ линейной регрессии. Уравнение простой модели линейной регрессии выглядит следующим образом:

$$y = \beta_0 + \beta_1x + \epsilon$$

- y — прогнозируемое значение зависимой переменной (y) для любого заданного значения независимой переменной (x).
- β_0 — это точка пересечения, прогнозируемое значение y , когда $x = 0$.
- β_1 — коэффициент регрессии — он показывает, насколько изменится y при увеличении x .
- x — независимая переменная.
- ϵ — показывает, насколько сильно варьируется наша оценка ошибки оценки или коэффициента регрессии.

Анализируя результаты анализов, проведенных в ходе исследования, мы оценим результаты положительного и отрицательного влияния использования технологий на конкурентоспособность компаний пищевой промышленности.

H_1 : Использование инновационных технологий в пищевой промышленности оказывает прямое и положительное влияние на повышение эффективности и конкурентоспособности производства.

Множественный R. Коэффициент корреляции, который измеряет силу линейной связи между двумя переменными. Коэффициент корреляции может иметь любое значение от -1 до 1 , а его абсолютное значение указывает на силу связи. Чем больше абсолютное значение, тем сильнее связь:

- 1 означает сильный позитивный настрой
- -1 означает сильное негативное отношение
- 0 означает отсутствие соединения вообще

В рассматриваемом нами примере (табл. 2) значение Multiple R составляет примерно 0,652, что, как видите, ближе к 1. Это показывает, что отношения крепкие.

Площадь R. Именно коэффициент детерминации используется в качестве индикатора степени соответствия. Это показывает, сколько точек приходится на линию регрессии. Значение R^2 рассчитывается из общей суммы квадратов.

В нашем примере (табл. 2) R^2 равен 0,425. Это означает, что примерно 42,5 % наших значений подходят

Таблица 2.

Сводка для модели

Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стандартная ошибка оценки	Статистика изменений				
					Изменение R квадрат	Изменение F	ст.св.1	ст.св.2	Знач. изменение F
1	.652a	.425	.407	.84283	.425	23.633	3	96	.000

а. Предикторы: (константа), Я положительно оцениваю влияние использования передового программного обеспечения на повышение операционной эффективности., Положительно оцениваю влияние использования инновационных технологий в пищевой промышленности на снижение себестоимости продукции., Положительно оцениваю влияние использования инновационных технологий в пищевой промышленности на повышение конкурентоспособности.

Источник: Составлено автором в программе SPSS на основе ответов на анкету.

Таблица 3.

ANOVA^a

Модель	Сумма квадратов	ст.св.	Средний квадрат	F	Значимость
1	Регрессия	50.365	3	16.788	.000 ^b
	Остаток	68.195	96	.710	
	Всего	118.560	99		

а. Зависимая переменная: Положительно оцениваю влияние использования инновационных технологий в пищевой промышленности на повышение эффективности производства.

б. Предикторы: (константа), Я положительно оцениваю влияние использования передового программного обеспечения на повышение операционной эффективности., Положительно оцениваю влияние использования инновационных технологий в пищевой промышленности на снижение себестоимости продукции., Положительно оцениваю влияние использования инновационных технологий в пищевой промышленности на повышение конкурентоспособности.

Источник: Составлено автором в программе SPSS на основе ответов на анкету.

Таблица 4.

Сводка для модели

Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стандартная ошибка оценки	Статистика изменений				
					Изменение R квадрат	Изменение F	ст.св.1	ст.св.2	Знач. изменение F
1	.751a	.564	.550	.66657	.564	41.402	3	96	.000

а. Предикторы: (константа), Вопрос_8, Я положительно оцениваю влияние использования стратегий цифрового маркетинга на повышение удовлетворенности клиентов., Я положительно оцениваю влияние использования стратегий цифрового маркетинга на повышение качества обслуживания.

Источник: Составлено автором в программе SPSS на основе ответов на анкету.

Таблица 5.

ANOVA^a

Модель	Сумма квадратов	ст.св.	Средний квадрат	F	Значимость
1	Регрессия	55.186	3	18.395	.000 ^b
	Остаток	42.654	96	.444	
	Всего	97.840	99		

а. Зависимая переменная: Я положительно оцениваю влияние использования стратегий цифрового маркетинга на увеличение количества клиентов.

б. Предикторы: (константа), Вопрос_8, Я положительно оцениваю влияние использования стратегий цифрового маркетинга на повышение удовлетворенности клиентов., Я положительно оцениваю влияние использования стратегий цифрового маркетинга на повышение качества обслуживания.

Источник: Составлено автором в программе SPSS на основе ответов на анкету.

под модель регрессионного анализа. Другими словами, 42,5 % зависимых переменных (значений y) объясняются независимыми переменными (значениями x).

В части Anova (табл. 3) сиг. равен 0, этот показатель также меньше 0,05, поэтому наш тест значим.

Следовательно, гипотеза H_1 принимается.

H_2 : Использование стратегий цифрового маркетинга оказывает прямое и положительное влияние на развитие клиентской базы.

В рассмотренном нами примере (табл. 4) значение Multiple R составляет примерно 0,751, что, как видите, очень близко к 1.

В нашем примере (табл. 4) R^2 равен 0,564. Это означает, что примерно 56,4 % наших значений соответствуют модели регрессионного анализа.

Другими словами, 56,4 % зависимых переменных (значений y) объясняются независимыми переменными (значениями x).

В части Anova (табл. 5) сиг. равен 0, этот показатель также меньше 0,05, поэтому наш тест значим.

Таким образом, гипотеза H_2 также принимается.

H_3 : Использование передового программного обеспечения оказывает прямое и положительное влияние на повышение операционной эффективности в пищевой промышленности.

В рассмотренном нами примере (табл. 6) значение Multiple R составляет примерно 0,511, что, как видите, очень близко к 1.

В нашем примере (табл. 6) R^2 равен 0,261. Это означает, что примерно 26,1 % наших значений подходят под модель регрессионного анализа.

Другими словами, 26,1 % зависимых переменных (значений y) объясняются независимыми переменными (значениями x).

В части Anova (табл. 7) сиг. равен 0, этот показатель также меньше 0,05, поэтому наш тест значим.

Таким образом, гипотеза H_3 также принимается.

Заключение

В ходе исследования было исследовано влияние многих инновационных технологий на конкурентоспо-

Таблица 6.

ANOVA^a

Модель	Сумма квадратов	ст.св.	Средний квадрат	F	Значимость	
1	Регрессия	27.979	3	9.326	11.286	.000b
	Остаток	79.331	96	.826		
	Всего	107.310	99			

а. Зависимая переменная: Я положительно оцениваю влияние использования передового программного обеспечения на повышение операционной эффективности.

б. Предикторы: (константа), Положительно оцениваю влияние использования инновационных технологий в пищевой промышленности на снижение себестоимости продукции., Вопрос_8, Положительно оцениваю влияние использования инновационных технологий в пищевой промышленности на повышение конкурентоспособности.

Источник: Составлено автором в программе SPSS на основе ответов на анкету.

Таблица 7.

Сводка для модели

Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стандартная ошибка оценки	Статистика изменений				
					Изменение R квадрат	Изменение F	ст.св.1	ст.св.2	Знач. изменение F
1	.511a	.261	.238	.90905	.261	11.286	3	96	.000

а. Предикторы: (константа), Положительно оцениваю влияние использования инновационных технологий в пищевой промышленности на снижение себестоимости продукции., Вопрос_8, Положительно оцениваю влияние использования инновационных технологий в пищевой промышленности на повышение конкурентоспособности.

Источник: Составлено автором в программе SPSS на основе ответов на анкету.

способность пищевой промышленности и компаний. Соответственно, можно отметить следующие результаты:

Применение инновационных технологий оказывает существенное влияние на пищевую промышленность и повышает конкурентоспособность компаний, работающих в этой сфере. Различные системы искусственного интеллекта и роботизированные приложения служат для повышения скорости, точности и качества обработки пищевых продуктов и обеспечения безопасности, одновременно увеличивая объемы производства продукции и укрепляя позиции компаний на рынке.

Статистическая модель, построенная с помощью SPSS, демонстрирует высокую объяснительную силу (высокие значения R и R Square), что показывает объяснение того, как выбранные параметры влияют на конкурентоспособность пищевой промышленности и компаний. Результаты анализа SPSS показывают, что использование технологий оказывает положительное и существенное влияние на конкурентоспособность компаний, работающих в пищевой промышленности. Технология существенно повышает такие показатели конкурентоспособности, как качество продукции, эффективность производства и доля рынка. Эти результаты показывают, что расширение использования технологий компаниями, работающими в пищевой промышленности, имеет важное значение для получения конкурентного преимущества.

Проведенный в ходе исследования SPSS-анализ позволяет предположить следующее для повышения эф-

фективности производства и конкурентоспособности за счет использования инновационных технологий в пищевой промышленности:

1. Необходимо и дальше расширять применение систем автоматизации в пищевой промышленности. Автоматизация в пищевой промышленности повышает скорость и точность рабочих процессов, снижает эксплуатационные затраты и повышает качество продукции. Это будет способствовать повышению конкурентоспособности компаний.
2. Важную роль играет применение технологий искусственного интеллекта в производстве и переработке продуктов питания. Эти технологии ускоряют анализ данных и обеспечивают более точные результаты, а также могут использоваться для оптимизации производственных процессов и повышения качества продукции.
3. Использование нанотехнологий в упаковке и консервации пищевых продуктов должно увеличиться. Нанотехнологии могут продлить срок службы пищевых продуктов, помогая сохранить их качество и сократить количество отходов.
4. Персонал компании должен участвовать в программах обучения и развития, связанных с новыми технологиями. Тренинги позволяют сотрудникам эффективно использовать технологические инновации. Это обеспечивает оптимизацию производственных процессов и повышение качества продукции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агилинатех, Н., Далванд, М.Дж., Анвар, А. (2020). Определение степени спелости ягод с помощью электронного носа. *Пищевая наука*. Нутр.8 (9): сс. 4919–4928, <https://doi.org/10.1002/фсн3.1788>
2. Артык Н., Ширели Т., Тюркылмаз М. (2016). Если вы хотите изменить ситуацию, вы можете выбрать один из вариантов, а также реализовать свои проекты. сс. 111–125.
3. Ван Доорн Дж., Менде М., Ноубл С.М., Халланд Дж., Остром А.Л., Гревал Д. и Петерсен Дж.А. (2017). Домо аригато Мистер Робото: Появление автоматизированного социального присутствия на передовой линии организации и в сфере обслуживания клиентов. *Журнал сервисных исследований*, 20 (1), сс. 43–58.
4. Ван Хуис А., Данкель Ф.В. (2017). Съедобные насекомые: заброшенный и многообещающий источник пищи. В *Устойчивых источниках белка*. Академическая пресса. сс. 341-355, <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-802778-3.000>
5. Винсент Дж. (2018). Робот, переворачивающий гамбургеры, берет четырехдневный перерыв сразу после того, как устроился на новую работу. <https://www.theverge.com/2018/3/8/17095730/robot-burger-flipping-fast-food-caliburger-miso-robotics-flippy>
6. Дорфман, Дж. Х. (2014). *Экономика и управление пищевой промышленностью*. Нью-Йорк, США: Routledge, 216 с.
7. Дуглас Г.Л., Цварт С.Р., Смит С.М. (2020). Космическая пища для размышлений: проблемы и соображения, связанные с продовольствием и питанием в исследовательских миссиях. *Дж. Нутр.* 150 (9): сс. 2242–2244, <https://doi.org/10.1093/jn/nxa a188>
8. Иванов Д., Долгий А. и Соколов Б. (2019). Влияние цифровых технологий и Индустрии 4.0 на волновой эффект и аналитику рисков цепочки поставок. *Международный журнал производственных исследований*, 57 (3), сс. 829–846.
9. Издебска Ю. и Золек-Тризнавска З. (2016). 3D-печать продуктов питания: факты и будущее. *Агропищевая промышленность, высокие технологии*, 27(2), сс. 33–37.
10. Йылмаз Ф. (2018). Роботлар хаятымызда. *ФСМ Ильми Араштырмалар Инсан ве Топлум Билимлери Дергиси*, (12), сс. 109–120.
11. Лу С. и Ван Х. (2016). На пути к интеллектуальному решению для управления холодовой цепью скоропортящихся продуктов. В 2016 г. прошла 7-я международная конференция IEEE по программной инженерии и сервисным наукам (ICSESS) сс. 852–856.
12. Луканова Г., Илиева Г. (2019). Роботы, искусственный интеллект и автоматизация обслуживания в отелях. Роботы, искусственный интеллект и автоматизация услуг в сфере путешествий, туризма и гостеприимства. *Эмеральд Паблшинг Лимитед*, сс. 157–183.

13. Максимович М., Вуйович В. и Оманович-Микликанин Э. (2015). Недорогое решение Интернета вещей для отслеживания и контроля безопасности пищевых продуктов во время транспортировки. В НАИСТА, сс. 583–593.
14. Мейерс, Н. (2013). 10 футуристических тенденций в области пищевых технологий и науки 2013 года. <https://foodtechconnect.com/2013/12/23/10-futuristic-foodtech-science-trends-2013>
15. Моли (2022). Робочеф. <https://moley.com>
16. Отеро, К. (2018). Флиппи, Un Automata Que Hace Hamburguesas A Media Jornada. BeTex. Flippy, un autómata que hace hamburguesas a media jornada — Meristation
17. Пек А. (2016). Для этого потребуется 10 дней. <https://gaiadergi.com/atik-gidalar-icin-yenilikci-10-cozum/>
18. Песка С., Луймула М., Яухийайнен Дж. и Спиз В. (2013). Роботы социальных служб в оздоровительных и ресторанных приложениях. Журнал связи и компьютера, 10 (1), сс. 116–123.
19. Пураник В., Ранджан А. и Кумари А. (2019). Автоматизация в сельском хозяйстве и IoT. В 2019 г. 4-я Международная конференция «Интернет вещей: интеллектуальные инновации и использование» (IoT-SIU), (IEEE), сс. 1–6.
20. Сунь Дж., Пэн З., Чжоу В., Фух Дж.Ю., Хун Г.С. и Чиу А. (2015а). Обзор 3D-печати для изготовления продуктов питания по индивидуальному заказу. Procedia Manufacturing, 1, сс. 308–319.
21. Тиан Дж., Брыкса Б.К., Яда Р.Ю. (2016). Накормим мир в будущем: продовольственная безопасность и безопасность питания: роль пищевой науки и технологий. Фронт Life Sci. 9 (3): сс. 155–166, <https://doi.org/10.1080/21553769.2016.1174958>.
22. Учкан Чакыр, М. и Озбай, Г. (2021). Йиечек Ичечек Секторюнюн Генел Япысы. Ичинде Улема, Ш. (Ред.) Йиечек Ичечек Пазарламасы. Детай Яынджилык, Анкара, сс. 22–30.
23. ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций). (2013). След пищевых отходов: воздействие на природные ресурсы: краткий отчет. ФАО.
24. Фудинк. (2022). Food Ink İşletmesi: <http://foodink.io>
25. Фусте-Форне Ф. и Джамал Т. (2020). Медленный фуд-туризм: этический микротренд антропоцена. Журнал будущего туризма, 6 (3), сс. 227–232.
26. Цзя Ф., Ван Х., Мустафи Н. и Хао Л. (2016). Исследование осуществимости бизнес-моделей, ориентированных на цепочки поставок, в 3D-печати шоколада: симуляционное исследование. Технологическое прогнозирование и социальные изменения, 102, сс. 202–213.
27. Цзян Х., Чжэн Л., Цзоу Ю., Тонг З., Хань С., Ван С. (2019). 3D-печать пищевых продуктов: выбор основных компонентов с учетом реологических свойств. Крит. Преподобный Food Sci. Нутр. 59 (14): сс. 2335–2347, <https://doi.org/10.1080/10408398.2018.151>

© Аббасзаде Фаган Видади (feqan.abbaszade@mail.ru)
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДНК-МЕНЕДЖМЕНТ КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ ЦЕПОЧКОЙ СОЗДАНИЯ ЦЕННОСТИ

DNA-MANAGEMENT AS A WAY OF MANAGING THE VALUE CHAIN

N. Voronin

Summary. The article examines models of interaction between the object and subject of management, as well as various levels of building organizational management systems: puzzle management, lego management, origami management, DNA management.

Particular attention is paid to DNA management as the deepest and most modern level of organizing the management structure, which is just beginning to receive its theoretical understanding.

The author examines various approaches to understanding DNA management, expresses his own position, and proposes the adaptation of DNA management technology to the management of a group of companies.

Keywords: puzzle management, lego management, origami management, DNA management, value chain, group of companies management.

Воронин Николай Дмитриевич

Аспирант, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, г. Москва
voronin.nickolay@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены модели взаимодействия объекта и субъекта управления, а также различные уровни построения систем управления организацией: пазл-менеджмент, легио-менеджмент, оригами-менеджмент, ДНК-менеджмент.

Особое внимание уделено ДНК-менеджменту как наиболее глубокому и современному уровню организации структуры управления организацией, который только начинает получать свое теоретическое осмысление.

Автором рассмотрены различные подходы к пониманию ДНК-менеджмента, выражена собственная позиция, а также предложена адаптация технологии ДНК-менеджмента к управлению группой компаний.

Ключевые слова: пазл-менеджмент, легио-менеджмент, оригами-менеджмент, ДНК-менеджмент, цепочка создания ценности, управление группой компаний.

Конечной целью и результатом деятельности коммерческих организаций является извлечение прибыли и ее максимизация. Для достижения этой цели организации стремятся создать ценность для конечного потребителя посредством предоставления ему товаров, работ или услуг, обладающих для последнего ценностью (полезностью) и имеющих потребительскую стоимость, выраженную в цене. Для этого выстраиваются системы управления организацией через модули звеньев цепочки создания ценности.

Предложенная М. Портером еще в 1985 году, концепция цепочек создания ценности продолжает развиваться и в настоящее время [3].

Рассуждая о структурных изменениях в современном менеджменте, В.В. Масленников приходит к выводу, что «на первый план выходит возрастание роли объектно-субъектного подхода к построению системы управления организациями. В теории управления организацией как социально-экономической системой объективно-субъектный подход показывает взаимодействие между объектом и субъектом управления. Объектом управления в организации выступают процессы создания ценности (вместе с обеспечивающими и основными процессами), а субъектом управления — управленцы (менеджеры), выполняющие различные действия в рамках своих функций и полномочий.

Объект управления создает ценности, ради которых он функционирует, а субъект управления обеспечивает результативность и эффективность процесса создания продукта, оказания услуг, выполнения работ. Объектно-субъектный подход означает установление параметрического соответствия между объектом и субъектом управления, при котором устанавливается нормативная зависимость между субъектом и объектом — процессами создания ценности (продуктов, услуг)» [4].

Объектно-субъектный подход связан с теорией кибернетического управления, которая определяет, что объект становится управляемым при условии, что субъект управления способен результативно переводить его из одного целевого состояния в другое. Для этого субъект должен понимать закономерности формирования и развития объекта управления и рассматривать его в качестве управляемой системы, которая всегда находится либо в состоянии текущей (операционной деятельности), либо в процессе изменения существенных параметров деятельности (проектное состояние) [8, С. 16].

При проектировании системы управления существует различная глубина описания модели взаимодействия объекта и субъекта управления. Так, к результату можно прийти разными способами, однако схожесть результата не означает одинакового дальнейшего развития бизне-

са. Связано это с тем, что различают различные уровни (глубину) представления системы управления организациями.

Уровень 1. Пазл-менеджмент. Простые типовые модули, позволяющие собрать плоскую организацию ограниченной сложности. Применительно к управлению цепочкой создания ценности это означает настраиваемую последовательность действий управленцев во взаимодействии с работниками.

Базовые элементы построения системы управления организацией по принципу «пазл-менеджмент»:

- Звено цепочки создания ценности. Описывает часть производственного и/или технологического и/или торгового и/или иного процесса основной деятельности организации.
- Процесс управления. Отражает действия сотрудника подразделения, необходимые для получения результата в звене цепочки создания ценности.
- Подразделение. Конкретный сотрудник, выполняющий действия процесса управления.
- Работник. Конкретный работник, занятый непосредственно в производственном (технологическом) или торговом процессе, непосредственно создающий ценность (добавляющий стоимость).

По справедливому замечанию В.В. Масленникова, «к «пазл-менеджменту» наиболее близка модель «бережливого производства» [1, 2, 9], которая позволяет оптимизировать процессы создания ценности для потребителя» [8, С. 18].

Пазл-менеджмент применяется, например, в проекте «Бережливая поликлиника» в рамках реализации национального проекта РФ «Цифровая экономика».

Уровень 2. Лего-менеджмент. Типовые модули, органически связывающие процессы управления организацией в нескольких аспектах, позволяющие строить объемную организацию.

Такой подход позволяет собрать систему управления из различных вариантов плоской организации деятельности, которые дополняют друг друга. Лего-менеджмент зачастую применяется для построения системы управления внутрифирменным предпринимательством в организации, основанной на принципах самофинансирования процессов создания ценности компании.

Уровень 3. Оригами-менеджмент. Типовые цифровые модули системы управления, позволяющие собрать организацию любой сложности.

Оригами-менеджмент свидетельствует о цифровой зрелости управления организацией, поскольку пред-

полагает принципиально новые составляющие системы управления, а именно:

- Использование оборудования, поддающегося цифровому управлению.
- Сбор и представление информации о состоянии объекта управления в реальном времени, а также интеграция информации в систему аналитики.
- Использование технологий предиктивной аналитики.
- Самонастройка и адаптация процессов создания ценности к изменяющимся условиям (предложениям контрагентов, требованиям покупателей и пр.).

Оригами-менеджмент предполагает реализацию структуры управления с помощью современных онлайн-платформ, позволяющих легко и быстро ставить задачи себе и подчиненным, распределять задачи по блокам, а также оперативно контролировать их выполнение, анализировать входящие данные по BI-панелям, отслеживая при этом систему ключевых показателей каждого сотрудника [5, 6, 7]. Выбор цифровой платформы, способов построения системы цифрового управления рисками, глубину интеграции с искусственным интеллектом и прочее определяет конкретную структуру управления по принципу «оригами-менеджмента».

Уровень 4. ДНК-менеджмент. Сборка организации на основе типовых цифровых модулей, обеспечивающих взаимодействие объекта и субъекта управления на основе самоорганизации.

ДНК-менеджмент является наиболее передовым (глубоким) уровнем организации структуры управления.

Идея метафорического определения «видения, ценности и чувства цели, связывающего компанию воедино» в качестве «корпоративной ДНК», позволяющей сотрудникам понять и усвоить миссию и задачи компании, впервые сформулирована Гаретом Морганом [12].

Как видно, Г. Морган представлял себе корпоративную ДНК компании в качестве «системы ценностей», которая разделяется сотрудниками и призвана повысить их эффективность. С другой стороны, система ценностей может быть разделяема не только сотрудниками, но и потребителями, что повышает доверие к продукту, а также увеличивает ценность товара в глазах отдельного потребителя, разделяющего «корпоративную ДНК компании».

Именно такое понимание ДНК-компании было позднее поддержано Б. Гудвиным и К. Баскиным [10], которые утверждали, что корпоративная ДНК есть гибкая, общедоступная информация о компании, имеющей свою историю и развивающейся в соответствии с особым кор-

поративным стилем, которому следуют все сотрудники компании. Таким образом, наличие одних и тех же ценностей, «защитых» в ДНК-компании подобно наличию одних и тех же молекул ДНК (точнее — азотистых оснований ДНК) в каждом человеке.

Данное понимание разделяется и А. Линдгрэн и В. Свон [11], для которых корпоративная ДНК есть нечто иное как «культура и стратегия организации».

Вместе с тем, как видно из вышеизложенного понимания корпоративной ДНК, оно не имеет ничего общего с организацией структуры управления организацией.

Иное понимание ДНК-компании было предложено Г. Нильсоном, Б. Пастернаком и Д. Мендесом, утверждавшими, что четырьмя основами ДНК организации являются ее структура, права на принятие решений, мотивирующие факторы и информация [13]. По мнению указанных авторов, подобно тому, как генетическая мутация может изменять нуклеотидную последовательность в геноме организма, так и компания адаптируется к структурным изменениям рынка, на котором она представлена. Авторы полагали, что такое понимание ДНК-компании будет способствовать внедрению инноваций в компании.

Как видно, понимание ДНК-компании с точки зрения Г. Нильсона, Б. Пастернака и Д. Мендеса ближе к структуре управления компанией, нежели видение ДНК-компании с точки зрения Г. Моргана и его последователей.

Со временем термин «ДНК-компания» стал активно использоваться в бизнес-литературе, а также в банковской и аудиторской среде с целью описания корпоративной модели компании. Свое развитие идея «ДНК-компания» получила и в менеджменте.

«ДНК-менеджмент» представляет собой понятие, определяющее набор факторов, взаимодействие которых составляет уникальную технологию управления организацией, определяет ее специфику и эффективность ее функционирования. Применительно к построению системы управления организацией это означает, что компания рассматривается как «живая организация», способная самостоятельно реагировать на постоянные изменения, связанные с созданием ценности, персоналом, условиями внешней среды посредством 4-х составляющих своей ДНК: структура, процедура принятия решений, мотиваторы и информация [8, С. 21].

1. Структура представляет собой организационную иерархию, связь компонентов в диаграмме организационной структуры, количество уровней и прямых связей в каждом слое.
2. Процедура принятия решений предполагает распределение порядка принятия решений по со-

трудникам; количество людей, вовлеченное в принятие решений; полномочия каждого сотрудника.

3. Мотиваторы представляются в виде целей, стимулов, карьерных альтернатив, заставляющих людей добросовестно исполнять свои обязанности, а также типы вознаграждений за достижения (материальные или нематериальные) и методы поощрений.
4. Информация означает параметры, используемые для оценки результатов; координацию действий и передачи знаний; взаимосвязь ожиданий и реального развития ситуации; перечень лиц, владеющих информацией и способы передачи информации от людей, владеющих ей, к тем, кому она требуется.

В некоторых источниках вышеизложенную структуру ДНК-компания называют «формализованными элементами организационного дизайна» и «удваивают» системой «неформальной организационной архитектурой бизнеса». К неформальным элементам организационного дизайна относят: «нормы» — то, как интуитивно ведут себя сотрудники и/или выполняют задачи; «вовлеченность» — то, что вдохновляет людей на сотрудничество и выполнение задач; «мышление» — то, каким образом люди осмысливают свою работу; «взаимоотношения» — то, как люди коммуницируют друг с другом.

Автору настоящей работы «удвоение» структуры ДНК-компания или ДНК-менеджмента, не лишнее изыскание, представляется излишним. Так, вышеописанная «система неформальной организационной архитектуры бизнеса», основана на понимании ДНК-компания в духе Г. Моргана, что уводит от системы управления организацией и потому не будет в дальнейшем учитываться автором.

Широкое распространение получили так называемые «семь типов корпоративной ДНК», которые якобы показывают индивидуальные особенности компании в зависимости от комбинаций четырех составляющих ДНК-компания: 1. Эластичная организация (Resilient); 2. «Своевременная» организация (Just-in-time); 3. Военная организация (Military); 4. Пассивно-агрессивная организация (Passive-Agressive); 5. Разрозненная организация (Fits-and-Starts); 6. Организация-переросток (Overgrown); 7. Заорганизованная организация (Overmanaged).

Указанные типы корпоративной структуры базируются на исследованиях американских бизнес-консультантов, которые смешивают различные широко известные и хорошо функционирующие концепции из разных областей (например, ИТ и agile-менеджмент) и пытаются «вшить» их в набирающую популярность концепцию «ДНК-компания». С точки зрения автора, такие попытки направлены лишь на создание видимости осведомлен-

ности в современных тенденциях менеджмента, однако научной ценности такие попытки не имеют.

В более широком смысле построение системы управления с использованием технологии «ДНК-менеджмента» заключается в индивидуальном наборе содержания блоков ДНК, позволяющих обеспечить взаимодействие объекта и субъекта управления на основе самоорганизации. В таком случае базовый модуль можно представить в виде звена цепочки создания ценности. Определив все звенья (этапы) цепочки создания ценности с учетом технологических особенностей товара, работы или услуги, возможно создать эффективную систему управления посредством «сборки» базовых элементов (звеньев цепи). Их объединение в последовательную цепочку дает базис системы управления, который затем достраивается до организационной структуры и бизнес-процессов управления.

Стоит отметить, что организация управления компании по принципу ДНК-менеджмента во многом не заменяет собой, а, скорее, дополняет технологию оригами-менеджмента. Так, построение системы управления компанией посредством «оригами-менеджмента» характеризуется «жесткими» связями, а посредством ДНК-менеджмента — «мягкими» связями. Вместе с тем, в обоих случаях ядром построения такой системы является звено цепочки создания ценности [8, С. 24–26].

ДНК-менеджмент является наиболее удобным (предпочтительным) способом организации управления при рассмотрении сложной цепочки создания ценности, где отдельные звенья обособлены в виде самостоятельного юридического лица.

Так, все четыре компонента ДНК применимы не только к отдельной взятой организации, но и к группе компаний, управлять которой можно с помощью «настройки» компонентов ДНК, находясь на четвертом контуре управления.

При таком подходе под «структурой» можно понимать корпоративное устройство группы компаний и особый характер внутренних и внешних связей внутри группы. «Процедура принятия решений» будет знаменовать особенности и порядок взаимодействия стратегического и владельческого уровней управления (третьего и четвертого контуров управления). «Мотиваторами» являются, прежде всего, возможности владельца изменить структуру, перенаправить финансовые потоки, агрегировать центры прибыли и центры убытков, и тем самым стимулировать и третий контур управления. «Информация» в рамках группы компаний также представляет из себя параметры, используемые владельцем для оценки результатов; координацию действий и передачи знаний; взаимосвязь ожиданий и реального развития ситуации; перечень лиц, владеющих информацией и способы передачи информации от владельца к третьему контуру управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вумек Джеймс П., Джонс Даниел Т. Бережливое производство. Как избавиться от потерь и добиться процветания вашей компании. — М.: «Альпина Паблишер», 2011.
2. Джордж Л. Майкл. Бережливое производство + шесть сигм. Комбинируя качество шести сигм со скоростью бережливого производства. — М.: «Альпина Паблишер», 2007.
3. Масленников В.В., Воронин Н.Д. Методология цепочек создания ценности в условиях цифровой трансформации организаций // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2023. — Т. 13, № 6-1. — С. 738–749. — DOI 10.34670/AR.2023.27.14.091. — EDN CWWNAR.
4. Масленников В.В. Традиционный менеджмент: тренды изменений в условиях сильных внешних ограничений // Глобальная неопределенность. Развитие или деградация мировой экономики? (Сборник статей XI Международной научной конференции. В двух томах. (Том 1. Под ред. С.Д. Валентея) М.: 2022.
5. В.В. Масленников, Ю.В. Ляндау, И.А. Калинина. Формирование системы цифрового управления организацией. Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2019; (6): 116–123.
6. Мрочковский Н.С., Ляндау Ю.В., Пушкин И.С., Кривоногов Е.А. Основные тенденции цифровой трансформации бизнеса // Экономика и предпринимательство. — 2019. — No 4 (105). — С. 89–91.
7. Роджерс Д. Цифровая трансформация. — М.: Точка, 2018.
8. Российское управление. В 2-х ч. Ч. 1. Теоретические основы менеджмента: учебник / кол. авторов. — Москва: РУСАЙНС, 2024. — 460 с. С. 16.
9. Тайити Оно. Производственная система Тойоты: уходя от массового производства. — М: Издательство ИКСИ, 2012.
10. Goodwin, Brian. «Reviews: Corporate DNA: Learning From Life, Ken Baskin». Emergence. 1 (2): 160–162. 1999.
11. Lindgreen, A. and Swaen, V. (2009), «Corporate social responsibility», International Journal of Management Reviews, Vol. 12, №1.
12. (<https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/55309/1/Article%2053.pdf>)
13. Morgan, Gareth. Images of Organization. Berrett-Koehler Publishers. 1998.
14. Neilson, G., Pasternack, B., & Mendes, D. (2003). The Four Bases of Organizational DNA. Strategy+Business. Booz & Company (33).

© Воронин Николай Дмитриевич (voronin.nickolay@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АПК — ДРАЙВЕР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РЕГИОНА

AGRICULTURAL COMPLEX — THE DRIVER OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF RURAL AREAS IN THE REGION

L. Zaporozhtseva
A. Markova
N. Leonova
E. Kuznetsova

Summary. The article examines the analysis of the agricultural sector of the Lipetsk region, which showed that it is one of the leading system-forming sectors of the regional economy. Compared to other regions, the region's agro-industrial complex looks more dynamic and efficient, which is facilitated by the agro-climatic potential and the availability of high-quality land resources. The main producers of agricultural products are large integrated formations, the share of production of which is 77 % in the total structure of manufactured products.

It was revealed that one of the factors stimulating the standard of living of the rural population is a decent level of their income, which confirms the value of the linear function of the level of wages in agriculture in the Lipetsk region $R^2=0.96$. It was concluded that the intensification of the agro-industrial complex of the Lipetsk region in recent years has contributed to an increase in rural employment, the formation of financial stability of agricultural enterprises, the formation of the budgetary potential of rural areas, and an increase in the standard of living of the rural population of the region.

Keywords: agro-industrial complex, rural areas, sustainable development, agricultural products, investments.

Запорожцева Людмила Анатольевна

Министр экономического развития
Воронежской области;

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
аграрный университет имени Петра I»
ludan23@yandex.ru

Маркова Алена Леонидовна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
аграрный университет имени Петра I»
malena1411@mail.ru

Леонова Наталья Викторовна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
аграрный университет имени Петра I»
natalya-demcheva@yandex.ru

Кузнецова Елена Дмитриевна

кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
аграрный университет имени Петра I»
broga@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрен анализ аграрной сферы Липецкой области, который показал, что она является одной из ведущих системообразующих отраслей экономики региона. На фоне других регионов агропромышленный комплекс области выглядит более динамичным и эффективным, чему способствуют агроклиматический потенциал и наличие качественных земельных ресурсов. Основными производителями сельскохозяйственной продукции являются крупные интегрированные формирования, доля производства которых составляет 77 % в общей структуре произведенной продукции.

Выявлено, что одним из факторов, стимулирующим уровень жизни сельского населения, является достойный уровень их доходов, что подтверждает значение линейной функции уровня заработной платы в сельском хозяйстве Липецкой области $R^2=0,96$. Сделан вывод, о том, что, интенсификация агропромышленного комплекса Липецкой области в последние годы способствовала увеличению занятости сельского населения, формированию финансовой устойчивости предприятий АПК, формированию бюджетного потенциала сельских территорий, повышению уровня жизни сельского населения региона.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, сельские территории, устойчивое развитие, продукция сельского хозяйства, инвестиции.

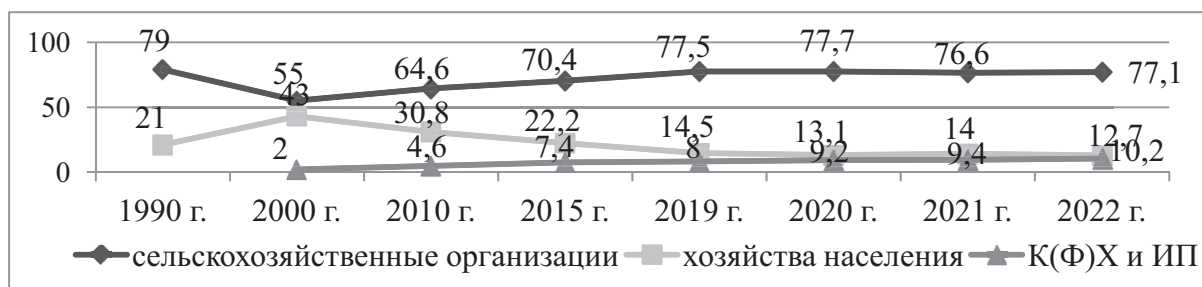
Одной из приоритетных целей устойчивого развития сельских территорий является увеличение повышения эффективности сельского хозяйства [7]. Современные реалии заставляют агропромышленный комплекс функционировать в непростых условиях. Антироссийское эмбарго оказало двойное влияние на аграрный сектор. С одной стороны, в сельском хозяйстве основные результаты были достигнуты в выпуске продукции растениеводства и животноводства, однако обеспечение этих отраслей полностью зависимо от импорта, в следствии чего затруднились расчеты, сформировались логистические проблемы, увеличилось транспортное «плечо» доставки. С другой стороны, пришло понимание необходимости развивать ключевые поддерживающие отрасли внутри страны, повышать конкурентоспособность продукции агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов с учетом процессов по импортозамещению, что непосредственным образом скажется на снижении бедности, увеличении занятости сельского населения, росте уровня и качества жизни в сельской местности и выполнении селом традиционных экономических и социальных функций. Для противодействия последствиям санкций на поддержку АПК от государства в 2022 г. выделена рекордная сумма в 0,5 трлн руб., основная часть которых направлена на развитие сельского хозяйства, то есть объем вложений вырос в 1,5 раза по сравнению с первоначальным

планом, что послужило драйвером развития сельской экономики [4].

Ввиду существенного пространственного различия регионы имеют свои особенности. Мы более подробно рассмотрим Липецкую область, которая включает в себя 1601 сельский населенный пункт, объединенных в 286 сельских поселений. Площадь земель составляет 24404,7 тыс. га, в том числе 1917,3 тыс. га сельскохозяйственных угодий. Численность сельского населения в 2023 г. составила 416,9 тыс. чел. Стоимость валовой продукции сельского хозяйства в 2022 г. составила 197126 млн руб., это максимальный показатель за последние три десятка лет, по отношению к 2000 г. она увеличилась в 19,6 раз [3, 10]. В структуре ВРП доля сельского хозяйства увеличилась с 5,1 % в 2010 г, до 8,6 % в 2021 г.

Следует отметить, что на фоне других регионов агропромышленный комплекс Липецкой области выглядит более динамичным и эффективным, чему способствуют агроклиматический потенциал и наличие качественных земельных ресурсов.

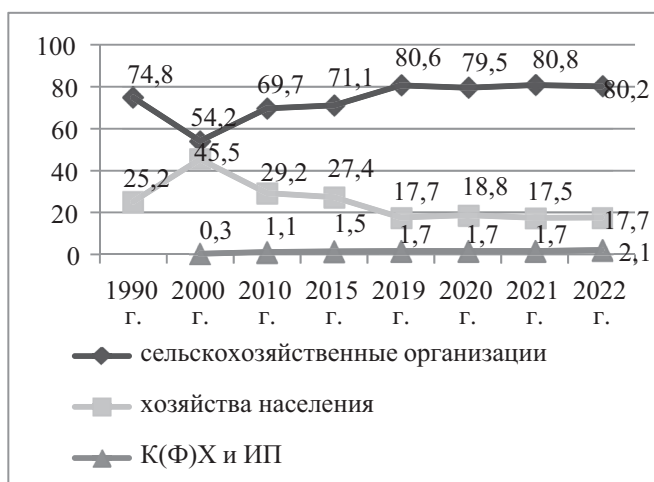
Основными производителями сельскохозяйственной продукции являются крупные интегрированные формирования, доля производства которых составля-

Продукция сельского хозяйства

Продукция растениеводства

Продукция животноводства

Рис. 1. Структура продукции сельского хозяйства Липецкой области по категориям хозяйств, % к итогу

Источники: [3, 8]

ет 77 % в общей структуре произведенной продукции. В разрезе отраслей продукции растениеводства ими производится 75,7 %, а продукции животноводства 80,2 %. Вклад крестьянских (фермерских) хозяйств и индивидуальных предпринимателей в производство продукции составляет 10,2 %. Личными подсобными хозяйствами производится 12,7 %, однако их удельный вес, начиная с 2000 г. имеет устойчивую тенденцию снижения на 30,3 процентных пункта, что обусловлено дороговизной ресурсов, старением сельского населения (рис. 1).

Следует отметить, что первые десятилетия после реформ зерновое и свеклосахарное производство в Липецкой области переживало значительный спад. За последние двадцать лет производство основных, традиционных для региона, видов продукции возродилось и превысило уровень 90-го года в два-три раза, что стало возможным за счет использования государственной поддержки в рамках реализации Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия, утвержденной постановлением правительства 14 июля 2012 г. № 717, реализуемой по настоящее время. В результате в 2000 г. и в 2022 г. получен рекордный урожай зерна более 4 млн т. (14 место среди регионов производителей зерна) (табл. 1).

Площадь посева сахарной свеклы за последние двадцать лет увеличилась более чем в два раза и в 2022 г. составила 112,3 тыс. га, в результате в 2021 г. и 2022 г. получен рекордный урожай корнеплодов 4035,7 тыс. т и 5279,7 соответственно, что стало возможным с помощью внедрения принципиально новых технологий возделывания и расширения приемочных мощностей. Так в регионе функционирует ряд высокотехнологичных сахарных заводов, таких как ОАО Хмелинецкий сахарный завод, ОАО Лебедянский сахарный завод, ООО Агроснабсахар, ОАО Добринский сахарный завод, ЗАО Грязинский сахарный завод, ОАО Боринский сахарный завод.

Стабильный и высокий уровень доходности маслосемян подсолнечника стимулировал увеличение посевной площади в 4,5 раза, которая составила в 2022 г. 198,2 тыс. га, в результате семечки получено 437,2 тыс. т.

С 2019 г. Липецкая область занимает первое место в стране по выращиванию овощей и в большей степени в теплицах защитного грунта с круглогодичным циклом. Их производство, за анализируемый период, увеличилось более чем в два раза и составило в 2022 г. 300,8 тыс. т., это стало возможным за счет прихода в регион АПХ «ЭКО-культура», в составе которого функционирует один из самых крупнейших тепличных комплексов «Овощи Черноземья» (Усманский район), ООО «Агро-АльянсЛипецк» (Хлевенский район), группы компаний «Рост», включающей в себя первые в России тепличные комбинаты пятого поколения, применяющие технологию Ultra Clima, ООО ТК «ЛипецкАгро» (Данковский район), ООО ТК «Елецкие Овощи» (Елецкий район) [1, 2, 5].

Объемы плодово-ягодной продукции составляют 89,6 тыс. т, основную часть которой производят ООО «Агроном-сад», ЗАО «Агрофирма имени 15 лет Октября» и ООО «Фрагария», занимая лидирующие позиции в Центральном Федеральном округе. Ежегодно садоводами закладывается от 350 до 450 га молодых садов и ягодников. За последнее пятилетие заложено более 2,5 тыс. га, из которых более 2 тыс. га интенсивных.

Следует отметить, что наряду с интенсивным инновационным развитием отрасли растениеводства в Липецкой области существуют и проблемы характерные не только для региона, но и для страны в целом. Так, во время реформ полностью разрушена семеноводческая и питомническая база, в результате чего долгие годы приходилось использовать импортные семена и посадочный материал, вместе с коромы в регион завезены болезни, вредители, ранее отсутствующие на полях. И несмотря на то, что наблюдаются попытка восстанов-

Таблица 1.

Производство продукции растениеводства в Липецкой области в хозяйствах всех категорий, тыс. т

Виды продукции	Годы								
	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Зерно	2047,6	892,6	921,6	1907,9	1214,5	2388,9	4278,5	2986,3	4001,1
Подсолнечник	15,6	22,5	37,5	42,4	86,1	349,8	549,7	492,2	437,2
Сахарная свекла	1813,3	1022,7	953,2	1666,4	1259,5	2626,3	3527,7	4035,7	5279,7
Картофель	461,1	663,7	465,9	451,7	347,8	584,4	393,9	330,2	383,9
Овощи	137,2	170,4	117,5	118,8	111,1	141,0	256,8	279,5	300,8
Плоды и ягоды	32,2	38,6	65,1	57,9	38,1	56,5	88,7	98,3	89,6

Источники: [3, 8]

ления системы семеноводства, на сегодняшний день прилагаемых усилий пока недостаточно. Вместе с тем наблюдается перерасход химических средств защиты растений, что нередко приводит к высокому содержанию вредных веществ в продукции.

В отрасли животноводства в Липецкая область исторически занимались молочно-мясным скотоводством. Однако за последние 32 года поголовье крупного рогатого скота значительно сократилось в 5,8 раз, в том числе коров 5,7 раз, в результате к 2022 г. поголовье КРС составило 115,9 тыс. гол., в том числе коров 44 тыс. гол. В результате производство молока сократилось в 2,3 раза и составило 308,1 тыс. т, мяса КРС в 5,3 раза (18,2 тыс. т) (табл. 2).

Проведенный анализ показал, что в регионе результатом внедрения высокотехнологичных инвестиционных проектов стало увеличение производства за анализируемый период мяса свинины в 2 раза (в 2022 г. составило 147,7 тыс. т), мяса птицы в 5,2 раза (207,1 тыс. т). Так наибольшая доля производства свинины приходится на ООО «Черкизово-Свиноводство» (Добровский, Долгоруковский, Тербунский, Хлевенский районы), ООО «Отрада-Фармз» (Добринский, Усманский районы), ООО СПХ «Мокрое» (Лебедянский район), ООО «Современные технологии и системы» (Усманский район), ООО «Современные технологии и системы» (Усманский район) [12].

Продовольственную безопасность Липецкой области в отрасли птицеводства обеспечивают такие предприятия как «Правильная корзинка», «Задонская», «Экоптица», «Деревня Индюшкино», «Липецкптицепродукт», «Липецкптица», «Куриное Царство», «Светлый путь», «Кривец-Птица». Кроме того, следует отметить, что регион является полностью импортонезависимым в обеспечении птицеводческих предприятий инкубационным яйцом и суточным молодняком птицы, что обеспечивают

построенные репродукторы по производству инкубационных яиц кур мясных кроссов АО «Куриное Царство» и ООО ПХ «Рудничное».

Проведенные исследования позволяют говорить, что производственные мощности предприятий пищевой промышленности достаточны для переработки, поэтому получаемая сельскохозяйственная продукция в основном перерабатывается в регионе. Так, существенные темпы роста наблюдаются в производстве сахара, растительного масла, муки, сыра, цельномолочной продукции при сокращении производства — хлеба и хлебобулочных изделий, животного масла, кондитерских изделий, мяса и кондитерских изделий (в сравнении с 1990 г.) (табл. 3).

В целом АПК региона по большей части продовольственных позиций не только обеспечивает собственное население, но и вывозит продовольствие на общероссийский рынок и экспортирует продукцию [8].

Увеличению производства продукции в агропромышленном комплексе Липецкой области способствовала интенсификация инвестиционных процессов, а также внедрение более современных технологий. Так, наибольший объем инвестиций в сельское хозяйство Центрального Черноземного района вложен с 2017 г. по 2019 г. и составил в целом 1552,3 млрд руб., что обусловлено реализацией основных этапов реализации подпрограммы «Развитие отраслей агропромышленного комплекса» Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия [6]. В последние годы инвестиции составляют около 100 млрд руб. ежегодно. В Липецкой области инвестиции в сельское хозяйство составили за период с 2017 г. по 2019 г. 259885,2 млн руб., с 2020 г. объем вложений составляет порядка 20000–26000 млн руб. ежегодно

Таблица 2.

Производство продукции животноводства в хозяйствах всех категорий Липецкой области, тыс. т

Показатели	Годы							
	1990	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022
Молоко, тыс. т	716,3	390,1	337,8	274,5	254,6	300,7	301,0	308,1
Мясо КРС, тыс. т	96,3	38,9	39,8	26,8	12,2	11,6	11,2	18,2
Мясо свиньи, тыс. т	73,3	24,1	15,4	72,1	81,3	128,4	110,9	147,7
Мясо овец и коз, тыс. т	3,8	0,3	0,4	0,7	0,8	1,0	0,8	1,6
Мясо птиц, тыс. т	40,1	21,5	49,1	98,0	147,2	161,3	158,3	207,1
Яйца, млн. шт.	468,1	364,1	489,2	535,9	557,9	756,4	808,2	861,5
Шерсть, т	895	73	67	76	117	115	111	105

Источники: [3, 8]

(табл. 4). В 2022 г. реализовано 14 инвестиционных проектов, результатом которых стало создание 537 рабочих мест, в 2023 г. — 13 инвестиционных проектов (210 рабочих мест) [9, 12].

Высокие темпы развития отрасли и инвестиционной активности положительно сказываются на качестве жизни сельского населения и их благосостояния.

Одним из факторов, стимулирующим уровень жизни сельского населения, является достойный уровень

их доходов, основным из которых, в последние годы, является заработная плата, что подтверждает значение линейной функции уровня заработной платы в сельском хозяйстве Липецкой области $R^2=0,96$. Так регион является одним тех, в котором заработная плата в сельском хозяйстве превышает значения в целом по экономике и составила в 2022 г. 47542 руб. (101,8 % к средней по экономике региона), тогда как в среднем по стране 46777 руб. (71,6 руб.). Темпы роста составляю порядка 107–116 % (рис. 2).

Таблица 3.

Динамика производства основных пищевых продуктов в АПК Липецкой области.

Виды продуктов	Годы								2022 г. в % к 1990 г.
	1990	2000	2005	2010	2015	2020	2021	2022	
Сахар-песок, тыс. т	163,6	428,1	392,0	421,9	807,7	899,2	794,6	780,2	4,8 раз
Растительное масло, тыс. т	–	2,5	10,8	16,8	54,6	368,6	281,1	436,5	174,6*
Хлеб и хлебобулочные изделия, тыс. т	170,0	109,1	89,2	86,3	84,9	111	114	121	71,2
Мука, тыс. т	152,6	131,9	171,6	230,3	285,5	259,8	258,8	239,6	157,0
Кондитерские изделия, тыс. т	23,9	8,4	70,8	137,9	61,5	9,0	8,5	9,1	38,1
Мясо, включая субпродукты 1 категории, тыс. т	95,4	25,5	54,6	84,0	137,2	66,2	58,6	68,6	71,9
Животное масло, тыс. т	12,2	5,3	4,7	2,7	51	3,6	2,7	2,7	22,1
Цельномолочная продукция, тыс. т	170,0	97,2	161,4	193,3	212,1	273,6	299,5	325,9	191,7
Сыр, тыс. т	4,9	1,2	1,8	1,8	0,5	13,2	10,7	9,5	1,9 раз
Колбасные изделия, тыс. т	24,3	8,5	16,9	31,2	18,1	11,6	11,8	11,3	46,5

*2022 г. в % к 2000 г.

Источники: [3, 8]

Таблица 4.

Динамика инвестиций в АПК

Области	Инвестиции в с.-х., млн руб.							
	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Белгородская	23992,2	24439,3	82846,9	76943,6	102160,1	11390,7	16653,0	18283
Воронежская	15758,5	26825,9	180727,1	177099,6	196900,1	30725,5	24778,3	27173,5
Курская	7495,1	14821,9	78907,2	93200,3	109198,3	18576,4	21139,7	19087,4
Липецкая	9173,3	15641,7	86785,1	70501,8	102598,3	26355,6	23104,0	20213,5
Тамбовская	3250,4	25521,6	69685,7	69509,6	55188,3	11021,0	15130,8	14153,2
ЦЧР	52669,5	107250,4	498952,0	487254,9	566045,1	98069,2	100805,8	98910,6
ЦФО	125572,7	213177,1	3013379,9	3692678,4	4601007,3	195653,3	212631,5	215455
РФ	350730,9	509513,4	12256313,3	13618037,2	14752573,8	552957,7	628552,9	684609

Источники: [3, 8]

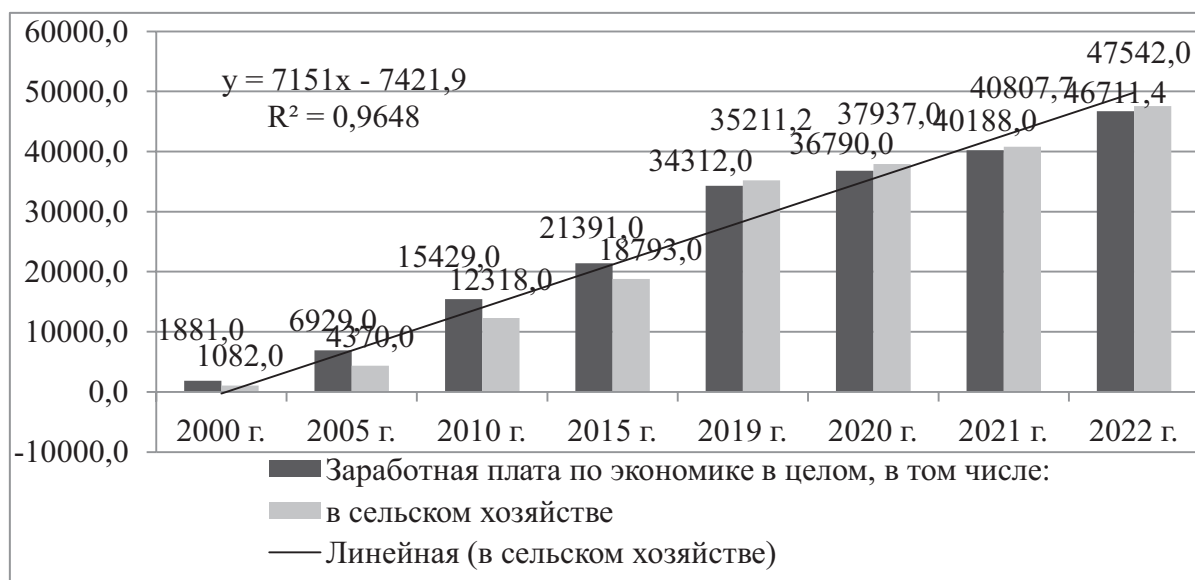

Рис. 2. Динамика среднемесячной номинальной заработной платы работников сельского хозяйства в Липецкой области

Источники: [3, 8]

Таким образом, интенсификация агропромышленного комплекса Липецкой области в последние годы способствовала увеличению занятости сельского населения, формированию финансовой устойчивости предприятий АПК, формированию бюджетного потенциала сельских территорий, повышению уровня жизни сельского населения региона. При этом на наш взгляд, следует повышать инвестиционную привлекательность

сельских территорий региона при одновременном совершенствовании институциональной среды, что, несомненно, будет способствовать не только созданию новых рабочих мест и увеличению объемов производства продукции, но и выходу на принципиально новый уровень технического оснащения данных производств, пространственному развитию сельских территорий, созданию современного облика села [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агропромышленный комплекс «Эко-культура» [Электронный ресурс] URL: <https://aph-ecoculture.ru/> (дата обращения 05.07.2024 г.).
2. ГК «Рост» [Электронный ресурс] URL: <https://rostgroup.ru/> (дата обращения 14.17.2024).
3. Липецкий статистический ежегодник. 2023: Стат. Сб. / Липецкстат. 2023. 300 с.
4. Маркова А.Л., Даныкова Л.В. Формы и способы государственного регулирования устойчивого развития сельских территорий // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2015. № 4 (47). С. 228–236.
5. ООО «АгроАльянсЛипецк» [Электронный ресурс] URL: <https://agro-alyans.ru/#rec149955364> (дата обращения 14.05.2024 г.).
6. Постановление Правительства РФ от 14 июля 2012 г. N 717 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» 19 апреля 2022 г. [Электронный ресурс] URL: <https://base.garant.ru/70210644/> (дата обращения 24.09.2024 г.).
7. Распоряжение от 2 февраля 2015 г. № 151-р «Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/420251273> (дата обращения 15.16.2024 г.).
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. Москва. 2023. 1126 с. URL [Электронный ресурс]: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 23.05.2024 г.).
9. Терновых К.С., Козлов А.А., Маркова А.Л. Государственная поддержка инвестиционной деятельности в сельском хозяйстве региона // Современные проблемы АПК и их решение. Материалы V Национальной конференции. 2022. С. 51–55.
10. Терновых К.С., Леонова Н.В., Маркова А.Л. Сущность и содержание экономической эффективности сельскохозяйственного производства // International Agricultural Journal. 2019. Т. 62. № 4. С. 19.
11. Терновых К.С., Маркова А.Л., Леонова Н.В. Инвестиционная привлекательность сельских территорий // Проектный и инвестиционный менеджмент в условиях новой экономической реальности. Материалы IV Национальной науч.-практ. конф. Краснодар, 2023. С. 516–521.
12. Управление сельского хозяйства Липецкой области. [Электронный ресурс] URL: <https://ush48.ru/> (дата обращения 26.05.2024 г.).

© Запорожцева Людмила Анатольевна (ludan23@yandex.ru); Маркова Алена Леонидовна (malena1411@mail.ru); Леонова Наталья Викторовна (natalya-demcheva@yandex.ru); Кузнецова Елена Дмитриевна (brogaa@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И ЭКОСИСТЕМЫ

DIGITALIZATION OF AGRICULTURE AND ECOSYSTEMS

S. Zubkova
B. Chvanov

Summary. The development of the agro-industrial sector of the economy is a strategic task of each state, since food security ensures the stability of the population and stimulates the development of the economy. In modern realities, it is necessary to introduce innovative solutions in the field of agriculture in order to fully meet the demand for products of the agro-industrial complex while ensuring a variety of supply. There is a trend towards digital transformation of the agro-industrial complex in developed and developing countries, and Russia is no exception. At the same time, financial organizations that create ecosystems and offer new opportunities for market participants play an important role in the process of digitalization of agriculture.

Keywords: Digitalization of agriculture; digital platforms; ecosystems; agricultural banks, fintech.

Зубкова Светлана Валерьевна

к.э.н., ведущий научный сотрудник,
Финансовый университет при Правительстве РФ
zubkovasv@inbox.ru

Чванов Богдан Александрович

стажер-исследователь,
Финансовый университет при Правительстве РФ
Bogdan.chvanov.03@inbox.ru

Аннотация. Развитие агропромышленного сектора экономики является стратегической задачей каждого государства, поскольку продовольственная безопасность обеспечивает стабильность жизнедеятельности населения и стимулирует развитие экономики. В современных реалиях необходимо внедрение инновационных решений в области сельского хозяйства, чтобы полностью удовлетворять спрос на продукцию агропромышленного комплекса при обеспечении разнообразия предложения. В развитых и развивающихся странах наблюдается тенденция на цифровую трансформацию АПК, и Россия не является исключением. При этом важную роль в процессе цифровизации сельского хозяйства играют финансовые организации, создающие экосистемы и предлагающие новые возможности для участников рынка.

Ключевые слова: цифровизация сельского хозяйства; цифровые платформы; экосистемы; сельскохозяйственные банки, финтех.

Рост населения, изменение структуры питания, различные конфликты на разных континентах усиливают угрозы продовольственной безопасности и препятствуют развитию сельского хозяйства. По оценкам Мирового банка спрос на продовольствие к 2050 г. вырастет на 70 %, а инвестиции для удовлетворения данного спроса должны составить не менее 80 млрд долларов США в год [1]. Инвестиции необходимы как фермерам и небольшим сельскохозяйственным предприятиям, так и крупным сельскохозяйственным холдингам для автоматизации, механизации, внедрения умных технологий, использования больших данных для совершенствования аграрной логистики. При этом Мировой банк в своем исследовании 2022 году отмечал, что финансовые системы большинства стран плохо подготовлены к финансированию устойчивого сельского хозяйства и агропромышленного комплекса.

Проблемы управления уникальными рисками в сельском хозяйстве, высоких транзакционных издержек при работе с мелкими предприятиями, ограниченного спроса на финансирование из-за невысокой финансовой грамотности сельхозпроизводителей и др. существенным образом сдерживают интерес большинства финансовых организаций к расширению услуг в данной отрасли.

В современных условиях приобретает крайне важное значение разработка государственной стратегии

в каждой стране, в том числе в России, финансирования сельского хозяйства, а также создания условий для внедрения наиболее передовых цифровых технологий. Такая стратегия должна включать условия доступа к долгосрочному финансированию, оцифровку и экологизацию услуг, повышение производительности труда мелких и средних хозяйств, цифровизацию системы управления сельскохозяйственными рисками, использование финтеха и цифровых платформ для финансирования сельского хозяйства.

Немаловажно обеспечить в рамках общегосударственной стратегии реализацию проектов по повсеместному внедрению широкого спектра инструментов финансирования и цифрового взаимодействия в сельском хозяйстве, инновационных технологий кредитного скоринга с учетом специфики отрасли, цифровых сельскохозяйственных платформ, позволяющих обеспечить непрерывность цепочек создания стоимости и финансовых институтов, электронной коммерции и платежных платформ и др.

Цифровизация должна стать главной составляющей эффективного развития сельскохозяйственной отрасли. Цифровые инструменты управления, использование данных, генерируемых датчиками и роботами, торговые площадки и др. способствуют не только повышению качества управления, но и позволяют совершенствовать

экономические, финансовые и маркетинговые отношения в сельскохозяйственной отрасли. В частности, это позволит решить такие проблемы, как доступ к рынкам сельскохозяйственной продукции и отсутствие близости финансовых организаций с учетом землевладений.

Финтехкомпании во всем мире все больше внимания уделяют сельскохозяйственной отрасли, и это неудивительно, по данным Forbs только в США компании малого и среднего бизнеса внесли в 2020 г в экономику более 1 трлн долларов США, что составило примерно 5 % годового ВВП этой страны. Для многих других стран эта доля доходит до 25 % [2]. При этом, как отмечается в исследовании, доля банков, работающих на этом рынке, падает, показатели банковского финансирования сельского хозяйства существенно отстают от аналогичных показателей других отраслей. По сути, формируется ниша для активного внедрения финтеха. Такие компании, как Oxbury Bank (Великобритания), Tarfin (Турция), Agro.Club (Восточная Европа), Crowde (Индонезия), Campo Capital (Бразилия), Bushel (США), FarmLead (США) и многие другие по всему миру активно внедряют платежные сервисы, создают экосистемы соединения производителей и потребителей со встроенным финансированием, развивают кредитование мелких производителей на основе цифрового скоринга и больших данных, спутниковое климатическое страхование, электронные торговые площадки и многие другие сервисы.

Создание экосистем позволяет не только развивать один вид финансовых услуг, но и осуществлять перекрестные продажи таких сервисов, как консультирование, персональные банковские услуги, инструменты финансового планирования, инструменты управления трудовыми ресурсами и др. По прогнозам специалистов в будущем все категории финтеха: кредитование, сбережения, платежи, инвестиции, кадры, торговля, будут широко представлены на платформах, ориентированных на сельское хозяйство.

Интересен опыт французской социальной сети Farmr, поддерживаемой VpiFrance, направленной на объединение фермеров друг с другом и поощрение профессионального обмена [3]. Данная сеть способствует созданию сообществ для обмена информацией и передовым опытом, в том числе в сфере финансовых услуг.

Развитие цифровых платформ в сельском хозяйстве также связано с ростом важности цифровых данных для управления сельскохозяйственными предприятиями и внедрения точного земледелия, позволяющего чутко реагировать на экономические, климатические и экологические проблемы.

Для этих целей была создана платформа Agdatahub, которая стала ключевым игроком в распространении

сельскохозяйственных данных во Франции и в Европе, что позволяет оптимизировать сельскохозяйственное производство, а также обмениваться и защищать сельскохозяйственные данные. Однако необходимо отметить, что сами фермеры, даже в такой развитой стране как Франция, не готовы активно внедрять интернет-технологии. По данным France Num 2022 только 39 % специалистов в области сельского хозяйства имеют веб-сайты по сравнению с 68% во всех секторах, по причине отсутствия необходимости [5].

В России цифровизация сельского хозяйства, способствующая повышению производительности труда за счет перехода от традиционных бизнес-моделей к моделям на основе платформенной экономики, является не менее важной стратегической задачей, нежели во всем остальном мире.

Особенностью российских реалий стало развитие банкоцентричных экосистем, которые предоставляют финансовым организациям возможность к получению дополнительного дохода от нефинансовой деятельности, что позволяет объединять клиентов на одной платформе, предоставляя потребителям значительное количество услуг в той или иной области.

Важнейшим фактором развития сельского хозяйства в России является внедрение различных инновационных решений в бизнес-процессы сельскохозяйственных предприятий и финансовых компаний на базе цифровых платформ. Создание платформ с участием банков, которые взаимодействуют с сельскохозяйственными предприятиями, упрощает администрирование фермерских хозяйств, одновременно расширяя возможности анализа больших данных и производительности труда для использования в банковской деятельности, в частности в кредитовании и инвестировании.

Стоит отметить, что крупные российские банковские организации стремятся сформировать собственную универсальную или специализированную экосистему, которая привязана к специфике их деятельности. Ярким примером последних является Россельхозбанк, развивающий собственную экосистему в сфере сельского хозяйства.

ОА «Россельхозбанк» является одним из крупнейших банков в России, который осуществляет кредитно-финансовую деятельность в агропромышленном секторе экономики России, и целью которого является создание синергии между сельской и городской местностью. Банк активно развивает разнообразные направления, стимулирующие сельское хозяйство в России. [6]

С 2019 года Россельхозбанк начал выстраивать собственную стратегию цифровой трансформации по соз-

данию высокотехнологичного цифрового банка с целью поддержки бизнес-процессов, роста конкурентоспособности, а также развития и внедрения информационных технологий. В соответствии со Стратегией цифровой трансформации, утвержденной Наблюдательным советом Россельхозбанка в 2021 году, банк выделил следующие направления по цифровой трансформации:

- внедрение цифровых решений;
- развитие цифровой инфраструктуры;
- развитие поставщиков цифровых решений;
- организационная трансформация и адаптация модели управления;
- импортозамещение;
- обеспечение информационной безопасности;
- развитие кадров, цифровых компетенций и цифровой культуры.

Важнейшей составляющей Стратегии цифровой трансформации Россельхозбанка является создание уникальной экосистемы, связывающей финансовый и аграрный секторы. Результатом работы банка в данной области является экосистема «Свое» в рамках концепции «Больше чем банк».

Экосистема «Свое» представляет совокупность семи взаимосвязанных цифровых платформ, которые позволяют российскому малому и среднему бизнесу, осуществляющему свою деятельность в сфере сельского хозяйства, пользоваться торговыми площадками крупнейшего аграрного маркетплейса по онлайн купле-продаже сельскохозяйственных товаров. Платформы экосистемы «Свое» дают возможность развивать свой бизнес, пользоваться образовательными услугами, получать бизнес-услуги, финансовую поддержку со стороны Россельхозбанка, оформить сельскую ипотеку по льготным условиям и другие преимущества. При этом банк работает над возможностью получения обратной связи как со стороны продавцов, так и покупателей, для улучшения платформ, которые в первую очередь направлены на удовлетворение желаний и предпочтений пользователей.

Рассмотрим особенности платформ экосистемы «Свое» Россельхозбанка, преимущества и динамику развития:

1. «Свое Фермерство» — крупнейшая платформа в секторе сельского хозяйства в формате маркетплейса, предоставляющая возможность купить и продать товары различных категорий, необходимых для осуществления деятельности в сельскохозяйственной сфере. На платформе размещено более 2,7 млн товаров, а число пользователей в середине 2023 году составило 222 тыс. чел., при этом прирост к 2022 году составил 78 % [7]. Россельхозбанк продолжает развивать данную платформу, добавляя новые сервисы в области генетики, селекции, агропроектирования и др.

2. «Свое Родное» — торговая площадка в форме маркетплейса, позволяющая фермерам реализовывать свою продукцию потребителям через созданные Россельхозбанком цифровые каналы. В маркетплейсе зарегистрировано 12 тыс. сельхозпроизводителей и более 110 тыс. позиций фермерской продукции в 177 категориях, в 2023 году 885 тыс. человек (+85 % к 2022 году) получили доступ к покупке товаров и услуг без посредников, напрямую у фермерских хозяйств без наценок. При этом сервис является бесплатным для продавцов и удобным для покупателей.
3. «Свое за городом» — платформа для туризма по России, предоставляющая возможности выбора различных видов туров и путешествий, а также бронирования авиабилетов и гостиниц. На платформе зарегистрировано 435 фермерских хозяйств (+23 % к 2022 году), предоставляющих свыше 1600 агротуров (+38 % к 2022 году).
4. «Свое жильё» — платформа для покупки недвижимости с возможностью оформления ипотеки. По итогам 2023 года количество пользователей выросло до 4,3 млн человек.
5. «Свое село» — платформа для покупки и обустройства сельского жилья. 2,4 млн уникальных посетителей воспользовались услугами платформы в 2023 году, размещено более 3,9 тыс. проектов загородных домов (+12 % к 2022 году) от 2 тысяч аккредитованных Банком подрядчиков.
6. «Я в Агро» — сервис для привлечения новых сотрудников для работы в агропромышленном секторе. На конец 2023 года на платформе было размещено более 18,6 тыс. вакансий.
7. «Всё Свое» — интегрированная онлайн-платформа для сельских жителей, объединяющая возможности интернет-магазина, новостного портала и локальной социальной сети. Она предоставляет доступ к товарам и услугам, актуальным новостям, а также способствует общению, обсуждению и решению актуальных проблем в сельской местности.

В целом Россельхозбанк активно развивает собственную экосистему, которая специализируется на предоставлении различных услуг в агропромышленном секторе. Исходя из динамики пользователей платформ, можно сделать вывод, что данное направление деятельности является эффективным и способствует достижению цели по цифровому развитию сельского хозяйства в России. При этом стоит отметить, что Россельхозбанк имеет большие перспективы в развитии собственной экосистемы, поскольку он является одной из важнейших финансовых организаций в России, способствующих устойчивому развитию сельского хозяйства через внедрение разнообразных цифровых решений.

Цифровое сельское хозяйство на основе крупных банкоцентричных и других экосистем в России только формируется. Развитие в России цифровых сельскохозяйственных платформ, объединяющих заинтересованные стороны в экосистемы с участием банковских и других финансовых организаций, позволит повысить доступность финансовых услуг и привлечь инвестиции в отрасли. В этой связи немаловажным является использование зарубежного опыта и поддержка государства на всех уровнях управления.

Опыт цифровизации сельского хозяйства в Европе показывает значительный потенциал для повышения эффективности, результативности и конкурентоспособности во всем секторе [8].

Политические руководящие принципы, принятые Европейской комиссией на 2024–2029 гг. направлены

на приоритетное внимание поддержке всей цепочки создания стоимости посредством инвестиций и инноваций в предприятиях различного формата. В 2025 году в ЕС вступает в силу Кодекс поведения по обмену сельскохозяйственными данными, содержащий рекомендации по использованию сельскохозяйственных данных. В рамках программы Цифровая Европа и Европейской стратегии данных создается общее европейское пространство сельскохозяйственных данных (CEADS).

Расширение в России аналогичных программ поддержки цифровизации сельского хозяйства на основе разработки и развертывания облачных инфраструктур и сервисов современного поколения, поддержка государством инвестиций в платформенные сервисы для сельскохозяйственной отрасли позволят в короткие сроки повысить продовольственный и финансовый суверенитет страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. World Bank Group. Agriculture Finance & Agriculture Insurance. <https://www.worldbank.org/en/topic/financialsector/brief/agriculture-finance>
2. Сайт Forbes: <https://www.forbes.com/sites/nikmilanovic/2023/01/05/the-next-fintech-revolution-agriculture-finance/>
3. Сайт социальной сети Farmr: <https://agriculture.gouv.fr/farmr-le-reseau-social-qui-rapproche-les-agriculteurs>
4. Сайт платформы Agdatahub: <https://agdatahub.eu/en/>
5. Сайт Портала цифровой трансформации для бизнеса (Франция): <https://www.francenum.gouv.fr/files/Documents/Barom%C3%A8tre%20France%20Num%202022%20-%20Rapport%20complet%20-%202022-09-23.pdf>
6. Миссия и стратегия // РСХБ URL: <https://www.rshb.ru/about/mission> (дата обращения: 11.10.2024).
7. Экосистема «Свое», сельская ипотека и другие фишки Россельхозбанка // РБК URL: <https://style.rbc.ru/life/6492acad9a794742ee50eaf4> (дата обращения: 11.10.2024).
8. <https://digital-strategy.ec.europa.eu/fr/policies/digitalisation-agriculture>

© Зубкова Светлана Валерьевна (zubkovasv@inbox.ru); Чванов Богдан Александрович (Bogdan.chvanov.03@inbox.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АРХИТЕКТУРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ВТОРОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

ARCHITECTURE OF HUMAN CAPITAL IN THE CONTEXT OF THE SECOND DEMOGRAPHIC TRANSITION

**S. Kuxenok
G. Barysheva**

Summary. The author's model of the basis of the architecture of human capital manifested in the conditions of the second demographic transition is proposed. Such methods of scientific knowledge as description, analysis, formalization, synthesis and modeling are used. The basis of the structure of human capital is specified, the nature of the relationship of elements is described. The concept of human capital is considered as a phenomenon determined by the qualitative characteristics of socio-economic institutions and is represented by a set of innate and acquired elements formed under the influence of the cultural environment, socio-historical context, and conditions of the second demographic transition. This approach allows us to look at the concept of human capital not only from the standpoint of numerous interpretations that reveal its content in isolation, but also to focus on the components manifested by external conditions that acquire special value in the current reality. The demographic changes that the world is facing today, consisting in the change in the age structure of the population of society, are one of a number of key factors that complement the idea of human capital, aging and active longevity, employment, labor productivity and labor resources, training and reskilling, social policy and the role of the state in the life of a modern person. The proposed approach to the basis of the architecture of human capital, its structure-forming elements can be used to conduct further theoretical and empirical research, with the aim of increasing the effectiveness of the personnel strategy at the level of the organization, the development and adjustment of state policy.

Keywords: human capital, demographic transition, population aging, transfers, investments.

Куксенок Сергей Владимирович

Аспирант, Национальный исследовательский
Томский политехнический университет
kuxenoks@tpu.ru

Барышева Галина Анзельмовна

доктор экономических наук, профессор,
Национальный исследовательский
Томский политехнический университет
ganb@tpu.ru

Аннотация. Предложена авторская модель основы архитектуры человеческого капитала, проявленного в условиях второго демографического перехода. Используются такие методы научного познания, как описание, анализ, формализация, синтез и моделирование. Уточнен базис структуры человеческого капитала, описан характер взаимосвязи элементов. Концепция человеческого капитала рассматривается в качестве феномена, определяемого качественными характеристиками социально-экономических институтов и представлена совокупностью врожденных и приобретенных элементов, формируемых под воздействием культурной среды, социально-исторического контекста, условий второго демографического перехода. Такой подход позволяет взглянуть на понятие человеческого капитала не только с позиций многочисленных трактовок, раскрывающих его содержание изолированно, но и сфокусироваться на проявленных внешними условиями составляющих, приобретающих особую ценность в текущей действительности. Демографические изменения, с которыми столкнулся мир сегодня, заключающиеся в изменении возрастной структуры населения общества, являются одним из ряда ключевых факторов, дополняющих представление о человеческом капитале, старении и активном долголетии, занятости, производительности труда и трудовых ресурсах, обучении и рескиллинге, социальной политике и роли государства в жизни современного человека. Предложенный подход к основе архитектуры человеческого капитала, его структурообразующих элементов может быть использован для проведения дальнейших теоретических и эмпирических исследований, с целью повышения эффективности кадровой стратегии на уровне организации, разработки и корректировки государственной политики.

Ключевые слова: человеческий капитал, демографический переход, старение населения, трансферты, инвестиции.

Введение

Уникальная ситуация на российском рынке труда 2020-х годов XXI в. с долей вакантных рабочих мест в 7 % и стремительным снижением уровня безработицы ознаменовала смену режима его функционирования. Спусковым механизмом трансформации рынка труда послужили коронакризис и второй санкционный кризис 2022 года, а наиболее важным триггером — «массовая реаллокация рабочей силы» [1, с. 108]. Острая нехватка трудовых ресурсов, по мнению исследователя

Р.И. Капелюшникова, в ближайшие десятилетия станет основным препятствием на пути устойчивого роста российской экономики. Последствия демографических изменений — сокращение численности и старение населения, масштаб негативного влияния данных процессов на рынок труда, еще в полной мере себя не проявили и с ними только предстоит столкнуться [1, с. 102]. Поиск оптимальных стратегий преодоления экономических последствий демографического и эпидемиологического переходов, общемировых тенденций к снижению смертности во всех возрастах, изменению возрастного профи-

ля рождаемости в сторону более позднего материнства, увеличению продолжительности и качества жизни — задачи, которые не только не утрачивают своей научной актуальности, но и укрепляются в качестве приоритетных в рамках национальных стратегий развития [2, 3, с. 7].

Современные исследования фиксируют вызовы и глобальные проблемы, которые уже более полувека назад были обозначены в рамках концепции человеческого капитала (Т. Шульц, Г. Беккер) с указанием их тесной связи с понятиями «рабочей силы» и «человеческих ресурсов» [4, с. 5], заметным снижением уровня смертности в мире, «размера семей вследствие роста ценности женского времени» [4, с. 53]. Впоследствии обозначенные идеи нашли отражение в руководстве по национальным трансфертным счетам (НТС), в части описания межпоколенческих трансфертов при объяснении зависимости уровня рождаемости, объема частных трансфертов в пользу детей, количественного состава семьи от уровня развития экономики, расширении возможностей для карьерной реализации и оценки альтернативных издержек на рождение, воспитание детей у женщин [5].

Теоретические обоснования концепции человеческого капитала, сформированные исследователями последних десятилетий, не раз рассматривались в научных работах. Однако, несмотря на диапазон выработанных методологий и подходов относительно оценки и анализа человеческого капитала, в том числе относительно его сущностного определения, спектр нерешенных проблем и вызовов современности все также определяет актуальность разработки и уточнения структурообразующих элементов описываемого феномена. Данная работа призвана, с учетом достижений предшествующих научных изысканий, предложить модель структуры человеческого капитала, проявляющую свои наиболее значимые в современных условиях элементы.

Концепция человеческого капитала: история развития, трактовки и определения

Человек в качестве производительной силы рассматривался задолго до концепции человеческого капитала, сложившейся в том виде, который разделяют исследователи сегодня. У. Петти, А. Смит, К. Маркс — классики научной экономической мысли обращались к идеям ценности труда, способностей человека, стоимостных оценок благ, полученных в результате производства, их зависимости от человеческих усилий, образования и вложений. С XVII века началось накопление и приращение теоретической базы, позволившим уже в XX веке вербализовать понятие «человеческий капитал» и представить в расширенном, обогащенном понимании его структурные элементы.

Значительно продвинули теорию человеческого капитала представители неоклассической школы экономики (Л. Вальрас, Дж. М. Кларк, С. Фишер и др.), отводя в своих экономических исследованиях большую роль живому труду и «персональному капиталу». Рубежной вехой в рамках развития данной концепции послужила статья Дж. Минсера «Инвестиции в человеческий капитал и персональное распределение дохода» (1958 г.), в которой он задается целью построения модели, учитывающей не только количество времени, затраченное на формальное образование в рамках освоения профессии, но и время, затраченное на работу, проявляющее «внутрипрофессиональные закономерности изменения доходов, от которых ранее абстрагировались» [6, с. 279]. После этой публикации термин «человеческий капитал» получил широкое распространение. Вслед за изучением взаимосвязи между доходом отдельного человека и его профессиональной компетентностью получила развитие проблематика целесообразности инвестиций в человеческий капитал (Л. Туроу).

Т. Шульц обозначает рост человеческого капитала в качестве «самой отличительной черты нашей экономической системы» [7, с. 16], утверждая, что большая часть, определяемая «потреблением, представляет собой инвестиции в человеческий капитал» [7, с. 1]. Г. Беккер, развивая идеи Т. Шульца, оценивает человеческий капитал и определяет его стоимость через определение объема инвестиций, затраченных на науку, образование и здравоохранение. Большой экономический эффект и отдача от человеческого капитала происходит в долгосрочной перспективе за счет увеличения профессиональных навыков, экспертности в выбранной для трудовой деятельности нише, что проявляется в увеличении дохода и повышении уровня жизни человека и его семьи. Инвестиции в человеческий капитал Г. Беккер определяет как «деятельность, которая влияет на будущие реальные доходы посредством вложения ресурсов в людей» [8, с. 9].

Экономическая мысль советской России в области развития концепции человеческого капитала включала в себя практические вопросы повышения производительности труда, роли автоматизации, эффективного распределения рабочего времени и связана с именами В.Т. Пуляева, С.Г. Струмилина, М.М. Критского, И.А. Добрынина, С.А. Дятлова, Е.Д. Цыреновой [9, с. 93]. Получила развитие теория производства и потребления, индивидуализация и интеллектуализация в подходе к человеческому капиталу, его отчасти контекстуальная обусловленность внешними условиями: уровнем развития медицины, образования и культуры.

История развития концепции человеческого капитала, его расширяющееся со временем толкование, контекст научной проблематики, в русле которой исследователи обращались к данному понятию, спектр по-

ставленных для решения задач во многом определили многообразие подходов и взглядов на сам термин. Отсутствующее единство мнений в научных кругах, терминологической строгости в отношении человеческого капитала, порождает множество вариаций его определения, представленное в Таблице 1.

Таблица 1.

Эволюция толкования «человеческого капитала»

Авторы	Определение
Т. Шульц	«форма капитала, поскольку он является источником будущих доходов или будущих удовлетворений, или того и другого. Он человеческий, потому что является неотъемлемой частью человека» [4, с.5].
Г. Беккер	«индивидуальный запас знаний, навыков, умений и мотивации человека. Инвестициями в капитал называют затраты на охрану здоровья, на образование, накопление профессионального опыта, поиск информации и географическую мобильность» [8, с. 39].
Л. Туроу	«производительные навыки, способности и знания, которыми обладает индивид, и измеряется рыночной ценой совокупности произведенных им товаров и услуг» [10, с. 1].
А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова	«сформированные в результате инвестиций и накопленные человеком определенный запас здоровья, знания, навыки, способности, мотивации, который ведет к росту квалификации работника, целесообразно используется в той или иной сфере общественного воспроизводства, способствует росту производительности и качества его труда и тем самым ведет к росту заработков данного человека» [11, с. 82].
М.М. Критский	«всеобщее-конкретная форма человеческой жизнедеятельности, ассимилирующей предшествующие формы — потребительную и производительную, адекватные эпохам присваивающего и производящего хозяйства, и осуществляющаяся как итог исторического движения человеческого общества к его современному состоянию» [12, с. 82].
Р.И. Капелюшников	«запас знаний, навыков и способностей, которые есть у каждого человека и которые могут использоваться им как в производственных, так и в потребительских целях» [13, с. 46].
Н.Н. Масюк, О.С. Голованова	«совокупный запас навыков, атрибутов, знаний и опыта индивида, который в дальнейшем играет неотъемлемую роль в повышении производительности организации, в которой этот индивид работает, и страны/общества, в которой он живет <...> входят такие активы, как образование, подготовка, интеллект, навыки, здоровье и другие вещи, которые работодатели ценят, такие как лояльность, пунктуальность, интеллигентность, приверженность и др.» [14, с. 71–72].

Авторы	Определение
Н.А. Ершова	«квалифицированный труд, способность к которому приобретает через образование, то есть процесс накопления профессиональных знаний и навыков <...> приобретенные физические и интеллектуальные способности, личностные и социальные качества. Человеческий капитал <...> требует для своего приумножения значительных инвестиций со стороны домашнего хозяйства, предпринимательского сектора и государства» [15, с. 152].
Ю.Ш. Капкаев, А.С. Исаева, В.В. Лешинина	«сформированная в результате инвестиций и накопленная человеком определенная совокупность здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере, способствуют ее развитию и росту производительности труда и тем самым влияют на увеличение доходов человека как средство удовлетворения потребностей» [16, с. 160].
В.П. Веряскина	«качественные характеристики рабочей силы, к которым относятся образование, квалификация, навыки, компетенции повышающие производительные возможности и способные приносить доход и прибыль». [17, с. 91].
А.В. Мищенко, Т. С. Колмыкова	«совокупность множества значимых элементов, таких как здоровье, врожденные дарования, творческие и культурные способности, личные мотивы и интересы, создающие основу для профессиональной деятельности, роста производительности труда и потенциальных доходов, которые человек накапливает в течение жизни и совершенствует путем вложений в знания и совершенствование навыков» [18, с. 162].
О.П. Недоспасова	«совокупность знаний, навыков и компетенций, которые аккумулируются в течение всей человеческой жизни и позволяют личности реализовать свой врожденный и приобретённый потенциал» [19, с. 788].
Е.В. Нехода	«очевидно, что инвестиции в образование, здравоохранение должны быть нацелены на формирование максимальной ценности для человека и общества, которая не ограничивается лишь экономической составляющей» [20, с. 187].
Е.В. Нехода	«исключительно важным представляется не столько количественная оценка человеческого капитала, сколько оценка качества социальной жизни и реальных экономических условий для формирования и реализации потенциала человека в трудовой или иной, общественно признаваемой, деятельности» [20, с. 188].
П.М. Амирханова	«человеческий капитал» не имеет одной точной формы содержания, но основой служит способности к производственному труду и капитализму. Цифровизация «перенесла человеческий ресурс на новый уровень, дав возможность реализовать работу, учебу, хобби и т.д., не выходя из дома [21, с. 5, 10].

Весь спектр проиллюстрированных подходов к определению человеческого капитала может быть сведен к двум группам: узкому и расширительному толкованию рассматриваемой концепции. Эволюция взглядов на понятие «человеческий капитал» произошла вследствие попытки обойти ограничения, порожденные его первоначальной узкой формулировкой. В научном сообществе все большее значение приобретают качественные характеристики человеческого капитала, порожденные процессами глобализации и цифровизации, основанные на новом уровне компетенций, трансформирующих все структуры общества. Происходит выход за рамки традиционного понимания природы человеческого капитала как социального непродуцируемого фактора, овеществлённого лишь в труде, провозглашается ценность его реализации посредством развития субъектности и качества социально-экономических институтов.

Влияние демографического перехода на человеческий капитал

Мы живем в мире стремительных социальных и экономических изменений. В начале XXI века произошло существенное увеличение доли пожилых людей в составе населения планеты. Исследователи отмечают необратимость этого процесса, происходящего по всему миру. В докладе ООН [22] среди причин такого тренда современности отмечается: улучшение санитарно-гигиенических условий жизни, развитие медицины, изменения в вопросах гендерной проблематики, расширение прав и возможностей женщин, а также изменения в вопросах доступности образования и планирования семьи. Этот демографический сдвиг ставит под сомнение прежние правила относительно установленных прежде возрастных границ, при достижении которых человек получает помощь от государства, особенно актуальными становятся вопросы мер поддержки людей пенсионного возраста.

Существует три механизма, стимулирующего рост стареющего населения в период демографического пе-

рехода: «старение снизу» (повышение доли взрослого населения сопряжено со спадом роста рождаемости), «старение сверху» (рост доли пожилого населения происходит в связи со снижением смертности в старших возрастах) и «эффект когорты» (обусловлен прошлыми демографическими изменениями: когорта людей, приближающаяся к отнесению к пожилому возрасту больше своих предшественников).

Основы концепции демографического перехода заложены в работах У. Томпсона и А. Ландри в конце 20-х-начале 30-х годов XX века [22, с. 163]. Окончательно оформившаяся теория, включающая не только фактор изменения рождаемости, родилась благодаря Ф. Ноутстейну и была развита и дополнена А.Г. Вишневым. Представим основные теоретические подходы к описанию причин изменения возрастной структуры населения.

Несмотря на, казалось бы, очевидные негативные последствия демографического перехода, изменение возрастной пирамиды и старение населения может оказать положительное влияние на качество человеческого капитала, создавая стимулы для увеличения объема инвестиций в развитие новых поколений. Вследствие снижения количественного состава семьи (спада рождаемости) высвободившиеся ресурсы могут быть направлены на увеличение качества человеческого капитала детей (объема инвестиций в здоровье и образование). Со стороны государства также происходит распределение расходов на образование и здравоохранение в расчет на одного ребенка в большем объеме. Увеличение продолжительности жизни повышает привлекательность и срок отдачи инвестиций в человеческий капитал [26, с. 26].

Процесс старения населения России, сокращение когорты людей в возрасте 20–65 лет, будет происходить и дальше [27, с. 40]. Помимо увеличения нагрузки на социальное, пенсионное обеспечение и здравоохранение перед государством и обществом более остро встанут вопросы эйджинга, трудовой занятости старших возраст-

Таблица 2.

Основные теории изменения возрастной структуры и старения населения [23–25]

Обозначение	Авторы	Сущностные характеристики
Теория демографического перехода	Ф. Ноутстейн, А.Г. Вишневыи	Выделены факторы (миграция, социально-экономические, политические, культурные и др.) перехода от высоких показателей рождаемости и смертности к низким
Теория второго демографического перехода	Р. Лестег, Д. Ван де Каа	Изменение в системе общественных ценностей приводит к изменению «традиционного» понимания семьи, снижению рождаемости
Теория третьего демографического перехода	Д. Коулмен	Численность и возрастной состав изменяются по причине иммиграции
Теория эпидемиологического перехода	А. Омран	Динамика рождаемости и смертности видоизменяется под влиянием эпидемий, голода, пандемий, дегенеративных и антропогенных заболеваний, связанных со стрессом, старения населения и появления новых болезней

тов, рескиллинга и профессиональной переподготовки. Концепция lifelong learning в условиях стареющего населения приобретает особое значение. Цикл инвестирования, накопления и отдачи человеческого капитала становится все более итеративным. Возможно, утверждение Г. Беккера «молодые люди чаще меняют работу и получают больше образования и профессиональной подготовки без отрыва от производства» [8, с. 10] перестанет звучать столь категорично в будущем.

Измерение человеческого капитала на мировом уровне было закреплено в 1990 году в «Программе развития ООН» (ПРООН) [28, с. 36]. С расширением входящих в расчет агрегированного показателя «Индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП) («Индекс человеческого развития» (ИЧР) с 2013 г.) за счет индексов, учитывающих «уровень развития социальной сферы и способы распределения благ между гражданами», «положение домашних хозяйств относительно базовых показателей уровня жизни» [28, с. 37], а также индексов гендерного развития и неравенства, был зафиксирован переход к новой модели изучения человеческого капитала с учетом оценки качества социально-экономических институтов. Указанная методика нашла широкое применение в исследованиях, посвященных оценке человеческого капитала России, в том числе при анализе региональных различий, дифференциации и группировки регионов на основе определения ИЧР.

Второй демографический переход обуславливает трансформацию человеческого капитала. Перспективы повышения ИЧР, который «может стать ключевым показателем нового миропорядка» [29, с. 53], во многом

определяются демографической ситуацией и политикой регулирования рождаемости и смертности, контролем внутренней миграции, уровнем развития социальных институтов. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении может служить основным индикатором для дифференциации, кластеризации регионов по ИЧР [30, с. 174].

Чтобы ответить на вопрос: «Какие же элементы человеческого капитала становятся особенно ценными в условиях второго демографического перехода?» обратимся к модели архитектуры человеческого капитала, предложенной Е.А. Кузьминым. В своей работе Е.А. Кузьмин обосновывает выделение базиса и надстройки, составляющих структуру человеческого капитала. Базис представлен самим человеком («абсорбирующим активом» [31, 824]), элементами: здоровье, образование, профессиональные умения, навыки и опыт. Надстройка в свою очередь состоит из адаптивности, социальных навыков, лидерских качеств и навыков управления (новых навыков для новых ролей), креативности, корпоративной и организационной культур, свободы и культурного развития, мотивации, потребительской активности [31, с. 828–829].

Учитывая диапазон определений человеческого капитала, изменение возрастной структуры, глобальный вызов старения населения, его возможные положительные и отрицательные эффекты, итеративность процесса «накопления — отдачи» инвестиций, предлагается авторский взгляд на архитектуру человеческого капитала.

Предложенная архитектура человеческого капитала включает в себя два контура — внутренний (человек)

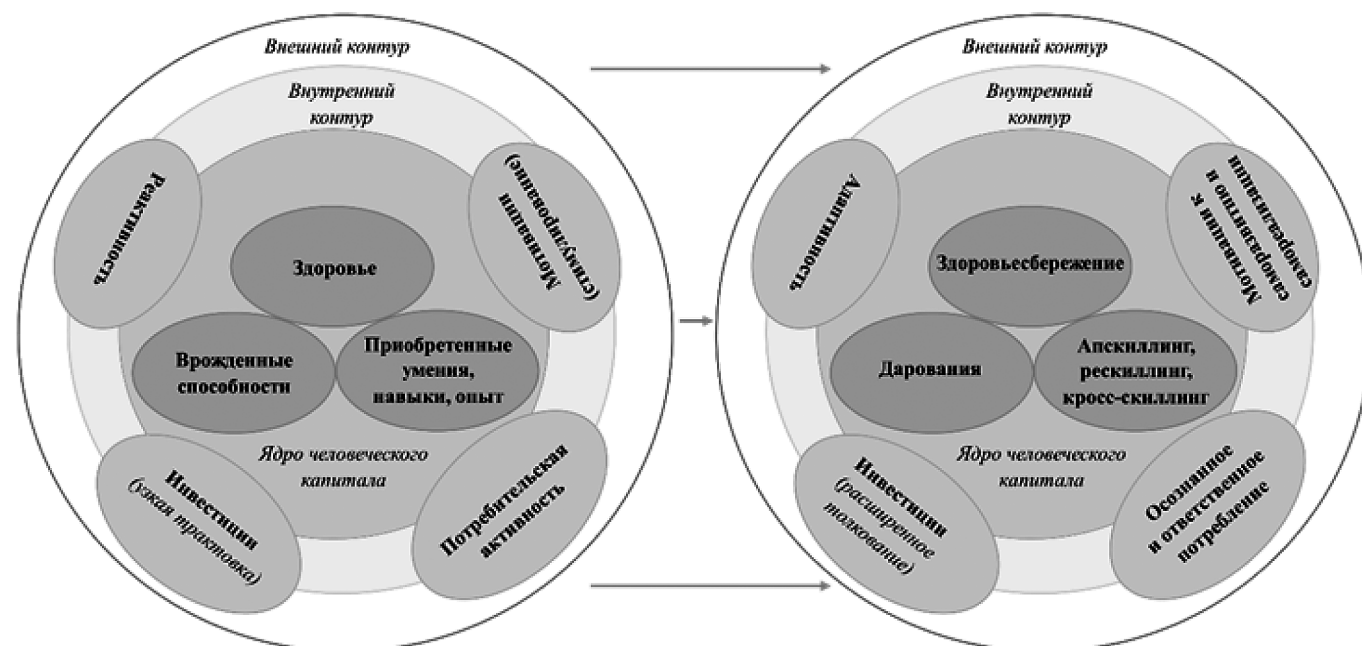

Рис. 1. Трансформация основных элементов архитектуры человеческого капитала (источник: составлено авторами)

и внешний (среда), ядро человеческого капитала (базис) составляют здоровьесбережение, дарования, повышение квалификации, получение навыков за пределами одной области, переквалификацию. Инвестиционная природа человеческого капитала, как и потребительская активность — характерные черты системы, оперируя с которыми Т. Шульц и Г. Беккер заложили основы рассматриваемой концепции, которые трансформируются в условиях второго демографического перехода. Понятие инвестиций расширяется: помимо затрат на медицину, образование и географическую мобильность, сюда относятся затраты на построение и расширение сети контактов (нетворкинг) и деловую активность (позиционирование на рынке труда). На смену потребительскому поведению особенно актуальным становится осознанность, манифестирующая принципы целей в области устойчивого развития, отражающая сложность взаимодействия с внешним миром и учитывающая ответственность за последствия сиюминутного недальновидного использования ресурсов в ущерб экологическому и социальному благополучию. На смену реактивности приходит адаптивность, которая является проявлением нескольких важных свойств системы, связанных с процессами цифровизации. С одной стороны, это поиск лучшего приложения и наиболее эффективной реализации ядра человеческого капитала, выраженный, в том числе, в миграционных процессах. С другой стороны, это способность обновлять приобретенные навыки, получать новые знания и опыт, соответствующие конъюнктуре и скорости изменения трудового рынка. Адаптивность, повышение квалификации (апскиллинг), получение навыков в смежных областях (кросскиллинг) и переквалификация (рескиллинг) являются одними из ключевых элементов системы в условиях второго демографического перехода, поскольку в течение «трудовой жизни» выполнение трудовых функций связывается с овладением многими знаниями (в том числе междисциплинарными), компетенциями и навыками, что предполагает непрерывное обучение и развитие в течение всей жизни» [32, с. 911]. Мотивации к саморазвитию, «позволяющая не только преумножать существующие потенциалы, но и реализовывать их, капитализируя в социальные и экономические эффекты» [33, с. 241] и самореализации, наряду с адаптивностью, инвестициями и потребительской активностью соединяет внутренний и внешний контур, имеют наиболее чувствительное двунаправленное воздействие, улавливают импульсы внешней среды и стимулируют изменение качественных характеристик человеческого капитала.

Заключение

Изменение в ценностных установках общества, спад рождаемости и старение населения — закономерный и необратимый процесс, который будет все больше проявляться с течением времени, являясь характеристиками второго демографического перехода. Численность населения трудоспособного возраста сокращается, а продолжительность жизни, налоговое бремя, нагрузка на системы социального обеспечения и бюджет растут. Эффективность и конкурентоспособность отдельного индивида, организации и национальной экономики как никогда раньше зависит от качества человеческого капитала и скорости реакции общества на новые условия существования. В рамках данной работы предпринята попытка систематического осмысления достижений научной мысли в области изучения феномена человеческого капитала, предложена модель, описывающая критически важные в условиях изменчивой внешней среды и демографических тенденций элементы его архитектуры. В условиях цифровизации жизни все большее признание самоценности человека, роли социально-экономических институтов, изменение половозрастной пирамиды и корректировка ценностных установок относительно понимания семьи и личного успеха, самореализации, роли образования и уровня ответственности перед будущими поколениями трансформировали систему элементов человеческого капитала. Формируется новая архитектура человеческого капитала, где главную роль начинают играть институты внешнего контура. Приметы данной трансформации мы видим в постановке вопросов глобальной повестки, совершенствовании методов оценки и расширении термина «человеческий капитал», междисциплинарном характере исследований, посвященных рассматриваемому конструкту. Направлениями дальнейшего углубления и описания рассматриваемой проблемы могут служить актуализация архитектуры человеческого капитала как персонализации качества жизни и разработка инструментария для оценки его элементов. Человеческий капитал имеет не только высокое индивидуальное значение как это было первоначально сформулировано теоретиками, но и определяет уровень организации социально-экономической системы в целом — от домашних хозяйств до корпораций и остального мира. Благополучие, качество жизни и социально-экономических институтов представляет собой главный показатель человеческого капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капелюшников, Р.И. Экспансия вакансий на российском рынке труда: динамика, структура, триггеры / Р.И. Капелюшников // Вопросы экономики. — 2024. — № 7. — С. 81–111. — DOI 10.32609/0042-8736-2024-7-81-111. — EDN FWPMZT.
2. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2024). World Population Prospects 2024: Summary of Results. UN DESA/POP/2024. Available at: <https://population.un.org/wpp/Publications/>
3. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации [Текст]: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. №145 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2024. — №10 (раздел III, часть II). — Ст. 1373.
4. Schultz T. Human Capital: Policy Issues and Research Opportunities. *Economic Research: Retrospect and Prospect*, 1972, vol. 6, pp. 1–84. Available at: <https://www.nber.org/chapters/c4126>
5. United Nations National Transfer Accounts Manual: Measuring and Analysing the Generational Economy [Text] / United Nations. — 2013. — 225 p. — DOI 10.18356/42d43461-en.
6. Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // *Journal of Political Economy*. — 1958. — V. 66. — N. 4. — P. 281–302.
7. Schultz T. Investment in human capital // *The American Economic Review*. — 1961. — Vol. 51. — P. 1–17.
8. Becker G. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // *The Journal of Political Economy*. — 1962. — Vol. 70. — P. 9–49.
9. Чуркина Е.С. Трансформация категории «человеческий капитал» в зарубежной и отечественной экономической мысли // Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика. — 2024. — № 2. — С. 89–95. <https://doi.org/10.24143/2073-5537-2024-2-89-95>. EDN YIGTMG.
10. L.C. Thurow. *Investment in Human Capital*. Wadsworth Series in Labor Economics and Industrial Relations. Belmont, California, Wadsworth Publishing Company, Inc., 1970. — 145 p.
11. Добрынин А.И. Человеческий капитал в транзитивной экономике: формирование, оценка, эффективность использования / А.И. Добрынин, С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова. — СПб.: Наука, 1999. — 309 с.
12. Мокроносов А.Г. Человеческий капитал или человеческий потенциал / А.Г. Мокроносов, Ю.В. Крутин // Идеи и идеалы. — 2017. — Т. 2. № 2 (32). — С. 80–89.
13. Капелюшников Р. Человеческий капитал России: эволюция и структурные особенности // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2005. — № 4 (78). — С. 46–54.
14. Масюк Н.Н., Голованова О.С. Теоретико-методический подход к управлению человеческим капиталом в контексте требований цифровой эпохи // Теоретическая экономика. — 2021. — №10(82). — С. 71–85.
15. Ершова Н.А. Стратегия инновационной трансформации человеческого капитала и концепция устойчивого развития экономики РФ // Системная трансформация — основа устойчивого инновационного развития. — 2021. — С. 149–155.
16. Капкаев Ю.Ш., Исаева А.С., Лешинина В.В. Анализ качества человеческого капитала в условиях развития цифровой экономики // Вестник Челябинского государственного университета. — 2019. — №. 3 (425). — С. 158–167.
17. Веряскина В.П. Методологические подходы к анализу персональной модернизации в процессе трансформации современности // Знание. Понимание. Умение. — 2022. — №. 2. — С. 82–101.
18. Мищенко А.В., Колмыкова Т.С. Проблемы обеспечения прогрессивной динамики развития человеческого капитала в условиях цифровизации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2021. — Т. 11. № 3. — С. 159–169.
19. Недоспасова О.П. Накопление человеческого капитала в экономике старения: риски и шансы / О.П. Недоспасова // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество: ежегодник: материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием, Москва, 18–19 декабря 2019 года. Том Выпуск 3. Часть 1. — Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2020. — С. 788–791. — EDN JVVNXC.
20. Нехода Е.В. Ограничения теории человеческого капитала / Е.В. Нехода // Управление человеческими ресурсами — основа развития инновационной экономики. — 2015. — № 6. — С. 183–190. — EDN RWYXSN.
21. Амирханова П.М. Трансформация понятия человеческого капитала // Управленческий учет. — 2021. — № 6. — С. 5–11.
22. United Nations Department of Economic and Social Affairs. World social report 2023: leaving no one behind In an ageing world [Text] / United Nations Department of Economic and Social Affairs // World Social Report. — 2023. — P. IV
23. Алмасуд Р., Шибалков И.П. Теории демографического и эпидемиологического переходов как фундаментальные концепции исследований динамики населения (обзор литературы) // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. — 2024. — № 3. — С. 159–179.
24. Зубарев Н.Ю. К вопросу об изучении демографических процессов: теория второго демографического перехода и концепция эпидемиологического перехода / Н.Ю. Зубарев // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2019. — Т. 1, № 4. — С. 12–16. — EDN ZBXNQD.
25. Омран А.Р. Теория эпидемиологического перехода: взгляд 30 лет спустя / А.Р. Омран // Демографическое обозрение. — 2019. — Т. 6. — № 1. — С. 177–216. — EDN AWGHUZ.
26. Капелюшников, Р.И. Феномен старения населения: экономические эффекты (Окончание) / Р.И. Капелюшников // Экономическая политика. — 2019. — Т. 14. — № 3. — С. 8–53. — DOI 10.18288/1994-5124-2019-3-8-53. — EDN WRNIMB.
27. Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю., Архангельский В.Н. Изменения человеческого потенциала в России до 2050 года под влиянием трансформации возрастной структуры населения // Экономика. Налоги. Право. — 2023. — Т. 16. — № 2. — С. 37–47. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-2-37-47. EDN: GRYYYE.
28. Селезнев П.С. Мировые подходы к оценке человеческого потенциала / П.С. Селезнев, Е.А. Кашин // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2021. — Т. 11. — №5. — С. 35–39. — DOI 10.26794/2226-7867-2021-11-5-35-39. — EDN KKDMCB.
29. Фальцман В.К. Перспективы повышения индекса человеческого развития / В.К. Фальцман // Мировая экономика и международные отношения. — 2022. — Т. 66. — № 9. — С. 48–54. — DOI 10.20542/0131-2227-2022-66-9-48-54. — EDN NPZJHG.

30. Якунина Р.П. Региональный человеческий капитал: оценка экзогенных факторов его развития на основе кластерного анализа / Р.П. Якунина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. — 2022. — Т. 12. № 5. — С. 170–180. — DOI 10.21869/2223-1552-2022-12-5-170-180. — EDN YDOFXW.
31. Кузьмин Е.А. Архитектура человеческого капитала: методологическое уточнение структурообразующих элементов // AlterEconomics. — 2023. — 20(4). — С. 822–856. <https://doi.org/10.31063/AlterEconomics/2023.20-4.5>
32. Нехода Е.В., Ли П. Трансформация рынка труда и занятости в цифровую эпоху // Экономика труда. — 2021. — Т. 8. — № 9. — С. 897–916.
33. Шаповалова И.С. Мотивация населения к саморазвитию как ресурс управления человеческим капиталом: исследовательский дизайн / И.С. Шаповалова // Человеческий капитал как ключевой фактор социально-экономического развития региона: материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической междисциплинарной конференции, Белгород, 06–07 февраля 2020 года. Том 2. — Белгород: АПЛИТ, 2020. — С. 240–248. — EDN EQVUQW.

© Куксенок Сергей Владимирович (kuxenoks@tpu.ru); Барышева Галина Анзельмовна (ganb@tpu.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ: ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ

TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AND INNOVATION POTENTIAL: DEVELOPMENT OPPORTUNITIES

N. Lebedev

Summary. Some issues of the possibility of ensuring technological sovereignty as an important priority are investigated, which is necessary, firstly, for the perception of innovative development, secondly, for the elaboration and argumentation of its orientation, and, thirdly, correlation with a specific object — the country's economy. Significant tasks have been formulated, the solution of which will help to reveal technological sovereignty as a key force for restoring the technological base.

Keywords: technological sovereignty, technological potential, investment in innovative development, innovation, intellectual property, innovative enterprises.

Концепции и модели, обладающие экономико-теоретическим пониманием технологического развития, давно успешно осмыслены [1]. Но всё же, хотя «технологический суверенитет» как обобщающая категория сама по себе и получила распространение [2], переход к технологическому типу развития затруднён по известным причинам, к коим по мнению ряда исследователей, можно отнести и доминирование в отечественной экономике сырьевых отраслей, которые нельзя отнести к инновационно ёмким; и недостаточное развитие ряда перспективных для внедрения инноваций; и сокращение финансовой базы для продвижения различных инновационных технологий; и замедлившиеся возможности экспорта сырьевых отраслей; и замедление потребительского спроса домашних хозяйств в 2024–2025 годах [3].

Это говорит о том, что запаздывание России в научно-технологическом развитии выражено в достаточно ощутимом препятствии в интериоризации на технологический путь развития, а форсировать запаздывание возможно усилив инновационный потенциал, для чего, согласно варианту лидерства, заложенного в прогнозе Минэкономразвития России до 2030 года, необходимо выделять на фундаментальные исследования хотя бы до 3 % ВВП.

При этом, сегодня современный смысл категории «инновационный потенциал» как составной компонент технологического суверенитета требует нацелиться и на восстановление промышленности — сегодня промыш-

Лебедев Никита Андреевич
доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник Института экономики
Российской академии наук
nikita.lebedev.54@bk.ru

Аннотация. Исследованы отдельные вопросы возможности обеспечения технологического суверенитета как важного приоритета, необходимого, во-первых, для восприятия инновационного развития, во-вторых, для проработки и аргументации его направленности, и, в-третьих, соотнесения с конкретным объектом — экономикой страны.

Сформулированы значимые задачи, решение которых поможет раскрытию технологического суверенитета как ключевой силы восстановления технологической базы.

Ключевые слова: технологический суверенитет, технологический потенциал, инвестирование в инновационное развитие, внедрение инноваций, интеллектуальная собственность, инновационные предприятия.

ленный комплекс не способен решать существенные задачи.

Тем временем надлежит вплотную связать инвестиции и имеющиеся технологии как с настоящей необходимостью внедрения инновационной продукции, так и с государственной поддержкой технологических решений [4], к тому же, например, промышленное станкостроение свёрнуто [5], а после введения санкционных ограничений, поставки 77-ми наименований станков в Россию, в частности, с Тайваня, прекратились [6].

Но, несмотря ни на что, технологический суверенитет страны, рост инновационного потенциала, внедрение инновационной продукции стремятся поддерживать предприятия, реализующие индустриальные проекты, специальные инвестконтракты и пр., для чего на эти цели за шесть последующих лет будет субсидиарно направлено 120 млрд руб. для выполнения НИОКРов, на расширение условий для предоставления промышленной ипотеки, включающую реконструкцию и строительство производственных площадей и т.п. На выпуск первостепенной промышленной продукции в масштабе кластерной инвестиционной платформы — механизма предоставления льготного кредитования промышленным предприятиям на реализацию инвестиционных проектов дополнительно планируется выделить из бюджета не менее 200 млрд рублей.

Кроме того, с целью обновления действующих производств предполагается дальнейшее развитие индуст-

стриальных технопарков с акцентированием внимания на рассредоточение малых и средних предприятий согласно технологическим приоритетам. Индустриальные технопарки характеризуются определёнными преимуществами, позволяющими не теряя времени запускать производства или организовывать научно-исследовательскую деятельность на уже имеющихся оборудованных площадках. Так, на их возведение или обновление по национальному проекту «Малое и среднее предпринимательство и содействие предпринимательской инициативе» за пять последующих лет планируется направить из бюджета 30 млрд руб. В тоже время правительством запланировано «до 2030 г. дополнительно создать как минимум сто подобных площадок» [7].

Нельзя не отметить, что технологический суверенитет страны, рост инновационного потенциала, государственную поддержку технологических решений, внедрение инновационной продукции стремится поддерживать и такой значимый компонент, действующий в направлении повышения глобальных конкурентных преимуществ отечественной промышленности и проведения импортозамещения как Фонд развития промышленности, который с 2014 года профинансировал около 1700 проектов в добывающих и перерабатывающих отраслях индустриального сектора экономики более чем на 500 млрд руб. В текущем году фондом планируется профинансировать под целевое назначение до 300-т проектов на общую сумму более 100 млрд руб. Для дальнейшего развития высокотехнологичных проектов капитал фонда будет пополнен на 300 млрд рублей [8].

Полагаем, что ритмично осуществляемые высшим руководством организационные меры так или иначе обуславливают технологические возможности, суммируются в подготовку предложенной концепции технологического развития на период до 2030 года, заданным ориентиром которого, согласно поручениям В.В. Путина как отмечалось выше, должно стать становление экономики, отличающейся «полной независимостью» [9].

Анализ показывает, что при этом инновационный потенциал влечёт за собой качественные изменения в экономике в соответствии с вектором технологического прогресса, выражающего экономический рост в широком спектре подходов. В целом, в сложившихся глобальных условиях инновационный потенциал как часть технологического суверенитета определяет дальнейшее развитие и не может быть оторванным от государства касательно инновационной деятельности. Наконец, к инновационно содержательным нельзя не причислить совокупность рынков — рынков биотехнологий, космических технологий, медицины, композитных материалов, химии, цифровых технологий и пр., на которых производится высоко технологическая продукция с её субъектами -товаропроизводителями и потребителями.

Как мы видим, ориентация отечественной экономики на обеспечение технологического суверенитета диктует необходимость изменений правительственной политики и в научно-технологической области. С этой целью в феврале 2024 г. утверждена стратегия научно-технологического развития страны, которой, в частности, определен вектор «формирования эффективной системы взаимодействия науки, технологий и производства; создания инфраструктуры и условий для проведения научных исследований и разработок, внедрения наукоёмких технологий» [10].

Тем не менее, говоря о наукоёмких технологиях, всё же большинство отечественных предприятий отдаёт приоритет импортному оборудованию (в 2023 году — 72 %), российскому (в 2024 г. — около 50 %). Отечественные предприниматели завозят новое оборудование, станки, к примеру; устанавливают их, но это не импорт технологий.

Но, с другой стороны, зарубежные поставщики поставляют конечный продукт, и они не намерены обмениваться технологиями. Сделки же, которые отечественные предприниматели оформляют с зарубежными коллегами, не предполагают значительных долгосрочных вложений, поэтому невыгодны внешним инвесторам. К тому же надо помнить, что широкий перечень технологий и интеллектуальной собственности включает государственные секреты.

Понятно, что разработка отечественных технологий потребует значительных издержек — выстроить серьёзную научно-техническую и производственную базу, закупить современное оборудование, и, что весьма проблематично, подготовить высокопрофессиональный персонал. Поэтому инновационная активность хозяйствующих субъектов не может быть сопряжена с помощью государства. И если наша страна не начнёт развивать и внедрять собственные технологии, то она не только безнадежно отстанет в этой сфере от мировых лидеров, не сформирует дополнительные экспортные статьи бюджета, но и не совершит технологического прорыва в различных отраслях индустриального сектора. Плюс — это способ противодействовать санкциям.

Как показывает анализ имеющихся публикаций, отставание в развитии и внедрении наукоёмких технологий во многом исторически (судьба изобретений В.В. Петрова, Н.Н. Яблочкова, А.Н. Лодыгина, В.А. Манассеина А.Р. Власенко, Г.Е. Котельникова и др.) вызвано недоработками и оплошностями в управлении инновационным потенциалом, когда не готовят платформу для внедрения инноваций [11].

Следует, однако, отметить, что и в современных условиях платформа для внедрения инноваций до сих

не развита, что негативно влияет на их коммерциализацию и внедрение. Со сменой общественно-экономической формации в конце прошлого века промышленные отрасли впали в затяжную депрессию, что подкосило инновационный потенциал, и для форсирования ситуации в ближайшие десять лет предполагается выделить около трёх триллионов рублей на развитие долгосрочных программ реабилитации ключевых производственных отраслей по двадцати технологическим направлениям [12]. С точки зрения академика А.Г. Аганбегяна, «это привело к катастрофическому отставанию по инновациям» и сегодня, сейчас «экспорт инновационных товаров — 0,3 %» [13]. И надо полагать, что намерение развить программы реабилитации ключевых производственных отраслей диктует необходимость обозначить статистические данные, которые обнаруживают, что перспективы достижения запланированных результатов в сфере инноваций всё ещё ограничены.

Действительно, анализ статистики показывает, что, задуманный переход к технологическому развитию, облечённый в Концепцию, предполагал довести отечественный экспорт высокотехнологичных товаров и услуг до 1 % в мировом объёме; предприятий, в деятельности которых будут заложены технологические инновации, к 2025 году должно было достигнуть примерно 50 %, а объём инновационной продукции в промышленности, который планировалось довести до 35 % [14] с 2008 года реализуется недостаточно.

Так, сегодня, сейчас, в категории «Глобальный инновационный индекс» наша страна снизила позицию, заняв 59-е место (51-е в 2023 году и 45-е в 2021 г.). Плачевный результат — 126-е место по показателю «Институты», в который включены оценки эффективности госуправления, состояния нормативно-правовой среды и стабильности условий для бизнеса. С большим отрывом от ведущих стран — КНР и США и др. — Россия занимает седьмое место в мире по числу выданных патентов на изобретения. Доля малых предприятий, внедряющих инновационные технологии в 2023 году, составляла 7,5 %. Что касается инновационной активности, общий её уровень среди отечественных предприятий достиг 11 %, хотя, например, в Канаде он был равным 79,3 %.

Но не всё так плохо. Достаточно хорошие показатели у нашей страны в категориях «Человеческий капитал и исследования» — 39-е место, «Развитие технологий и экономики знаний» — 52-е место, «Уровень развития бизнеса» и «Результаты креативной деятельности» — 53-и места.

Опять-таки, представляют интерес расходы на инновации. В 2023 году формально возрос масштаб инвестиций в инновации, когда капитальные и текущие расходы приросли с 2,7 трлн руб. в 2022 году до 3,5 трлн (номи-

нально, без учёта значительного роста стоимости денег, вызванным в том числе и увеличением ключевой ставки Банка России, достигшей в ноябре 2024 года 21-го %). 57,3 % инновационных расходов оплачивается из собственных средств экономических субъектов; 26,1 % расходов — бюджетные средства, а 16,6 % приходится на иной формат финансирования (спонсорство и т.п.) [15].

В текущий период контекст для инновационной практики серьёзно изменился, мобилизованность на инновации у хозяйствующих субъектов в 2024 году в сопоставлении с 2022 годом сократилась до 3 % с 20 % и как считается, «лишь десятая часть средних и крупных предприятий видят в инновациях приоритет развития», что скорее всего обусловлено высокой геополитической напряжённостью [16] и положительная динамика, перспективы быстрых достижений в этой сфере по-прежнему ограничены.

Надо признать, что ещё не сложилась результативная организационная концепция инновационного потенциала как совокупности ресурсов. Причина — промышленность не переориентировалась на изменение структуры спроса. За период перехода на новую общественную формацию она прошла через деструктивный период с ощутимым производственным ущербом, падением инновационной деятельности.

В тоже время, переход к инновационному типу развития затруднён по известным причинам, к коим по мнению ряда исследователей, можно в том числе отнести: вялую коммуникацию с частными хозяйствующими субъектами при выстраивании приоритетов и шагов финансирования научно-исследовательской деятельности; сдержанную результативность федеральных целевых программ по развитию обмена знаниями; слабый уровень комплексности и планомерности при поддержке малых инновационных предприятий, отсутствие общепризнанного подхода при создании и использовании результатов интеллектуальной деятельности, замедлившиеся возможности экспорта в 2022–2024 гг.

Намерение развить ведущие производственные отрасли диктует необходимость решить значимые задачи, содействующие раскрытию технологического суверенитета как ключевой силы экономического роста.

Для этого, во-первых, требуется восстановить мощную технологическую основу, что обеспечило бы потребности инновационного производства необходимыми ресурсами.

Во-вторых, обновить законодательный и нормативный комплекс в части технологических инноваций, что, в идеологическом плане обеспечит конкурентоспособ-

ность высокотехнологичной продукции и эффективность её производства в рамках разработки и внедрения инноваций.

В-третьих, преодолеть отставание в сфере образования (слабую техническую оснащенность учебных заведений, недостаточный уровень наращивания компетенций специалистов и т.п.).

В-четвёртых, шире ориентировать экономику страны на развитие технологических кластеров, в которых полный цикл был бы сблокирован в общую систему, что даст возможность системно поддерживать технологический потенциал и производство инновационной продукции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Обеспечение технологического суверенитета: проблемы и перспективы. Институт экономики УрО РАН. — Екатеринбург. — 2024; Концепция технологического развития на период до 2030 года // Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. №1315-р.
2. Горячева Т.В. и др. Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2023. Т. 23, вып.2. — 2023.
3. Альгина М.В. и др. Инновационный потенциал экономической системы и его оценка // Современные технологии управления. — 2011. — № 1 (1). — С. 1–11.
4. Боркова Е.А., Савельева А.А. Проблемы перехода экономики России к инновационной модели развития // Тенденции развития экономики и менеджмента / Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. № 2. Казань, 2015; tass.ru/ekonomika/18491221.
5. Гамза В.А. Финансирование инвестиционных проектов технологического развития предприятий. — М., ТПП РФ, 2024.
6. Афанасьев А.А. Рынок продукции станкостроения России в условиях внешних ограничений // Экономика, предпринимательство и право. — 2023. — Том 13. — № 10. — С. 4073–4088.
7. ura.news>news/1052838787
8. Послание В.В. Путина Федеральному собранию 29.02.2024 года. [http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/...](http://kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/)
9. <https://expert.ru/28.08.2024> г.
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. №1315-р; Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам, состоявшегося 18. 07. 2022 года (утв. 1.09.2022 г.) //garant.ru
11. Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145.
12. Шамгулова Л.И. Методы управления инновационным потенциалом // Молодой учёный. -2019. — № 4 (242). — С.274–277.
13. <https://ria.ru/20230114>
14. Аганбегян А.Г. Доклад «Международное экономическое положение и перспективы-2024», 16 января 2024, Дом экономиста.
15. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года» // распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008г. №1662-р; Рагулина Ю.В. и др. Отдельные направления эволюции инновационных процессов промышленности макрорегионов // Глобальный научный потенциал. — № 9 (42). — 2014. — С.70–74.
16. Власова В.В. и др. Индикаторы инновационной деятельности: 2024: Стат. сб. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024.
17. <https://www.kommersant.ru/doc/6762157?ysclid>

© Лебедев Никита Андреевич (nikita.lebedev.54@bk.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГРУЗОВОГО РОССИЙСКОГО АВТОМОБИЛЬНОГО ТРАНСПОРТА

CURRENT STATE OF RUSSIAN FREIGHT ROAD TRANSPORT

**O. Matantseva
I. Kazantsev**

Summary. The purpose of the article is to analyze the state of freight road transport in modern conditions. The text reflects the change in cargo delivery routes under sanctions, and also examines the position of road freight transport in relation to other modes of transport. Using the example of enterprises engaged in the transportation of goods in international traffic, the quantitative fleet of automobile enterprises in the industry is determined. The article provides statistical and analytical data on the truck market in Russia, studies the problems of replenishment and rotation of fleets of motor transport enterprises under sanctions. The information considered in the article provides an understanding of the structure of the fleet of motor vehicles in terms of the period of its use. An analysis of existing sources of financing the acquisition of motor vehicles by enterprises engaged in the transportation of goods, both in international traffic and on the domestic market, is carried out.

Keywords: international road freight transport, modern freight market, motor transport under sanctions.

Современный российский грузовой автомобильный транспорт занимает ведущую роль в обеспечении цепочки «грузоотправитель — грузополучатель» необходимыми товарами, оборудованием и сырьём. Практически каждая перевозка грузов в России и за ее пределами осуществляется с участием автомобильного транспорта. Отличительной особенностью грузового автомобильного транспорта является оперативность и адресность перевозок в сочетании с умеренными тарифами [1].

Наилучшей характеристикой грузового автомобильного транспорта является его мобильность. Именно благодаря этому качеству автомобильный транспорт

Матанцева Ольга Юрьевна

Заместитель генерального директора,
ОАО «Научно-исследовательский институт
автомобильного транспорта», г. Москва;
Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет (МАДИ)
omat@niiat.ru

Казанцев Иван Сергеевич

Аспирант, ОАО «Научно-исследовательский институт
автомобильного транспорта», г. Москва;
старший преподаватель, Частное учреждение —
организация дополнительного профессионального
образования «Академия АСМАП»;
генеральный директор ООО АСМАП-Сервис», г. Москва
ikazantsev@asmap-service.ru

Аннотация. Цель статьи — анализ положения грузового автомобильного транспорта в современных условиях. В тексте нашло отражение изменение маршрутов доставки грузов в условиях санкций, а также рассмотрено положение грузового автомобильного транспорта по отношению к другим видам транспорта. На примере предприятий осуществляющих перевозку грузов в международном сообщении определён количественный парк автотранспортных предприятий отрасли. В статье приведены статистические и аналитические данные о рынке грузовых автомобилей в России, изучены проблемы пополнения и ротации парков автотранспортных предприятий в условиях санкционных ограничений. Рассмотренная в статье информация дает понимание о структуре парка автотранспортных средств в разрезе срока его использования. Проведен анализ существующих источников финансирования приобретения автотранспортных средств, предприятиями, осуществляющими перевозку грузов, как в международном сообщении, так и на внутреннем рынке.

Ключевые слова: грузовые автомобильные перевозки в международном сообщении, современный рынок грузовых перевозок, автомобильный транспорт в условиях санкций.

можно отнести к самым востребованным видам транспорта, особенно в быстро меняющихся политико-экономических условиях. Подтверждение этому имело место в период коронавирусной инфекции, когда с начала пандемии почти все страны ввели во многом строгие ограничения, а КНР — была в режиме полного карантина.

В результате данных действий почти все транспортно-логистические маршруты были закрыты, движение грузов в том числе медицинского назначения и первой необходимости было приостановлено. Однако благодаря грузовому автомобильному транспорту направления доставки грузов достаточно быстро были изменены, вместо стран ЕС, на долю которых приходилось более

2/3 всех объёмов, перевозки стали осуществляться в страны бывшего СССР и Азии, а также Иран [2]. Преимущества автомобильного транспорта проявляются в ситуации с продолжающимся до сих пор санкционным давлением на нашу страну со стороны недружественных стран. Благодаря мобильности национальных грузовых операторов в достаточно короткий срок удалось изменить транспортные коридоры с западного направления на южное и восточное.

Однако, при всей своей универсальности российский грузовой автомобильный транспорт имеет и ряд проблем, которые во многом сложились исторически давно и имеют негативную тенденцию. Среди ряда проблем, стоящих перед национальными транспортными операторами, особенно остро стоит вопрос обновления парка автотранспортных средств. До введения санкций и пандемии, темпы ротации не превышали 5 % в год, что было недостаточно для нормального и сбалансированного функционирования. При изменившихся маршрутах перевозки грузов, увеличения их протяжённости и сложности перевозки (простои на границах, ограничение транспортной доступности дорог и т.д.) уровень пополнения парка является неприемлемым для растущей экономики страны (Рисунок 1) [3].

Эта проблема не позволяет обеспечить темпы роста объёмов перевозок грузов в международном сообществе. Важную роль в настоящее время имеет и доставка социально-значимых грузов, кроме того, существенное значение имеют автомобильные перевозки грузов в целях импортозамещения товаров, попавших под санкции не дружественных стран.

Анализ статистической информации, представленной на Рисунке 1, показал, что большая часть подвиж-

ного состава грузового автомобильного транспорта российских перевозчиков физически и технически исчерпала свой ресурс, кроме того, существенная его часть имеет низкий, а иногда и нулевой класс экологической безопасности. Всё это указывает на недостаточную ротацию и дефицит в настоящее время автотранспортных средств в парках автотранспортных предприятий. Основной причиной сложившейся ситуации является отсутствие достаточных инвестиционных возможностей национальных транспортных предприятий.

В настоящее время в Российской Федерации насчитывается 2 471 542 транспортных средств (по данным «Автостат Инфо»), из них 58 % отечественного производства и 42 % — иномарки. Все предприятия, осуществляющие свою деятельность на рынке грузовых автомобильных перевозок отличаются по формам собственности, виду деятельности, грузоподъёмности и количеству транспортных средств у перевозчиков и другим аспектам. Кроме того, многие автотранспортные средства, имеющиеся в парках предприятий, не всегда используются в коммерческих целях, а осуществляют перевозки для собственных нужд их владельцев. Эти обстоятельства очень усложняют анализ инвестиционных возможностей предприятий, осуществляющих грузовые автомобильные перевозки на коммерческой основе.

Исходя из этого целесообразно анализировать только те предприятия автотранспортного комплекса, чья деятельность может однозначно квалифицироваться как коммерческие грузовые перевозки. В настоящее время к таким автотранспортным предприятиям, можно отнести предприятия, осуществляющие грузовые перевозки в международном сообщении. На основе информации предоставляемой РОСТРАНСНАДЗОР Министер-

Рис. 1. Динамика среднего срока эксплуатации парка российских автомобильных перевозчиков в период 2013–2023 гг. (Источник РА «АВТОСТАТ»)

ства транспорта Российской Федерации, установлен полный перечень предприятий, состоящих в реестре допуска к международным перевозкам. На 19.07.2024 г. в реестре состояло 65 533 транспортных средства допущенных к международным автомобильным перевозкам (МАП), из них лишь 55 845 единиц осуществляют грузовые перевозки¹. Кроме того, в реестре присутствуют организации, которые обслуживают интересы государства и государственных органов власти, а также коммерческие организации, являющиеся структурными подразделениями ритейлеров, таких как Корпоративный центр ИХС 5 («Пятёрочка»), АО «Тандер» («Магнит»), Мираторг и др. Для объективного анализа инвестиционных возможностей грузовых автотранспортных организаций, целесообразнее исключить перечисленные выше организации в связи с тем, что данные организации либо финансируются из бюджета, либо автотранспортная деятельность не является для них основной [4].

Анализ парка коммерческих грузовых автотранспортных организаций, показал, что 31 % перевозчиков, являющихся юридическими лицами, принадлежит 67 % автотранспортных средств, а на у индивидуальных предпринимателей имеется лишь 33 % парка. Таким образом, среднестатистический грузовой автомобильный перевозчик, имеет парк 17–18 автомобилей. Однако, среди автотранспортных предприятий есть и крупные компании, чей парк исчисляется сотнями, а иногда и тысячами транспортных средств. Крупные автотранспортные предприятия во много находятся в привилегированном положении, это касается и стоимости приобретения транспортных средств, условий получения заёмных средств и оформления автомобилей в лизинг, кроме того, многие крупные транспортные предприятия активно участвуют на рынке IPO. Таким образом можно сделать вывод, что парк автомобилей предприятий грузового автомобильного транспорта, осуществляющих свою деятельность в международном сообщении в среднем, не превышает 15 единиц. Этот показатель можно распространить на весь российский грузовой автомобильный транспорт. Транспортные организации с небольшими автопарками не всегда могут использовать финансовую аренду (лизинг), или банковское кредитование, по причине низкой рентабельности перевозочного процесса, кроме того собственных финансовых возможностей как правило такие организации не имеют [5]. На рисунках 2 и 3 представлено распределение транспортных компаний по организационно правовой форме и по объёму парка.

Введение против нашей страны санкций привело в том числе к изменению основных транспортных коридоров². Грузовой автомобильный транспорт в но-

¹ <https://rostransnadzor.gov.ru/deyatelnost/8>

² Решение Совета Европы от 8 апреля 2022 г. № 2022/578 о внесении изменений в Решение Совета Европы № 2014/512/CFSP

Парк грузовых автомобилей, единиц ТС

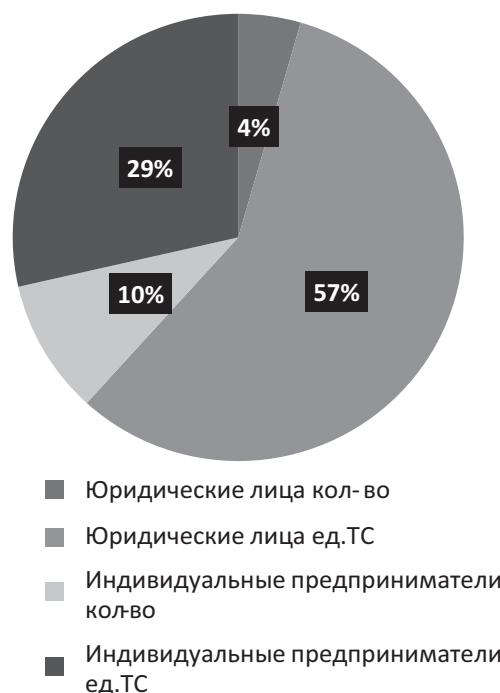

Рис. 2 Структура парка грузовых автомобилей по принадлежности юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям (Источник РОСТРАНСНАДЗОР)

Грузовые автотранспортные предприятия допущенные к международным перевозкам

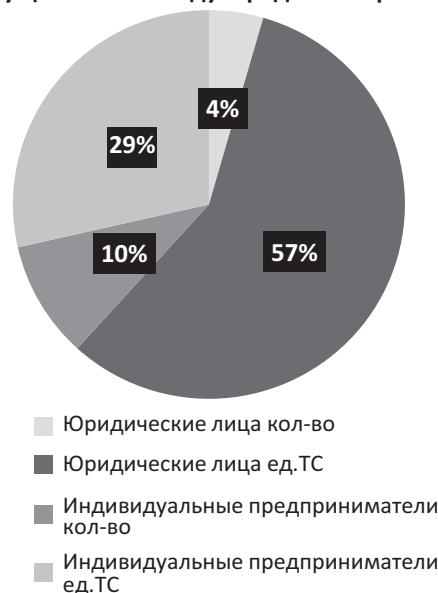

Рис. 3. Доля автотранспортных предприятий, допущенных к международным перевозкам (Источник РОСТРАНСНАДЗОР)

вых экономических и политических условиях работает не только на новых логистических маршрутах, но и участвует в мультимодальных перевозках. К первым можно отнести по маршруту «Восток» — Китай-Россия, Китай-Казахстан-Россия и т.д., ко вторым по маршруту

«Юг» — Китай–Иран–Туркменистан–Азербайджан–Россия, Китай–Иран–Казахстан–Россия, ОАЭ–Иран–Туркменистан–Азербайджан–Россия и т.д. При сравнительном анализе количества произведенных автотранспортными предприятиями в международном сообщении оборотных рейсов за «допандемийный» 2019 год и 2023 год, очевидно сокращение их количества практически в два раза с 1 448 325 в 2019 году до 741 159 в 2023 году. При детальном анализе было установлено, что в результате того, что протяженность маршрутов доставки товаров увеличилась, средняя длина оборотного рейса возросла в 2,2 раза и составила 7 754 км в 2023 году, в отличие от 2019 года, когда она составляла 3 606 км. Важным фактором является то, что при этом общий пробег автомобилей парков транспортных предприятий вырос только на 10,0 %, а перевезённое количество товаров сократилось вдвое.

Не смотря на то, благодаря активной деятельности ОАО РЖД часть грузов удалось перевести железнодорожным транспортом, полностью проблему доставки грузов решить не удалось в т.ч. из-за отсутствия контейнеров со стороны КНР. Это привело к тому, что на протяжении всего 2023 года и первой половины 2024 года

стоимость провозки грузов автомобильным транспортом возрастала, и в отрасли имел место существенный дефицит транспортных средств.

Особенностью новых маршрутов является не только наличие нескольких границ, неприспособленность дорожной инфраструктуры, а также значительное увеличение протяжённости маршрутов. В конце 2022 года национальные операторы столкнулись с дефицитом транспортных средств из-за ухода с рынка «европейских» производителей грузовых автомобилей. Это создало негативную ситуацию на рынке транспортных услуг. Кроме роста стоимости услуг [6], это привело и к тому, что на маршрутах, где традиционно работали российские перевозчики начали работать автотранспортные предприятия Белоруссии, Казахстана и т.д. Недостаточность подвижного состава высокая стоимость перевозки и другие логистические проблемы негативно повлияли на конкурентоспособность национальных автомобильных перевозчиков. С появлением на рынке грузовых транспортных средств производства КНР ситуация начала меняться в лучшую сторону, рост продаж составил к 2021 г. 44,6 %, а к 2022 г. — 71,3 %, динамика реализации грузовых автомобилей представлена в таблице 1.

Таблица 1.

Количество проданных транспортных средств (Источник РА «АВТОСТАТ»)

№ п/п	Марка	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
1	КАМАЗ	26 413	25 725	27 610	27 768	35 707	31 496	31 462
2	ГАЗ	7 796	8 352	8 867	6 820	9 593	5 396	7 049
3	SHACMAN	112	724	1 378	1 087	2 832	9 682	20 892
4	SITRAK	0	0	0	0	0	3 462	23 990
5	FAW	98	301	658	507	1 759	4 536	15 843
6	HOWO	78	271	463	401	1 563	3 741	6 768
7	JAC	68	270	491	380	1 221	2 585	3 467
8	Scania	5 702	6 679	5 621	4 924	7 341	1 249	507
9	Volvo	5 990	6 346	5 655	4 486	5 773	1 808	1 037
10	MAN	4 736	5 083	5 015	3 833	4 849	1 138	877
11	Mercedes	5 623	4 823	4 132	3 381	4 565	1 136	1 966
12	МАЗ	3 889	4 237	3 847	3 729	5 525	4 388	6 406
13	Isuzu	3 697	3 899	3 077	2 632	3 294	1 731	619
14	Урал	3 267	3 237	3 196	4 067	4 945	5 162	3 414
15	DAF	3 658	2 798	2 584	1 698	2 200	599	787
16	Другие	9 027	9 544	8 051	9 067	8 585	6 087	19 135
ВСЕГО		80 154	82 289	80 645	74 780	99 752	84 196	144 219

Анализ таблицы 1 показал, что до «пандемийный» рынок покупки грузовых автомобилей был достаточно стабильным, и составлял около 80,0 тыс. транспортных средств в год, в период пандемии в 2020 году произошло закономерное снижение объемов реализации автомобилей, которое составило порядка 7,0 %. В 2021 году в связи с изменением географии перевозок, переориентации на страны СНГ, Азии и Ирана произошёл рост объема покупок более чем на 23,0 %. Но в 2022 году, в связи с санкциями — уходом с рынка европейских производителей транспортных средств, отсутствием комплектующих, уровень продаж снизился на 16 %.

Существенный рост продаж грузовых автомобилей в 2023 году во многом связан с высокой востребованностью на рынке автотранспортных услуг. Применить к рынку автотранспортных услуг термин — «отложенный спрос» невозможно, т.к. ни складирование, ни перенос его во времени каким-то способом невозможны. Потребности заказчиков в транспортных услугах по перевозке грузов возрастали в течение всего 2023 года, но уже в течение 2024 года ситуация начала меняться в пользу железнодорожного и авиационного транспорта. За первое полугодие 2024 года рынок реализации грузовых автомобилей снизился на 2,0 %, причём снижение по июню и июлю 2023 года составило 16,0 % и 15,0 % соответственно. Причиной этому стали многие факторы, в том числе и стоимостные.

При анализе тарифов на перевозку грузов автомобильным транспортом было установлено, что значительную долю в расходах автотранспортных организаций составляют затраты на лизинг и выплату

процентов по кредитам [7]. Данный фактор был проанализирован на графике, представленном на рисунке 4, где указана величина ключевой ставки за период 2020–2024 гг.

Как видно из приведенных статистических данных по реализации новых грузовых автомобилей (таблица 1) и уровню ключевой ставки в РФ (рисунок 4), имеется очевидная зависимость между двумя показателями (чем выше ставка, тем ниже объем продаж).

Полученная взаимосвязь подтверждает, что отсутствие собственных источников финансирования не позволяет предприятиям автотранспортного комплекса осуществлять полноценное обновление парка автотранспортных средств, более того данная зависимость не дает перейти к расширенному воспроизводству. В настоящее время более 90,0 % сделок по приобретению транспорта происходит через лизинг, более 8,0 % через кредит и лишь чуть больше 1,0 % за счет внутренних источников. Собственные средства автотранспортных предприятий — это чистая прибыль, уставной и добавочный капитал учредителей и амортизация [7]. Как правило прибыль компаний минимальна, а накопленная амортизация отсутствует, по причине того, что она либо истрачена на текущую деятельность, либо не накапливалась, а перечислялась в лизинговую компанию в составе лизингового платежа. [8].

Небольшая доля транспортных средств, приобретенных за счет собственных источников обусловлена тем, что большая часть грузовых автомобильных перевозчиков, согласно проведенному в статье анализу, является малыми или средними автотранспортными предприятиями, которые не имеют финансовых накоплений, так как

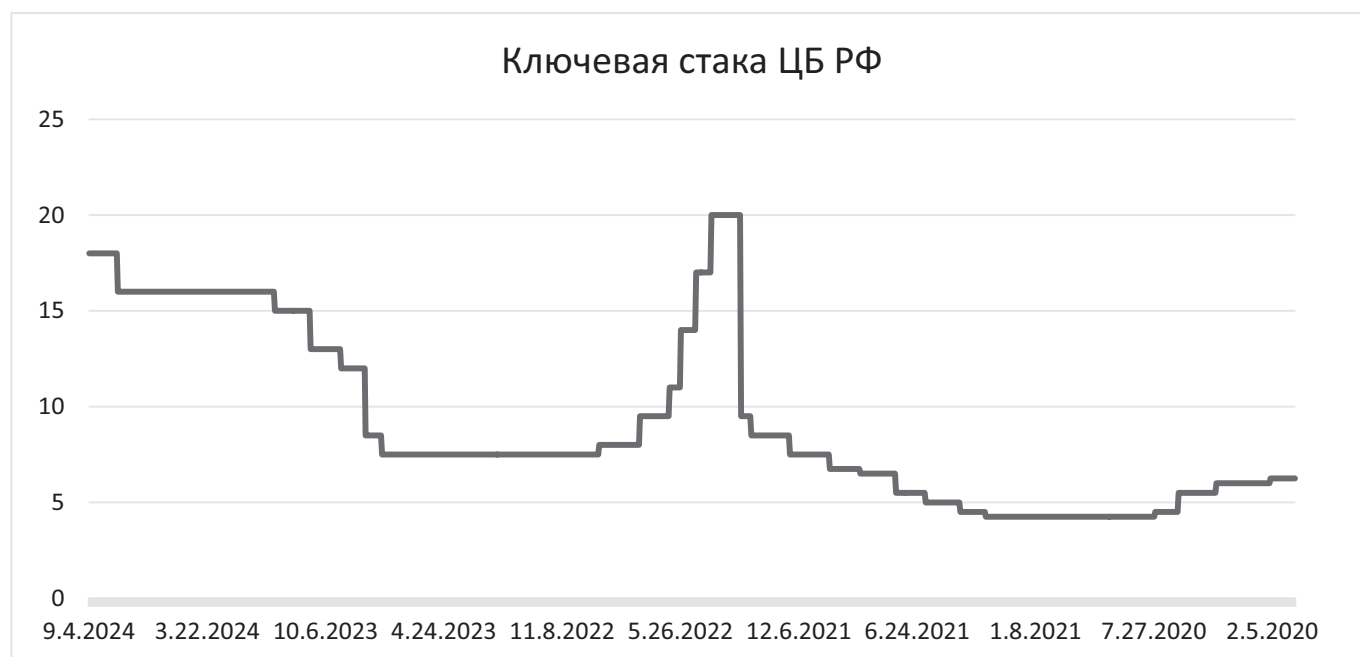

Рис. 4. Колебание ключевой ставки ЦБ РФ (Источник Банк России)

при низкой маржинальности перевозочного процесса не в состоянии накопить «подушку безопасности».

Прямая зависимость ключевой ставки и стоимости заимствований делают приобретение техники невозможной, а ценообразование в результате таких заимствований делает тарифы на транспортные услуги не конкурентоспособными по сравнению с другими видами транспорта. Низкая рентабельность и отсутствие собственных источников финансирования приобретения транспортных средств негативно сказывается

на развитии автотранспортного комплекса и национальной экономики в целом. [9,10].

В современных условиях для обеспечения сбалансированного развития грузового сегмента автотранспортного комплекса, невозможно без применения к процессу воспроизводства транспортных средств методики обновления парка автотранспортных предприятий, основанного на его самофинансировании с применением нелинейных способов начисления амортизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Матанцева О.Ю., Казанцев И.С., Низов М.А., Спирин И.В. Методические основы расширенного воспроизводства автотранспортных средств // Мир транспорта. 2021. Т. 19. № 4 (95). С. 48–61.
2. Казанцев И.С. Особенности инвестиций в обновление парка транспортных средств, компаний осуществляющих перевозку грузов в международном сообщении // Научный вестник автомобильного транспорта. 2022. № 2. С. 32–40.
3. Матанцева О.Ю., Казанцев И.С. Проблемы воспроизводства основных производственных фондов в автомобильном транспорте / В сборнике: РОССИЯ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ. ежегодник: материалы XX Национальной научной конференции с международным участием. Москва, 2021. С. 369–371.
4. Матанцева, О.Ю. Основы экономики автомобильного транспорта: учебное пособие [Текст] / О.Ю. Матанцева. — М.: Юстицинформ, 2020. — 256 с.
5. Матанцева О.Ю., Казанцев И.С. Методические основы обновления парка автотранспортных средств за счет собственных источников финансирования организаций, осуществляющих свою деятельность в международном сообщении // Транспортное дело России. 2022. № 3. С. 89–93.
6. Абалонин, С.М. Ценообразование — современные подходы. Ценовые факторы в деятельности автотранспортных предприятий: учебное пособие [Текст] / С.М. Абалонин. — М.: Транспорт, 2001. — 80 с.
7. Инвестиции на автомобильном транспорте: учеб. пособие [Текст] / В. И. Бережной, Е.В. Бережная, О.А. Алексеева и др. М.: Финансы и статистика, 2007. — 288 с.
8. Корнейчук, Г.А. Договоры аренды, найма и лизинга [Текст] / Г.А. Корнейчук; Изд.-торговая корпорация «Дашков и К°». — Москва: Дашков и К°, 2008. — 156, [1] с. — 20 см. — ISBN 978-5-91131-968-7
9. Матанцева О.Ю., Казанцев И.С. Особенности начисления амортизации на транспортные средства в соответствии с новым стандартом // Аудиторские ведомости. 2022. № 1. С. 11–18.
10. Матанцева О.Ю., Казанцев И.С. Влияние амортизационной политики на инвестиционную деятельность в России и за рубежом / В сборнике: Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Материалы XIII Международной научно-практической конференции. Отв. редактор В.И. Герасимов. Москва, 2022. С. 276–282.

© Матанцева Ольга Юрьевна (omat@niiat.ru); Казанцев Иван Сергеевич (ikazantsev@asmap-service.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ПРОМЫШЛЕННЫХ КЛАСТЕРОВ В ДОСТИЖЕНИИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КРЕАТИВНОСТИ В ИРАКЕ (ТЕМАТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОЙ КОМПАНИИ ТЕКСТИЛЬНОЙ И КОЖЕВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ, БАГДАД)

Насер Мухаммед Хусейн Насер

Аспирант, ГОУ ВПО «Российский университет
дружбы народов», Москва, Россия
muhammedalbadri13@gmail.com

THE ROLE OF INDUSTRIAL CLUSTERS IN ACHIEVING ORGANIZATIONAL CREATIVITY IN IRAQ (CASE STUDY OF THE GENERAL TEXTILE AND LEATHER INDUSTRIES COMPANY, BAGHDAD)

Nasser Muhammad Hussein Nasser

Summary. The purpose of this paper is to determine the role that industrial clusters play in the light of organizational creativity in the General Company of Textile and Leather Industries in Baghdad, and to solve the research problem through the emerging question: Is it possible to achieve organizational creativity in the studied company, relying on the role of industrial clusters? In order to answer it, a questionnaire was used as the main tool for collecting data and information on the practical side, which was distributed to (70) employees of the studied company, and the study relied on a set of statistical methods for analysis, and the results were extracted using statistical software (SPSS ver 26). As a result of the study, the results of the significant relationship between industrial clusters and organizational creativity in the studied company were obtained, and recommendations were made that provide a suitable climate environment to facilitate the acquisition of information that the company needs to improve its competitiveness.

Keywords: industrial clusters, competition, General Company of Textile And Leather Industry, organizational creativity, Baghdad, Iraq.

Аннотация. Целью данной статьи является определение роли, которую играют промышленные кластеры в организационной креативности в Генеральной компании текстильной и кожевенной промышленности в Багдаде, а также поиск ответа на следующий вопрос: возможно ли достичь организационной креативности в исследуемой компании, опираясь на роль промышленных кластеров? Чтобы ответить на поставленный вопрос, в качестве основного инструмента для сбора данных и информации использовался вопросник, который был распространен среди 70 сотрудников рассматриваемой компании. В процессе исследования использовались методы статистического анализа, а результаты были обработаны с помощью статистической программы SPSS ver 26. Были получены результаты о наличии значимой связи между промышленными кластерами и организационным творчеством (креативностью) в исследуемой компании, а также даны рекомендации, которые могут быть использованы с целью формирования подходящих условий для облегчения получения информации, которая необходима компании для повышения ее конкурентоспособности.

Ключевые слова: промышленные кластеры, конкуренция, Генеральная компания текстильной и кожевенной промышленности, организационное творчество, Багдад, Ирак.

Введение

Пространственное объединение компаний в общей отрасли приводит к совместному использованию технологий, ресурсов и клиентов, обмену опытом и навыками, их развитию и повышению качества производства путем внесения заметных улучшений в технические характеристики, компоненты и программы для обеспечения выживания на рынке с новыми продуктами, которые конкурируют с другими. С этой точки зрения группа компаний, расположенных близко друг к другу, как правило, образовывала кластеры, известные как промышленные кластеры. Такие кластеры более эффективны, чем компании, работающие по отдельности, и могут развивать и извлекать выгоду из рабочих навы-

ков и снижать экономические риски и распределять поставщиков для удовлетворения потребностей компаний и повышения их эффективности и качества продукции. Согласно вышеизложенному, это исследование показывает роль промышленных кластеров в повышении уровня организационного творчества (креативности) в Генеральной компании текстильной и кожевенной промышленности в Багдаде. Несмотря на важность исследовательских переменных, данные полевых исследований указывают на одну из проблем, с которой сталкивается текстильная и кожевенная промышленность Ирака, а именно: отсутствие интереса к исследованиям и разработкам и стремления «идти в ногу» с технологическими разработками, а также сложность развития производства, которое требует технической экспертизы и техни-

ческих консультаций со стороны специализированных организаций, работающих в этой области, в дополнение к обмену опытом и возможностями, а также взаимодействия друг с другом для преодоления колебаний рынка и решения связанных с ними неопределенностей.

Именно поэтому интерес представляет исследование того, как создается соответствующая среда для поддержки разработки и совершенствования продукции таким образом, чтобы повысить конкурентоспособность и устойчивость на рынках, а также повысить производительность организаций и распространить знания и инновации, которые активизируют возможности организации по ее совершенствованию и внедрению ноу-хау.

Следует отметить, что проблематике развития кластеров уделяется достаточно много внимания в исследованиях как российских [1, 2, 4–8, 10, 11, 13–15], так и зарубежных авторов [9, 12, 16, 18, 20, 21]. Тем не менее недостаточно изученным остается обоснование роли кластеров, прежде всего промышленных, в достижении организационной креативности.

Наше исследование направлено, прежде всего, на анализ и проверку наличия корреляции и уровнем ее значимости между промышленными кластерами и повышением уровня организационной креативности в изучаемой компании, а также на анализ и проверку данных взаимосвязи влияния и уровнем ее значимости между промышленными кластерами и повышением уровня организационной креативности в исследуемой компании.

Цель исследования — определение роли, которую играют промышленные кластеры в организационной креативности в Генеральной компании текстильной и кожевенной промышленности в Багдаде, поиск ответа на вопрос о том, возможно ли достичь организационной креативности в исследуемой компании, опираясь на роль промышленных кластеров, а также разработка комплекса предложений для руководства компании по повышению организационной креативности и, как следствие, конкурентоспособности.

Исследовательские гипотезы

Первая основная гипотеза: статистически значимая корреляция между промышленными кластерами и повышением уровня организационной креативности в рассматриваемой компании отсутствует. Отсюда вытекает подгипотеза: отсутствует статистически значимая корреляция между каждым измерением промышленных кластеров и измерениями повышения уровня организационных инноваций в исследуемой компании.

Вторая основная гипотеза: отсутствует статистически значимая взаимосвязь между промышленными

кластерами и повышением уровня организационной креативности в исследуемой компании. Отсюда вытекает подгипотеза: отсутствует статистически значимая взаимосвязь между каждым из измерений промышленных кластеров и измерениями повышения уровня организационных инноваций в исследуемой компании.

Теоретическая часть

1. Промышленные кластеры

Начало исследований промышленных кластеров было положено М. Портером в 1990 г., когда он изучал конкурентные преимущества разных стран. М. Портер представил подход к формированию кластеров, которые способны улучшить бизнес-среду, и описал промышленные кластеры как группу, которая географически и социально близка к взаимосвязанным организациям и учреждениям, специализирующимся в определенной области или среде, а их участие в кластере приводит к снижению затрат и обеспечивает более легкий доступ к специализированным ресурсам (машинам, оборудованию и т.д.), обмен информацией, технологиями, специализированными услугами, доступность рабочей силы. Таким образом, организации, входящие в кластер, становятся более конкурентоспособными и инновационными, чем те организации, которые работают отдельно. Кластерные связи со временем приводят к повышению местной и глобальной конкурентоспособности [19]. Инновационные промышленные кластеры и их стратегическое развитие являются эффективными инструментами для решения многих проблем, связанных с социальным и экономическим развитием. Они могут способствовать быстрому развитию различных областей национальной или региональной экономики [12]. Можно выделить три категории внешних факторов, оказывающих положительное влияние на деятельность компаний, участвующих в кластере: 1) наличие специалистов и возможность обмена ими между организациями; 2) побочные эффекты от внедрения технологий; 3) распространение и передача знаний между организациями в рамках кластера. Поскольку эти внешние характеристики генерируются не только географической близостью, но и горизонтальным и вертикальным отраслевым разделением труда, все заинтересованные стороны получают выгоду от коллективной специализации, которая возникает при работе в одной и той же отрасли, на одной ресурсной базе и в рамках одной цепочки поставок. Аналогичным образом, организации получают выгоду от социальной, культурной и организационной близости в активизации сотрудничества с другими компаниями, клиентами и государственными учреждениями посредством объединения инфраструктуры и генерации знаний и перелачи информации, что повышает инновационность и конкурентоспособность промышленных кластеров [21]. Промышленные кластеры можно определить как гео-

графическую группу ряда организаций и учреждений, связанных друг с другом в определенной области таким образом, что они интегрируются друг с другом по вертикали и горизонтали на всех этапах производственного процесса, тем самым формируя полную цепочку создания добавленной стоимости продукта, и эти отношения включают обмен товарами и услугами, информацией, человеческими ресурсами [16]. По мнению Заркина А. (2014) [9], это кластер — это группа организаций, которые разделяют общие факторы, такие как использование схожих технологий, участие в одних и тех же маркетинговых каналах, получение выгоды от имеющейся рабочей силы или наличие между ними отношений вперед идущей и назад идущей интеграции. По мнению Хаддада Ф., Маддаха Орайби Х., Хишама М. [18], кластер — это группа схожих организаций, интегрированных на основе географического признака, связанных друг с другом и занимающихся взаимодополняющими видами деятельности посредством каналов коммерческих транзакций коммуникаций. Кластеры совместно используют специализированную инфраструктуру, рынки труда и другие факторы, а также сталкиваются с одними и теми же возможностями и угрозами для бизнеса.

2. Организационное творчество (креативность)

Некоторые рассматривают организационное творчество (креативность) как процесс, результатом которого является появление новой идеи, практики, услуги или продукта, которые могут быть приняты сотрудниками организации или предложены им лицами, принимающими решения [20]. Учитывая проблемы и трудности, с которыми сталкиваются организации в деловой среде, будь то экономические, политические или социальные угрозы, а также принимая во внимание наличие технологических разработок и усиление конкуренции, для этих организаций стало необходимым работать над тем, чтобы противостоять этим вызовам и угрозам с помощью модернизации и развития, при этом не отставая от конкурентов [3]. Осознание менеджерами и руководством организаций необходимости изменений и улучшений в административных процессах и их целях, а также увеличения производительности труда приводит к необходимости работы над совершенствованием организационного творчества (креативности). Для этого необходимо обеспечить надлежащие условия, т.е. психологический климат, в компании, который позволял бы работникам с различными способностями проявлять свои творческие способности и оптимально их использовать. Это могло бы обеспечить рост и развитие организации в целом и повышение уровня производительности труда ее сотрудников, в частности. При этом, на наш взгляд, организационное творчество является одной из основных потребностей в управлении бизнесом. Успешные организации не должны останавливаться на стратегии выживания. Они должны иметь амбиции, реализовать

новые идеи, повышать производительность [17]. Например, по мнению, Ахмеда Исмаила (2019) считает, организационное творчество — это один из процессов или вид поведения, практикуемого отдельными лицами в организации, будь то менеджеры или сотрудники, которое приводит к изменениям в организационной структуре, политике и административных моделях за счет применения новых методов и способов решения проблем.

Практическая часть

1. Проверка корреляции между переменными

Коэффициент корреляции (корреляция Пирсона) используется для выяснения направления, силы и характера связи между любыми двумя переменными и позволяет сделать вывод о направлении связи с точки зрения (прямой или обратной) на основе эталонного значения коэффициента корреляции. Коэффициент корреляции принимает значения на отрезке от -1 до 1 . Чем значение ближе к 1 , тем сильнее связь между двумя переменными. Уровень значимости $0,05$ указывает на наличие значимой связи между двумя переменными.

Проверка первой основной гипотезы: статистически значимая корреляция между промышленными кластерами и повышением уровня организационной креативности отсутствует.

Таблица 1 показывает, что существует положительная значимая корреляция между промышленными кластерами и повышением уровня организационной креативности. Это означает, что всякий раз, когда вспомогательные факторы доступны при формировании промышленных кластеров, уровень организационной креативности увеличивается, так как общиндексное значение коэффициента корреляции достигло $0,825$ при уровне значимости $0,05$. Это свидетельствует об отклонении от основной гипотезы и принятии альтернативной гипотезы.

Таблица 1.

Результаты общей корреляции между переменными на уровне исследуемой компании

Независимая переменная / Зависимая переменная	Промышленные кластеры
Организационная креативность	* $0,825$

Источник: составлено авторами (с учетом результатов электронного калькулятора) с использованием программы SPSS.

Уровень значимости: $N=70$; $P \leq 0,05$ (значимо).

Проверка **подгипотезы**, вытекающей из первой основной гипотезы: отсутствует статистически значимая корреляция между каждым из измерений промышленных кластеров и повышением уровня организационной

креативности. Наличие корреляции может быть определено между каждым из измерений промышленных кластеров и повышением уровня организационной креативности (табл. 2)

Таблица 2.

Результаты статистического анализа корреляции между переменными на уровне исследуемой компании

Зависимая переменная	Независимая переменная	Организационная креативность
Промышленные кластеры	Факторы спроса	*0,793
	Факторы производства	*0,658
	Ассоциированные и вспомогательные отрасли	*0,759
	Стратегия организации и ее конкурентов	*0,767

Источник: составлено авторами (с учетом результатов электронного калькулятора) с использованием программы SPSS.

Значимо: $N=70$; $P \leq 0,05$.

1. *Связь между факторами спроса и совокупным ростом уровня организационной креативности.* Таблица 2 показывает, что существует значимая корреляция между факторами спроса (как одним из измерений независимой переменной), а совокупный рост уровня организационной креативности считается зависимой переменной. Коэффициент корреляции составил 0,793 при уровне значимости 0,05.
2. *Связь между производственными факторами и повышением уровня организационной креативности.* Таблица 2 показывает, что существует положительная значимая корреляция между производственными факторами как одним из измерений независимой переменной и повышением уровня организационной креативности в качестве зависимой переменной, поскольку значение коэффициента корреляции составило 0,658 при уровне значимости 0,05. Это означает, что каждый раз, когда производственные факторы доступны и имеется соответствующая рабочая среда в компании, это приводит к повышению уровня организационной креативности в ней.
3. *Связь между ассоциированными и вспомогательными отраслями и повышением уровня организационной креативности.* Таблица 2 указывает на существование положительной значимой корреляции между ассоциированными и вспомогательными отраслями как одним из измерений независимой переменной и повышением организационной креативности в качестве зависимой

переменной, поскольку значение коэффициента корреляции достигло 0,759 при уровне значимости 0,05, что означает, что чем больше увеличивались отношения компании с поставщиками, внешними и консалтинговыми институтами, тем выше в ней уровень организационной креативности.

4. *Связь между стратегией организации и ее конкурентов и повышением уровня организационной креативности.* Таблица 2 показывает, что существует положительная значимая корреляция между стратегией организации и ее конкурентов как одним из измерений независимой переменной и повышением организационной креативности, поскольку значение коэффициента корреляции достигло 0,767 при уровне значимости 0,05. Это означает, что когда компания имеет альтернативные стратегии, это приводит к повышению уровня организационной креативности.

На основании представленных в таблице 2 результатов, мы приходим к выводу, что подгипотезы, вытекающие из первой основной гипотезы, были отклонены, а альтернативные гипотезы приняты.

2. Проверка взаимосвязи влияния между переменными исследования

Проведем проверку второй основной гипотезы и подгипотез, вытекающих из нее, на уровне исследуемой компании с целью получения принятия или отклонения гипотезы о взаимосвязи влияния между переменными исследования (производственными факторами, сопутствующими и вспомогательными отраслями, стратегией организации и ее конкурентов) и повышением уровня организационной креативности. Наша цель — достижение точного суждения относительно отклонения или принятия гипотезы и подгипотез.

Итак, **вторая основная гипотеза** утверждает, что существенный статистически значимый эффект между промышленными кластерами и повышением уровня организационных инноваций отсутствует.

В таблице 3 представлены результаты регрессионного анализа. Очевидно, что существует значительный эффект влияния объединенных промышленных кластеров на повышение уровня организационной креативности, поскольку расчетное значение F достигло 183,487, что выше его табличного значения 4,001 при двух степенях свободы 1,68 и уровне значимости 0,05, а коэффициент детерминации составил $R^2=0,730$. Это означает, что 73 % различий, объясняющих повышение уровня организационной креативности, обусловлены промышленными кластерами, а остальные 27 % обусловлены неконтролируемыми или случайными величинами. В регрессионной модели расчетное значение $T=13,346$, что является

Таблица 3.
Влияние промышленных кластеров на повышение организационной креативности на уровне исследуемой компании

Независимая переменная / Зависимая переменная	Промышленные кластеры		R2	F	
	В0	В1		расчетный	табличный
Организационная креативность	0,854	0,940 (13,346)*	0,730	183,487	4,001

Источник: составлено авторами (с учетом результатов электронного калькулятора) с использованием программы SPSS.

df (1,68); P ≤ 0,05; N = 70 (значимо).

значимым и превышает его табличное значение 1,67 при уровне значимости 0,05 и двух степенях свободы 1,68. Таким образом, результаты указывают на то, что вторая основная гипотеза не была подтверждена на уровне исследуемой компании, поэтому вторая основная гипотеза будет отклонена, а альтернативная гипотеза принята.

Проверка **подгипотезы**, вытекающей из второй основной гипотезы: отсутствует статистически значимый эффект между каждым измерением промышленных кластеров и измерениями повышения уровня организационной креативности (табл. 4).

Таблица 4.
Влияние размеров промышленных кластеров на повышение уровня организационной креативности в совокупности на уровне исследуемой компании

Зависимая переменная / Независимая переменная (Размеры промышленных кластеров)	Повышение уровня организационной креативности		R2	F	
	В0	В1		расчетный	табличный
Факторы спроса	0,794	0,807 (10,774)*	0,631	116,072	2,758
Факторы производства	0,718	0,784 (8,515)*	0,516	72,513	2,758
Ассоциированные и вспомогательные отрасли	0,783	0,747 (10,388)*	0,613	107,912	2,758
Стратегия организации и ее конкурентов	0,799	0,822 (11,896)*	0,671	141,506	2,758

Источник: составлено авторами (с учетом результатов электронного калькулятора) с использованием программы SPSS.

df (1,68); P ≤ 0,05; N = 70 (значимо).

Из таблицы 4 видно, что наибольшее влияние промышленных кластеров на повышение уровня организационной креативности представлено в стратегии организации и ее конкурентов, во-первых, как значение В1=0,822 и значение Т=11,896, что является значимым и больше табличного значения, составляющего 1,67 при двух степенях свободы 1,68. На втором месте — эффект поддержки аффилиации в повышении осведомленности: значение В1=0,747) и значение Т=10,868), что является значимым и больше табличного значения 1,67 при степени свободы 3,66, а эффект поддержки инноваций в повышении осведомленности в целом оказался на третьем месте, со значением В1=0,775 и Т=10,105, что является значимым и больше табличного значения 1,67 при степени свободы 3,66.

На основании представленных результатов, показанных в таблице 4, мы приходим к выводу, что подгипотезы, вытекающие из второй основной гипотезы, были отклонены, а альтернативные гипотезы приняты.

Заключение

Подведем некоторые итоги.

1. Рассматриваемая компания не имеет соответствующей рабочей среды, которая поддерживает генерацию новых идей и использование современных методов работы, что отражается в ее слабой конкурентоспособности.
2. Наблюдается отсутствие у исследуемой компании интереса к научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам, особенно в области отслеживания технологических разработок, связанных с проектированием и производством, и следования новым научным методам для улучшения и разработки продукта.
3. Рассматриваемая компания не обладает высоконадежными источниками поставок; не участвует в вперед идущей и назад идущей интеграции, что отражается на качестве продукции компании.
4. Слабые связи рассматриваемой компании с научно-исследовательскими институтами и внешними консультационными центрами негативно влияют на уровень компетенций, необходимых для выполнения работы в кратчайшие сроки.
5. Из результатов анализа стало ясно, что существует значительная корреляция между промышленными кластерами и организационной креативностью с точки зрения значения коэффициента корреляции. Также существует значительная корреляция между каждым из факторов (факторы спроса, факторы производства, поддерживающие отрасли, стратегия организации и ее конкурентов) с организационной креативностью компании.

На наш взгляд, для совершенствования компании и улучшения отдельных компонентов ее деятельности полезными могут быть следующие предложения:

1. Изменение преобладающей культуры в компании и обеспечение соответствующей рабочей среды, которая поддерживает новые идеи и повышает интерес к человеческому фактору, что оказывает непосредственное влияние на эффективность промышленных кластеров.
2. Активизация научно-исследовательской и опытно-конструкторской деятельности на уровне компании и увеличение финансовых ассигнований на эту деятельность, что в значительной степени способствует отслеживанию технологических разработок и повышению уровня креативности в компании.
3. Мониторинг и отслеживание информации о поставщиках, рынках, требуемых технических характеристиках, эффективности операций, изучение цепочки поставок и создания добавленной стоимости на каждом этапе и сравнение ее с конкурентами.
4. Необходимость обеспечения соответствующей инфраструктуры, особенно в области коммуникации и работы с научно-исследовательскими институтами, которые предоставляют научные продукты, достойные внимания и применения, и поощряют создание промышленных кластеров с точки зрения предоставления требуемых компетенций и ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абузярова, М.И. Экосистемный подход к развитию креативных кластеров / М.И. Абузярова // Экономика, предпринимательство и право. — 2023. — Т. 13, № 6. — С. 1759–1770. — DOI 10.18334/epp.13.6.118422. — EDN CCKGCK.
2. Андреева, Т.А. Совершенствование организационных механизмов реализации мультиагентных проектов в кластерных образованиях / Т.А. Андреева // Лидерство и менеджмент. — 2022. — Т. 9, № 2. — С. 553–566. — DOI 10.18334/lim.9.2.114207. — EDN YMFWGN.
3. Аль-Суб, Й.З. Посредническая роль организационной креативности в отношениях между стратегическим интеллектом и конкурентным преимуществом / Й.З. Аль-Суб, М.М. Аль-Касасбех // Журнал делового администрирования и экономических исследований. — 2021. — С. 17.
4. Андреева, Т.А. Анализ существующих подходов к формированию и реализации совместных инновационных проектов в мезоэкономических системах на примере кластерных образований / Т.А. Андреева // Вопросы инновационной экономики. — 2024. — Т. 14, № 2. — С. 603–616. — DOI 10.18334/vines.14.2.120989. — EDN FBGQVM.
5. Волов, В.Т. Методика трансформации образовательных организаций на основе фрактально-кластерной теории / В.Т. Волов, А.М. Збарский, М.А. Гаранин // Лидерство и менеджмент. — 2023. — Т. 10, № 3. — С. 871–886. — DOI 10.18334/lim.10.3.118731. — EDN BRLYFR.
6. Герцик, Ю.Г. Управление климатическими проектами в кластерных структурах с использованием методологии PRISM / Ю.Г. Герцик, Е.В. Дробот // Вопросы инновационной экономики. — 2023. — Т. 13, № 3. — С. 1365–1394. — DOI 10.18334/vines.13.3.118669. — EDN ACAVCI.
7. Донцова, О.И. Цифровая трансформация системы управления промышленными кластерами / О.И. Донцова // Вопросы инновационной экономики. — 2022. — Т. 12, № 2. — С. 897–910. — DOI 10.18334/vines.12.2.114836. — EDN MCIIES.
8. Дробот, Е.В. Структуры кластерного типа в государственном менеджменте мезосистем / Е.В. Дробот, И.Н. Макаров, Ю.В. Сухина, Е.Ю. Коротаяева // Экономика, предпринимательство и право. — 2024. — Т. 14, № 7. — С. 3499–3512. — DOI 10.18334/epp.14.7.121453. — EDN WQJQTT.
9. Заркин, А. Промышленные кластеры как стратегия повышения конкурентоспособности малых и средних предприятий в Алжире / А. Заркин // Багдадский журнал экономических наук. — 2014. — С. 41.
10. Казакова, М.В. Творческие кросс-инновационные кластеры как драйверы современного экономического развития / М.В. Казакова // Вопросы инновационной экономики. — 2023. — Т. 13, № 4. — С. 2143–2158. — DOI 10.18334/vines.13.4.119716. — EDN TFAXGA.
11. Кобин, П.Н. Инновации в металлургическом кластере Российской Федерации и факторы инновационного развития / П.Н. Кобин // Первый экономический журнал. — 2024. — № 2(344). — С. 37–44. — DOI 10.58551/20728115_2024_2_37. — EDN XIBOMD.
12. Конг, М. Эффективность развития инновационных промышленных кластеров Китая на основе модели DEA-Мальмквиста / М. Конг, Х. Ван, К. Ву // Арабский журнал наук о Земле. — 2021. — 14 (7). — С. 1–15.
13. Макаров, И.Н. Государственно-частное партнерство и кластерные образования в составе инструментария государственной политики управления мезосистемами / И.Н. Макаров, Е.В. Дробот, А.И. Володина [и др.] // Экономика, предпринимательство и право. — 2024. — Т. 14, № 4. — С. 1271–1282. — DOI 10.18334/epp.14.4.120859. — EDN OZFXLK.
14. Миндлин, Ю.Б. Преимущества и недостатки кластерного подхода в условиях Российской экономики / Ю.Б. Миндлин // Первый экономический журнал. — 2023. — № 1(331). — С. 90–95. — DOI 10.58551/20728115_2023_1_90. — EDN UMLMZQ.
15. Пудовкина, О.Е. Кластеризация в промышленности как потенциал для развития технологичной экономики / О.Е. Пудовкина, М.И. Иваев, Е. Г. Сафронов, Н.Ю. Нарыжная // Креативная экономика. — 2024. — Т. 18, № 2. — С. 323–336. — DOI 10.18334/ce.18.2.120385. — EDN QZPXDF.
16. Салам, С. Административная организация промышленных кластеров как требование развития и механизм повышения конкурентоспособности малых и средних предприятий в свете видения Королевства 2030 / С. Салам // Экономическое будущее. — 2019. — С. 7.
17. Тауфик, О.И. Влияние систем поддержки принятия решений на организационную креативность: полевое исследование в промышленных компаниях в мухафазе Дофар / О.И. Тауфик, З.О. Билал // Журнал экономических, административных и юридических наук. — 2020. — С. 94.

18. Хаддад, Ф. Механизм воздействия стратегии промышленного кластера комплекса Омара бин Омара на структуру сектора пищевой промышленности в Алжире / Ф. Хаддад, Х. Маддах Орайби, М. Хишам // Журнал лидерства для деловой экономики. — 2019. — С. 25.
19. Шакиб, М.Д. Использование системной динамики для оценки политики развития промышленных кластеров / М.Д. Шакиб // Компьютеры и промышленная инженерия. — 2020. — С. 147.
20. Шейх, Б.М. Влияние стратегической разведки на организационное творчество, исследовательское исследование мнений выборки преподавателей Колледжа административных наук / Б.М. Шейх, Т.М. Али // Журнал экономических и административных наук Университета Анбар. — 2017. — С. 199.
21. Sosnovskikh, S., & Cronin, B. (2020). The effects of culture, attitudes and perceptions on industrial cluster policy: The case of Russia. *Competition & Change*. 25(3-4), 350–381. <https://doi.org/10.1177/1024529420949491>

© Насер Мухаммед Хусейн Насер (muhammedalbadri13@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОДЕЛЬ, ФУНКЦИОНАЛ И РОЛЬ СУБЪЕКТА УПРАВЛЕНИЯ В ИННОВАЦИОННОМ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННЫХ КОМПАНИЙ

MODEL, FUNCTIONALITY AND ROLE OF THE MANAGEMENT SUBJECT IN THE INNOVATIVE TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL COMPANIES

M. Nikulin

Summary. The article examines the problem of the subject of implementation of innovative technological development (ITD) projects, which plays a key role in the practical implementation of corporate-level innovative development programs. A model is proposed and the functionality of such a center within the corporation is described, which will ensure the synchronization of the corporate-level innovative development strategy with national strategies for scientific and technological development, the implementation of relevant programs within the framework of the created process of ITD project management, ensuring the economic effect for the corporation.

Keywords: economics of innovation, innovation management, scientific and technological development, innovative technological development projects.

Никулин Михаил Владимирович

Докторант, кандидат химических наук,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет
nik2son@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрена проблема субъекта реализации проектов инновационного технологического развития (ИТР), играющего важнейшую роль в практической реализации программ инновационного развития корпоративного уровня. Предложена модель и описан функционал такого центра внутри корпорации, который обеспечит синхронизацию стратегии инновационного развития корпоративного уровня с национальными стратегиями научно-технологического развития, реализацию соответствующих программ в рамках созданного процесса управления проектами ИТР, обеспечивающих экономический эффект корпорации.

Ключевые слова: экономика инноваций, управление инновациями, научно-технологическое развитие, проекты инновационного технологического развития.

Введение

Промышленные компании, лидеры отраслей реального сектора экономики, играют ключевую роль в процессе достижения технологического суверенитета, так как именно они в итоге являются реализаторами стратегий и программ научно-технологического развития национального и корпоративного уровней, внедряя суверенные разработанные новые технологии и продукты на собственных производствах, и, таким образом, проходя путь от разработки и инжиниринга инновации до ее внедрения и коммерциализации. В связи с этим промышленные компании должны быть встроены в национальную систему научно-технологического развития (далее — НТР), как с точки зрения синхронизации стратегией научно-технологического развития национального и корпоративного уровней, так и с точки зрения субъекта управления процессом инновационного технологического развития. Именно поэтому для достижения цели технологического суверенитета крайне важен вопрос роли и функционала субъекта, отвечающего за управление инновационным технологическим развитием в рамках корпорации, и обеспечивающего интеграцию процессов НТР корпорации в систему страны.

Литературный обзор

Анализ проводился на основе таких базовых понятий как «субъект инновационной деятельности», отвечающий за реализацию стратегий и программ инновационного развития, «объект», который может рассматриваться в качестве инновационного проекта, а также в качестве процесса, включающего стадии от определения приоритетов НТР и до конечной точки создания суверенных производств нового продукта.

Инновационный проект является формой организации инновационной деятельности на предприятии. «Инновационный проект», таким образом, это самый широкий термин, который охватывает любые проекты, направленные на создание новых продуктов, процессов, услуг или бизнес-моделей, одним словом, новшеств. Термин может включать в себя:

- проекты технологического развития, направленные на создание новых технологий или улучшение существующих;
- проекты НИОКР, которые фокусируются на фундаментальных исследованиях, прикладных разработках и создании прототипов, являются ключе-

вым элементом технологического развития, но не ограничиваются им;

- проекты модернизации производства: модернизация может быть инновационной, если она приводит к существенным улучшениям продукции, качества, росту производительности или снижению затрат.

На практике границы между типами проектов часто размыты, а для успешного управления инновационной деятельностью предприятия необходимо использовать комплексный подход, учитывающий все аспекты. Значительная часть продуктов/технологий, которые отвечают стратегии научно-технологического развития, должны быть физически произведенными продуктами отечественной промышленности и конкретных производств. С этой точки зрения, технологический суверенитет неразрывно связан с вопросами технологического развития промышленности и модернизации производств¹, так как новый инновационный продукт должен быть внедрен на модернизированном производстве в рамках использования новой технологии и работы новых производственных линий и оборудования.

Проблема заключается в том, что сам по себе объект управления достаточно разнообразен, не до конца определен и включает в себя инновации всех типов, НИОКР, научные исследования, процессы технологической модернизации производств и др., соответственно определение субъекта управления в таких условиях достаточно затруднительно. В связи с чем в данном исследовании предлагается сосредоточиться на определенном объекте управления — инновационном технологическом развитии, поскольку именно данное понятие отвечает задачам достижения технологического суверенитета и позволяет выстроить процесс его достижения последовательно и системно, что, соответственно, позволит четко определить и сам субъект управления.

Логично, что реализацией проектов инновационного технологического развития занимается определенная организационная структура — субъект инновационного технологического развития. Понятие субъекта управления инновационным технологическим развитием неразрывно связано с понятиями «инновация», «инновационный менеджмент» и, собственно, самим понятием «технологическое развитие» (которое многими экспертами характеризуется обязательным условием инновационности).

Понятие «инновация» имеет множество определений [1, 2, 3, 4], значительная часть из них сводится к тому, что инновация — это некое новшество, которое было

¹ В соответствии с утвержденной Концепцией технологического развития РФ на период до 2030 г.

разработано и коммерциализировано (внедрено) [5, 6, 7]. Поэтому технологический суверенитет имеет очевидную связь с инновациями и инновационным процессом. При этом стоит отметить, что речь идет и о создании собственных новых технологий, то есть о процессе проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), рассматриваемом в рамках инновационного менеджмента [8], так как в данном случае инновация не возникает сама по себе, а является результатом научно-исследовательских разработок и, чтобы быть внедренной, должна пройти стадию опытно-конструкторских разработок.

Важно отметить, что в научной литературе в области субъектов управления корпоративными инновациями информации крайне мало. Существуют исследования разных типов субъектов, среди них научные организации, венчурные фонды, институты развития, технопарки, малые инновационные предприятия, корпорации и ФОИВы, осуществляющие реализацию различных типов инноваций, НИОКР и научных разработок. Выделяют также компании-лидеров инновационного развития, осуществляющих программы инновационного развития, часто это компании с государственным участием. При этом отмечается, что важнейшую роль в практической реализации программ инновационного развития, то есть управления инновационным процессом, играет высшее руководство компаний, прежде всего, генеральное директорство [9], то есть бизнес-процесс управления инновациями носит характер регулярного и выстроенного лишь частично. Для решения этой проблемы и повышения качества управления инновациями компании создают специализированные подразделения по управлению инновациями, которые сегодня существуют уже в большом числе крупных российских компаний. В корпоративной иерархии эти подразделения редко имеют значительный вес и обычно тяготеют к одному из полюсов силы, представленных, с одной стороны, блоком научно-технологического развития, а с другой — блоком стратегии и перспективного развития. Тяготение к одному из блоков зависит от степени технологичности бизнеса и определяет, фокусируется ли подобное подразделение на отдельных аспектах управления стратегическим развитием либо обеспечивает разработку и внедрение новых продуктов и технологий. Обе этих крайности не позволяют полноценно реализовывать широкую программу инновационного развития с учетом инноваций всех типов, и соответственно, не могут быть базисом для реализации задач НТР.

Например, согласно статистике [9], из 20 компаний, занятых инновационным технологическим развитием, у большинства, двенадцати, тематика инновационной деятельности закреплена за заместителем директора по блоку научно-технологического развития. У других четырех компаний инновации относятся к стратегиче-

скому блоку. В двух компаниях эти тематики оказались объединены в рамках одного направления: соответствующий блок именуется «по науке и стратегии» («Росатом») или «по перспективным программам и науке» («Роскосмос»). Некоторые компании создали специальные «центры инноваций» [9]: Центр инноваций в МТС, Центр стратегических инноваций в «Ростелекоме», Исследовательско-аналитический центр в «Роскосмосе». В ОАО «РЖД» действует Центр инновационного развития (ЦИР) в статусе филиала ОАО «РЖД», выступая в качестве «единого окна» для высокотехнологичных компаний, предлагающих инновационные решения в интересах ОАО «РЖД». Нестандартная организационная схема применена в «ИнтерРАО», где функции управления инновационной деятельностью сосредоточены в фонде поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности «Энергия без границ». Некоторые компании, такие как «Сбербанк» и «Северсталь», используют децентрализованную схему управления инновациями, когда планирование и непосредственная реализация инновационного развития происходит в рамках отдельных направлений.

Исходя из проанализированной специализированной и научной литературы, можно сделать вывод об отсутствии конкретного термина, характеризующего структурное подразделение, отвечающее за управление инновациями в организации («генеральный директор», «высшее руководство компаний», «блок научно-технологического развития», «блок стратегии и перспективного развития», «объект инновационной инфраструктуры», «инициатор инновационной деятельности в компании (генеральный директор, директор по продажам, ИТ-директор, финансовый директор, директор по производству, технический директор)»). При этом функционал, которым должен обладать субъект управления инновациями на корпоративном уровне не описывался системно в научной литературе. Так, встречается следующая формулировка функционала: «под управлением инновационным проектом понимается процесс принятия и реализации управленческих решений, связанных с определением целей, организационной структуры, планированием мероприятий и контролем над ходом их выполнения, направленных на реализацию инновационной идеи. Обобщённо цикл управления можно представить двумя стадиями: разработка инновационного проекта и управление его реализацией» [10].

Таким образом, существует проблема отсутствия четкого определения и унифицированного понятия субъекта реализации стратегий/программ инновационного развития на корпоративном уровне, а именно отсутствует модель такого субъекта, которая бы была наделена соответствующими признаками и отражала определенный функционал. В настоящем исследовании предлагается сосредоточиться именно на роли субъекта корпоратив-

ного уровня, осуществляющего управление процессом инновационного технологического развития в рамках корпораций, так как именно это соответствует основной поставленной задаче — создание системы, обеспечивающей реализацию ИТР и достижение технологического суверенитета [11].

Для дальнейшего исследования проблемы предлагается использовать в качестве тождественного «субъекту инновационного технологического развития» понятие «центр инновационного технологического развития» с целью создания унифицированной модели данного понятия.

Таким образом, из проведенного анализа можно сделать выводы о том, что определение четкой роли и функционала субъекта ИТР в корпорации сталкивается со следующими проблемами:

1. **Отсутствие стратегии и программы инновационного развития корпоративного уровня, синхронизированных со стратегией ИТР национального уровня.** Это важнейшая проблема стратегического целеполагания, без решения которой невозможным становится достижение конечного результата работы центра управления ИТР, так как даже успешно реализованные проекты могут не являться востребованными с точки зрения задач технологического суверенитета. Таким образом, в данной ситуации субъект фактически не имеет возможности качественно выполнить свою роль
2. **Ограниченная узконаправленная роль и слабое позиционирование центров управления инновациями (ЦУИ) внутри корпорации.** Как правило, данный субъект исполняет определенные тактические задачи, руководствуясь целеполаганием руководства в одном из инновационных направлений (поддерживающие, продуктовые, прорывные или цифровые инновации), что часто также сопровождается отрывом инновационных корпоративных центров от других подразделений: производства, маркетинга, ESG-центров, стратегии и др. В целом, деятельность такого центра может быть успешной, но в направлении реализации конкретных поставленных задач, то есть центр не играет роль полноценного субъекта, управляющего ИТР.
3. **Невыстроенный процесс ИТР и ограниченный функционал ЦУИ.** Следствием пункта 2 выше является тот факт, что корпоративные центры управления инновациями зачастую организуют процесс инновационного менеджмента, отталкиваясь от конкретных поставленных задач, и данный процесс не является универсальным и охватывающим все стадии ИТР, в результате чего наблюдаются разрывы инновационного цикла, низкая

результативность и скорость процесса инноваций. В частности, ЦУИ сталкиваются с проблемами в связи с отсутствием внутри следующих функций:

- скаутинг (поиск) технологий — отсутствие данной функции приводит к переходу в длительные научные исследования (собственными силами или с задействованием партнеров)
 - менеджмент интеллектуальной собственности — отсутствие полноценной работы данной функции по всему жизненному циклу приводит к целому ряду проблем, прежде всего это риски нарушения патентных прав третьих лиц, риски потери или неучета результатов интеллектуальной деятельности (РИД), ограниченная патентная защита разработок и др.
 - базовый инжиниринг — данная функция является обязательной и критичной для процесса внедрения промышленных инноваций, так как обеспечивает «бесшовный» переход от процесса НИОКР к проектированию и внедрению
 - коммерциализация — отсутствие данной функции может приводить к потере рыночных возможностей вплоть до отказа от внедрения успешной инновации вследствие невозможности найти (подобрать) приемлемую наиболее эффективную бизнес-модель
 - оценка проектов и портфельное управление — данная функция крайне важна, так как она позволяет эффективно распределять и управлять ресурсами инновационного развития корпорации в целом
 - проектное управление — функция определяет скорость реализации проектов всех типов инноваций (от поддерживающих до продуктовых и прорывных)
 - возможность привлечения государственной поддержки — функция, обеспечивающая возможность реализации тех инновационных проектов, которые экономически рентабельны только с учетом субсидирования и/или требуют значительных капитальных затрат на стадию создания опытно-промышленных установок
4. **Отсутствие квалифицированных кадровых ресурсов для обеспечения функционирования ЦУИ.** Важно подчеркнуть, что проблема заключается не только в кадровом дефиците высококвалифицированных специалистов, но и в четком понимании их компетентностных профилей со стороны компании, так как многие из этих специальностей являются очень специфичными для отрасли.
5. **Отсутствие системы проектного управления проектами ИТР.** Данная система является фактически одним из основных инструментов работы ЦУИ, и, соответственно, оказывает значимое влияние на скорость и результативность всего процесса ИТР в целом.

6. **Отсутствие развитой управляемой инновационной экосистемы партнеров.** Стоит отметить, что зачастую поставленные перед ЦУИ задачи могут быть решены только с привлечением соответствующих партнеров — субъектов по управлению инновациями из числа научных институтов, малых инновационных предприятий и инжиниринговых компаний, организация системной работы такой большой общности партнеров в рамках цикла разработки ИЭС выстроена далеко не в каждой компании [12].

Постановка задачи (цель исследования)

Таким образом, для определения четкой роли и функционала субъекта управления ИТР — центра управления инновациями (ЦУИ) необходимо предложить решения вышеописанных проблем и создать модель работы ЦУИ, в рамках которой он обеспечит интеграцию стратегии инновационного развития с национальными приоритетами НТР и реализацию программы инновационного развития корпоративного уровня на базе соответствующих систем проектного управления и с задействованием управляемой экосистемы партнеров.

Методы исследования

Для достижения цели работы были использованы методы системного анализа, стратегического и инновационного менеджмента. Теоретической и методической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей по региональной и отраслевой экономике, а также нормативно-правовые акты Российской Федерации.

Результаты

С целью создания эффективной модели ЦУИ необходимо четко определить его функционал, соответствующий стадиям реализации проектов ИТР, поскольку одним из принципов проектирования и функционирования такого центра является принцип «функции первичны, а структура вторична» [13]. Основные функции Центра описываются в рамках следующих направлений:

1. **Функция прогнозирования и анализа трендов/вызовов и направлений НТР.** В рамках данной функции центр управления инновациями обеспечивает предварительный анализ технологических и глобальных трендов (форсайт-прогнозирование), определяет влияние их на компанию, составляет комплексное представление по технологическим вызовам компании стратегического, продуктового и производственного уровней, и в итоге формирует предварительный максимально широкий перечень направлений НТР корпоративного уровня, который далее используется

для обсуждения с соответствующими субъектами управления ИТР и инновациями национального и отраслевого уровней. В рамках реализации данной функции ЦУИ оценивает каждое направление ИТР по критериям уровня готовности технологии (TRL), максимальному потенциальному экономическому эффекту и соответствие стратегии развития компании (бизнес-стратегии), ESG-стратегии (так как направления ИТР должны быть четко синхронизированы в том числе с векторами устойчивого развития), стратегиями развития производств и продуктовыми стратегиями.

2. **Разработка и утверждение стратегии инновационного развития, синхронизация со стратегиями ИТР корпоративного и национального уровней.** В рамках данного этапа ЦУИ обеспечивает совместную работу с субъектами управления ИТР и инновациями национального и отраслевого уровня, главным результатом которой является синхронизации приоритетов ИТР корпоративного и национального уровней. Крайне важно на данном этапе обеспечить межотраслевой подход и учет в будущих ИТР сквозных технологий, охватывающих всю цепочку создания ценности (от сырья до готовой продукции).
3. **Функция оценки проектов и формирование программы инновационного развития корпоративного уровня.** ЦУИ отвечает за технологический скаутинг (поиск технологий и анализ технологического ландшафта), структурирование проекта ИТР по каждому направлению ИТР стратегии корпоративного уровня, и формирование портфеля проектов ИТР, который представляет собой программку инновационного развития корпоративного уровня. Для реализации этой функции помимо скаутинга проводятся переговоры с акторами экосистемы партнеров, задействованными на начальных стадиях процесса ИТР (поисковая и лабораторная стадии НИОКР) с целью максимально эффективного структурирования проекта ИТР, что предопределяет дальнейший срок научных исследований и разработок по каждому проекту. Совокупность проектов ИТР, представляющих собой программу инновационного развития, формируется в том числе с учетом наличия финансовых ресурсов и в этом аспекте представляет собой портфельное управление — проекты выстраиваются в соответствии с приоритетами, оцененными по критериальной системе (уровень готовности технологии, максимальный экономический эффект, соответствие стратегии компании) и отбираются в соответствии с общим объемом выделенного финансирования.
4. **Функция управления программой инновационного развития с помощью проектного управления ИТР.** По каждому проекту центр

управления инновациями формирует ключевые показатели эффективности, охватывающие технические (качество продукта, показатели технологии и др.), экономические (размер капитальных и операционных затрат) и проектные (сроки и объемы финансирования, качество проекта) параметры. Реализацию данной функции центр осуществляет через использование гибридных методов проектного управления, сочетающих применение гибких проектных методик (например, PMP, Agile, специализированные методики, такие как Scrum, CRM) и классического проектного менеджмента для проектов на зрелых стадиях. ЦУИ с помощью данных методов организует проектные команды и выстраивает процесс отслеживания выполнения планов реализации проектов в соответствии с согласованными на старте проекта ключевыми показателями эффективности.

5. **Функция управления инновационной экосистемой.** Отдельной функцией ЦУИ является управление инновационной экосистемой партнеров (ИЭС), которое должно быть интегрировано в проектное управление таким образом, чтобы в рамках плана реализации проекта были задействованы различные партнеры, отвечающие за реализацию НИОКР и инжиниринговых задач. В каждом конкретном случае ЦУИ определяет степень задействования конкретного актора в решении проектной задачи в соответствии с моделью управляемой ИЭС, то есть действия акторов сводятся к реализации конкретных проектных задач.
6. **Функция внутреннего инжинирингового центра.** Как показывает практика, в текущих условиях ЦУИ должен взять на себя практически полностью функцию базового инжиниринга, подготовки основных технических решений и прототипирования оборудования для новых разрабатываемых технологий. Это связано с тем, что на этапе пилотных и опытно-промышленных испытаний исходными данными являются лабораторные исследования, и они не могут быть использованы в качестве полноценных исходных данных на проектирование, соответственно само проектирование (инжиниринг) будущих проектных решений не может быть осуществлено силами проектных институтов. В связи с чем целесообразно развитие такой функции внутри ЦУИ либо в рамках развития конкретных инжиниринговых компаний-партнеров.
7. **Функция обеспечения стадии коммерциализации.** После завершения опытно-промышленной стадии разработки важнейшей функцией ЦУИ является обеспечение аналитической проработки стадии коммерциализации, включающей в себя комплексный анализ всех возможных бизнес-моделей внедрения инновации, потенциальных

партнеров, маркетинговой стратегии, проработки рынка сбыта, анализа интеллектуальной собственности с целью генерации конечного решения — наиболее эффективного пути внедрения инновации, которое может производиться в рамках корпорации либо за ее пределами.

8. **Функция лицензиара готовых технологий полного цикла.** Одним из вариантов коммерциализации инновации является внешняя отраслевая коммерциализация, то есть лицензирование (трансфер) технологии, в связи с чем ЦУИ должен обеспечивать функцию лицензиара полного цикла, что включает в себя аналитическую проработку потенциального рынка лицензиатов, исходя из отраслевых и межотраслевых стратегий ИТР и национальных приоритетов ИТР, проведение переговоров с компаниями-потенциальными лицензиатами и разработку кастомизированного (измененного под потребности заказчика-лицензиата) технологии, осуществление ТЭО, выполнение базового проектирования, заключение лицензионного соглашения и контрактов на поставку сопутствующих компонентов (катализаторы, сырье, химические добавки, проприетарное оборудование) и сервисных услуг, а также осуществление функции технического сервиса при эксплуатации будущей технологии.
9. **Функция управления интеллектуальной собственностью на всех этапах проекта ИТР** позволяет решать задачи по митигации рисков предпроектной проработки, охраны результатов инжиниринговых и проектных работ, митигации рисков нарушения чужих патентов, снижения рисков ошибок в бухгалтерском и управленческом учете, охраны в странах перспективного лицензионного и продуктового бизнеса.
10. **Функция управления кадровым потенциалом корпорации и подготовка кадров высшей научной квалификации.** Для осуществления всех вышеописанных функций ключевой составляющей является научный потенциал и глубокие предметные знания научных сотрудников центра, что предопределяет важность функции ЦУИ по подготовке кадров высшей научной квалификации и в целом по развитию научного потенциала — именно это обеспечивает в конечном итоге достижение технического результата в рамках проектов ИТР, что в свою очередь зачастую играет важнейшую роль в успехе инновационного проекта. Второй важной функцией в этом направлении является развитие кадров в соответствии с компетентностными профилями специалистов, необходимых для реализации всех функций ЦУИ, однако рассмотрение данного аспекта выходит за рамки настоящей статьи и будет рассмотрен отдельно.

Для обеспечения возможности реализации данного функционала необходимо, во-первых, наделить центр управления инновациями определенной ролью и полномочиями в корпорации, во-вторых, обеспечить центр высококвалифицированными кадрами.

Наиболее эффективный способ решения первой задачи состоит в следующем:

1. **Обеспечение линейного подчинения ЦУИ высшему руководству** (генеральный директор) **с функциональным подчинением стратегической вертикали** (заместитель генерального директора по стратегическому развитию), что обеспечит, с одной стороны, максимальные полномочия для реализации поставленных задач, с другой стороны — сохранит синхронизацию стратегии инновационного развития со стратегией развития компании, а также отсутствие ее узкой направленности.
2. **Интеграция ЦУИ в корпоративные процессы** путем создания внутреннего коллегиального органа с правом принятия финансовых решений (выделение финансирования) — это предоставит ЦУИ ресурс (исходные данные) для реализации функционала портфельного управления, а также обеспечит возможность принятия управленческих и проектных решений в процессе реализации программы инновационного развития — собственно в процессе реализации проектов ИТР корпоративного уровня.
3. **Утверждение долгосрочных ключевых показателей эффективности ИТР**, как деятельности в целом, и ЦУИ, как субъекта, управляющего данной деятельностью. Ключевые показатели эффективности в обязательном порядке должны включать в себя дополнительную прибыль (чистый экономический эффект), достигнутый за счет внедрения инновации на производство, также дополнительно могут использоваться такие показатели, как совокупная чистая приведенная стоимость общего портфеля проектов ИТР под управлением ЦУИ, количество новых продуктов, внедренных в производство ежегодно, средняя длительность лабораторной, пилотной и опытно-промышленной стадий, а также число новых идей, проработанных при формировании программы инновационного развития в рамках определенных направлений стратегии.

Организационная форма реализации описанной выше модели ЦУИ внутри корпорации может быть различной — от внутрикорпоративного дивизиона (центра, подразделения, департамента) до отдельного дочернего общества. Однако ключевым является соблюдение ролевых принципов, описанных ранее.

Решение проблемы кадрового обеспечения является гораздо более сложным процессом, так как сама проблема проистекает из профилей специалистов, которые готовятся в соответствующих ВУЗах и далее в рамках внутрикорпоративных программ переподготовки. В рамках модели ЦУИ необходимо выделить следующие группы (направления) специалистов, обеспечивающих тот или иной этап развития проектов ИТР:

1. **Специалисты по направлению развития бизнеса («развитологическое» направление).** Одно из наиболее сложных и разнообразных по профилям должностей направление, включающее в себя следующих специалистов: технологические скауты (специалисты по поиску технологий и составлению технологического ландшафта), специалисты по развитию бизнеса и предпроектной проработке (структурируют полученные идеи и найденные технологии в проекты ИТР, НИОКР и инновационные проекты), специалисты в области стратегии и стратегического маркетинга (отвечают за аналитическую поддержку и проработку направлений ИТР, осуществляют стратегические маркетинговые исследования и прогнозирование, анализ технологических трендов и т.д.).
2. **Научное направление и НИОКР.** Одно из основных направлений, обеспечивающее научный потенциал ЦУИ, включает в себя прежде всего научных сотрудников и предметных специалистов по направлениям ИТР, синхронизированным со стратегией инновационного развития корпоративного уровня. Кадровый состав данного направления обеспечивает качество научной работы, НИОКР и скорость реализации проектов ИТР.
3. **Инжиниринговое направление и цифровое моделирование.** Представлено специалистами в области инженерии: инженер-технолог, инженер-конструктор, специалисты в области проприетарного оборудования, специалисты по статистическому моделированию, языковым моделям, технологическому моделированию. В совокупности кадровый состав данного направления ЦУИ обеспечивает генерацию и всесторонний расчет прототипов будущей технологической схемы и оборудования, то есть фактически реализацию стадии прототипирования будущего промышленного решения.
4. **Направление коммерциализации инноваций,** представленное специалистами в области бизнес-инжиниринга и экономического анализа, способных анализировать различные бизнес-модели внедрения инноваций внутри компании и за ее пределами.
5. **Направление лицензирования технологий.** Специалисты в рамках данного направления практически отсутствуют в России, так как само направления лицензирования (трансфера) тех-

нологий является зарождающимся и находится на ранней стадии развития. Однако здесь можно заимствовать опыт зарубежных коллег — мировых лицензиаров, которые создали данный процесс в виде «лицензирования полного цикла», что, соответственно, требует специалистов для обеспечения поиска лицензиатов (потребителей технологии), проведения с ними переговоров, выполнения технико-экономического обоснования технологии для лицензиата, формирования конечного кастомизированного (созданного с учетом потребностей лицензиата) решения, выполнения базового проектирования и обеспечение технического сервиса при эксплуатации технологии.

6. **Направление интеллектуальной собственности.** Для реализации данного функционала необходимы как специалисты в области патентной аналитики и патентоведения, так и эксперты, способные реализовать обособление менеджмента интеллектуальной собственности внутри организации и создание понятных сквозных процессов, что возможно только при сочетании патентоведческих компетенций с навыками в области гражданского права, экономики, бухгалтерского учета, стандартизации, инновационного менеджмента и проектного управления. Главная сложность в данном случае заключается в том, что по квалификации «патентоведение» специалистов в России готовят только в рамках дополнительного образования, а экспертов в области менеджмента интеллектуальной собственности на рынке единицы.
7. **Проектное направление.** Компетентностный профиль специалистов данного направления определяется методами проектного управления, которые применяются для реализации проектов ИТР корпоративного уровня. Как показано авторами других работ наиболее эффективной является сочетание методик гибкого проектного управления и классического проектного подхода [14, 15, 16]. Специалисты данных двух направлений имеют совершенно разный профиль компетенций, что необходимо учитывать при подборе соответствующих кадров.
8. **Направление по оценке проектов и экономическому анализу.** В рамках данного направления необходимы специалисты с базовым экономическим образованием и опытом в области оценки проектов (инвестиционных, развития бизнеса, производственных), а также с пониманием специфики проектов ИТР (вариации бизнес-моделей, расчеты с задействованием подходов в условиях высокой неопределенности, оценка максимального потенциального эффекта, специфические методы расчета экономических эффектов).

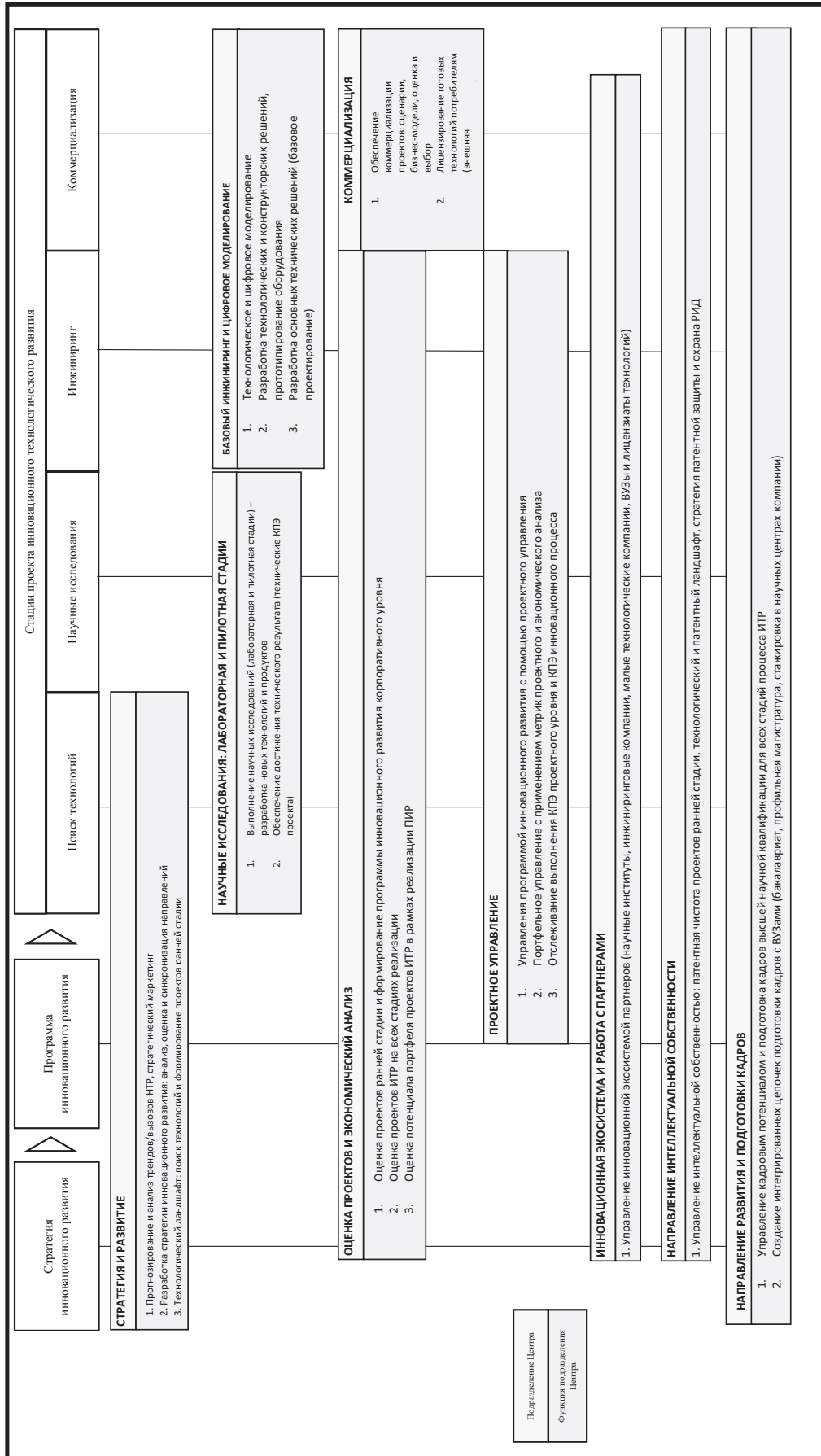

Рис. 1. Модель центра управления инновациями (создано автором)

9. **Направление по работе с партнерами и инновационная экосистема.** Данное направление обеспечивает эффективную работу ИЭС, в рамках которой различные типы акторов задействованы на разных стадиях процесса реализации проекта ИТР, в связи с чем требуются специалисты с междисциплинарными компетенциями, причем не только в научных направлениях, но и на стыке совершенно разных дисциплин: наука и НИОКР, инженерия, цифровое моделирование, менеджмент, а также обладать навыками фасилитации и проведения сложных переговоров.
10. **Направление развития и подготовки кадров.** Необходимо обеспечить условия и наличие специалистов, отвечающих за работу с людьми (HR), которые были бы интегрированы внутрь самого центра и глубоко понимали специфику работы с кадровым составом ЦУИ и компетентностные профили его специалистов, поскольку управление инновационным технологическим развитием имеет кардинальные отличия от других направлений деятельности корпорации, например, производственная или коммерческая функции.

В совокупности данных факторов мы приходим к модели центра управления инновациями, как субъекта управления инновационным технологическим развитием корпоративного уровня, который играет определенную роль в компании, интегрирован в корпоративные процессы и выполняет определенный функционал, описанный выше (рис. 1).

Выводы

Таким образом, в настоящем исследовании проведен системный разбор проблематики создания и работы центра (субъекта) управления ИТР корпоративного уровня и предложена модель и функционал создания такого центра внутри корпорации, который обеспечит синхронизацию стратегии инновационного развития корпоративного уровня с национальными стратегиями ИТР, реализацию соответствующих программ в рамках созданного процесса управления проектами ИТР компании.

Теоретическая значимость данной работы заключается в комплексном системном подходе, который позволил описать модель и функционал, определить роль ЦУИ. Применение такой модели позволит на отраслевом уровне интегрировать работу промышленных корпораций в реализацию задач по достижению технологического суверенитета на уровне страны.

Практическая значимость исследования заключается в возможности внедрения данной модели ЦУИ в рамках любых корпораций независимо от отраслей промышленности на основе предложенных принципов, учитывающих саму структуру Центра, механизмы его интеграции внутрь корпорации, процессы его функционирования (функционал) и вопросы кадрового обеспечения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаренко Л.П. Инновационная политика 2-е изд., пер. и доп. Учебник для вузов, 2023.
2. Комаров В.М. Основные положения теории инноваций. М., 2012. 190 с.
3. Сайбель Н.Ю., Косарев А.С. Эволюция теории инноваций. 2017.
4. Арбаров Б. Классификация инноваций в экономической науке // Вестник науки, №5 2023.
5. Кулакова Л.И., Методология регулирования инновационной политики предпринимательских структур в рамках национальной инновационной системы в условиях неопределенности // Докторская диссертация, 2023.
6. Санто Б. Инновация как средство экономического развития. М., 1990. 296 с.
7. Липатников В.С., Воробьев В.П., Розанова С.К. Инновационное развитие промышленных комплексов на основе кластерного подхода. 2011.
8. Гольдштейн Г.Я. Стратегические аспекты управления НИОКР. Монография. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2000. 244 с.
9. Рождение корпоративных экосистем / В.В. Сараев, Д.С. Медовников, С.Д. Розмирович [и др.]. — М.: «Иннопрактика», 2020. — 86 с.
10. Инновационный менеджмент: учебное пособие / И.Г. Салимянова, И.Р. Валиахметов; под общей ред. д-ра экон. наук, проф. А.Г. Бездудной. 2-е изд., доп. и перераб. — СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2023. — 265 с.
11. Никулин М.В. Система инновационного технологического развития российских промышленных предприятий в современных условиях // Экономика. Право. Инновации. 2024. № 2. С. 38-49.
12. Никулин М.В. Модель управляемой экосистемы инновационного технологического развития промышленной компании / Никулин М.В. — Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет. — 2024. С. 125.
13. Александрова А.И. Структура управления инновационной деятельностью // Проблемы модернизации и перехода к инновационной экономике. 2013. С. 63.
14. ГОСТ Р 56714.1 — 2015 Мультипроектный менеджмент. Управление проектом, портфелем проектов, программой. Часть 1. Основные положения. — М.: Стандартинформ, 2018. — [Электронный ресурс] — URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200127263?section=text>.
15. Текущее состояние и тенденции развития проектного управления в России. — 2024. — [Электронный ресурс] — URL: https://www.isopm.ru/download/Otchet_B1.pdf.
16. Руководство к Своду Знаний по Управлению Проектами (Руководство PMBOK®). — Седьмое издание. — [7-е издание]. — Project Management Institute, Inc., 2021. — 374 с. — [Электронный ресурс] — URL: https://studylib.ru/doc/6517623/rukovodstvo-pmbok-sed._moe-izdanie---2021.

© Никулин Михаил Владимирович (nik2son@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ ЗАДАЧИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ПРЕДПОЧТЕНИЙ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

MODERN TASKS OF FORECASTING THE PREFERENCES OF FOOD CONSUMERS

V. Osipov

Summary. The author systematized the theses of foreign and Russian economists on forecasting the preferences of food consumers. As a result, it was found that the position of Russian scientists on forecasting consumer behavior in the food market is similar to the theses of foreign economists. This common position is characterized by a complex content of material (subject), subjective, objective determinants with appropriate predictive tools, as well as a single goal to ensure a balance of consumer preference indicators when making such a forecast. The features of the presented determinants made it possible to identify the relevant tasks of the modern system of forecasting consumer preferences of food products, which differ in their material, subjective, objective nature and a single goal of forming and maintaining a balanced set of criteria for consumer preferences.

Keywords: consumer behavior forecast, food products, individual preferences, consumer behavior forecasting tasks.

Осипов Владимир Валерьевич

Аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва
vladimir.7vvv@gmail.com

Аннотация. Автор систематизировал тезисы зарубежных и российских экономистов по вопросам прогнозирования предпочтений потребителей продуктов питания. В результате установлено, что позиция российских ученых по вопросам прогноза поведения покупателей на рынке пищевых продуктов схожа с тезисами зарубежных экономистов. Эта общая позиция отличается сложным содержанием материальных (предметных), субъективных, объективных детерминант с соответствующим прогнозным инструментарием, а также единой целью обеспечения баланса показателей предпочтений потребителя при проведении такого прогноза. Особенности представленных детерминант позволили обозначить соответствующие задачи современной системы прогнозирования предпочтений потребителя пищевых продуктов, которые отличаются материальным, субъективным, объективным характером и единой целью формирования, поддержания сбалансированного комплекса критериев предпочтений потребителя.

Ключевые слова: прогноз поведения потребителей, пищевые продукты, индивидуальные предпочтения, задачи прогнозирования поведения потребителей.

Исследование задач и др. вопросов прогнозирования предпочтений потребителей продуктов питания связана с постоянной важностью приема продуктов питания, которые являются ключевым источником жизненной энергии, тонуса, физических сил, здоровья человека. Кроме этого, продовольственные товары выступают доступным и привлекательным средством снижения тревоги с получением удовольствия от вкусной пищи [3].

Вместе с этим в контексте важности исследования задач анализа предпочтений потребителей продуктов питания следует указать на активную динамику спроса пищевых продуктов в силу различных факторов современного социально-экономического развития, которые определяются ростом внешней торговли России с азиатскими странами, прогрессом в производственно-пищевой сфере научных методов химии, нанотехнологий, повсеместным повышением экологических угроз и пр. факторами сложного влияния на потребительское поведение [5, с. 232].

Как показывает статистика глобальный рынок пищевых продуктов в 2023 году превысил 6.3 млрд долл США

и достигнет в 2030 году объема в 9.3 млрд долл США с учетом среднегодового роста в 5.4 % за прогнозируемый период [1].

Следовательно, важность исследования задач прогнозирования предпочтений потребителей продуктов питания обусловлена актуальными факторами активной динамики сферы продовольствия и современными вызовами социально-экономической нестабильности.

Рассматривая особенности системы прогнозирования предпочтений потребителей в сфере пищевых продуктов, следует отметить отсутствие среди экономистов единой позиции о свойствах этой аналитическо-прогнозной системы в виде начала соответствующих исследований лишь в 80-х годах XX века [2, с. 83].

Среди первых работ по данным вопросам стоит выделить исследования А.Р. Андреасена [7, с. 15–19], который использовал для анализа маркетинговых аспектов потребительской неудовлетворенности 34 математические функции на основе аргументов других ученых [11, с. 487], [16, с. 150].

Андреасен А.Р. одним из первых обосновал тезисы о концептуальных свойствах системы прогноза предпочтений потребителей.

Во-первых, ученый с помощью расчета данных по указанным формулам отметил ключевую материальную задачу исследуемой системы прогнозирования предпочтений среди пищевых продуктов в обеспечении семьи необходимым ресурсом пищи, поскольку в результате проведенного исследования было доказано, что значимые факторы воздействия на потребителя формируются соответствующими характеристиками семьи (домохозяйства).

Во-вторых, была определена определяющая субъективная задача анализируемой системы прогноза пищевых потребительских предпочтений, которая заключается в поиске индивидуальных признаков потребителя, значимых для прогнозно-аналитических мероприятий. Этот тезис был аргументирован отсутствием среди значимых параметров потребительской неудовлетворенности показателей дохода покупателя, его образования, рода работы и др. критериев статуса.

В-третьих, автор аргументировал функциональную задачу осуществления прогноза пищевых предпочтений потребителя, которая определяется формированием сбалансированного перечня индикаторов этих предпочтений. Такой вывод следовал из результата проведенных математических расчетов: во всех 34 функциях расчета показателей потребительского предпочтения отсутствовали единые закономерности, общие приоритеты в потребительской неудовлетворенности.

В-четвертых, А.Р. Андреасен систематизировал наиболее важные переменные показатели для исследования потребительских пищевых предпочтений:

1. индивидуальный критерий целенаправленности покупателя в деле защиты прав потребителя, что аргументировалось частым отнесением потребителя в разряд подателей жалоб;
2. материальный параметр обеспечения семьи потребителя необходимым пищевым ресурсом, который отражался в приоритетных для покупателя данных о размере домохозяйства, количестве членов семьи;
3. темпоральный (временной) показатель цикличности осуществления закупок продовольствия, обусловленные частотой и числом соответствующих покупок;
4. индивидуальный индикатор уровня компетентности (знаний) у покупателя пищевых продуктов, который характеризуется уровнем образования соответствующего потребителя (группы лиц);
5. сервисный критерий предоставления покупателю ряда возможных средств для оплаты покупки пи-

щевых продуктов, определяемых различными способами оплаты, используемыми потребителями;

6. индивидуальный стабильный параметр оседлости, постоянства действий потребителя продуктов питания, который обусловлен временем его проживания по одному адресу;
7. семейный показатель коллективной характеристики предпочтений потребителя, связанный с обсуждением в кругу семьи свойств покупаемых пищевых продуктов (маркировки, вкуса, ингредиентов и пр. признаков) [7, с. 15-19].

Представленные тезисы о концептуальных свойствах системы прогноза предпочтений потребителей позволили А.Р. Андреасену, Р.Х. Колли [9], Дж. Энгелю [10] и др. ученым обозначить главную цель исследования в XX веке поведения потребителей в создании нового элемента системы маркетинговой науки, отражающего общие организационные вопросы поведения покупателей и частные аспекты управления таким поведением.

Обозначенные выводы позволяют говорить об исходных задачах начальной стадии формирования системы прогноза предпочтений продуктового покупателя как элемента маркетинговой науки, включающих:

1. ключевую материальную задачу в обеспечении семьи необходимым пищевым ресурсом;
2. субъективную задачу разработки индивидуальных признаков потребителя, значимых для аналитического прогноза его поведения;
3. функциональную задачу формирования сбалансированного комплекса критериев предпочтений покупателя продуктов.

Схожие выводы о задачах создания системы прогноза предпочтений потребителя пищевых продуктов аргументированы в современных работах зарубежных экономистов [8], [12], [13], результаты которых систематизированы сотрудниками Варшавского университета [14] на базе современных показателей маркетинга.

В частности, исследователи обосновали ряд моделей поведения покупателей, отличающихся характерной общей целью процесса потребления, которая обусловлена стимулом, побуждением потребителей к активности в продовольственных покупках в силу определенных детерминант потребительского поведения. Такие причины действий покупателя определяют перечень соответствующих средств и задач прогностического исследования спроса потребителей продовольственных товаров [15, с. 38–40].

По данному поводу Д. Швацка-Мокшицка с группой соавторов обосновала три вида факторов, влияющих на действия современного покупателя пищевых товаров [14, с. 125–136].

Обобщение результатов исследований варшавских ученых позволяет выделить комплекс базовых детерминант прогнозирования пищевых предпочтений покупателей предметного (материального), индивидуального (субъективного), внешнего (объективного) содержания, которые формируют действия потребителей продуктов питания.

Аналогичные по сущности ключевые детерминанты потребительского поведения на рынке продовольствия отражены в работах российских ученых.

Так в диссертации И. К Соколова [6, с. 8–10] аргументированы ключевые факторы поведения покупателя пищевых продуктов:

1. объективные факторы окружающей среды внешнего воздействия при формировании потребности в пище;
2. субъективные факторы наличия у человека потребности в регулярном питании и соответствующих индивидуальных предпочтений к отдельным продуктам, образующих мотивацию покупателя для приобретения конкретных продовольственных товаров;

3. материальные факторы обладания покупателем определенными финансовыми средствами, которые можно использовать для покупки пищи с учетом определенных физических, административных, бюджетных и др. ограничений.

Комплексное воздействие обозначенных выше факторов на потребителя сопровождается повышенным уровнем неопределенности системы торговли в силу: нестабильности сервиса на стадиях оборота пищевых продуктов, нестабильности качества продовольственных товаров из-за сокращения времени их производства, а также невысокого уровня конъюнктуры и несбалансированной динамики спроса [4, с.119].

Минимизация обозначенной неопределенности характеризует важность решения ключевой цели системы анализа поведения покупателей в достижении баланса показателей предпочтений потребителей. Поэтому можно говорить, что позиция российских ученых по вопросам прогноза поведения покупателей на рынке пищевых продуктов схожа с тезисами зарубежных экономистов и отличается сложным содержанием материальных

Рис. 1. Эволюция и содержание задач системы прогнозирования предпочтений потребителя пищевых продуктов

(предметных), субъективных, объективных детерминант с соответствующим прогнозным инструментарием, а также единой целью обеспечения баланса показателей предпочтений потребителя при проведении такого прогноза.

Выделенные предметные, субъективные, объективные детерминанты отражают соответствующие актуальные задачи системы прогнозирования предпочтений покупателя пищевых продуктов, которые отражены на рисунке 1.

С учетом вышеизложенного можно отметить пре-емственность исходных и актуальных задач системы прогнозирования предпочтений потребителя пищевых продуктов, которые отличаются материальным, субъективным, объективным характером и единой целью формирования, поддержания сбалансированного комплекса критериев предпочтений потребителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ рынка продуктов питания, напитков, Мировые тенденции и прогноз с 2024 по 2030 годы. [Электронный ресурс], URL: <https://exactitudeconsultancy.com/ru/отчеты/35586/рынок-продуктов-питания-и-напитков/> (дата обращения 04.09.2024).
2. Киселев В.М. Генезис научных взглядов на поведение потребителей / В.М. Киселев, Р.Р. Гайфулина. Инновационный цунами в сфере торгового маркетинга: монография [под ред. Киселева В.М.]. Кемерово: КемИ (филиал) РГТЭУ, 2011. С. 81–105.
3. Мозговая В. Топ-4 трендов на рынке мучных кондитерских изделий в России в 2023 году [Электронный ресурс], URL: <https://foodmarket.spb.ru/archive/2023/222831/222833/> (дата обращения 08.12.2023).
4. Москалев С.М. Оценка покупательского поведения на продовольственном рынке / С.М. Москалев, Э.А. Касък // Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета, no. 3 (48), 2017, С. 117–123.
5. Соколов И.К. Концепция поведения потребителя // Актуальные теоретические и прикладные вопросы управления социально-экономическими системами. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 2019. С. 232–236.
6. Соколов, И.К. Прогнозирование поведения потребителя на рынке продуктов питания: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Соколов Иван Константинович; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»]. — Санкт-Петербург, 2020. 160 с.
7. Andreasen A.R. Consumerism and the broadened marketing concept. University of Illinois at Urbana-Champaign. 1978. 19 p.
8. Bartkiene, E., Steibliene, V., Adomaitiene, V., Juodeikiene G., Cernauskas, D., Lele, V., Klupsaite, D., Zadeike, D., Jarutiene, L., Raquel, P., Guiné F. (2019). Factors Affecting Consumer Food Preferences: Food Taste and Depression-Based Evoked Emotional Expressions with the Use of Face Reading Technology. *BioMed Research International* 4, P. 1–10. <https://doi.org/10.1155/2019/2097415>.
9. Colley, R.H. Defining Advertising Goals for Measured Advertising Results/ R.H. Colley. NY: Assoc. of National Advertisers, 1961. 114 p.
10. Engel, J.F. Consumer Behavior/ J.F. Engel, D.T. Kollat, R.D. Blackwell.— New York: Holt, Rinehart and Winston, 1968. 652 p.
11. John A.M. Who is the Discontented Consumer? in Thomas V. Green (ed.), *Combined Proceedings of the American Marketing Association Chicago: American Marketing Association*, 1970. P. 486–490.
12. Laros, F.J.M., Steenkamp J. (2005). Emotions in consumer behavior: a hierarchical approach, *Journal of Business Research* 58(10), P. 1437–1445.
13. Roszkowska-Hołyś, D. (2013). Determinants of consumer purchasing behavior, *Management* 17, P. 333–345.
14. Szwacka-Mokrzycka J. A study on consumer behavior in the food market Eastern European countries case / J. Szwacka-Mokrzycka, B. Rivza, M. Lemanowicz, E. Uljanova. Warsaw University of Life Sciences Press. Warsaw 2021. 146 p.
15. Szwacka-Mokrzycka, J., Lemanowicz M. (2020). Konsumentci wobec żywności ekologicznej, [in:] A. Dąbrowska (ed.), *Bezpieczeństwo konsumentów na rynku żywności*, SGH, Warszawa, 29–40.
16. Warlar. R.H., Herrmann R.O., Willits J. Dissatisfied Consumers: Who Gets Upset and Who Takes Action? // *Journal of Consumer Affairs*, 1975, P. 148–163.

© Осипов Владимир Валерьевич (vladimir.7vvv@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗРАБОТКА ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРОИТЕЛЬНОЙ КОМПАНИИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СТАРТАПА

DEVELOPMENT OF AN ECONOMIC-MATHEMATICAL MODEL OF COOPERATION BETWEEN A CONSTRUCTION COMPANY AND A TECHNOLOGICAL STARTUP

A. Sekisov
A. Papoyan
P. Antipin
B. Gish

Summary. In modern construction, there is a significant increase in interest in innovative technologies, which requires companies to be flexible and adaptable. Partnerships between construction companies and technological startups are becoming essential for the implementation of new technologies and enhancing competitiveness. In this context, economic-mathematical modeling (EMM) provides the most effective tools for analyzing, optimizing, and forecasting the results of such interactions. Given the relevance of developing this business sector, this article examines existing approaches in EMM aimed at improving partnerships between construction companies and startups. Based on the conducted research, we have also developed and presented a new multi-criteria economic-mathematical model that describes cooperation between a construction company and a technological startup, taking into account various factors such as cost, quality, time of execution, and sustainability.

Keywords: economic-mathematical model (EMM), multi-criteria decision-making, construction technologies, partnership, innovations.

Секисов Александр Николаевич

Кандидат экономических наук,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина»
alnikkss@gmail.com

Папоян Альбина Артуровна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
технологический университет»
development27@mail.ru

Антипин Павел Александрович

Аспирант, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
технологический университет»
antipin.pavel@bk.ru

Гиш Бэлла Руслановна

Ассистент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
bellagish@gmail.com

Аннотация. В современном строительстве наблюдается значительный рост интереса к инновационным технологиям, что требует от компаний гибкости и способности к адаптации. Партнерство между строительными компаниями и технологическими стартапами становится необходимым для внедрения новых технологий и повышения конкурентоспособности. При этом экономико-математическое моделирование (ЭММ) предоставляет наиболее эффективные инструменты для анализа, оптимизации и прогнозирования результатов таких взаимодействий. Учитывая актуальность развития отмеченной сферы бизнеса нами в данной статье исследованы существующие подходы в области ЭММ, направленные на улучшение партнерства между строительными компаниями и стартапами. На основе проведенных исследований нами также была разработана и представлена новая многокритериальная экономико-математическая модель, описывающая сотрудничество между строительной компанией и технологическим стартапом с учетом различных факторов, таких как стоимость, качество, время выполнения и устойчивость.

Ключевые слова: экономико-математическая модель (ЭММ), многокритериальное принятие решений, строительные технологии, партнерство, инновации.

Обзор методических подходов к экономико-математическому моделированию

ЭММ представляет собой мощный инструмент для оптимизации сотрудничества между строительными компаниями и технологическими стартапами через интеграцию новых технологий и подходов к управлению проектами. В данной области проведено большое количество исследований, подчеркивающих важность интеграции новых технологий в строительные

процессы. Прежде всего хотелось бы подробнее остановиться на следующем.

В первую очередь целесообразно обратить внимание на то, что учеными был выявлен фактор прямого влияния на рост производительности труда и снижение затратной составляющей производства процесса внедрения инноваций. В связи с этим такие исследователи, как Gann и Salter предложили использовать ЭММ для оценки влияния новых технологий на финансовые ре-

зультаты проектов. Такой подход позволяет строителям принимать обоснованные решения о внедрении инноваций. Это исследование стало основой для дальнейших работ по интеграции технологий в строительство [1].

В свою очередь Winch акцентировал внимание на необходимости создания гибких моделей, которые могут адаптироваться к изменениям в проекте. Он подчеркивал, что строительные проекты часто сталкиваются с непредвиденными обстоятельствами, требующими быстрой реакции. Гибкие модели позволяют учитывать изменения в сроках, бюджетах и ресурсах. Это способствует более эффективному управлению проектами и снижению рисков. Работа Winch стала основополагающей для разработки адаптивных моделей управления [2].

Kivrak S. и Kivrak E. предложили модель, основанную на использовании аддитивных технологий, таких как 3D-печать, для оптимизации затрат и времени строительства. Они анализируют преимущества использования новых материалов и технологий в строительстве. Модель позволяет оценивать экономическую эффективность внедрения аддитивных решений на разных этапах проекта. Это исследование подчеркивает важность инновационных подходов для повышения конкурентоспособности компаний. Результаты работы могут быть полезны как для стартапов, так и для крупных строительных фирм [3].

Hwang и Ng в своей статье исследовали перспективы применения информационного моделирования зданий (BIM) в качестве основы для ЭММ. BIM позволяет создать цифровую модель здания, что улучшает координацию между участниками проекта. Авторы утверждают, что использование BIM снижает количество ошибок и улучшает качество строительства. Модели на основе BIM помогают оптимизировать процессы проектирования и строительства. Это исследование открывает новые горизонты для применения ЭММ в строительстве [4].

Исследование Olander и Landin фокусируется на оценке влияния заинтересованных сторон на успешность проектов. Авторы предложили использовать ЭММ для анализа рисков, связанных с взаимодействием между строительными компаниями и стартапами. Они подчеркивали важность учета мнений всех участников проекта для достижения успеха. Их модели позволяют выявлять потенциальные конфликты интересов и находить компромиссные решения. Работы Olander и Landin стали основой для дальнейших исследований в области управления заинтересованными сторонами [5].

В отчете RICS рассмотрены тенденции в строительной отрасли, включая использование Интернета вещей (IoT) для мониторинга процессов. Авторы предложили модели, которые учитывают данные с сенсоров для

улучшения управления проектами. Это позволяет строителям получать актуальную информацию о состоянии объектов в реальном времени. Модели IoT помогают оптимизировать расход ресурсов и повышать безопасность на стройплощадках. Исследование RICS подчеркивает важность цифровизации в строительстве [6].

Zhang и Fan предложили концепцию совместной инновации, где стартапы могут предоставлять технологии для повышения эффективности строительства. Авторы утверждают, что такое сотрудничество может привести к значительным экономическим выгодам для обеих сторон. Модели, разработанные ими, помогают оценить потенциальные выгоды от такого партнерства с учетом различных факторов риска и прибыли. Данное исследование демонстрирует, как совместная работа может ускорить внедрение новых технологий в строительство. Результаты работы могут быть полезны при разработке стратегий сотрудничества [7].

Barrow и McMahon рассматривали возможность использования дронов для инспекции строительных объектов и предложили модели для оценки их влияния на безопасность и эффективность процесса строительства. Дроны могут значительно сократить время на проверку состояния объектов и повысить точность данных о ходе работ. Модели данных исследователей позволяют анализировать затраты на внедрение дронов по сравнению с традиционными методами инспекции. Это исследование открывает новые возможности для применения беспилотных технологий в строительстве. Результаты работы могут стать основой для дальнейших исследований в этой области [8].

Khosrow-Pour в своей работе рассматривал облачные технологии как средство оптимизации управления проектами в строительстве. Здесь подчеркивались преимущества использования облачных решений для хранения данных и совместной работы над проектами в реальном времени. Модели, представленные в работе, показывают, как облачные технологии могут снизить затраты и повысить качество выполняемых работ благодаря доступу к актуальной информации. Это исследование демонстрирует важность цифровизации процессов управления проектами в строительстве. Результаты работы могут быть использованы при внедрении облачных решений [9].

В свою очередь исследование Rojas и Aramvareekul подчеркнуло важность использования данных для принятия решений в управлении проектами строительства. Авторы предложили модели, способные создать условия для анализа больших объемов данных с целью прогнозирования результатов проектов с учетом различных факторов риска и неопределенности. Все это позволяет строителям принимать более обоснованные решения

на всех этапах проекта, от планирования до завершения работ. Работа Rojas и Aramvareekul продемонстрировала значимость аналитики данных в современном строительстве. Результаты исследования могут быть полезны при разработке стратегий управления проектами [10].

Kivrak E. и Kivrak S. одно из своих исследований посвятили цифровым двойникам, рассматривая их как инструмент для моделирования процессов строительства и управления ими в реальном времени. Цифровые двойники позволяют создавать виртуальные копии объектов, что помогает улучшить планирование и управление проектами за счет анализа данных о фактическом состоянии объектов строительства. Модели, созданные авторами, показывают, как использование цифровых двойников может снизить затраты на обслуживание объектов после завершения строительства благодаря более точному мониторингу состояния зданий и сооружений. Это исследование открывает новые горизонты для применения ЭММ в управлении жизненным циклом зданий [11].

Lee и Kim рассмотрели модели, которые помогают оценивать экономическую эффективность внедрения новых технологий в строительство, включая роботизацию процессов и автоматизацию работ на стройплощадках. Они подчеркнули важность учета различных факторов при оценке рентабельности инвестиций в новые технологии, таких как затраты на обучение персонала или изменение производственных процессов [12].

Goh и Abdul-Rahman предложили подходы к управлению проектами с использованием аналитических моделей для оценки рисков и выгод от сотрудничества с технологическими стартапами [13].

Alsharif и Alhassan акцентировали внимание на важности инновационных технологий в строительстве и предложили модели для оценки их влияния на производительность [14].

Khosrow-Pour M. рассмотрел новые подходы к управлению проектами с использованием ЭММ, включая интеграцию различных технологий [15].

В целом современные исследования показывают, что интеграция новых технологий может значительно повысить эффективность проектов, снизить затраты и улучшить качество строительства. Использование ЭММ позволяет анализировать различные аспекты взаимодействия сторон и принимать обоснованные решения [16–18].

Многокритериальная экономико-математическая модель сотрудничества

На основе обзора литературы, проведенных исследований в рамках существующей парадигмы эконо-

мического развития и общих инновационных трендов в хозяйственной жизни общества нами был разработан многокритериальная экономико-математическая модель сотрудничества между строительной компанией и технологическим стартапом, направленная на оптимизацию процессов создания новых строительных технологий с учетом различных факторов. Она учитывает такие критерии, как стоимость, качество, время выполнения и устойчивость, что позволяет сторонам принимать обоснованные решения и эффективно управлять ресурсами. Модель помогает выявить оптимальные стратегии взаимодействия, минимизируя риски и максимизируя выгоды для обеих сторон. Использование современных технологий, таких как IoT и BIM, позволяет интегрировать разноплановые данные в модель, что улучшает прогнозирование результатов и повышает эффективность управления проектами. Данная модель призвана создать основу для успешного партнерства поскольку направлена на создание благоприятных условий для внедрения инноваций в строительной отрасли.

Описание модели

Модель основана на многокритериальном подходе, который позволяет учитывать несколько критериев при принятии решений о сотрудничестве.

Z — целевая функция (например, общая прибыль),
 C — затраты на проект,
 Q — качество используемых технологий,
 T — время выполнения проекта,
 S — устойчивость (экологические и социальные аспекты).

Целевая функция может быть записана в виде:

$$Z = f(C, Q, T, S), \quad (1)$$

где функция f представляет собой комбинацию всех критериев.

Для упрощения можно использовать линейную комбинацию:

$$Z = w_1 C + w_2 Q + w_3 T + w_4 S, \quad (2)$$

где w_i — веса критериев, отражающие их значимость.

Ограничения

Модель также включает ограничения:

1. Бюджетное ограничение: $C \leq B$

где B — общий бюджет проекта.

2. Ограничение по качеству: $Q \geq Q_{\min}$

где Q_{\min} — минимально допустимое качество.

3. Ограничение по времени: $T \leq T_{\max}$

где T_{\max} — максимально допустимое время выполнения.

Частный случай 1. Разработка новых строительных материалов

В данном случае строительная компания сотрудничает со стартапом, разрабатывающим инновационные экологически чистые материалы. Целевая функция будет включать затраты на материалы и их качество.

Целевая функция:

$$Z = w_1 C + w_2 Q, \quad (3)$$

Ограничения:

1. Бюджетное ограничение: $C \leq B$
2. Ограничение по качеству: $Q \geq Q_{\min}$

Эта модель позволяет строительной компании оценить затраты на новые материалы и их влияние на качество строительства, что важно для повышения конкурентоспособности.

Частный случай 2. Интеграция цифровых технологий в управление проектами

В этом случае стартап предлагает программное обеспечение для управления проектами. Целевая функция включает время выполнения проекта и устойчивость.

Целевая функция:

$$Z = w_1 T + w_2 S, \quad (4)$$

Ограничения:

1. Ограничение по времени: $T \leq T_{\max}$
2. Устойчивость: $S \geq S_{\min}$

Модель позволяет оценить влияние цифровых технологий на сроки выполнения проектов и их экологическую устойчивость.

Частный случай 3. Использование 3D-печати в строительстве

Стартап предлагает технологии 3D-печати для строительства. Целевая функция включает затраты и скорость выполнения.

Целевая функция:

$$Z = w_1 C + w_2 T, \quad (5)$$

Ограничения:

1. Бюджетное ограничение: $C \leq B$
2. Ограничение по скорости: $T < T_{\max}$

Эта модель помогает оценить эффективность использования 3D-печати с точки зрения затрат и времени выполнения строительства.

Заключение

Многокритериальная экономико-математическая модель сотрудничества по разработке новых строительных технологий между строительной компанией и технологическим стартапом представляет собой комплексный подход, учитывающий следующие аспекты взаимодействия сторон.

1. Определение целевой функции. Основной целью модели является максимизация общей прибыли или минимизация затрат с учетом нескольких критериев, таких как качество, время выполнения и устойчивость. Это позволяет строительной компании и стартапу оценивать эффективность своих решений и находить оптимальные пути для достижения общих целей.
2. Учет множества критериев. Модель включает в себя несколько взаимосвязанных критериев, что позволяет учитывать не только финансовые аспекты, но и качество технологий, сроки реализации и экологические факторы. Это делает модель более гибкой и адаптивной к изменениям в проекте и внешней среде.
3. Ограничения и условия. Важным элементом модели являются ограничения, которые могут включать бюджетные рамки, минимальные требования к качеству и сроки выполнения работ. Эти ограничения помогают структурировать процесс принятия решений и обеспечивают соответствие требованиям рынка.
4. Анализ сценариев. Модель позволяет проводить анализ различных сценариев сотрудничества, что помогает сторонам оценивать потенциальные риски и выгоды от внедрения новых технологий. Это способствует более обоснованному выбору стратегий и методов работы.
5. Интеграция данных. Использование современных технологий, таких как IoT и BIM, позволяет интегрировать данные в модель, что улучшает точность прогнозов и повышает эффективность управления проектами. Это создает основу для более глубокого анализа и принятия решений на основе актуальной информации.

Таким образом, многокритериальная экономико-математическая модель является эффективным инструментом для оптимизации сотрудничества между строительными компаниями и технологическими стартапами, позволяя оптимально управлять ресурсами и достигать устойчивого развития в строительной отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gann, D.M., & Salter, A.J. (2000). «Innovation in Project-Based Firms». *Journal of Engineering and Technology Management*.
2. Winch, G.M. (2010). «Managing Construction Projects». Wiley-Blackwell.
3. Kivrak, S., & Kivrak, E. (2016) «Construction Project Management». Springer.
4. Hwang, B.G., & Ng, W.J. (2013). «Project Management in the Construction Industry». *International Journal of Project Management*.
5. Olander, S., & Landin, A. (2005). «Evaluation of Stakeholder Influence in the Construction Industry». *International Journal of Project Management*.
6. RICS (2017). «The Future of Construction». Royal Institution of Chartered Surveyors.
7. Zhang, X., & Fan, Y. (2015). «A Framework for Collaborative Innovation in Construction». *Construction Innovation*.
8. Barrow, C., & McMahon, R.G.P. (2015). «Construction Management». Palgrave Macmillan.
9. Khosrow-Pour M., et al. (2018). «Advances in Information Technology and Communication in the Construction Industry». IGI Global.
10. Rojas C., & Aramvareekul P. (2003). «The Impact of Information Technology on the Performance of Construction Projects». *Journal of Construction Engineering and Management*.
11. Kivrak E., & Kivrak S. (2020). «Innovative Technologies in Construction». Springer International Publishing.
12. Lee J., & Kim H.S. (2014). «A Study on the Collaboration Model between Construction Companies and Startups». *Journal of Business Research*.
13. Goh Y.M., & Abdul-Rahman H. (2015). «Innovation in Construction: A Review of the Literature». *International Journal of Construction Management*.
14. Alsharif M.H., & Alhassan A.I. (2020). «The Role of Technology in Enhancing Collaboration in Construction Projects». *Journal of Civil Engineering and Management*.
15. Khosrow-Pour M., et al. (2021). «Digital Transformation in Construction Industry». Springer Nature.
16. Секисов, А.Н. Инновационные модели развития строительного сектора: взгляд в будущее / А.Н. Секисов, А.Э. Большаков // *Современные векторы развития архитектуры и строительства : Сборник статей по материалам конференции, посвященной 50-летию архитектурно-строительного факультета, посвященной 50-летию архитектурно-строительного факультета, Краснодар, 28 марта 2024 года.* — Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2024. — С. 109–113. — EDN MZESDB.
17. Организационно-технологическая надежность территориально-производственных комплексов в условиях высокой изменчивости экономической среды / А.Н. Секисов, И.И. Рудченко, В.В. Волковская, А.А. Коновалова // *Первый экономический журнал.* — 2023. — № 6(336). — С. 65–71. — DOI 10.58551/20728115_2023_6_65. — EDN PHMIMT.
18. Секисов, А.Н. Организационно-экономические аспекты развития электронных торгов для предприятий строительной отрасли / А.Н. Секисов, И.И. Рудченко, Е.Д. Цвельх // *Первый экономический журнал.* — 2023. — № 9(339). — С. 136–141. — DOI 10.58551/20728115_2023_9_136. — EDN OSXTZX.

© Секисов Александр Николаевич (alnikss@gmail.com); Папоян Альбина Артуровна (development27@mail.ru);
Антипин Павел Александрович (antipin.pavel@bk.ru); Гиш Бэлла Руслановна (bellagish@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УМНАЯ ЭНЕРГЕТИКА КАК ДРАЙВЕР ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ¹

SMART ENERGY AS A DRIVER FOR SUSTAINABLE CITY DEVELOPMENT

**E. Seredin
S. Gutman
V. Seredin**

Summary. The article explores the relationship between implementing the smart city concept and achieving key sustainable development goals (SDGs). In the face of rapid urbanization and the growing need for efficient resource management, smart technologies have become essential for promoting sustainable environmental, economic, and social development in cities. Special emphasis is placed on the role of smart energy, which involves renewable energy sources, smart grids, and digital technologies to optimize energy use. These solutions enhance urban infrastructure's energy efficiency, reduce carbon emissions, and improve quality of life. The article also examines various smart city assessment systems and their contribution to achieving SDGs, such as affordable clean energy, economic growth, climate action, and sustainable urban development.

Keywords: smart city, smart energy, sustainable development goals, renewable energy, smart grids, energy efficiency.

Середин Евгений Петрович

специалист лаборатории «Промышленные системы потоковой обработки данных», Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
seredin.ep@edu.spbstu.ru

Гутман Светлана Семеновна

к.э.н., доцент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
SGutman@spbstu.ru

Середин Владислав Петрович

аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
seredin.vp@edu.spbstu.ru

Аннотация. В статье рассматривается связь между реализацией концепции умного города и достижением ключевых целей устойчивого развития (ЦУР). В условиях быстрой урбанизации и возрастающей потребности в эффективном управлении ресурсами, умные технологии становятся важнейшим инструментом для обеспечения устойчивого экологического, экономического и социального развития городов. Особое внимание уделено роли умной энергетики, которая включает использование возобновляемых источников энергии, интеллектуальных сетей и цифровых технологий для оптимизации энергопотребления. Эти решения играют ключевую роль в повышении энергоэффективности городской инфраструктуры, сокращении углеродных выбросов и улучшении качества жизни населения. В статье также представлены различные системы оценки умных городов и рассматривается их влияние на достижение ЦУР, таких как обеспечение доступной и чистой энергии, поддержка экономического роста, борьба с изменением климата и развитие устойчивой городской среды.

Ключевые слова: умный город, умная энергетика, цели устойчивого развития, возобновляемые источники энергии, умные сети, энергоэффективность.

Введение

Концепция «умного города» (smart city) в последние годы приобрела значительную популярность в России, и мире в целом. Под «умным городом» понимается городская среда, в которой используются современные цифровые технологии и инновационные решения для повышения качества жизни, улучшения городской инфраструктуры и обеспечения устойчивого развития. В условиях стремительного урбанистического роста и необходимости эффективного управления ресурсами, тема умных городов становится особенно актуальной. Поэтому основная цель данного исследования — показать, что система «умной энергетики» посредством

своих подсистем и функциональных элементов оказывает прямое или косвенное влияние на достижение большинства целей устойчивого развития Организации Объединенных Наций (ООН) и соответствующих им показателей.

В данной статье рассматривается связь между реализацией концепции умного города и достижением целей устойчивого развития (ЦУР). Существует множество систем для оценки умных городов, таких как U4SSC, разработанная Европейской экономической комиссией ООН и Международным телекоммуникационным союзом, которая охватывает экономические, социальные и экологические аспекты. Также используется стандарт ISO

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01206

37120, включающий целевые показатели оценки по 17 тематическим блокам [1–3].

Умный город представляет собой комплексную экосистему, в которой ключевые элементы, такие как умный транспорт, умное образование, умное управление, умное здравоохранение, умная безопасность, умная инфраструктура и умная энергетика, работают совместно для повышения качества жизни и устойчивого развития. Умный транспорт включает интеллектуальные транспортные системы и экологичные виды транспорта, а умное образование предоставляет доступ к цифровым платформам для обучения. Умное управление и здравоохранение используют цифровизацию для улучшения административных и медицинских услуг, а умная безопасность опирается на системы видеонаблюдения и ИИ для защиты граждан. Умная инфраструктура модернизирует городские системы, делая их более энергоэффективными, а умная энергетика, используя возобновляемые источники энергии и умные сети, снижает углеродный след и повышает энергетическую устойчивость городов (см. Рисунок 1) [4–6].

Ключевым компонентом умного города является «умная энергетика», которая обеспечивает эффективное управление энергоресурсами и способствует достижению целей устойчивого развития. Внедрение умных сетей, возобновляемых источников энергии и цифровых технологий играет важную роль в улучшении городской инфраструктуры и повышении энергоэффективности, что подтверждается рядом исследований и отчётов [7–10]. Эти инновации помогают городам более эффективно использовать ресурсы и адаптироваться к вызовам, связанным с изменением климата.

Методы и материалы

Методологической основой исследования выступают общенаучные методы, такие как синтез и анализ информации. Поиск исследований по рассматриваемой проблеме проводился в базах данных, включая Scopus, Web of Science, Google Scholar и РИНЦ. В ходе поиска использовались ключевые слова, такие как «умный город», «умная энергетика», «цифровизация», «устойчивое развитие» и «возобновляемые источники энергии». На основе анализа и синтеза отобранных исследований были систематизированы компоненты умного города, такие как умный транспорт, инфраструктура, энергетика и безопасность, а также установлена их взаимосвязь с целями устойчивого развития (ЦУР).

Информационной базой исследования послужили различные источники, включая публикации в рецензируемых научных журналах, обзоры и монографии экспертов в области устойчивого развития и умных городов, а также отчёты отраслевых организаций и госу-

дарственных учреждений, касающиеся устойчивого развития и энергетике.

Результаты

В статье были проанализированы научные работы ряда исследователей и интернет-материалы по заданной тематике с целью выявления влияния подсистем и элементов системы «умная энергетика». Были рассмотрены ЦУР и их подцели, на которые может оказывать непосредственное влияние разнообразных подсистем и соответствующих им элементов системы «умной энергетике».

ЦУР 8: «Достойная работа и экономический рост» активно поддерживается благодаря созданию рабочих мест и стимулированию экономического роста за счёт внедрения цифровых технологий и возобновляемых источников энергии. В отчёте ООН [8] подчёркивается тесная связь между доступом к чистой и устойчивой энергии и экономическим ростом. Доступ к надёжным источникам энергии способствует развитию экономики, поддерживая промышленное производство и создавая новые возможности для трудоустройства.

Цифровизация энергетического сектора, в частности внедрение умных сетей, способствует созданию рабочих мест в области ИТ и инженерии. Эти технологии позволяют предприятиям работать более эффективно и снижать операционные затраты, что, в свою очередь, стимулирует экономическую активность и производительность труда [10].

В исследовании [7] обсуждается роль умных энергетических решений в обеспечении устойчивого развития городов. Авторы подчёркивают, что в условиях стремительной урбанизации применение интеллектуальных технологий в энергетике — таких как возобновляемые источники энергии, системы хранения энергии и умные сети — способствует не только повышению энергоэффективности, но и снижению выбросов углерода. Эти технологии помогают городам более эффективно управлять своими ресурсами, обеспечивая устойчивость энергосистем и смягчение климатических последствий. Кроме того, внедрение таких решений поддерживает экономический рост и создание новых рабочих мест, одновременно способствуя сокращению социального неравенства за счёт улучшенного доступа к энергоресурсам.

ЦУР 9: «Индустриализация, инновации и инфраструктура» тесно связана с развитием инновационных технологий, таких как умные сети и системы хранения энергии, которые играют ключевую роль в модернизации инфраструктуры. В отчёте о ЦУР 7 [11] подчёркивается важность умных сетей и возобновляемых источников

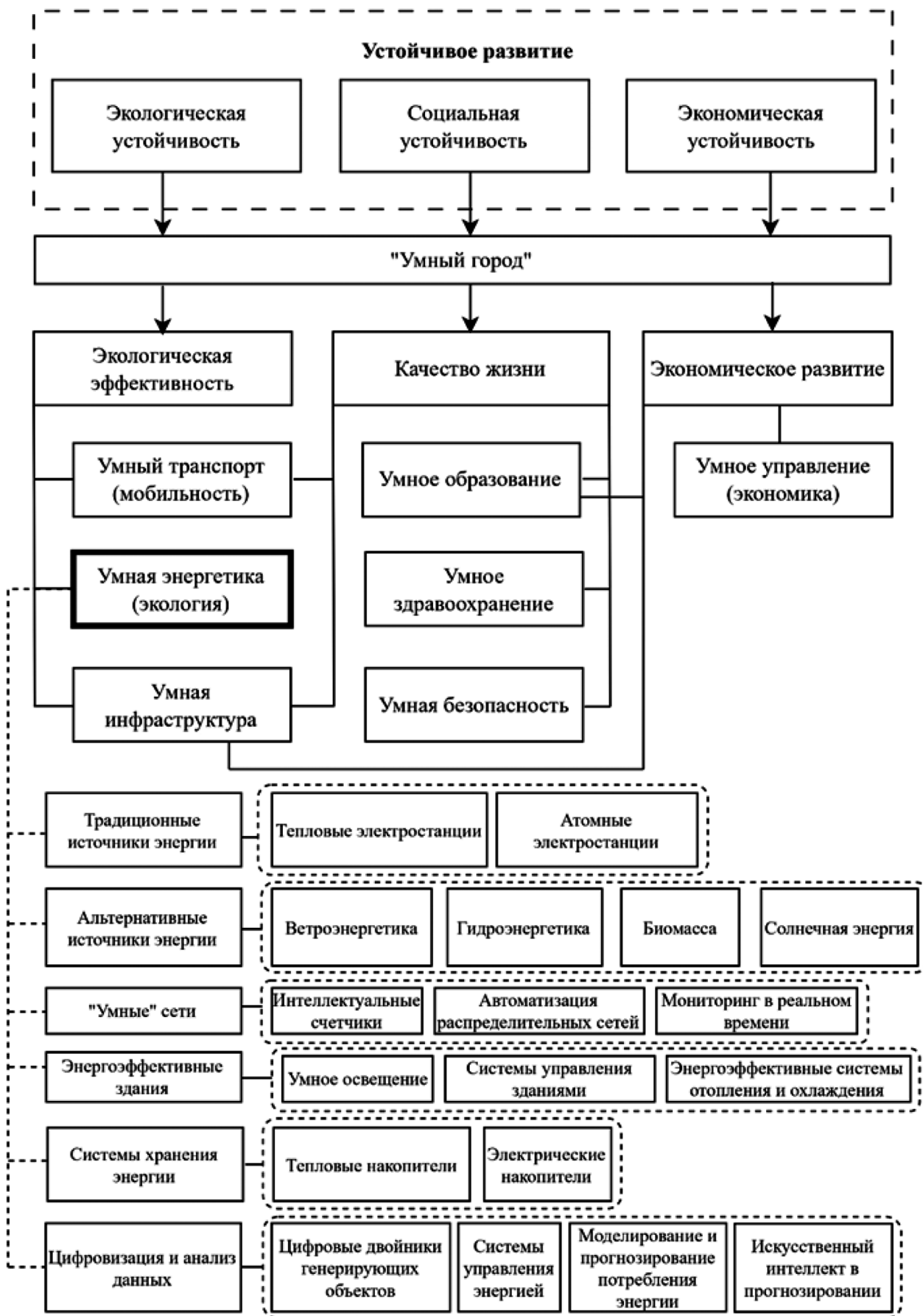

Рис. 1. Компоненты «Умного города»

энергии для создания устойчивой промышленной инфраструктуры. Это способствует гибкости энергетических систем и их устойчивости к изменениям спроса. Подобные выводы сделаны и в исследовании Университета Мэриленд [12], где описывается, как умные энергетические технологии поддерживают индустриализацию, модернизируя инфраструктуру и внедряя инновации, что в свою очередь укрепляет промышленную базу.

Дополнительно, внедрение систем хранения энергии (например, литий-ионных батарей и накопителей на основе водорода) позволяет сохранять избыточную энергию, выработанную солнечными или ветровыми установками, для использования в пиковые периоды. Это улучшает устойчивость и надёжность энергосистем, снижая зависимость от традиционных источников энергии. Эти технологии активно внедряются в крупных проектах, таких как Tesla Powerwall [13] или проекты по хранению энергии в ЕС, что способствует созданию устойчивой инфраструктуры и улучшению энергоэффективности в промышленности.

ЦУР 10: «Уменьшение неравенства» поддерживает за счёт улучшения доступа к энергии в отдалённых и бедных регионах. В отчете Ресурсного центра RELX по ЦУР [14] подчёркивается, что умные сети и цифровизация энергетики могут сократить социальное и экономическое неравенство, улучшив распределение энергоресурсов и сделав их доступными для уязвимых групп населения. Также, в статье [15] обсуждается, как искусственный интеллект способствует снижению барьеров для использования возобновляемой энергии, что делает её доступной для более широкого круга людей. ИИ помогает улучшить прогнозирование спроса и управление энергосистемами, что позволяет минимизировать перебои в энергоснабжении и обеспечить стабильные поставки даже в бедных или удалённых регионах.

ЦУР 11: «Устойчивые города и населенные пункты» значительно выигрывают от внедрения умных энергетических решений. Эти технологии помогают создать устойчивую городскую инфраструктуру, поддерживая более эффективное использование ресурсов и снижают углеродный след городов [16]. В отчёте Международного союза электросвязи (ITU) [10] говорится о том, что умные энергетические решения играют важную роль в улучшении городской инфраструктуры и делают города более устойчивыми к изменениям климата.

Одним из ключевых элементов является внедрение умных систем управления зданиями, которые позволяют автоматически регулировать потребление электроэнергии для отопления, охлаждения, освещения и других нужд. Это снижает энергопотребление в жилых и коммерческих зданиях, что особенно важно для густонаселённых городов. Такие системы могут снизить

энергозатраты до 20–30 %, что напрямую способствует улучшению энергоэффективности городской инфраструктуры.

ЦУР 12: «Ответственное потребление и производство» напрямую поддерживается умными энергетическими решениями, которые способствуют более рациональному использованию ресурсов и минимизации отходов. В отчёте ООН [8] подчёркивается важность систем хранения энергии и цифровизации для оптимизации использования энергоресурсов, снижения потерь и поддержания устойчивого потребления.

Кроме того, цифровизация процессов управления энергией, включая использование умных счётчиков и технологий мониторинга, помогает контролировать и оптимизировать потребление ресурсов в реальном времени. Такие технологии позволяют потребителям и предприятиям отслеживать свои энергетические затраты и принимать решения, направленные на сокращение ненужного потребления и снижение отходов. В исследовании организации Sustainable Energy for All [9] подчёркивается, что возобновляемая энергия и системы хранения играют ключевую роль в переходе на ответственное производство и потребление. Это особенно важно для промышленных предприятий, которые могут сократить избыточное энергопотребление и минимизировать свои отходы за счёт более эффективного управления энергией.

Таким образом, умные энергетические технологии оказывают значительное влияние на достижение целей устойчивого развития ЦУР 8–12. Они способствуют созданию рабочих мест, модернизации инфраструктуры, сокращению неравенства, поддерживают устойчивость городов и обеспечивают более ответственное потребление и производство ресурсов.

Умная энергетика играет центральную роль в достижении ЦУР 7 и ЦУР 13, так как её технологии способствуют улучшению доступности чистой энергии и эффективной борьбе с изменением климата. Развитие возобновляемых источников энергии, таких как солнечная и ветровая, умные сети, системы хранения и цифровизация энергии помогают существенно продвинуться в решении этих глобальных задач. Рассмотрим более детально влияние этих технологий на обе цели, основываясь на анализе отраслевых исследований.

ЦУР 7 направлена на обеспечение всеобщего доступа к чистой и недорогой энергии. Технологии «Умной энергетики» играют ключевую роль в решении этой задачи, так как они значительно повышают энергоэффективность, снижают затраты на производство и распределение энергии, а также увеличивают долю возобновляемых источников в энергосистемах.

Одним из ключевых инструментов умной энергетики являются умные сети, которые позволяют значительно повысить эффективность управления энергоресурсами. В статье D. Mourtzis [17] подчёркивается, что умные сети помогают минимизировать потери энергии при её передаче, а также способствуют интеграции возобновляемых источников, таких как солнечная и ветровая энергия. Это помогает сделать энергосистемы более гибкими и надёжными, снижая их эксплуатационные расходы и улучшая доступ к энергии для всех слоёв населения.

Умные сети также облегчают переход на возобновляемые источники энергии. По данным отчёта Smart Grid [18], эти технологии помогают оптимизировать распределение энергии и значительно повысить долю возобновляемой энергии в общем энергобалансе. Это особенно важно для развивающихся стран, где доступ к надёжной и чистой энергии остаётся ограниченным.

Искусственный интеллект (ИИ) и цифровизация играют важную роль в модернизации энергетических систем. ИИ помогает улучшить управление энергопотоками и интеграцию возобновляемых источников энергии. В отчёте про связь искусственного интеллекта (ИИ) и ЦУР [19] подчёркивается, что ИИ позволяет энергетическим компаниям точнее прогнозировать потребление энергии, что снижает расходы на её производство и повышает общую энергоэффективность, а также стабилизирует поставки энергии, снижая ее стоимость для конечных потребителей.

Цифровизация, как отмечено в статье V.K Ponnusamy [20], помогает интегрировать большие данные в управление энергетическими системами, что улучшает процессы принятия решений, что делает энергосистемы более устойчивыми.

Возобновляемые источники энергии являются центральным элементом для достижения ЦУР 7. В статье Andrew Ng Kay Lup и коллег [21] подчёркивается, что использование солнечной, ветровой и гидроэнергетики позволяет значительно сократить затраты на энергию и обеспечить более широкий доступ к ней, особенно в развивающихся странах.

ЦУР 13 направлена на принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и смягчению его последствий. Важнейшую роль в этом процессе играют умные энергетические технологии, такие как системы хранения энергии, возобновляемая энергетика и искусственный интеллект, которые способствуют значительному сокращению выбросов углерода и уменьшению негативного влияния на климат.

Использование возобновляемых источников энергии, таких как солнечная и ветровая, значительно сни-

жает выбросы углекислого газа, что является одной из ключевых задач ЦУР 13. В статье Energydigital [4] подчёркивается, что переход на возобновляемую энергетику помогает сократить зависимость от ископаемого топлива и минимизировать выбросы парниковых газов. Это, в свою очередь, играет важную роль в замедлении темпов глобального потепления и предотвращении наиболее разрушительных последствий изменения климата.

В исследовании S. Gupta и коллег [22] проведен анализ, как умные сети и системы хранения энергии помогают эффективно управлять энергопотреблением, снижая нагрузку на традиционные энергосистемы. Эти технологии способствуют уменьшению углеродного следа за счёт оптимизации использования энергии, что критично для глобальных усилий по снижению выбросов углерода.

Искусственный интеллект и цифровизация также оказывают значительное влияние на достижение климатических целей. В статье [23] подчёркивается, что ИИ помогает точно прогнозировать спрос на энергию и улучшать управление энергетическими ресурсами, что, в итоге, способствует сокращению выбросов парниковых газов. Благодаря ИИ и цифровым технологиям энергосистемы становятся более адаптивными и гибкими, что особенно важно в условиях изменяющегося климата.

Системы хранения энергии играют не менее важную роль в смягчении последствий изменения климата. Эти системы позволяют сохранять избыток энергии, выработанный возобновляемыми источниками, и использовать его в периоды пикового спроса. Это повышает устойчивость энергосистем и снижает необходимость использования ископаемого топлива в критические моменты. В отчёте Valuer [24] подчёркивается, что такие системы помогают стабилизировать энергосистемы и значительно уменьшить выбросы углерода, играя ключевую роль в реализации климатической стратегии.

В статье, опубликованной в Harvard Business Review подчёркивается важная роль систем хранения энергии в достижении климатических целей. Они позволяют аккумулировать избыточную энергию, выработанную возобновляемыми источниками, и использовать её в периоды пикового спроса, что помогает стабилизировать энергосистемы. Это снижает зависимость от ископаемого топлива и уменьшает углеродные выбросы, делая энергосистемы более устойчивыми и эффективными в условиях переменной генерации [25].

На основе проведенного анализа были составлены схемы, отражающие компоненты «Умного города» по трем сферам Устойчивого развития (рисунок 1).

Далее была составлена схема, отражающая влияние системы «Умная энергетика» и входящих в нее подси-

стем и элементов на цели устойчивого развития (ЦУР), определенных Организацией Объединенных Наций.

- традиционные источники энергии (тепловые и атомные электростанции) могут оказывать влияние на: ЦУР 7, ЦУР 8, ЦУР 9, ЦУР 10, ЦУР 11, ЦУР 12, ЦУР 13.
- альтернативные источники энергии (ветроэнергетика, гидроэнергетика, солнечная энергетика и биомасса) могут оказывать влияние на: ЦУР 7, ЦУР 8, ЦУР 9, ЦУР 10, ЦУР 11, ЦУР 12, ЦУР 13.
- объекты и оборудование «умных» сетей (автоматизация распределительных сетей, интеллектуальные счетчики, мониторинг в реальном времени) оказывает влияние на: ЦУР 7, ЦУР 9, ЦУР 10, ЦУР 11, ЦУР 12, ЦУР 13.
- энергоэффективные здания (умное освещение, системы управления зданиями, энергоэффективные системы отопления и охлаждения) оказывают влияние на: ЦУР 7, ЦУР 9, ЦУР 10, ЦУР 11, ЦУР 12, ЦУР 13.
- системы хранения энергии (тепловые и электрические накопители) оказывают влияние на: ЦУР 7, ЦУР 9, ЦУР 10, ЦУР 11, ЦУР 12, ЦУР 13.
- цифровизация и анализ данных (цифровые двойники генерирующих объектов, системы управления энергией, моделирование и прогнозирование потребления энергии, искусственный интеллект в прогнозировании) оказывают влияние на: ЦУР 7, ЦУР 8, ЦУР 9, ЦУР 10, ЦУР 11, ЦУР 12, ЦУР 13.

Умная энергетика в значительной степени влияет на достижение ряда целей устойчивого развития, однако её наибольшее воздействие отмечается в контексте ЦУР 7 и 13. Эти цели тесно связаны с переходом на возобновляемые источники энергии, увеличением энергоэффективности, сокращением выбросов и внедрением различных инновационных технологий в сфере энергетики. В то же время вклад умной энергетики в такие цели, как ЦУР 8, ЦУР 9, ЦУР 10, ЦУР 11 и ЦУР 12 является менее значительным.

На рисунке 2 представлен список отобранных ЦУР, подцелей и индикаторов, на которые согласно обзору исследований, Умная энергетика оказывает наибольшее влияние.

Заключение

Таким образом, «Умная энергетика» является неотъемлемой частью концепции «умного города» и играет ключевую роль в достижении целей устойчивого развития (ЦУР). Внедрение умных энергетических технологий, таких как возобновляемые источники энергии, умные

сети, системы хранения, энергоэффективные здания и искусственный интеллект, порождает основу для построения энергоэффективной и экологически чистой городской инфраструктуры. Эти технологии не только обеспечивают более рациональное использование ресурсов, но и создают условия для устойчивого экономического роста, улучшения качества жизни и минимизации экологического воздействия.

В последующих исследованиях планируется создание модели на основе эмпирических данных для анализа связи между внедрением передовых энергетических технологий и снижением углеродных выбросов, а также выявления ключевых факторов, влияющих на уровень выбросов CO₂.

Умные города, поддерживаемые такими инновациями, как системы управления энергией, способствуют достижению ЦУР 7 («Недорогая и чистая энергия»), обеспечивая доступ к возобновляемым источникам энергии и повышая энергоэффективность городских инфраструктур. Технологии умной энергетике помогают городам интегрировать различные источники энергии и оптимизировать их использование, что особенно важно для снижения зависимости от ископаемого топлива и сокращения углеродного следа, поддерживая тем самым ЦУР 13 («Борьба с изменением климата»).

Кроме того, умные энергетические решения способствуют созданию устойчивых городов (ЦУР 11), помогая снизить выбросы и улучшить управление энергией. Внедрение энергоэффективных технологий, таких как умное освещение и системы управления зданиями, улучшает городской ландшафт и делает города более устойчивыми к экологическим и климатическим вызовам.

Умная энергетика также оказывает значительное влияние на ЦУР 8 («Достойная работа и экономический рост»), создавая новые рабочие места в высокотехнологичных секторах и стимулируя экономическое развитие, и ЦУР 9 («Индустриализация, инновации и инфраструктура»), способствуя развитию гибких и устойчивых энергетических систем, поддерживающих инновации в городском пространстве.

Таким образом, умная энергетика становится центральным элементом концепции «умного города», обеспечивая достижение целого ряда целей устойчивого развития. Её внедрение помогает городам быть более адаптивными, экологически устойчивыми и технологически продвинутыми, создавая более высокое качество жизни для их жителей и снижая негативное влияние на окружающую среду.

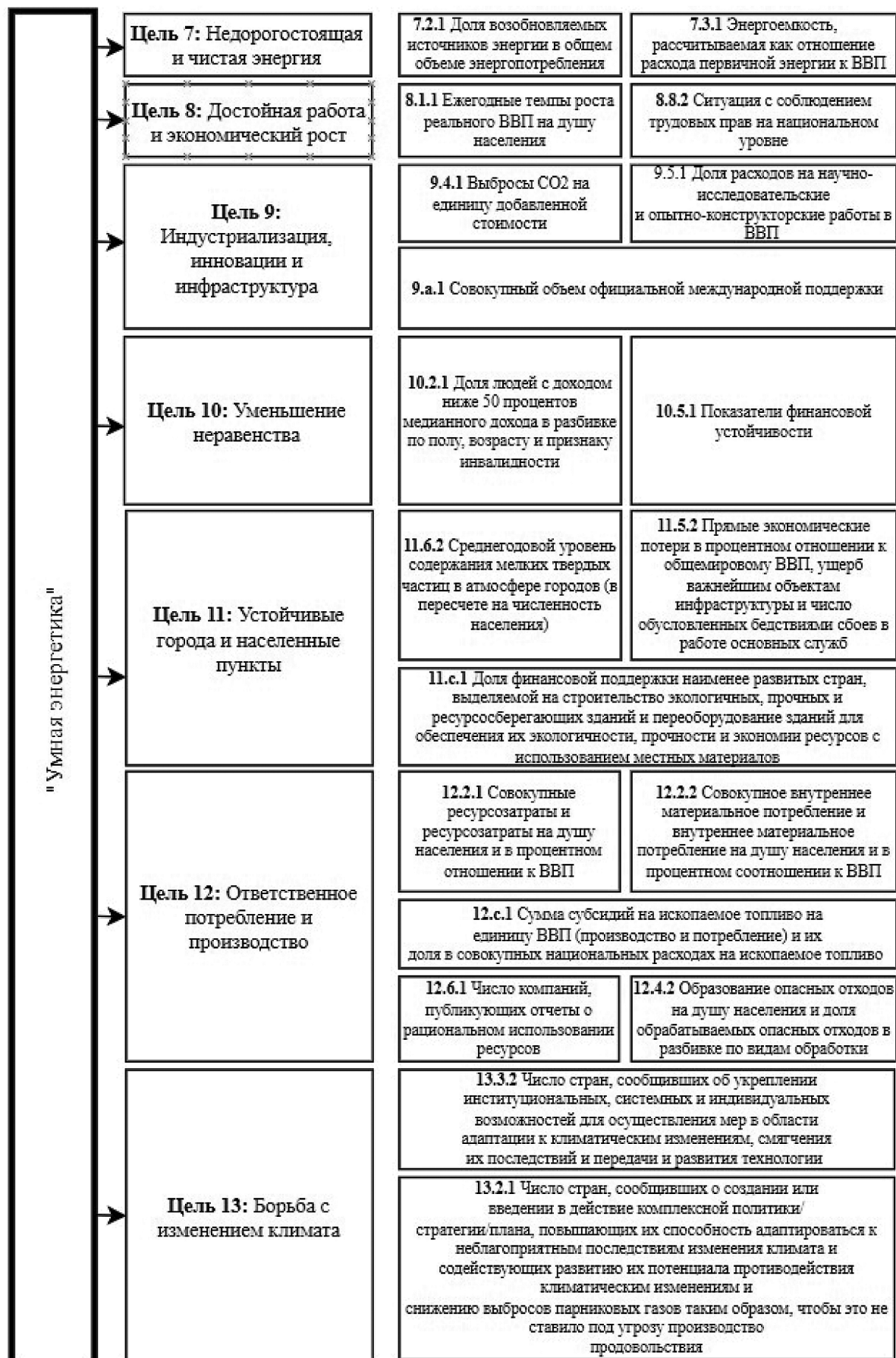

Рис. 2. Цели и подцели устойчивого развития

ЛИТЕРАТУРА

1. Фонд «Институт экономики города». Концепции умного города: российская практика в международном контексте [Электронный ресурс]. Москва: Фонд «Институт экономики города», 2022. 11 с. URL: <https://www.urbanecomomics.ru> (дата обращения: 23.09.2024).
2. U4SSC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/en/ITU-T/ssc/united/Pages/default.aspx> (дата обращения: 23.09.2024).
3. ISO 37120:2018. Устойчивое развитие сообществ — Показатели для городских услуг и качества жизни [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iso.org/standard/68498.html> (дата обращения: 23.09.2024).
4. Smart City Technology Paves the Way for Sustainable Energy [Электронный ресурс]. URL: <https://energydigital.com/articles/smart-city-technology-paves-the-way-for-sustainable-energy> (дата обращения: 23.09.2024).
5. Smart Cities And Infrastructure — Very | IoT Development Company [Электронный ресурс]. URL: <https://www.verytechnology.com/article/smart-cities-and-infrastructure> (дата обращения: 23.09.2024).
6. Developing Smart Cities: A Guide for City Leaders [Электронный ресурс]. URL: <https://www.performanceservices.com/resources/Developing-Smart-Cities-A-Guide-for-City-Leaders/> (дата обращения: 23.09.2024).
7. Smart Energy Solutions for Sustainable Urban Growth [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/research-topics/63384/smart-energy-solutions-for-sustainable-urban-growth> (дата обращения: 23.09.2024).
8. United Nations (2021): Policy briefs in support of the high-level political forum leveraging energy action for advancing the sustainable development goals [Электронный ресурс]. URL: https://sdgs.un.org/sites/default/files/2021-06/2021-POLICY%20BRIEFS_3.pdf (дата обращения: 23.09.2024).
9. Powering the Sustainable Development Goals — SEforALL [Электронный ресурс]. URL: <https://www.seforall.org/data-stories/powering-the-sustainable-development-goals> (дата обращения: 23.09.2024).
10. Digital technologies to achieve the UN SDGs [Электронный ресурс]. URL: <https://www.itu.int/en/mediacentre/backgrounders/Pages/icts-to-achieve-the-united-nations-sustainable-development-goals.aspx> (дата обращения: 23.09.2024).
11. SDG 7: Affordable and Clean Energy [Электронный ресурс]. URL: <https://www.psu.edu.sa/sdg-7> (дата обращения: 23.09.2024).
12. Sustainability at UMD [Электронный ресурс]. URL: <https://sustainingprogress.umd.edu/partnering-goals> (дата обращения: 23.09.2024).
13. Tesla Powerwall [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tesla.com/support/energy/powerwall/learn/how-powerwall-works> (дата обращения: 23.09.2024).
14. Smart Grid | Sustainable Development Goals [Электронный ресурс]. URL: <https://sdgresources.relx.com/smart-grid> (дата обращения: 23.09.2024).
15. Raman R. et al. Green and sustainable AI research: an integrated thematic and topic modeling analysis // *Journal of Big Data*. — 2024. — Т. 11. — №. 1. — С. 1–28.
16. Goal 12: Responsible Consumption & Production [<https://sustainingprogress.umd.edu/partnering-goals/sdg-12>].
17. Mourtzis D., Angelopoulos J., Panopoulos N. Smart grids as product-service systems in the framework of energy 5.0—a state-of-the-art review // *Green Manufacturing Open*. — 2022. — Т. 1. — №. 1. — С. 5.
18. Smart Grid | Sustainable Development Goals — Resource Centre [Электронный ресурс]. URL: <https://sdgresources.relx.com/smart-grid> (дата обращения: 23.09.2024).
19. Is Artificial Intelligence the Answer to SDG-7? [Электронный ресурс]. URL: https://www.unescap.org/sites/default/d8files/event-documents/Is%20Artificial%20Intelligence%20the%20Answer%20to%20SDG-7_Beth%20Massey_Data%20Dynamics.pdf (дата обращения: 23.09.2024).
20. Ponnusamy V.K. et al. A comprehensive review on sustainable aspects of big data analytics for the smart grid // *Sustainability*. — 2021. — Т. 13. — №. 23. — С. 1–35.
21. Lup A.N.K. et al. Sustainable energy technologies for the Global South: challenges and solutions toward achieving SDG 7 // *Environmental Science: Advances*. — 2023. — Т. 2. — №. 4. — С. 570–585. [Электронный ресурс]. URL: <https://pubs.rsc.org/en/content/articlehtml/2023/va/d2va00247g> (дата обращения: 23.09.2024).
22. Gupta S. et al. Operationalizing Digitainability: Encouraging mindfulness to harness the power of digitalization for sustainable development // *Sustainability*. — 2023. — Т. 15. — №. 8. — С. 1–37.
23. Awogbemi O., Von Kallon D.V., Kumar K.S. Contributions of Artificial Intelligence and Digitization in Achieving Clean and Affordable Energy // *Intelligent Systems with Applications*. — 2024. — С. 1–20.
24. AFFORDABLE AND CLEAN ENERGY — Valuer.ai [Электронный ресурс]. URL: <https://www.valuer.ai/hubfs/reports/valuer-sustainability-report-affordable-clean-energy.pdf> (дата обращения: 23.09.2024).
25. Reaching Ambitious Carbon Goals with Cost-Efficient Energy Storage [Электронный ресурс]. URL: <https://hbr.org/sponsored/2024/04/reaching-ambitious-carbon-goals-with-cost-efficient-energy-storage> (дата обращения: 23.09.2024).

© Середин Евгений Петрович (seredin.ep@edu.spbstu.ru); Гутман Светлана Семеновна (SGutman@spbstu.ru);

Середин Владислав Петрович (seredin.vp@edu.spbstu.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ НА НОВЫХ ИСТОЧНИКАХ ЭНЕРГИИ В КИТАЕ

Тан Чжэньлиань

Российский университет дружбы народов
имени П. Лумумбы (РУДН), г.Москва
zhenliant@gmail.com

AN EMPIRICAL STUDY ON THE DEVELOPMENT STATUS OF NEW ENERGY VEHICLES IN CHINA

Tang Zhenlian

Summary. The question of how to contribute to the sustainable development of the economy has become the focus of attention in response to the crisis of fossil energy and environmental pollution. China has invested heavily in research and development for the development and application of industrial technologies and has recently focused on the structure of the automotive industry on new energy sources, therefore, relevant data from three automakers — BYD, SAIC, NIO — for the period from 2017 to 2022, in which correlation regression is also performed, is selected for this article. An analysis to determine the relationship between NEV sales, R&D expenditures, per capita consumption, and the local green economy. Finally, the trajectory of the development of Chinese vehicles based on new energy sources is given.

Keywords: vehicles powered by new energy sources; Green Economy, Sale of cars powered by new energy sources; R&D expenditures; China's automotive industry; BYD.

Аннотация. Вопрос о том, как способствовать устойчивому развитию экономики, оказался в центре внимания в ответ на кризис ископаемой энергии и загрязнение окружающей среды. Китай инвестировал значительные средства в исследования и разработки для разработки и применения промышленных технологий, а в последнее время сосредоточился на структуре автомобильной промышленности на новых источниках энергии. Следовательно, для этой статьи выбраны соответствующие данные трех автопроизводителей — BYD, SAIC, NIO — за период с 2017 по 2022 год, в котором также выполняется корреляционный регрессионный анализ для определения взаимосвязи между продажами NEV, расходами на НИОКР, потреблением на душу населения и местной «зеленой» экономикой. Наконец, приведена траектория развития китайских транспортных средств на новых источниках энергии.

Ключевые слова: транспортные средства на новых источниках энергии, зеленая экономика, продажа автомобилей на новых источниках энергии, расходы на НИОКР, автомобильная промышленность Китая; BYD.

Введение

Европейская ассоциация автопроизводителей (ACEA) сообщает, что 213 из 322 европейских предприятий по сборке автомобилей, производству двигателей и аккумуляторов находятся на территории Европейского Союза. В Европе насчитывается 127 производств легковых автомобилей, 71 — автобусов, 56 — большегрузных автомобилей, 46 — малотоннажных грузовиков, 71 — двигателей и 42 — аккумуляторов.

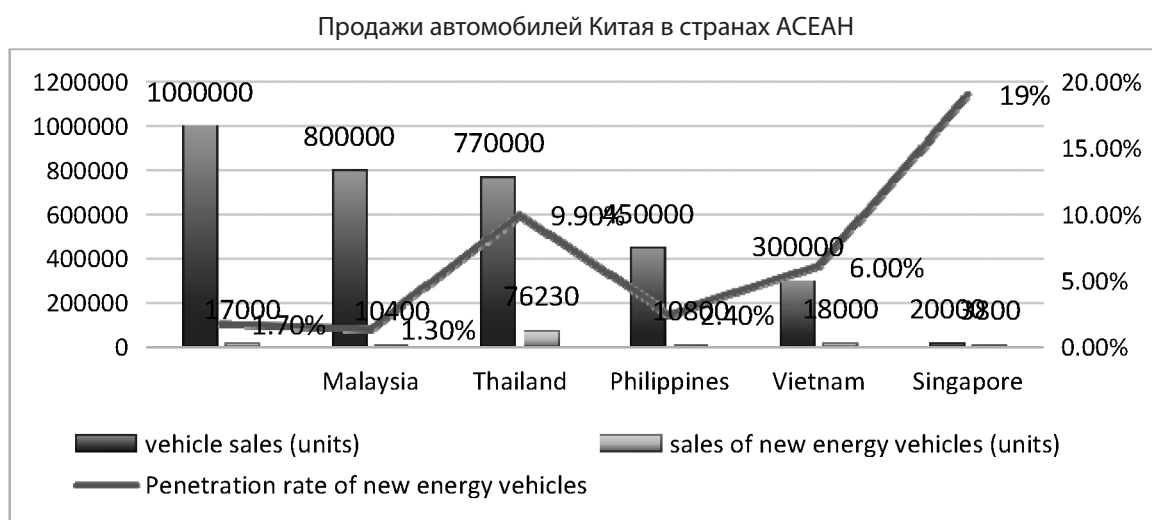
В условиях объединенной экономики разные европейские страны по-разному ожидают Китая. Например, когда дело доходит до автономного вождения, немецкие автопроизводители Mercedes-Benz и Volkswagen открыты для сотрудничества с китайскими компаниями, имеющими интеллектуальные системы вождения. Momenta, Yuanrong Qixing, Weilai и другие китайские компании создали центры разработки интеллектуального вождения в Германии, и страна будет служить центром для экспорта китайских технологий автономного вождения. Кроме того, в Венгрии расположены производственные центры многочисленных автомобильных компаний и активно проводятся исследования и разработки, а также

испытания технологий автономного вождения. Позиционируемый как ключевой центр как производства, так и исследований в Европейском Союзе, он, как ожидается, станет основным стратегическим союзником Китая на рынке ЕС в будущем. [2]

Кроме того, страны АСЕАН и Китай подписали крупнейшее в мире соглашение о свободной торговле, которое включает в себя упрощение процедур торговли и техническое сотрудничество в области электромобилей. Это соглашение будет способствовать взаимосвязанности и взаимной выгоде между Китаем и странами АСЕАН в области электромобилей. Согласно данным о продажах автомобилей, опубликованным автомобильными ассоциациями стран Юго-Восточной Азии, видно, что продажи автомобилей в странах Юго-Восточной Азии сохраняют высокие темпы роста в 2023 году. Среди них Индонезия имеет самые высокие продажи автомобилей — 1 миллион единиц, за ней следует Малайзия.

На рынке Юго-Восточной Азии Таиланд является «производственной ответственностью» за производство автомобилей и ввел ряд мягких политик с точки зрения инвестиций в производство электромобилей, а также

Таблица 1.

Источник: Исследовательский отчет за 2024 год о политике и правилах автономного вождения и доступе к автомобильному рынку в различных странах мира

является одним из основных направлений для отечественных автомобильных компаний для строительства заводов за рубежом; Многие автомобильные компании, такие как GAC, Chery, SAIC, Great Wall, BYD, Nezha и даже аккумуляторный гигант CATL объявили о строительстве заводов в Юго-Восточной Азии с общим объемом инвестиций более 10 млрд юаней.

Методы

2020 год является поворотным моментом для транспортных средств на новых источниках энергии в Китае, в это время новые силы автомобилестроения борются [9] а автомобили на новых источниках энергии изо всех сил пытаются выжить в условиях сокращения субсидий. Чтобы еще больше активизировать новый энергетический рынок Китая, китайское правительство представило Tesla в Китае, вызвав «эффект сома», и с тех пор рынок электромобилей переместился с рынка 2В на рынок 2С. Таким образом, в данной работе выбраны соответствующие данные трех автомобильных компаний, а именно BYD, SAIC, NIO за период с 2017 по 2022 год, и проведен корреляционный регрессионный анализ взаимосвязи между продажами NEV, расходами на НИОКР и потреблением на душу населения и местной «зеленой» экономикой. На развитие «зеленой» экономики влияет множество факторов, в том числе структура промышленности, энергопотребление, уровень технологий и т.д. [1] Из-за ограниченности различных факторов «зеленая экономика» окончательно определяется как независимая переменная Y, «операционный доход от новых источников энергии» определяется как X1, «расходы на НИОКР» определяются как X2, а «потребление энергии на душу населения» определяется как X3. [5] Модель настроена на тернарную линейную регрессию по методу наименьших квадратов. Для того, чтобы сократить разрыв между

выборочными значениями, все переменные логарифмируются, и можно получить следующую формулу:

$$\ln Y = a \ln x_1 + b \ln x_2 + c \ln x_3 + e,$$

Y — зеленая экономика.

x₁ — операционный доход от новых источников энергии.

x₂ — расходы на НИОКР.

x₃ — потребление энергии на душу населения.

e — Константа компенсации.

Результаты

Путем статистического анализа данных мы получили количественные данные о взаимосвязи между продажами автомобилей на новых источниках энергии, расходами на НИОКР и потреблением на душу населения и местной зеленой экономикой в Шэньчжэне (1) $Y_{BYD} = 0,2913x_1 - 0,5100x_2 - 3,5717x_3 - 3,1388$, в частности, коэффициент корреляции между продажами автомобилей на новых источниках энергии и зеленой экономикой составляет 0,2913, что указывает на то, что рост продаж брендов автомобилей на новых источниках энергии, таких как BYD в Шэньчжэне, и развитие зеленой экономики показывают положительный эффект связи. Это можно объяснить положительной ролью транспортных средств на новых источниках энергии в сокращении выбросов загрязняющих веществ и содействии оптимизации энергетической структуры, что, в свою очередь, способствует росту зеленой экономики. Ожидается, что с повышением осведомленности потребителей об охране окружающей среды и увеличением политической поддержки уровень проникновения транспортных средств на новых источниках энергии в Шэньчжэне будет еще больше расти, тем самым придавая больше жизнеспособности развитию зеленой экономики.

Таблица 2.

Взаимосвязь между продажами автомобилей на новых источниках энергии, расходами на НИОКР и потреблением на душу населения в Гуанчжоу и местной «зеленой» экономикой

	X1	X2	X3	conf
BYD	0.2913	-0.5100	-3.5717	-3.1388

Источник: Рассчитано автором с использованием StataMP17

С помощью экономико-статистического анализа мы получили количественные данные о взаимосвязи между продажами NEV, расходами на НИОКР и потреблением на душу населения и местной зеленой экономикой в Шанхае (3) $Y_{SAIC} = -0,0923x_1 - 0,0561x_2 + 2,3509x_3 - 10,1070$, Соотношение между потреблением на душу населения и «зеленой» экономикой составляет 2,3509, что указывает на то, что в Шанхае с повышением уровня потребления на душу населения «зеленая» экономика развивалась соответствующим образом. Это может быть связано с тем, что с развитием экономики и увеличением доходов жителей потребители более склонны выбирать зеленые и экологически чистые продукты и услуги, тем самым способствуя росту зеленой экономики. Кроме того, высокий уровень потребления также может отражать повышенный спрос на высококачественную, экологически чистую продукцию, что побудило компании инвестировать в НИОКР и производство «зеленых» технологий.

Таблица 3.

Взаимосвязь между продажами автомобилей на новых источниках энергии, расходами на НИОКР и потреблением на душу населения в Шанхае и местной «зеленой» экономикой

	X1	X2	X3	conf
SAIC	0.0923	-0.0561	2.3509	-10.1070

Источник: Рассчитано автором с использованием StataMP17

С помощью экономико-статистического анализа мы получили количественные данные о взаимосвязи между продажами NEV, расходами на НИОКР и потреблением на душу населения и местной «зеленой» экономикой в Шэньчжэне (4) $Y_{NIO} = 13.8003x_1 + 17.7697x_2 - 487.0141x_3 - 248.2987$, в данном примере путем статистического анализа экономических данных города Хэфэй мы получаем количественные показатели взаимосвязи между продажами NEV, расходами на НИОКР и потреблением на душу населения и местной зеленой экономикой. В частности, коэффициент корреляции между продажами NEV и «зеленой» экономикой достигает 13,8003, что указывает на сильную положительную связь между продажами брендов NEV, таких как NIO в Хэфэе, и разви-

тием «зеленой» экономики. Эта взаимосвязь может быть связана с положительной ролью транспортных средств на новых источниках энергии в сокращении выбросов загрязняющих веществ и повышении энергоэффективности, что напрямую способствует росту «зеленой» экономики.

Таблица 4.

Взаимосвязь между продажами NEV NIO, расходами на НИОКР и потреблением на душу населения в Хэфэе и местной «зеленой» экономикой

	X1	X2	X3	conf
NEV NIO	13.8003	17.7697	-487.0141	-248.2987

Источник: Рассчитано автором с использованием StataMP17

Соотношение между расходами на НИОКР и «зеленой» экономикой составляет 17,7697, что еще раз подтверждает важную роль НИОКР в содействии «зеленому» экономическому развитию. Это свидетельствует о том, что инвестиции Хэфэя в НИОКР в области «зеленых» технологий были эффективно преобразованы, что способствовало инновациям «зеленых» продуктов и услуг и, таким образом, привело к быстрому росту «зеленой» экономики.

Выводы

Продажи автомобилей на новых источниках энергии в Гуанчжоу положительно коррелируют с «зеленой» экономикой, потребление на душу населения положительно коррелирует с «зеленой» экономикой, а расходы на НИОКР отрицательно коррелируют с «зеленой» экономикой, таким образом, Гуанчжоу может продолжать поощрять и поддерживать научно-исследовательскую деятельность предприятий в области зеленых технологий для содействия устойчивому развитию зеленой экономики.

Кроме того, увеличение инвестиций в НИОКР может также отражать важность инноваций в области «зеленых» технологий, которые могут привести к новому экономическому росту при одновременном снижении негативного воздействия на окружающую среду.

Расходы Шанхая на НИОКР отрицательно коррелируют с «зеленой» экономикой, потребление на душу населения положительно коррелирует с «зеленой» экономикой, а продажи автомобилей на новых источниках энергии отрицательно коррелируют с «зеленой» экономикой. Таким образом, Шанхай может продолжать поощрять предприятия предоставлять больше экологически чистых продуктов и услуг с помощью законодательства и рыночных механизмов, чтобы удовлетворить рыночный спрос на «зеленое» потребление и способствовать развитию «зеленой» экономики.

Расходы Хэфэя на НИОКР положительно коррелируют с «зеленой» экономикой, потребление на душу населения отрицательно коррелирует с «зеленой» экономикой, а продажи автомобилей на новых источниках энергии положительно коррелируют с «зеленой» экономикой. Чтобы сохранить эту положительную тенденцию развития, Хэфэй должен продолжать увеличивать финансовую поддержку и политические стимулы для исследований и разработок в области «зеленых» техно-

логий, поощрять предприятия к осуществлению более инновационной деятельности и ускорять процесс коммерциализации «зеленых» технологий. Благодаря постоянному прогрессу технологий транспортных средств на новых источниках энергии и улучшению восприятия рынком мы можем предвидеть, что продажи автомобилей на новых источниках энергии будут продолжать обеспечивать сильный импульс для развития зеленой экономики Хэфэя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цинь С., Сюн И. Различия в инновационной эффективности политики Китая в области транспортных средств на новых источниках энергии: сравнение субсидируемой и несубсидируемой политики // Школа бизнеса; Хунаньский сельскохозяйственный университет; Чанша; Китайская Народная Республика; Центрально-Южный университет, 2024, № 304. С. 156–169.
2. Эддин Х.Г., Саид Б., Азеддин Х., и др. Новая стратегия управления энергопотреблением для электромобилей, основанная на оптимальном управлении машиной с адаптивным состоянием // Кафедра электротехники и автоматики, 2024, № 9. С. 267–283.
3. Донг К., Цзэн С., Ван Дж., и др. Оценка роли «зеленых» инвестиций в энергоэффективность: имеет ли значение цифровая экономика? // Школа международной торговли и экономики; 12630 Университет международного бизнеса и экономики; Школа глобальных исследований и Научно-исследовательский институт окружающей среды и устойчивого развития ТОКАЙ (TRIES); Университет Токай; Школа бизнеса им. Аднана Кассара, 2024, № 42. С. 1450–1471.
4. Ли Х., Ван З., Цзян С. и др. Финансовые субсидии, государственный аудит и новые транспортные технологии: данные пилотной городской программы на новых источниках энергии в Китае // Школа иностранных языков; Нанкинский университет аудита; Китай; Международная школа; Школа бизнеса Аспера; Университет Манитобы; Канада; Школа экономики и финансов; Южно-Китайский технологический университет, 2024, № 106.
5. Юнцин С., Цянь С., Юкан С. и др. Влияние источников информации о транспортных средствах на новых источниках энергии на покупательские намерения массовых потребителей: исследование в Китае // Бизнес-школа; Центрально-Южный университет; Чанша; Китай; Школа бизнеса; Хунаньский технологический университет, 2024, №36. С. 1337–1354.
6. Ли С., Дэн Х., Юй Х. и др. Исследование скоординированного развития цифровой экономики, инноваций в области зеленых технологий и качества экологической среды на примере Китая [J]. Устойчивое развитие, 2024, №106. С. 221–232.
7. Ван Дж., Чжоу Х. Измерение и синергетический эволюционный анализ экономической устойчивости и «зеленой» экономической эффективности: данные пяти крупных городских агломераций, Китай // Школа экономики и управления городом; Пекинский университет гражданского строительства и архитектуры; Прикладная география, 2024, № 168. С. 34–49.
8. Гу С, У С, Ло Г. Может ли электросетевое соединение смягчить неопределенность экономической политики? Данные из стран, расположенных вдоль «Пояса и пути» // Школа экономики и менеджмента; Юго-Восточный университет; Нанкин; Провинция Цзянсу; Китай; Школа бухгалтерского учета и финансов; Гонконгский политехнический университет; САР Гонконг; Пилотная зона по трудоустройству высокого качества в Федерации философии и социальных наук провинции Цзянсу, 2024, № 135. С. 345–358.
9. Тянь Дж., Ван., Чжу Д. Обзор китайской автомобильной промышленности на новых источниках энергии и разработки политики // Школа международной экономики и торговли; Синьцзянский университет финансов и экономики; 830012; Китай; Педагогический колледж; Университет штата Миссисипи, 2024, № 2. С. 223–236.
10. Санг З. Анализ обоснования выхода китайских компаний, производящих автомобили на новых источниках энергии, в Европу: данные трех китайских компаний // Electrical Engineering Laboratory of Guelma (LGEg); Электротехническая лаборатория Гельмы (LGEg); Кафедра электротехники и автоматики; Université; 2024, №7. С. 72–83.
11. BYD сообщает о своем 7-миллионном автомобиле на новой энергии. Производство крупным планом, 2024, https://kns.cnki.net/kcms2/article/abstract?v=0uJvuxkqRuZrX8TDMRPHroorw_0ABWzjE9I06CRuVpMY2ij-SS-DRfCVEnc-icvq8XbXHkOKmCjWz6foQf9u_4NHKUIHeQWWVvgYJqYCXqzxnV_IC9ayDvDtHG6fGj61vmhqhtkGnUCC3cSWuzZtFglbUSOQ031VMYKJnAlrA=&uniplatform=NZKPT&language=CHS (дата обращения 01.07.2024).

© Тан Чжэньлянь (zhenliant@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УПРАВЛЕНИЕ ЗАПАСАМИ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКЦИИ ДВОЙНОГО НАЗНАЧЕНИЯ¹

INVENTORY MANAGEMENT FOR THE PRODUCTION OF DUAL-USE PRODUCTS

*K. Khachatryan
S. Khachatryan*

Summary. The article examines inventory management in the defense-industrial complex with a focus on dual-use products. It explores both traditional and modern inventory management models, emphasizing their role in ensuring production continuity and minimizing financial risks. Special attention is given to the importance of digitalization and the integration of advanced technologies, such as artificial intelligence and machine learning, for optimizing warehouse processes and replenishment strategies. The benefits of using mathematical models to overcome uncertainty in demand and supply are discussed. It is shown that managing dual-use inventories requires balancing civilian and military applications, as well as adapting to changes in market conditions. The conclusion highlights the need for innovative approaches to inventory management in the face of increasing digitalization, offering opportunities for product diversification within the DIC and enhancing its competitiveness in the evolving economic landscape.

Keywords: inventory management, military-industrial complex, production of goods and technologies.

Хачатурян Каринэ Суменовна

*доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник, ФГБНУ «Аналитический
центр», ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве РФ»
kara111315hks@yandex.ru*

Хачатурян Сурен Арутюнович

*кандидат экономических наук, старший научный
сотрудник, ФГБНУ «Аналитический центр»
sure1311@gmail.com*

Аннотация. В статье исследуется управление запасами в оборонно-промышленном комплексе с фокусом на товары двойного назначения. Рассматриваются традиционные и современные модели управления запасами, их роль в обеспечении непрерывности производства и минимизации финансовых рисков. Особое внимание уделено значимости цифровизации и внедрению передовых технологий, таких как искусственный интеллект и машинное обучение, для оптимизации складских процессов и стратегий пополнения. Описаны преимущества использования математических моделей для преодоления неопределенности спроса и поставок. Показано, что управление запасами двойного назначения требует баланса между гражданским и военным применением, а также адаптации к изменениям рыночной конъюнктуры.

Ключевые слова: управление запасами, оборонно-промышленный комплекс, производство товаров и технологий.

Важную роль в развитии предприятия играет процесс управления запасами. Этот процесс не только удовлетворяет запросы клиентов, но и обеспечивает компании возможность поддерживать необходимый уровень товарных остатков. Принимая во внимание все переменные бизнес-процессах предприятия, можно столкнуться со сложностями, как например дефицит или избыточный запас, что связано с недостаточным прогнозированием спроса и нестабильности рынка.

Согласно определению, приведенному в словаре С.И. Ожегова, термин «запас» описывает то, что подготовлено или собрано для конкретных целей; это ресурсы, предназначенные для дальнейшего использования [1]. Для лучшего понимания термина «материальный запас», который является одним из основных понятий в управлении запасами и в данной теме, стоит рассмотреть его определение. Изделия и товары, предназначенные для использования в производстве, продажах или непо-

средственном потреблении, ожидают своего часа — это и есть материальные запасы, как их определяет А.М. Гаджинский [2]. В организациях значительная доля запасов приходится на производственные материалы, проходящие различные этапы обработки в рамках материального цикла. Запасы складываются по ряду причин, включая временные задержки между получением сырья и его применением, а также расхождения между объемами поставок и актуальным потреблением. Эффективное управление запасами критично для обеспечения бесперебойности производства и минимизации убытков от избыточного накопления. Это не только способствует увеличению прибыли на уровне отдельных предприятий, но и положительно влияет на экономику в целом.

Исторически сложившийся процесс управления запасами тесно связан с эволюцией экономических условий, которые побуждают компании к поиску оптимальных стратегий использования ресурсов для под-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России по теме «Развитие методологии производства продукции двойного назначения высокотехнологичными компаниями России с использованием элементов искусственного интеллекта в условиях цифровизации экономики и санкционного давления» № 123011600034-3

держания стабильности в производственных процессах. Запасы формируются с целью гарантирования безупречного процесса производства, защиты от возможных сбоев в поставках, защиты от повышения цен на рынке закупок, минимизации рисков возможных простоев, а также для обеспечения потребностей потребителей, учитывая повседневные и сезонные колебания в спросе и возможные внезапные скачки продаж. В конечном итоге, запасы — это не просто аккумулированные материальные ценности, но и стратегический резерв, предназначенный для оптимального удовлетворения операционных нужд производства.

Запасы могут разделяться на несколько категорий, исходя из их роли в производственном процессе. Можно разделить их на несколько типов: текущие, технологические, транспортные, страховые и другие. Стратегические запасы представляют собой фундаментальный аспект национальной безопасности, создаваемые для гарантии стабильности в экстремальных ситуациях. Эти ресурсы, включая продовольственные, топливные, товарные и сырьевые резервы, а также военные арсеналы, являются ключевыми элементами в поддержании жизнедеятельности государства при любых обстоятельствах.

Военные запасы материальных средств предназначены для обеспечения материальных потребностей войск как в мирное, так и в военное время. В зависимости от целей запасы делятся на неприкосновенные и те, которые используются для текущего снабжения. Эти ресурсы включают определенные объемы вооружения, военной техники, боеприпасов, топлива, продовольствия, а также инженерного, вещевого, медицинского и иного имущества, которое хранится на складах и базах всех уровней тылового обеспечения вооруженных сил.

Связь между военной безопасностью и производственным сектором экономики, в частности оборонно-промышленным комплексом (ОПК), становится в наше время все более сложной и многогранной. Важным аспектом здесь является обеспечение баланса между производством продукции двойного назначения, которая может быть использована как в военном секторе, так и гражданском.

Управление запасами товаров двойного назначения в условиях современной геополитической и экономической обстановки становится одной из ключевых задач для оборонно-промышленного комплекса. Товары двойного назначения, обладая одновременно гражданским и военным применением, требуют особого подхода в формировании и управлении запасами, учитывающего как потребности национальной безопасности, так и требования к эффективному функционированию экономики. Управление запасами таких товаров может регулироваться исключительно потребностями оборон-

но-промышленного комплекса. Кроме того, их закупка и применение обычно не требуют специальных разрешений и соответствия дополнительным требованиям.

Для компаний из сферы как обороны, так и гражданской экономики, управление запасами таит в себе риск неоптимального распределения финансовых ресурсов: денежные средства, замороженные в запасах, упускают возможности для более доходных инвестиций. Использование заёмных средств для финансирования запасов дополнительно увеличивает финансовую нагрузку на предприятия за счёт процентных выплат. В секторе оптовой торговли эти риски усугубляются, поскольку требуется закупка значительных объемов товаров заблаговременно, что затрудняет их последующую продажу розничными операторами. Для оптовиков расширение товарного ассортимента до уровня розничной торговли, сохраняя при этом уровень риска, представляет собой высокую степень риска. В розничной торговле, хотя риски и меньше, они представлены более широким спектром. Для розничных продавцов критическим показателем является скорость оборачиваемости товарных запасов, поэтому их основная задача — обеспечить быструю и своевременную доставку широкого ассортимента высокодоходных товаров.

Процесс накопления производственных ресурсов в организациях стал основой для формирования теории управления запасами. Рассматриваемые нами системы развивались и адаптировались к изменяющимся условиям рынка и требованиям бизнеса, разумеется, вышеописанное привело к созданию комплексных подходов к управлению запасами, которые направлены на минимизацию издержек и максимизацию эффективности производственных процессов.

Инвентарный менеджмент включает в себя систему методов, обеспечивающих эффективное восполнение и управление запасами, что критично для смазки шестерёнок поставок и настройки оптимального объёма запасов внутри компании. Эта система рассматривается как интегрированный комплекс процедур, направленных на формирование и поддержание необходимого уровня запасов. Ключевыми элементами являются также постоянное отслеживание и своевременное планирование логистических операций.

Внедрение механизма обратной связи в систему управления запасами позволяет каждому управленческому воздействию на рабочий процесс вызывать реакцию всей системы, что в свою очередь обновляет информацию о её состоянии и способствует анализу эффективности работы. Когда новое состояние системы можно не только зафиксировать, но и оценить, а затем корректировать, система считается полностью контролируемой.

Архитектура системы управления запасами включает в себя три взаимосвязанных компонента:

1. *Инфраструктура данных и складское ПО.* Этот уровень занимается агрегацией данных о товарных потоках и взаимодействии с клиентами на этапе отгрузки продукции.
2. *Аналитические алгоритмы.* Здесь используются сложные математические модели для оценки текущего состояния запасов и формулирования стратегий по их оптимизации.
3. *Финансовое регулирование и контрольные системы.* Этот слой отвечает за регуляцию процессов аккумуляции запасов, синхронизируя их с доступными финансовыми ресурсами и экономическими целями организации.

Использование передовых технологий в каждом из этих слоев позволяет не только точно анализировать текущее положение запасов, но и адекватно реагировать на изменения внешних условий. Технологии оценки и мониторинга активно применяются для определения необходимых корректировок в стратегиях управления запасами. На основе полученных данных формируются динамические модели принятия решений, которые могут быть реализованы через разнообразные управленческие инструкции, программы и политики.

В сфере управления запасами как в оборонно-промышленном комплексе, так и в гражданском секторе не существует единого универсального показателя для управления запасами. Отсутствие единых стандартов создает возможность для экономии, а это в результате позволяет использовать разнообразные модели и системы для достижения оптимального уровня запасов. К числу рассматриваемых нами моделей относят систему управления запасами на основе предварительных заказов, внедрение технологии «точно в срок» или анализ соотношения между денежными потоками, причем как поступающими, так и исходящими.

Неопределенность всегда присутствует в реальных условиях управления запасами. Разумеется, вышеописанное делает процесс управления случайным и сложным. Для преодоления рассматриваемых нами проблем можно применять различные стандарты и критерии в силу того, что именно это дает возможность создавать достаточно точные модели. Когда точное определение спроса оказывается невозможным, его можно моделировать, используя статистические данные, такие как нормальное распределение или распределение Пуассона. Этот подход помогает уменьшить трудности, связанные с неопределенностью времени поставок и колебаниями спроса, через применение математических моделей, основанных на установленных ограничениях и предположениях.

В управлении запасами очень важной проблемой является изменение их объема во времени, что актуально как для гражданского, так и для военного секторов. Основная задача заключается в поддержании адекватного уровня запасов. В первую очередь это необходимо для того, чтобы они всегда могли удовлетворять потребности, причем сделать это независимо от особенностей процессов пополнения и потребления.

Оптимизация уровня запасов в организации напрямую зависит от взаимосвязи между двумя ключевыми вопросами, которые наглядно представлены на рисунке 1. Во-первых, необходимо определить экономически целесообразный объем заказа, который способен удовлетворить прогнозируемые или запланированные потребности. Этот параметр определяет дальнейшую стратегию управления запасами. Во-вторых, исходя из размера пополнения запасов, можно точно определить оптимальные моменты для размещения заказов, что позволяет поддерживать необходимый уровень запасов и обеспечивать бесперебойное обслуживание потребностей организации.

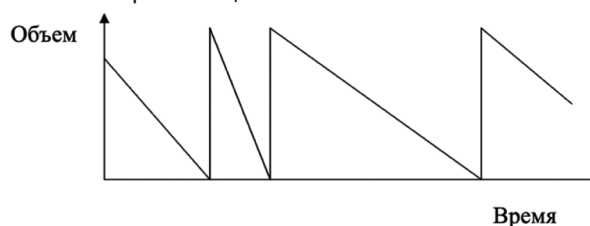

Рис. 1. Колебания запаса во времени [3]

Отмечается, что классические подходы к управлению запасами максимально эффективны только при определенной динамике отношений между поставщиками и потребителями. Встроенная функция регулярной проверки запасов, характерная для модели с предустановленными интервалами, упрощает процесс управления и помогает в сокращении операционных издержек. В контрасте, модель, ориентированная на фиксированный объем заказа, предлагает возможности снижения затрат на хранение, минимизируя требования к складской площади, что делает ее предпочтительной в определенных операционных условиях. Такие различия в подходах к заказу и хранению формируют уникальные атрибуты каждой модели, критически влияющие на общую эффективность управления запасами.

Поднимая вопрос об использовании новейших технологий на предприятиях оборонно-промышленного комплекса, нужно подчеркнуть, что сегодня цифровые технологии (такие как искусственный интеллект, машинное обучение) в российском оборонно-промышленном комплексе пока используются на самых начальных этапах, несмотря на их потенциал для развития производства, сокращения издержек и повышения производительности труда. Хотя модернизация затрагивает лишь

отдельные технологические и бизнес-процессы на уровне структурных изменений, это не оказывает значительного влияния на формирование общей стратегии.

По прогнозам экспертов, значительная часть капитала будет сосредоточена в цифровых секторах экономики, и «к 2025 году экономический эффект от такой трансформации достигнет около 100 триллионов долларов» [4]. Цифровизация открывает новые перспективы и для предприятий ОПК. Этот процесс не ограничивается лишь внедрением современных цифровых технологий в ОПК; он также включает коренное изменение моделей управления, стратегий развития, а также управление технологическими и бизнес-процессами с использованием прорывных технологий.

В ближайшей перспективе внедрение инновационных моделей и инструментов управления запасами на предприятиях ОПК будет направлено на диверсификацию и выпуск инновационной гражданской продукции. Эти изменения подчеркивают необходимость поиска современных подходов и моделей управления запасами, которые соответствуют текущим тенденциям

цифровой экономики и управлению товарами и технологиями двойного назначения.

Предприятия ОПК сосредоточены на внедрении ресурсосберегающих технологий, стремясь тем самым развивать наиболее эффективные способы перехода к управлению запасами инновационной продукции. Однако их зависимость от показателей государственного оборонного заказа существенно ограничивает возможности для трансформации технологических и производственных процессов, что мешает предприятиям оперативно адаптироваться к изменениям рыночной конъюнктуры [5].

Таким образом, управление запасами в ОПК должно не только учитывать традиционные модели, но и адаптироваться к новым условиям, диктуемым цифровой экономикой и изменениями в рыночной конъюнктуре. Переход на инновационные модели управления запасами требует от предприятий не только внедрения передовых технологий, но и глубокого пересмотра существующих практик и подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Русский язык. 1981.
2. Гаджинский А.М. Логистика: учебник. М.: Дашков и К., 2012.
3. Стерлигова А.Н. Управление запасами в цепях поставок: учебное пособие. М.: ИНФРА-М. 2009.
4. Зубренкова О.А., Шигорина Н.А. Выбор автоматизированной информационной системы — основа формирования производственно-организационной структуры предприятия // Вестник НГИЭИ. 2014. № 7. С. 97–103.
5. Леонов А.В., Пронин А.Ю. Диверсификация предприятий оборонно-промышленного комплекса — актуальная научная проблема // Вооружение и экономика. 2019. №3 (49). С.65.

© Хачатурян Каринэ Суреновна (kara111315hks@yandex.ru); Хачатурян Сурен Арутюнович (sure1311@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ СИСТЕМ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

THE ROLE OF DIGITALISATION IN THE DEVELOPMENT OF NATIONAL INNOVATION SYSTEMS: INTERNATIONAL EXPERIENCE

A. Chernikova

Summary. The article defines the importance of digitalization for the development of national innovation systems and studies the best international experience of digital transformation of innovation economies of Switzerland, Sweden, the United States of America, Singapore and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, leading the Global Innovation Index 2024 with a view to its possible application in the Russian Federation.

Keywords: digitalization, digital transformation, innovation economy, national innovation systems, innovation infrastructure, digital platforms, innovation development.

Черникова Анастасия Юрьевна

*Аспирант, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,
anastassiagalina@yandex.ru*

Аннотация. В статье определено значение цифровизации для развития национальных инновационных систем и исследован передовой международный опыт цифровой трансформации инновационных экономик Швейцарии, Швеции, Соединенных Штатов Америки, Сингапура и Соединенного Королевства Великобритании, возглавляющих Глобальный инновационный индекс 2024 года с целью его возможного применения в Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, инновационная экономика, национальные инновационные системы, инновационная инфраструктура, цифровые платформы, инновационное развитие.

Внедрение новейших информационно-коммуникационных технологий в начале XXI века, базирующихся на функционировании высоких цифровых технологий обработки больших данных и алгоритмах искусственного интеллекта, оптимизирует бизнес-процессы и изменяет стратегии развития субъектов хозяйствования, значительно повышая эффективность управления в сфере ведения инновационной деятельности, направленной на производство инноваций.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы определяет содержание трактовки понятия «цифровизация» с позиций реализации практических подходов, нацеленных на внедрение IT-технологий цифровой экономики и различных цифровых новшеств в системы управления субъектов хозяйствования с целью достижения устойчивого развития и приобретения конкурентных преимуществ [12].

В научной литературе содержание термина «национальная инновационная система» (НИС) раскрывается с позиции взаимодействия субъектов хозяйствования, занятых производством инноваций с одной стороны и инновационной инфраструктуры, институтов поддержки инновационной деятельности и прочих контрагентов, принимающих участие в инновационных процессах с другой стороны [7].

Российские исследователи Н.Н. Галикеева и С.А. Фархиева в своих научных работах отмечали, что цифровизация национальной инновационной системы представляет собой масштабный процесс, подразумевающий реализацию комплексного перехода управления на информационно-коммуникационные технологии, включающие в свой состав аналитические методы компьютерного анализа и алгоритмы искусственного интеллекта, функционирующие на базе цифровых платформ, способных обеспечить качественное взаимосвязанное взаимодействие для всех участников НИС [2].

Следовательно, развитие НИС России в условиях цифровой трансформации экономики зависит от внедрения новых цифровых инструментов и методов. Эти методы требуют организации финансовых, экономических и административных мероприятий, которые будут осуществляться на основе цифровых платформ. Эти платформы способны обрабатывать большие объемы данных, проводить облачные вычисления экономических показателей, применять технологии искусственного интеллекта, а также использовать аналитические и предиктивные методы для улучшения взаимодействия всех участников НИС.

Специалистами Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) был опубликован доклад, раскрывающий состояние развития инновационных экономик стран мирового сообщества на основании

80-ти показателей Глобального инновационного индекса 2024 года, сгруппированных по 7-ми различным направлениям, в соответствии с которыми были определены страны-лидеры в области развития инноваций [15] (см. табл. 1).

Таблица 1.
Глобальный инновационный индекс 2024 года

Наименование страны	Место в рейтинге	Показатель
Федеративная Республика Швейцария	1	67,5
Королевство Швеция	2	64,5
Соединенные Штаты Америки	3	62,4
Республика Сингапур	4	61,2
Соединенное Королевство Великобритании	5	61
Российская Федерация	59	32,9

Источник: составлено автором на основании материалов [15]

Опираясь на представленные специалистами ВОИС данные, отметим, что Российская Федерация по уровню показателей уступает странам-лидерам Глобального инновационного индекса 2024 года практически в два раза. По мнению автора статьи показатели Глобального инновационного индекса отражают эффективность функционирования национальных инновационных систем стран мирового сообщества. Данный фактор обосновывает актуальность исследования передового международного опыта цифровой трансформации инновационных экономик стран-лидеров Глобального инновационного индекса 2024 года с целью его возможного применения в Российской Федерации.

Опираясь на опыт Республики Швейцария, следует отметить, что в каждом из 26 кантонов Швейцарии созданы цифровые платформы, принадлежащие к отдельным технологическим хамам, бизнес-хамам, отраслевым кластерам и подкластерам, включающим акселераторы, технопарки и их инфраструктуру. Кантоны Швейцарии конкурируют между собой в сфере борьбы за инновационные технологии, инновационные проекты и новые таланты. В связи с данным фактором администрации кантонов автономно развивают свои цифровые платформы, предоставляя существенные льготы, преференции и гарантии для новаторов [4]. Организаторы цифровых платформ сосредоточены на поиске необходимых ресурсов — технологий, инвестиций и кадров — для создания инноваций бизнес-структурами. Они также стремятся обеспечить эффективное использование научно-исследовательских результатов (НИР).

Швейцарские стартапы, активно развиваются и на базе цифровых платформ год за годом привлекают

все большие суммы инвестиций, так если по итогам 2018 года их размер составлял \$1,22 млрд, то по итогам 2023 года их размер составлял уже свыше \$2,5 млрд [4]. Швейцарские банки активно участвуют в цифровой трансформации инновационной экономики страны, финансируя стартапы на базе новых возможностей цифрового банковского бизнеса в рамках заявок, поступающих в их адрес с цифровых платформ [3]. Расходы Швейцарии на НИР по итогам 2023 года, составили 3 % от ВВП страны \$25,02 млрд [11]. Государственную поддержку новаторам оказывают федеральные фонды и бюджеты кантонов. Департамент экономики, образования и исследований Швейцарии координирует поддержку инноваций, обеспечивая связь с Инновационными парками Швейцарии в рамках государственно-частного партнерства [1].

Университеты и исследовательские центры Швейцарии, обладающие мощной научной базой, такие как Высшая политехническая школа Лозанны, Высшая техническая школа Цюриха, Университет Женевы, Университет Невшателя, Университет прикладных наук и искусств Люцерна, Университет прикладных наук итальянской Швейцарии и другие принимают активное участие в обмене научным опытом с предпринимателями из своих кантонов на базе цифровых платформ в рамках организованных конференций со швейцарским научным сообществом или в рамках индивидуального взаимодействия ученых и представителей бизнеса. Научные и образовательные организации Швейцарии, представляющие систему высшего и профессионального образования, ориентированы на глубокую коллаборацию с бизнесом путем тестирования изобретений и организации работы над НИОКР совместно с представителями бизнес-структур на базе проектировочных мощностей университетов и их научно-исследовательских центров [11]. Основой НИС Швейцарии является понимание её как процесса интеграции различных структур, имеющих разнообразные цели и задачи.

Королевство Швеция и Соединенное Королевство Великобритании относятся к странам с западноевропейской моделью инновационного развития экономики. Данной модели свойственна высокоорганизованная институциональная среда и превалирование бизнес-сектора в финансировании научно-исследовательских результатов. В отличие от Швейцарии эти две страны имеют отдельные технологические хабы, расположенные в Лондоне и в Стокгольме соответственно. Это позволяет органам государственного управления осуществлять эффективный контроль за развитием технологических инноваций [6].

В Швеции и Великобритании по аналогии с Республикой Швейцарией также созданы цифровые платформы, принадлежащие к технологическим хамам, расположен-

ным в столицах государств, созданы цифровые платформы, принадлежащие к отраслевым кластерам и подкластерам, включающим акселераторы, технопарки и их инфраструктуру. Также организовано взаимодействие системы высшего и профессионального образования с бизнесом.

Опираясь на опыт Швеции отметим создание цифровой платформы P27 Nordic Payments в сфере Fintech, в рамках которой совместно функционируют шесть системообразующих финансово-кредитных учреждений страны, где одной из задач цифровой платформы является запуск кредитования новаторов на базе государственной и частной поддержки в целях компенсации расходов предпринимателей, направленных на инновационные разработки в режиме реального времени [14].

В Великобритании поддержка новаторов-предпринимателей реализуется через сеть FCDO — DSIT Tech Hubs в рамках программы мобильности для развития инновационного бизнеса M4D и партнерской идентификационной программы Всемирного банка ID4D при участии Альянса цифрового воздействия (DIAL), распространяющего на цифровой платформе передовой опыт [9]. В качестве примера следует привести программу поддержки новаторов Small Business Research Initiative Healthcare в рамках которой с 2022 года по 2023 год на базе цифровой платформы поддержки системы здравоохранения было выделено более 129 миллионов фунтов стерлингов и профинансировано 324 инновационных проекта [8].

Исследовав передовой опыт цифровой трансформации инновационной экономики США следует отметить, что сфера малого бизнеса американского государства по итогам 2023 года сосредоточила 99,9 % всех американских работодателей, создающих свыше 40 % ВВП страны и 2/3 от всех новых рабочих мест [13]. Предприятия малого бизнеса США, функционирующие в сфере производства инноваций используют инструментальные, инфраструктурные и прикладные цифровые платформы в соответствии с приоритетами своих запросов, при этом по итогам 2020 года общий объем рыночной капитализации «платформенных компаний США», уже составлял более \$4,5 трлн, что подчеркивает значение цифровых платформ для развития инноваций [10].

Исследовав передовой опыт цифровой трансформации Республики Сингапур, которая выступает одним из глобальных центров «цифрового превосходства» в Азии следует отметить, что уровень использования микро-, малыми и средними компаниями, задействованными в производстве инноваций как минимум одной цифровой платформы по итогам 2022 года, составляет 94,3 %. При этом Республика Сингапур на базе инструментальных, инфраструктурных и прикладных

цифровых платформ активно использует цифровые инициативы, механизмы цифрового трансграничного асеановского сотрудничества (Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)) в качестве инструмента стимулирования роста своей инновационной экономики, как в формате Экономического сообщества с ее партнерами, так и в рамках реализации Инициативы Китайской Народной Республики «Пояс и Путь» [5].

Подводя итоги исследования, сделаем вывод что повышение инновационной активности субъектов хозяйствования, функционирующих в различных отраслях экономики российского государства и содействующих импортозамещению, невозможно достичь без формирования условий для развития инновационного предпринимательства. Создание условий необходимо рассматривать в рамках формирования инфраструктуры инноваций, включающей цифровые платформы. Содержание институциональных, инфраструктурных, методических, нормативных правовых, административно-управленческих, организационно-экономических и ресурсных условий совершенствования национальной инновационной системы Российской Федерации определено автором статьи с учетом передового международного опыта цифровизации стран лидеров по глобальному инновационному индексу 2024 года.

Развитие национальной инновационной системы России может быть сопряжено с созданием единой цифровой платформы, которая будет обеспечивать:

1. Взаимодействие между участниками национальной инновационной системы.
2. Интеграцию государства, науки и бизнеса.
3. Ускоренную разработку целевых программ для реализации инновационной деятельности.
4. Эффективное внедрение инновационных разработок.
5. Прозрачность законодательных и финансовых механизмов для регулирования инновационного развития.
6. Создание благоприятного климата для привлечения инвестиций и стимулирования инновационной активности бизнеса.
7. Развитие каналов для выхода инновационных компаний на национальные и международные рынки.
8. Формирование научных, интеллектуальных, трудовых, материальных резервов.

Кроме того, необходимо использовать передовой международный опыт цифровизации стран, лидирующих по глобальному инновационному индексу, для совершенствования национальной инновационной системы России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белозеров, С.А., Заболоцкая, В.В. Государственное стимулирование инновационной деятельности в Швейцарии и России // Современная Европа. 2021. № 1. С. 108–120.
2. Галикеева Н.Н., Фархиева С.А. О национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года в РФ и федеральном проекте «искусственный интеллект» // Современная школа России. Вопросы модернизации. 2021. № 3-1 (36). С. 186–188.
3. Гальпер М.А. Цифровая трансформация банков: опыт Швейцарии // Экономика и управление. 2020. Т. 26. № 2. С. 199–204. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2020-2-199-204>
4. Как Швейцария стала хабом искусственного интеллекта // RB.RU. URL: <https://rb.ru/ai-in-switzerland/hub/> (дата обращения: 09.10.2024).
5. Канаев Е.А., Федоренко Д.О. Цифровые трансграничные инициативы Экономического сообщества АСЕАН как инструмент развития экономики Сингапура // Современная мировая экономика. 2024. Том 2. №1 (5). С. 92–102.
6. Особенности инновационного развития европейских стран // BELISA.ORG.BY. URL: http://www.belisa.org.by/pdf/Publ/Art4_i32.pdf (дата обращения: 09.10.2024).
7. Подборнова Е.С. Факторы институционального развития инновационного предпринимательства в РФ в современных условиях // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2023. Т. 14. № 4. С. 127–133.
8. Поддержка инноваций и внедрения технологий в NHS // VIKIVISA.RU. URL: <https://wikivisa.ru/blog/vizovye-istorii/innovatsii-i-novye-tehnologii-v-anglii-v-2023-godu-8340/> (дата обращения: 09.10.2024).
9. Стратегия цифрового развития Великобритании 2024–2030 гг. // VIKIVISA.RU. URL: <https://wikivisa.ru/strategiya-cifrovogo-razvitiya-velikobritanii-2024-2030-gg/> (дата обращения: 09.10.2024).
10. Тимофеева Т.Б., Оздоева Э.А. Анализ мирового опыта в создании цифровых платформ и связанных с ними рисков // Управление. 2020. Т. 8. № 3. С. 112–122. DOI: 10.26425/2309-3633-2020-8-3-112-122
11. Трофимова О.Е. Особенности инновационного развития Швейцарии // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. №4. С. 99–112. DOI: 10.15211/vestnikieran4202399112
12. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. N 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения: 09.10.2024).
13. Франке Н. Роль малого бизнеса в экономике США. // Экономика. 2023. № 2(2). С. 9–16.
14. Fintech Швеции: регулирование и успехи // INTERNATIONALWEALTH.INFO. URL: <https://internationalwealth.info/all-about-fintech/fintech-shvetsii-regulirovanie-i-uspekhi/> (дата обращения: 09.10.2024).
15. Global Innovation Index 2024 // WIPO. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en/gii-2024-at-a-glance.html> (дата обращения: 09.10.2024).

© Черникова Анастасия Юрьевна (anastasiagalina@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА НАДОМНИКОВ

Аксенов Илья Сергеевич

кандидат юридических наук, адвокат
nauka_lo@mail.ru

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF HOMEWORKERS LABOR

I. Aksenov

Summary. The article is devoted to the study of the features of legal regulation of homeworkers' labor in Russia. The study used dialectical, logical, normative and formal-legal methods of scientific research. The key problems arising in the process of homeworkers' labor activity were identified. In order to formulate and substantiate proposals for amendments to Russian labor legislation, the features of the employment contract concluded with homeworkers were analyzed. It is noted that the current regulatory framework does not fully take into account the features of homework, which leads to legal uncertainty and insufficient protection of homeworkers' labor rights. Proposals are made to change the provisions of Articles 22 and 311 of the Labor Code of the Russian Federation.

Keywords: homeworkers, control, employment contract, legal regulation, employer.

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей правового регулирования труда надомников в России. В ходе исследования применялись диалектический, логический, нормативный и формально-юридический методы научного исследования. Выявлены ключевые проблемы, возникающие в процессе осуществления надомниками трудовой деятельности. С целью формулирования и обоснования предложений по внесению изменений в российское трудовое законодательство проанализированы особенности трудового договора, заключаемого с надомниками. Отмечено, что текущая нормативная база не полностью учитывает особенности надомной работы, что приводит к правовой неопределенности и недостаточной защите трудовых прав надомников. Внесены предложения по изменению норм статей 22 и 311 ТК РФ.

Ключевые слова: надомники, контроль, трудовой договор, правовое регулирование, работодатель.

Труд надомников является одной из форм занятости, которая набирает популярность в современных условиях глобализации и цифровизации экономики. В России труд надомников, как и любая другая форма трудовой деятельности, требует четкого правового регулирования для обеспечения справедливых условий труда, защиты прав работников и создания благоприятных условий для работодателей. Однако правовое регулирование труда надомников в России остается недостаточно развитым и вызывает множество вопросов, касающихся правового статуса таких работников, их прав и обязанностей, а также особенностей заключения и исполнения трудовых договоров, что свидетельствует об актуальности проводимого исследования.

Отдельные вопросы, связанные с особенностями правового регулирования труда надомников, освещались в научных трудах таких ученых, как И.С. Аксенов, Е.В. Барашева, Е.Н. Бородина, Н.В. Закалюжная, В.В. Семенов, Н.В. Черных, Е.В. Шанина, О.В. Щербакова и др.

Правовое регулирование труда надомников в Российской Федерации представляет собой сложный и многоуровневый процесс, обусловленный необходимостью учета специфики данной формы трудовой деятельности. Надомники, осуществляющие трудовые функции вне стационарных рабочих мест работодателя, сталкиваются

с целым рядом юридических и социальных вопросов, требующих особого внимания со стороны законодателя. Нормы, регулирующие нетипичные трудовые отношения, должны обеспечивать юридические гарантии трудовых прав, дифференциацию и индивидуализацию в правовом регулировании трудовых отношений, тем самым, обеспечивая каждому гражданину право на достойный труд [5, с. 98].

Ключевой особенностью правового регулирования труда надомников является необходимость обеспечения равенства правовых гарантий с другими категориями работников, несмотря на различие в форме организации труда. Законодательство требует от работодателей соблюдения стандартов охраны труда, предоставления социального страхования и выполнения иных обязательств, характерных для традиционных трудовых отношений. Однако в реальности процесс регулирования сталкивается с рядом проблем, среди которых: отсутствие четких правовых норм, регулирующих использование цифровых технологий и информационных систем для контроля за выполнением трудовых обязанностей, сложности в установлении режима рабочего времени и его учета, а также трудности в защите трудовых прав надомников. Е.Н. Бородина отмечает, что проблема заключается не только в недостаточном регулировании труда надомников, но и в том, что работодатели все чаще стре-

мятся заключать с ними гражданско-правовые договоры вместо трудовых. Это делается для того, чтобы избежать предоставления социальных льгот и других преимуществ, предусмотренных трудовым законодательством, так как такие договоры позволяют работодателю не нести ответственность за социальные гарантии сотрудников [6, с. 108]. Считаем, что с надомниками необходимо заключать исключительно трудовые договоры, так как данный подход с большой вероятностью сведет к минимуму нарушение прав и интересов как работников, так и работодателей.

Существующие пробелы в правовом регулировании требуют адаптации и совершенствования законодательства с целью устранения противоречий и создания более гибких и ясных правовых механизмов, обеспечивающих эффективную защиту прав как работников, так и работодателей. На международном уровне также присутствуют рекомендации и стандарты, которые могли бы быть использованы в национальном контексте для улучшения регулирования труда надомников. К таким документам стоит отнести Конвенцию МОТ № 177 «О надомном труде» [2] и Рекомендацию МОТ № 184 «О надомном труде» [3], достаточно полно и четко регламентирующие труд надомников за рубежом.

Трудовой договор с надомником является ключевым правовым инструментом, который определяет права и обязанности сторон, условия труда и порядок выполнения работ. Согласно российскому законодательству, в частности, статье 310 Трудового кодекса РФ, выполнение работы надомника обусловлено положениями трудового договора [1]. Н.В. Закалюжная, по нашему мнению, абсолютно верно считает, что существует необходимость в новом правовом регулировании исторически сложившихся традиционных институтов трудового договора и трудового отношения в целом [8, с. 137].

В трудовом договоре должны быть четко прописаны условия выполнения работы, включая объем и характер трудовых обязанностей, используемое оборудование и материалы, которые могут быть предоставлены работодателем или использованы работником на собственные средства, а также должны быть предусмотрены порядок и условия возмещения расходов, связанных с выполнением трудовых функций.

Поскольку надомник работает вне территории работодателя, существует необходимость указания в договоре порядка учета рабочего времени и время отдыха. В отличие от ряда других категорий работников, надомники могут самостоятельно устанавливать свой режим работы, что может затруднять контроль за соблюдением норм рабочего времени.

В договоре должны быть предусмотрены меры по обеспечению безопасных условий труда несмотря

на то, что работа выполняется вне помещений работодателя, включая обязательства работодателя по обеспечению инструктажей, предоставлению средств индивидуальной защиты и контроль за исполнением работ.

Трудовой договор должен содержать положения о социальном страховании, больничных, отпусках и других социальных гарантиях, предусмотренных Трудовым кодексом РФ для всех работников.

Заключение трудового договора с надомником может сопровождаться рядом проблем и сложностей, связанных с особенностями организации удаленной работы.

Регулирование рабочего времени надомников представляет собой одну из наиболее сложных задач в сфере трудового права. В отличие от работников, выполняющих свои обязанности на стационарных рабочих местах, надомники обладают большей степенью свободы в определении графика работы и могут самостоятельно выбирать время для выполнения своих трудовых обязанностей. Это вызывает ряд проблем правового характера, связанных с учетом и контролем рабочего времени, а также с обеспечением прав работников на отдых.

Традиционные методы учета рабочего времени, такие как формирование фиксированных графиков или ведение табелей учета, не всегда применимы к надомникам. Работодатели не могут осуществлять прямой контроль за соблюдением графика, поскольку рабочее место надомника находится вне пределов их непосредственного контроля. В результате возникает неопределенность в определении количества фактически отработанных часов, что усложняет выполнение норм трудового законодательства, таких как соблюдение установленной продолжительности рабочего времени и времени отдыха.

Надомники зачастую работают в гибких условиях, что может приводить к нарушению их прав на отдых и восстановление. Без четких правил контроля за режимом труда и отдыха работодатель может оказаться неспособным обеспечить соблюдение минимальных перерывов на отдых и питание, что является обязательным требованием Трудового кодекса РФ. Это особенно важно в контексте предотвращения выгорания, повышения производительности труда и охраны здоровья работников.

При отсутствии четкого учета рабочего времени трудно определить, когда надомник выполняет свою работу в пределах установленного времени, а когда — сверхурочно. Работодатель обязан оплачивать сверхурочную работу в повышенном размере, однако отсутствие четкого контроля за трудовой деятельностью может приводить к злоупотреблениям как со стороны работников, так и со стороны работодателей, что создает дополнительные риски нарушения трудовых прав надомников.

Гибкие графики работы, предполагающие свободный выбор времени начала и окончания рабочего дня, часто используются в организации надомной работы. Однако отсутствие четких указаний в договоре может привести к спорам и конфликтам, связанным с пониманием того, что именно подразумевается под гибким графиком и как он должен быть документирован. Это усложняет задачу работодателя по соблюдению норм трудового законодательства. И.С. Аксенов, по нашему мнению, абсолютно справедливо предлагает закрепить в трудовом договоре обязанность работника самостоятельно вести учет отработанного времени, не допускать переработок и вырабатывать норму рабочего времени [4, с. 104].

Решение указанных проблем видится в дополнении статьи 310 Трудового кодекса РФ пунктом следующего содержания: «Рабочая неделя надомника не может превышать 40 часов в неделю. Надомник ведет учет своего рабочего времени самостоятельно».

Контроль за выполнением трудовых обязанностей работников является важной частью эффективного управления трудовыми процессами и обеспечения соблюдения условий трудового договора. Однако, в случае с надомниками, работающими вне территории работодателя, установление контроля за рабочим процессом представляет собой сложную задачу. Дистанционная форма труда, которая предполагает выполнение обязанностей вне офисного пространства, требует особого подхода к вопросам мониторинга и контроля.

В условиях удаленной работы работодатель не может непосредственно наблюдать за процессом выполнения работы, что затрудняет оценку реального вклада сотрудника и соответствие его деятельности стандартам и требованиям организации, предоставляющей работу. Традиционные методы контроля, такие как личное присутствие руководителя, в данном случае не применимы, что порождает проблемы в сфере учета производительности труда. В этой связи В.И. Босиков отмечает, что работодатель не может контролировать жилище работника, так как оно неприкосновенно [7, с. 52].

В удаленном формате работодатель может сталкиваться с трудностями при оценке качества выполнения трудовых обязанностей надомников. Недостаток прямого контакта и немедленной обратной связи усложняет процесс корректировки работы, выявления ошибок и своевременного реагирования на недостатки в выполнении трудовых задач. Это может приводить к снижению качества работы и общей эффективности деятельности компании.

В условиях удаленной работы часто используются количественные показатели эффективности, такие как количество выполненных задач или время работы, одна-

ко они не всегда отражают реальную картину трудовой деятельности работника. Например, ориентирование исключительно на количество выполненных заданий может стимулировать формальный подход к выполнению работы, при котором страдает качество конечного результата. Это особенно критично для творческих видов работ и сложных аналитических задач, требующих качественной оценки.

При выявлении нарушения трудовой дисциплины или невыполнения трудовых обязанностей работодателю может быть сложно доказать факт нарушения или недостаточной эффективности труда надомника. Это усложняет процесс привлечения работника к дисциплинарной ответственности и создания справедливых условий трудовых отношений.

Работодатели могут применять различные средства контроля, такие как программное обеспечение для мониторинга рабочего времени, либо периодические отчеты. О.В. Щербакова указывает, что работодатель вправе установить на компьютер работника программы, делающие снимки экрана, передающие информацию о количестве нажатий клавиш на клавиатуре, отслеживающие веб-трафик, а также иными способами осуществляющие мониторинг активности работника — например, трекер Worksmart Pro Tracker, Clever Control, Timely и иные программы [13, с. 109].

В условиях удаленной работы работодатели должны уделять особое внимание регулярной обратной связи с работниками, чтобы поддерживать высокие стандарты качества труда и вовлеченность сотрудников.

В настоящее время нет единых рекомендаций или стандартов, которые бы регулировали методы и процедуры контроля за надомниками. Каждый работодатель имеет право разрабатывать свои внутренние правила, что может приводить к значительным различиям в подходах, создавать неравенство условий труда и усложнять правоприменительную практику.

Введение стандартов использования цифровых инструментов для контроля, таких как программы учета рабочего времени или системы отчетности, должно сопровождаться мерами по защите конфиденциальности работников, чтобы избежать вторжения в их личное пространство.

Установление прозрачных процедур контроля и информирование работников о методах и инструментах мониторинга позволит снизить уровень конфликтов и повысить доверие между сторонами трудовых отношений.

Исходя из сказанного выше считаем обоснованным дополнить статью 22 Трудового кодекса РФ «Основные

права и обязанности работодателя», пунктом следующего содержания: Работодатель имеет право использовать технические формы контроля за трудовой деятельностью работника». Считаем, что данный подход обеспечит повышение эффективности работы надомников и существенно сократит количество трудовых споров.

Охрана труда надомников является одной из первоочередных задач, с необходимостью решения которой сталкиваются как работники, так и работодатели в условиях удаленной работы. В отличие от работников, трудящихся на стационарных рабочих местах, надомники выполняют свои трудовые обязанности вне территории работодателя — в домашних условиях, что создает дополнительные сложности в обеспечении безопасных условий труда. Работодатель не имеет возможности непосредственно контролировать соблюдение норм охраны труда, исходя из чего обязанность по обеспечению безопасных условий работы ложится в основном на самого надомника.

Исходя из отсутствия у работодателя постоянного контроля за рабочей средой надомника, оценка соответствия рабочего места установленным требованиям охраны труда не может являться объективной. Например, невозможно проверить состояние рабочего оборудования, освещенности, вентиляции, а также других факторов, которые могут оказывать влияние на здоровье и безопасность работника. Это может приводить к потенциальным рискам для здоровья надомников и возникновению трудовых споров.

Согласно положениям статьи 22 Трудового кодекса РФ, работодатель обязан обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда [1]. Сюда стоит отнести и инструктажи по технике безопасности. Однако на практике проведение таких мероприятий в удаленном формате часто оказывается формальным и как следствие — неэффективным. Отсутствие личного контакта и прямого контроля снижает качество и полноту инструктажа, что может привести к незнанию надомниками правил безопасного выполнения трудовых обязанностей.

Многие надомники используют в работе собственное оборудование, такое как компьютеры, офисную мебель и средства связи. Работодатель не всегда может определить их соответствие стандартам безопасности. В случае, если личное оборудование не соответствует требованиям охраны труда, это может стать причиной травм или заболеваний. Н.В. Черных указывает на систематическое возникновение споров между работодателем и работником на предмет обстоятельств получения травм, что несомненно свидетельствует о наличии пробела в правовом регулировании охраны труда [11, с. 238].

В условиях надомного труда трудно установить, что именно стало причиной несчастного случая, произошел он в ходе выполнения трудовых обязанностей, или результате иных, не связанных с трудовой деятельностью, действий работника. Данные обстоятельства усложняют решение вопроса страхования и возмещения ущерба в случае производственных травм. Работодатель обязан обеспечивать страхование от несчастных случаев, однако в удаленных условиях определение производственного характера травмы может стать предметом конфликта с работником.

Работодатель обязан организовывать периодические медицинские осмотры для работников, занятых на определенных видах работ. Однако, в случае с надомниками, такой процесс не всегда легко реализуем на практике, особенно если работник находится в удаленном или труднодоступном месте. В результате работодатель может не иметь полной информации о состоянии здоровья работников, что повышает риски возникновения профессиональных заболеваний.

Текущие нормы Трудового кодекса РФ и других правовых актов недостаточно учитывают особенности охраны труда надомников. Например, отсутствуют четкие рекомендации или требования к оборудованию домашнего рабочего места, правилам организации труда и минимальным стандартам безопасности, применимым к надомникам. Это создает правовую неопределенность и делает охрану труда надомников менее эффективной в сравнении с другими категориями работников. Е.В. Шанина указывает, что статья 311 Трудового кодекса РФ не регламентирует право работника на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены [12, с. 2], что, по нашему мнению, является существенным пробелом в отечественном трудовом законодательстве.

Для обеспечения безопасных условий труда надомников требуется внесение изменений в законодательство, направленных на более четкое определение обязанностей работодателей и работников в отношении охраны труда в удаленных условиях. Среди необходимых мер можно выделить:

- дополнение статьи 311 «Условия, при которых допускается надомный труд» Трудового кодекса РФ пунктом следующего содержания: «перед началом работ, с надомником проводится инструктаж по технике безопасности и охране труда»;
- разработку специальных стандартов безопасности для надомного труда;
- введение более четких норм по использованию личного оборудования;
- усиление ответственности работодателей за обеспечение охраны труда, включая проведение дистанционного обучения и инструктажа;

Применение указанных рекомендаций позволит улучшить условия труда надомников, обеспечить их безопасность и здоровье, а также минимизировать потенциальные конфликты и споры между работодателями и работниками.

Трудовой договор должен предусматривать порядок использования личного имущества надомника, а также компенсацию за его использование в трудовых целях. В условиях надомного труда, когда работа выполняется вне офиса работодателя (в домашних условиях) — работники зачастую используют собственные средства: компьютерную технику, мебель, оборудование, интернет-соединение и другие ресурсы. Однако действующее российское законодательство недостаточно подробно регулирует вопросы, связанные с использованием личного имущества надомников. Сама процедура использования имущества работника в интересах работодателя на сегодняшний день представлена исключительно в Трудовом кодексе РФ [9, с. 89].

Статья 188 Трудового кодекса РФ содержит положения о возмещении работнику расходов, связанных с выполнением трудовых обязанностей [1]. Однако, эти положения не устанавливают конкретных норм и механизмов компенсации расходов надомников на использование их личного имущества, например, компьютеров, принтеров, мебели, электроэнергии, интернета и других ресурсов. В большинстве случаев стороны трудового договора устанавливают размер компенсации по соглашению, что может приводить к неравенству и злоупотреблениям со стороны работодателя. При использовании личного имущества в рабочих целях оно подвергается износу и впоследствии может требовать замены или ремонта. Работник, используя свое имущество в интересах работодателя, фактически несет дополнительные финансовые издержки, которые не всегда покрываются компенсацией. В случае поломки или утраты личного имущества, используемого для выполнения трудовых обязанностей, вопрос о том, кто несет ответственность за возникший ущерб, часто остается нерешенным. В.В. Семенихин в данном случае абсолютно верно утверждает, что, исходя из положений отечественного трудового законодательства, если работник использует личное имущество без согласия работодателя, требовать возмещения он не может [10, с. 25]. Данный факт свидетельствует об обязательном указании таких обстоятельств в трудовом договоре с целью сведения к минимуму рисков возникновения споров.

Работодатель не имеет возможности устанавливать стандарты использования личного имущества работни-

ков, так как это имущество ему не принадлежит. Исходя из этого следует — надомники могут использовать устаревшее или небезопасное оборудование, что может негативно сказаться на их производительности и безопасности труда. В результате работодатель не всегда способен гарантировать надомникам безопасные и надлежащие условия труда.

Представляется логичным дополнение статьи 22 «Основные права и обязанности работодателя» Трудового кодекса РФ пунктом следующего содержания: «работодатель обязан обеспечивать безопасность и условия труда, соответствующие государственным нормативным требованиям охраны труда, в том числе при использовании работником личного имущества». Данный подход, как представляется, усилит акцент работодателей на проведение более подробных инструктажей по технике безопасности при взаимодействии с надомными работниками, что положительно скажется как на здоровье, так и на целостности имущества последних.

Исходя из сказанного выше можно сделать вывод о том, что правовое регулирование труда надомников в России в настоящее время остается далеким от совершенства и требует ряда изменений и дополнений в части трудового законодательства. Текущая нормативная база не полностью учитывает особенности надомной работы, что приводит к правовой неопределенности и недостаточной защите трудовых прав надомников. Основные проблемы связаны с отсутствием четких норм по вопросам учета рабочего времени, охраны труда и использования личного имущества работников, выполняющих свои обязанности вне территории работодателя.

Недостаточная защита прав надомников создает условия для правовых споров различного характера, что негативно сказывается как на уровне удовлетворенности работников, так и на эффективности их труда. В этой связи считаем обоснованной необходимость доработки норм отечественного трудового законодательства, регламентирующих труд надомников.

Реализация предложенных выше мер позволит устранить ряд законодательных пробелов в сфере правового регулирования труда надомников, повысить уровень защиты их трудовых прав, а также будет способствовать укреплению доверия между участниками трудовых отношений и гармоничному развитию трудового законодательства в соответствии с современными экономическими и социальными реалиями.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС КонсультантПлюс. — 2024. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/0c12fdaa6acb4715004a0387509d064a568a79f5/ (дата обращения 10.09.2024).
2. Конвенция Международной организации труда от 20 июня 1996 г. N 177 «О надомном труде» [Электронный ресурс] // Контур.Норматив — справочно-правовая система. — 2024. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=97302> (дата обращения 10.09.2024).
3. Рекомендация Международной организации труда от 20 июня 1996 г. N 184 «О надомном труде» [Электронный ресурс] // Контур.Норматив — справочно-правовая система. — 2024. — URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=273586> (дата обращения 10.09.2024).
4. Аксенов И.С. Особенности правового регулирования труда надомников: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 156 с.
5. Барашева Е.В., Пьянкова А.А., Степаненко А.С. К вопросу о правовом регулировании труда надомников // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5. С. 97–99.
6. Бородина Е.Н. Понятие и законодательство о надомном труде // Образование и право. 2018. № 4. С. 107–112.
7. Босиков В.И. Особенности трудового договора с надомником // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 1-2. С. 51–53.
8. Закалюжная Н.В. Эволюция трудового договора и трудового правоотношения // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 133–138.
9. Исакова Л.В., Любимцева А.В. Особенности правового регулирования отношений, связанных с использованием личного имущества работника в интересах работодателя // Экономика и право. 2015. № 4 (50). С. 87–89.
10. Семенихин В.В. Трудовой договор (отношения) с надомником // Бухгалтерский учет в издательстве и полиграфии. 2008. № 12 (120). С. 22–27.
11. Черных Н.В. Охрана труда и нетипичные формы занятости // Образование и право. № 1.2022. С. 236–242.
12. Шанина Е.В. К вопросу об определении «охрана труда» // Технические науки. № 6. 2016. С. 2.
13. Щербакова О.В. Цифровизация трудовых отношений // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. № 1. С. 104–111.

© Аксенов Илья Сергеевич (nauka_lo@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЛАВЛИВАНИЯ И ХРАНЕНИЯ ДИОКСИДА УГЛЕРОДА КАК ПРИОРИТЕТНОГО СПОСОБА ДЕКАРБОНИЗАЦИИ

LEGAL REGULATION OF CARBON DIOXIDE CAPTURE AND STORAGE AS A PRIORITY METHOD OF DECARBONIZATION

*T. Dzhandubaeva
K. Erofeeva*

Summary. The article considers the importance of CO₂ capture and storage as one of the priority methods of decarbonization. Carbon capture and geological storage is a bridging technology that will help mitigate climate change. It involves capturing carbon dioxide (CO₂) from industrial plants, transporting it to a storage site and injecting it into a suitable underground geological formation for permanent storage purposes.

EU strategic goal for 2030 is to create capacities for storing carbon dioxide of at least 50 ml. tons per year. To create such an infrastructure, it is necessary to develop special regulations.

The authors analyzed the European experience of legal regulation in this area, identified the main documents and gave a brief description of each of them.

Keywords: CO₂, capture and storage, CCS, European policy, directives, Norway.

Джандубаева Татьяна Зурабовна

*к.г.н., ст. преподаватель, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»
dzhandubaeva-tz@rudn.ru*

Ерофеева Карина Юрьевна

*Ассистент, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы»
erofeeva-kyu@rudn.ru*

Аннотация. В статье рассмотрено значение улавливания и хранения CO₂ как одного из приоритетных способов декарбонизации. Улавливание и геологическое хранение углекислого газа — это связующая технология, которая будет способствовать смягчению последствий изменения климата. Она заключается в улавливании углекислого газа (CO₂) из промышленных установок, его транспортировке к месту хранения и закачке в подходящую подземную геологическую формацию для целей постоянного хранения. Стратегической целью ЕС на 2030 г. является создание мощностей по хранению углекислого газа не менее 50 млн тонн в год. Для создания такой инфраструктуры необходимо разработать специальное нормативное регулирование.

Авторы проанализировали европейский опыт нормативно-правового регулирования данной области, выявили основные документы и дали краткую характеристику каждому из них.

Ключевые слова: CO₂, улавливание и хранение, CCS, Европейская политика, директивы, Норвегия.

Состояние окружающей среды обуславливает амбициозные климатические повестки и цели, которые ставятся перед странами и непосредственно участниками природопользования. Среди прочих причин изменения климата обозначено увеличение в атмосфере концентраций парниковых газов. Несмотря на то, что углекислый газ (CO₂) является естественным парниковым газом, он активно образуется и при антропогенной деятельности.

Одной из разработанных тактик по ограничению выбросов углекислого газа в атмосферный воздух является его улавливание и секвестрация. В 2005 г. Межправительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК) по просьбе Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата был подготовлен Специальный доклад «Улавливание и хранение двуокиси углерода» [1]. В данном докладе дается определение, что понимается под улавливанием и хранением двуокиси углерода (CO₂) (далее УХУ). Так, под УХУ предлагается понимать процесс, включающий отделение CO₂ от промышленных и энергетических источников, транс-

портировку к месту хранения и долгосрочную изоляцию от атмосферы. Сегодня научное и промышленное сообщество предлагает не только улавливать и хранить CO₂, но и использовать в дальнейшем как напрямую (т.е. без изменений), так и косвенно (после преобразований).

Согласно Специальному докладу, во всем мире существует, вероятно¹, технический потенциал, обеспечивающий емкость хранения в геологических формациях как минимум порядка 2 000 ГтCO₂ (545 ГтС). По полученным данным, «в результате наблюдений за инженерными и естественными аналогами, а также применений моделей, доля, сохраняющаяся в должным образом выбранных и управляемых геологических пластах, весьма вероятно, превысит 99 % в течение 100 лет и, вероятно, превысит 99 % в течение 1 000 лет. А в правильно выбранных, спроектированных и управляемых местах геологического хранения огромная часть общего количества CO₂ будет постепенно фиксироваться различными

¹ — вероятность, составляющая 66–90 %. Данная вероятность определена экспертами, подготовивших Специальный доклад.

механизмами-ловушками и в таком случае может храниться в течение миллионов лет».

Управление промышленными выбросами базируется на трех направлениях:

- Улавливание CO₂ для хранения (CCS): выбросы CO₂ ископаемого, биогенного или атмосферного происхождения улавливаются для постоянного и безопасного геологического хранения.
- Улавливание CO₂ для утилизации (CCU): уловленный CO₂ используется для замены ископаемого углерода в строительных продуктах, химикатах или топливе².
- Удаление CO₂ из атмосферы: биогенный или атмосферный CO₂ улавливается технологическими средствами и помещается в постоянное хранилище.

CCS Europe, организация по защите интересов и коммуникации, поддерживаемая поставщиками технологий, разработчиками проектов, отраслевыми и экологическими НПО, которые разделяют стремление добиться значительного сокращения выбросов CO₂, обнародовала Стратегию управления промышленными выбросами углерода, в которой технологии улавливания и хранения углерода определены как незаменимая технология для достижения климатических целей ЕС по чистой нейтральности к 2050 году.

Запланированных проектов по улавливанию и секвестрации углекислого газа в мире становится все больше, наибольшее количество запланировано или уже реализуется в Западной Европе, Китае, Северной Америке, Австралии [2].

По данным доклада «CCS в Европе. Региональный обзор», в 2023 г. 119 коммерческих объектов CCS находятся на разных этапах строительства. Как наиболее предпочтительное место хранения CO₂ продолжает фигурировать Северное море, но рассматриваются и другие места для размещения хранилищ.

Успешное и результативное улавливание и хранение CO₂ зависит и от создания и развития нормативно-правового регулирования, направленное на эффективное управление данной деятельностью. Примером такого регулирования является Директива 2009/31/ЕС европейского парламента и совета от 23 апреля 2009 г. О геологическом хранении диоксида углерода и внесении изменений в Директиву Совета 85/337/ЕЕС, Директивы Европейского Парламента и Совета 2000/60/ЕС, 2001/80/ЕС, 2004/35/ЕС, 2006/12/ЕС, 2008/1/ЕС и Регламент (ЕС) № 1013/2006 (Далее Директива 2009/31) [3].

² В будущем будет рассматриваться как приоритетное направление.

Согласно тексту, Директива устанавливает правовую основу в регулировании вопроса экологически безопасного геологического хранения CO₂ в целях содействия борьбе с изменением климата. Так, предполагается выдача специализированных разрешений на хранение, без которых хранилища CO₂ не должны эксплуатироваться. Директива 2009/31 применяется на территориях государств-членов, в их исключительных экономических зонах и на их континентальных шельфах.

Деятельность по улавливанию CO₂ регулируется Директивой ЕС 2018/2001 о продвижении использования энергии из возобновляемых источников. Директива призывает страны использовать энергию из возобновляемых видов топлива, в том числе и топлива, произведенного из уловленного CO₂.

Важно подчеркнуть, что к области применения улавливания и хранения CO₂ должна применяться и Директива Совета 85/337/ЕЕС от 27 июня 1985 г. об оценке воздействия некоторых государственных и частных проектов на окружающую среду.

В завершении необходимо упомянуть и Закон о чистой нулевой промышленности [5], принятый в 2023г. Закон, направлен на создание нормативной среды, которая упрощает и ускоряет выдачу разрешений на создание новых площадок по производству технологической продукции с нулевым уровнем выбросов и способствует расширению европейской промышленности с нулевым уровнем выбросов. Дополнительно отмечается, что Закон направлен и на содействие в реализации проектов по улавливанию и хранению углерода, в том числе путем повышения доступности мест хранения CO₂.

Одной из проблем, обозначенной в Сообщении комиссии Европейскому парламенту, Совету, Европейскому экономическому и социальному комитету и комитету регионов «На пути к амбициозному управлению промышленными выбросами углерода в ЕС» [6] в 2024 г., является отсутствие комплексной нормативной базы, охватывающей всю производственно-сбытовую цепочку, особенно в отношении промышленного удаления углерода и некоторых видов использования CO₂.

Необходимо отметить, что некоторые страны уже активно работают над разработкой внутреннего законодательства. Так, в Норвегии принят и введен в действие ряд нормативно правовых актов, направленных на регулирование вопросов улавливания и последующего хранения углекислого газа. В 2014г в стране приняты Правила эксплуатации подводных резервуаров на континентальном шельфе для хранения CO₂ и транспортировки CO₂ на континентальном шельфе [7] (Далее Правила). Правила применяются к обследованию и разведке подводных резервуаров для хранения CO₂, а также к эксплуатации,

транспортировке и хранению газа в резервуарах, расположенных в районах Норвежской юрисдикции.

Исходя из вышеуказанного, мы наблюдаем зарождение нормативно-правового регулирования в области улавливания CO₂ и последующего его хранения/утилизации. Конечно же, на текущем этапе выявляются проблемы по недостаточности зарегулированных аспектов по данному направлению, однако позитивным момен-

том является работа над совершенствованием европейского регионального законодательства, так и созданием в отдельных странах национального законодательства. Развитие нормативно-правового регулирования в области улавливания и секвестрации позволит обеспечить плавный переход на более экологически чистые энергетически системы в будущем, что в свою очередь позволит достигнуть экологических целей по сокращению выбросов CO₂ к 2050 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Улавливание и хранение двуокиси углерода Специальный доклад МГЭИК. Резюме для лиц, определяющих политику Доклад рабочей группы III МГЭИК и Техническое резюме Доклад, принятый рабочей группой III МГЭИК, но утверждённый в общем виде/ редакторы Берг Метц, Огунладе Дэвидсон Хелен де Конинк, Мануэла Лоос, Лео Мейер — URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/03/srccs_spm_ts_ru-1.pdf (дата обращения: 30.08.2024)
2. Anjana Krishnan, Amrita Nighojkar, Balasubramanian Kandasubramanian, Emerging towards zero carbon footprint via carbon dioxide capturing and sequestration, Carbon Capture Science & Technology, Volume 9, 2023, 100137, — URL: <https://doi.org/10.1016/j.ccs.2023.100137>. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2772656823000416#bib0069> (дата обращения: 30.08.2024)
3. Greenhouse Gas Geological Sequestration Act 2008 — URL: <https://content.legislation.vic.gov.au/sites/default/files/2021-06/08-61aa014%20authorised.pdf> (дата обращения: 30.08.2024)
4. Закон о чистой нулевой промышленности — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52023PC0161> (дата обращения: 30.08.2024)
5. Сообщение комиссии Европейскому парламенту, Совету, Европейскому экономическому и социальному комитету и комитету регионов «На пути к амбициозному управлению промышленными выбросами углерода в ЕС» — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=COM%3A2024%3A62%3AFIN&qid=1707312980822> (дата обращения: 30.08.2024)
6. Правила эксплуатации подводных резервуаров на континентальном шельфе для хранения CO₂ и транспортировки CO₂ на континентальном шельфе, Установлены Королевским указом от 05.12.2014г. — URL: https://www.sodir.no/en/regulations/regulations/exploitation-of-subsea-reservoirs-on-the-continental-shelf-for-storage-of-and-transportation-of-co/?_t_id=8wIWRsHbY5Q-ih6n6CxsoA%3d%3d&_t_uuid=gGten0evQzqjEaWcMIM53Q&_t_q=Regulations+relating+to+exploitation+of+subsea+reservoirs+on+the+continental+shelf+for+storage+of+CO2+and+relating+to+transportation+of+CO2+on+the+continental+shelf&_t_tags=language%3ano%2csiteid%3a7bf5d2ab-2783-461e-bc74-d5b62f90e059%2clanguage%3aen%2candquerymatch&_t_hit.id=NPD_Web_Models_Pages_ArticlePage/_96fcf070-d6a7-4323-b81b-05aaa7223f9f_en&_t_hit.pos=1 (дата обращения: 30.08.2024)

© Джандубаева Татьяна Зурабовна (dzhandubaeva-tz@rudn.ru); Ерофеева Карина Юрьевна (erofeeva-kyu@rudn.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОБЯЗАННОСТИ ГОСУДАРСТВА ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

FEATURES AND PROBLEMS OF THE CONSTITUTIONAL OBLIGATION OF THE STATE TO PROTECT HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS IN MODERN RUSSIA

S. Zavyalov

Summary. This article is devoted to highlighting the current trends in the functioning of the state's human rights protection tools in the current conditions of the deployment of the domestic political and legal mechanism. The static and dynamic elements of the constitutional obligation of the state to protect human and civil rights and freedoms are highlighted. It is argued that the static component of the latter consists in a combination of regulatory (the legal establishment of the general legal principle of the unconditional value of human and civil rights and freedoms, the introduction of a corpus of such rights and disclosure of their main content) and protective (the introduction of all possible measures of public and private legal protection of human rights from various forms of deviant encroachment) segments. In the context of the dynamic aspect, attention is drawn to the shift of the current vector of state protection of constitutionally enshrined human rights and freedoms in modern Russia towards the predominance of public interests. In conclusion, it is concluded that the ambivalence of the statics and dynamics of human rights protection allows for a gradual reform of legal relations in terms of protecting the interests of an individual in conditions of rapid social turbulence and the overdue transition to collectivist orientations in constitutional (state) law.

Keywords: human rights, constitutional law, rule of law, traditional values, regulatory and protective legal relations, political and legal regulation.

Завьялов Сергей Олегович

Аспирант,

ЧОУ ВО «Юридический институт» г. Санкт-Петербург

S84716@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена освещению актуальных трендов функционирования инструментария защиты прав человека со стороны государства в текущих условиях развертывания деятельности отечественного политико-правового механизма. Выделяются статический и динамический элементы конституционной обязанности государства по защите прав и свобод человека и гражданина. Утверждается, что статическая составляющая последней состоит в сочетании регулятивного (юридическое установление общеправового принципа безусловной ценности прав и свобод человека и гражданина, введение корпуса таких прав и раскрытие их основного содержания) и охранительного (введение всевозможных мер публично-правовой и частноправовой защиты прав человека от различных форм девиантного посягательства) сегментов. В разрезе динамического аспекта обращается внимание на смещение актуального вектора государственной защиты конституционно закрепленных прав и свобод человека в современной России в сторону превалирования интересов публичного характера. В заключение делается вывод о том, что амбивалентность статической и динамической защиты прав человека позволяет проводить постепенное реформирование правоотношений в части охраны интересов отдельно взятой личности в условиях стремительной социальной турбулентности и назревшего перехода к коллективистским ориентациям в конституционном (государственном) праве.

Ключевые слова: права человека, конституционное право, правовое государство, традиционные ценности, регулятивные и охранительные правоотношения, политико-правовое регулирование.

Проблема конституционной обязанности государства по защите прав и свобод человека и гражданина обладает непреходящей актуальностью для любого политического порядка, основанного на принципах законности и правопорядка. Не является в этом отношении исключением и наша страна, в которой на самом высоком уровне провозглашаются ценности демократии и правового государства (статья 1 Конституции Российской Федерации) [1]. И, поскольку неотъемлемой чертой любого правового государства является создание условий для гармоничного, всестороннего и свободного развития каждой личности, обеспечение прав человека видится в качестве одной из магистральных функций современного российского политико-правового

организма. Вместе с тем постоянное совершенствование социального уклада, которое в последние годы подвергается интенсификации ввиду беспрецедентного для Новейшей истории международного давления на Россию, актуализирует правовые нововведения в части института прав человека, что требует осмысления посредством инструментария конституционно-правовой догмы.

Поднимаемая проблематика получила к настоящему времени обстоятельное освещение в трудах ведущих российских и зарубежных правоведов, среди которых особое внимание стоит уделить изысканиям С.А. Комарова и С.М. Воробьева [11, с. 25–37], К.Я. Ананьевой,

Д.В. Ирошникова, В.С. Комарова, Т.Л. Комаровой, А.В. Кочеткова, Р.М. Курмаева, О.В. Мельниковой, Л.А. Окунькова, Н.И. Полищука, Б.А. Ревнова, М.Б. Ревновой, С.П. Степкина, Т.В. Твердовой, А.А. Чистякова [8, с. 660], А.М. Дроздовой, П.В. Ивлиева [7, с. 410], М.Г. Марковой [6, с. 555], Е.В. Середы [13, с. 75-79], А.А. Матюхина [9, с. 57], Н.В. Мамитовой и Д.А. Полищук [12, с. 37-40]. Данное обстоятельство отражает высокую степень научной разработанности рассматриваемого объекта исследования. Но вместе с тем, как видится, к настоящему времени в научной печати не получили завершения осмысления вопросы трансформации механизма регуляции прав человека, которые наметились вследствие дальнейшей суверенизации Российской Федерации и освобождения от влияния недружественных стран и их социальных устоев, в том числе правовых.

Следовательно, в рамках настоящего материала необходимо осветить актуальные тренды функционирования инструментария защиты прав человека со стороны государства в текущих условиях развертывания деятельности отечественного политико-правового механизма.

Таким образом, объектом исследования будет выступать институт прав и свобод человека и гражданина, выражающийся в совокупности действующей нормативной правовой базы, правоприменительной и судебной практике, а также в особенностях доминирующего правосознания и правовой культуры. В свою очередь, непосредственно под правами человека мы будем понимать, как и А.Р. Филиппов, «совокупность действующих на определенной территории легальных свобод (соматических, гражданских, экономических, социальных, политических, культурных, экологических и других), гарантируемых тем или иным государством не только юридически, но и фактически» [14, с. 318].

Предмет исследования, который необходимо определить для конкретизации объекта, выражается в основных системообразующих тенденциях юридической защиты прав и свобод человека и гражданина на современном этапе развития российского государства.

Переходя к раскрытию основной части настоящей статьи, заметим, что конституционная обязанность государства по защите прав и свобод человека и гражданина в теоретическом разрезе может быть представлена как диалектическое единство статического и динамического элементов.

Статика изучаемых общественных отношений выделяется общей ориентацией правового регулирования на регулятивную и охранительную сферы, что соответствует принятому в теоретико-правовой науке членению правоотношений на регулятивные и охранительные. Регулятивный компонент определяется через «упорядочение и закрепление» [5, с. 271], тогда как охра-

нительный — через «правовые запреты, правовые ограничения либо обязанности соответствующих должностных лиц, предусмотренные в целях обеспечения охраны регулятивных правоотношений» [5, с. 271].

Экстраполяция представленной классификации на кластер проблем в сфере обеспечения прав человека позволяет заключить, что регулятивный сегмент состоит в юридическом (точнее — конституционном) установлении общеправового принципа безусловной ценности прав и свобод человека и гражданина, введении корпуса таких прав и раскрытия их основного содержания, тогда как охранительный — во введении всевозможных мер публично-правовой и частноправовой защиты прав человека от различных форм девиантного посяательства. Так, например, в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации [2] раскрывается порядок защиты личного достоинства индивида, а в уголовном законе предусматриваются такие объекты правовой охраны, связанные напрямую с правами человека, как жизнь, здоровье, свобода, половая неприкосновенность, конституционно закрепленные правомочия личности [3].

Динамический аспект защиты прав и свобод человека и гражданина определяется тем, что актуальный вектор государственной защиты конституционно закрепленных прав и свобод человека в современной России смещается в сторону превалирования интересов публичного характера.

Данная закономерность фактически позволяет говорить о доминировании государственнического измерения над личностным в поднимаемом вопросе. Выявленная прецессия связывается, на наш взгляд, с проведением Российской Федерацией с начала 2022 года специальной военной операции на Украине, что обострило фундаментальные угрозы со стороны глобального либерально-демократического лагеря во главе с Соединенными Штатами Америки. Однако предпосылки для перекалибровки описанного ранее вектора государственной защиты конституционно закрепленных прав и свобод человека наметились ранее в связи с антироссийским курсом большинства так называемых «развитых» стран Запада.

В контексте тезиса о критических угрозах национальной безопасности России со стороны иностранных государств и блока НАТО во главу угла в деле юридического и организационно-распорядительного регулирования помещается приоритетный объект охраны в виде государства в целом, что способствует смене тональности правовой регламентации общественных отношений и де-факто эволюции базисных принципов права.

Несмотря на то обстоятельство, что высшей ценностью на конституционном уровне провозглашаются пра-

ва и свободы человека, меняются правоустановительная и правоприменительная трактовки положения индивида как автономного субъекта правоотношений, наделенного целеполаганием (волевой компонент) и сознанием (интеллектуальный компонент). По сути, речь идет об идеологическом насыщении отечественного правового массива, связанного с перестраиванием юридического компаса в сторону коллективистских ориентаций. И хотя тенденция идеологизации юридической материи может восприниматься некоторыми исследователями как ресентимент господства марксистской догматики во времена советской власти, в актуальных исследованиях справедливо высказывается мнение о том, что «гипотетический отказ от политической идеологии, которая отражается, скажем, в правовых установлениях, повлек бы за собой моментальное ниспровержение института государственной власти, что означало бы фактическую смерть политической системы и социальный хаос» [15, с. 137].

Человек и гражданин начинают восприниматься в качестве составного элемента некоей социально-культурной общности, имеющей собственный аксиологический этос. Такой подход позволяет приоритизировать общественные интересы над частными и смотреть на права человека как на слагаемое, подчиненное потребностям социума и государства как политически организованного общественного конгломерата.

В то же время мы не имеем оснований утверждать, что суть и содержание прав человека вследствие качественных изменений внутри — и внешнеполитической динамики в разрезе правового регулирования претерпели революционную, скачкообразную трансформацию. Скорее, речь стоит вести об изменениях эволюционных, постепенных. Ориентация на государственническую линию реализуется путем постепенной имплантации коммунарного компонента в отечественную правовую систему, что позволяет совмещать исходные либерально-демократические интенции Российской Конституции с предлагаемым национально ориентированным курсом.

В первую очередь, стоит отметить знаковые новации в текст Основного Закона, внесенные в 2020 году. Особое внимание хочется акцентировать на статье 67.1 Конституции Российской Федерации, в которой сакральный характер институции государственной власти обосновывается тысячелетней историей, преемственностью политического строительства на всем протяжении исторического пути Отечества, героическим прошлым, выражающимся в непрестанном подвиге народа по защите своей страны. Кроме всего прочего, нормы данной статьи обуславливают становление института исторической правды, который, в сущности, приобретает не меньшее значение, чем институт прав человека. Таким образом в текст Конституции вводится аксиоматический посыл о том, что российский человек и гражданин,

обладающий личным достоинством как одним из своих основополагающих прав, обязательным образом включает в собственное восприятие личного достоинства идентификацию с достоинством государства и своей социокультурной общности. Стало быть, презюмируется, что умаление достоинства государства в целом неизбежно отразится негативным образом на состоянии персональных прав каждого отдельного гражданина.

Уже после начала специальной военной операции Президентом Российской Федерации был сделан качественно новый шаг в расстановке системно значимых объектов правовой защиты на общеправовом уровне, что выразилось в санкционировании Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Принятый Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [4] де-факто смещает фокус внимания с проблематики прав человека на тематику традиционных духовно-нравственных ценностей, которые, как следует из логического толкования текста данного нормативного правового акта, охватывают более широкую ценностно-правовую палитру, нежели отдельный сегмент прав человека.

В контексте правового облечения структуры и механизма защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей интересной видится классификация В.В. Зубова, который в одной из своих работ разделил их на «1) общечеловеческие — носящие аксиоматический характер для подавляющего большинства политических порядков; 2) гуманитарные — раскрывающие духовный фундамент индивидуальности; 3) гражданские — показывающие связь человека со своим государством; 4) коммунарные — раскрывающие принадлежность индивида к разнородным социальным группам (семейным, профессиональным и пр.)» [10, с. 109]. При этом проведенный нами анализ закрепленной в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей номенклатуры традиционных ценностей позволил установить количественный перевес ценностей коллективистского содержания над ориентирами индивидуалистического измерения. Из 17 выделенных в Указе Президента РФ ценностей лишь 5 (жизнь, достоинство, права и свободы человека, гуманизм и милосердие) напрямую сопрягаются с интересами и характеристиками отдельно взятой личности.

Таким образом, в завершение статьи можем заключить, что конституционная обязанность государства по защите прав и свобод человека и гражданина в современной России подлежит исследованию через на-

личествуемый дуализм статического и динамического элементов. Подобного рода амбивалентность позволяет проводить постепенное реформирование правоотношений в части охраны интересов отдельно взятой личности в условиях стремительной социальной турбулентности и назревшего перехода к коллективистским ориентациям в конституционном (государственном) праве. Сохранение статического каркаса обеспечивает превентивное демпфирование возможных очагов соци-

ального конфликта и поступательную эволюцию российской правовой системы.

При этом на категориальном и нормативном правовом уровнях права и свободы человека как бы «поглощаются» более общим понятием традиционных ценностей, куда права человека входят в качестве составного звена, а также государственно-патриотическими интенциями конституционно-правовых новелл последних лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // «Российская газета» от 25 декабря 1993 г. № 237.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25 ст. 2954.
4. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 46, 14.11.2022, ст.7977.
5. Альбов А.П., Николюкин С.В. Теория государства и права. М.: Издательство Юрайт, 2016. 466 с.
6. Маркова М.Г. Избранные работы: (сборник научных трудов): к 90-летию заслуженного юриста Российской Федерации кандидата юридических наук, профессора Марии Георгиевны Марковой / М.Г. Маркова; [составители: Максимов В.А., Смирнов В.И.]. СПб.: Р-КОПИ, 2019. 555 с.
7. Комментарий к Конституции Российской Федерации / А.М. Дроздова [и др.]; под редакцией С.А. Комарова. М.: Издательство Юрайт, 2024. 410 с.
8. Основы государства и права: учебное пособие / С. А. Комаров [и др.]; под общей редакцией С.А. Комарова. М.: Издательство Юрайт, 2024. 660 с.
9. Матюхин А.А. Государство в сфере права: институциональный подход: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук: спец. 12.00.01 / Матюхин А.А.; [МГУ им. М.В. Ломоносова]. М., 2000. 57 с.
10. Зубов В.В. Молодежная политика современной России сквозь призму ценностного измерения / В.В. Зубов // Власть. 2024. № 2. С. 105–110.
11. Комаров С.А., Воробьев С.М. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении / С.А. Комаров, С.М. Воробьев // Теория государства и права. 2019. № 4 (16). С. 25–37.
12. Мамитова Н.В., Полищук Д.А. Влияние денонсации Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод и прекращения юрисдикции Европейского Суда по правам человека на территории Российской Федерации на права граждан / Н.В. Мамитова, Д.А. Полищук // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 37–40.
13. Середа Е.В. Конституционное закрепление защиты прав потерпевших от преступлений и перспективы ее совершенствования / Е.В. Середа // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2010. № 5. С. 75–79.
14. Филиппов А.Р. Аксиоматический метод познания природы прав человека / А.Р. Филиппов // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №3. С. 318–322.
15. Филиппов А.Р. Политическая идеология как разновидность манипулирования / А.Р. Филиппов // Власть. 2024. №3. С. 133–139.

© Завьялов Сергей Олегович (S84716@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ, ЗАФИКСИРОВАННЫХ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ, А ТАКЖЕ НА МОБИЛЬНЫХ И ДРУГИХ КОМПЬЮТЕРНЫХ УСТРОЙСТВАХ

Зубарев Даниил Сергеевич

адъютант, старший лейтенант полиции,
Санкт-Петербургский университет МВД России
zubar2.0@yandex.ru

THE USE OF ELECTRONIC EVIDENCE IN PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES RECORDED IN THE INFORMATION SPACE, AS WELL AS ON MOBILE AND OTHER COMPUTER DEVICES

D. Zubarev

Summary. This article analyzes the use of electronic evidence in proceedings on administrative offenses located on the Internet or on various digital and mobile devices. The points of view of administrative scientists on the increasing role of electronic evidence in the process of disclosure of administrative offenses occurring in the digital world, thanks to modern technologies, are presented. *Purpose:* to prove that electronic evidence in the proceedings on administrative offenses requires in-depth study in the current legislation. *Methodological basis:* comparative research method, dialectical and formal-logical methods of scientific cognition. *Results:* a proposal has been formed to include changes in the current Administrative Code related to the inspection of electronic information on various information devices, as well as from the Internet. *Conclusions:* Currently, administrative offenses are being committed with increasing rapidity in the information field, using computer and digital systems. In order to combat illegal behavior on the global network, which often goes unpunished, new ways of collecting, recording and using electronic evidence in proceedings on administrative offenses are being introduced.

Keywords: electronic evidence, proceedings in cases of administrative offenses, mobile devices, electronic information, electronic media.

Аннотация. В данной статье проведен анализ использования электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях, находящихся в сети «Интернет», или на различных цифровых и мобильных устройствах. Приводятся точки зрения ученых административистов, о нарастающей роли электронных доказательств в процессе раскрытия административных правонарушений, происходящих в цифровом мире, благодаря современным технологиям. *Цель:* доказать, что электронные доказательства в производстве по делам об административных правонарушениях требуют глубокой проработки в действующем законодательстве. *Методологическая основа:* сравнительный метод исследования, диалектический и формально-логический методы научного познания. *Результаты:* сформировано предложение по включению в действующий КоАП изменений, связанных с осмотром электронной информации, находящейся на различных информационных устройствах, а также с сети «Интернет». *Выводы:* в настоящее время административные правонарушения с нарастающей быстротой совершаются в информационном поле, с помощью компьютерных и цифровых систем. С целью борьбы с противоправным поведением в глобальной сети, которое зачастую остается безнаказанным, происходит внедрение новых способов собирания, фиксации и использования электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях.

Ключевые слова: электронные доказательства, производство по делам об административных правонарушениях, мобильные устройства, электронная информация, электронные носители информации.

Субъекты административной юрисдикции обнаруживают и собирают доказательственную информацию путем производства необходимых процессуальных и иных действий (осмотр места происшествия, изъятие, истребование сведений, направление запросов, проведение опроса и др.).

Ю.И. Попугаев, исследуя административно-процессуальные меры, применяемые в связи с правонарушением, определяет их как урегулированные административно-процессуальными нормами процессуальные действия органов административной юрисдикции и их

должностных лиц, указывает в качестве одной из целей их осуществления — выявление, исследование и закрепление доказательств.

Акцентируем внимание на определении мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, сформулированном А.И. Каплуновым. В нем автор показывает, что меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях объединены не конкретизированными применительно к каждой такой мере общими целями. [3, с. 13]

К мерам, направленным на получение доказательств, А.И. Каплунов относит: личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице (ст. 27.7); осмотр принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий и находящихся там вещей и документов (27.8); досмотр транспортного средства (ст. 27.9); изъятие вещей и документов (ст. 27.10); направление на медицинское освидетельствование на состояние опьянения (ч. 2 ст. 27.12); арест товаров и транспортных средств и иных вещей (ст. 27.14) [3, с. 47–48] и проверку документов, удостоверяющих личность.

А.И. Каплунов верно отметил, что на практике с применения такой меры принуждения как проверка документов, удостоверяющих личность, начинается разбирательство с подозреваемым лицом и принимается решение о возбуждении в отношении него дела об административном правонарушении. Сегодня сотруднику полиции при возбуждении дела об административном правонарушении, совершенном в сети «Интернет», необходимо установление IP — адреса, то есть адреса компьютера или мобильного устройства, предназначенного для их идентификации и связи с ним, необходимо идентифицировать лицо, совершившее административное правонарушение.

Главной сложностью в сети «Интернет» продолжает быть идентификация личности, подозреваемого в совершении административного правонарушения, что является причиной прекращения дела об административном правонарушении или возвращения протокола и других материалов для устранения недостатков.

Так, определением Советского районного суда г. Липецка протокол по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1.1 ст. 6.13 КоАП РФ и другие материалы были возвращены для устранения недостатков. Как усматривается из представленных материалов, невозможно установить принадлежность Г. к регистрации на указанной странице в социальной сети «ВКонтакте», принадлежность Г. к размещению на этой странице в социальной сети «ВКонтакте» видеофайла, в котором демонстрируются наркотические средства и способы их потребления. [7]

В подобного рода инцидентах, для определения личных данных пользователя, руководству интернет-сообщества направляется официальный запрос, о предоставлении интересующих сведений (ст. 26.9 КоАП РФ). В запросе указываются данные необходимые для разрешения административного дела, а именно: информация о лице при регистрации аккаунта (персональные данные, телефон, электронная почта, а также другие сведения, имеющие значение) и IP — адрес устройства. После получения ответа от администрации сайта устанавлива-

ется оператор связи, в сети которого зарегистрирован установленный IP — адрес и его географическое местоположение.

В процессуальной литературе появился новый термин, названный цифровизацией, — **цифровой профиль личности** — неповторимая совокупность идентификаторов, а именно информация о лице, находящаяся в числовом тексте, в государственных и общественных базах данных. «Цифровой профиль показывает человека в цифровом пространстве, дает ему и его действиям, в том числе с точки зрения различных субъектов, заинтересованных во взаимодействии с личностью, характеристику по разным позициям (платежеспособность, добросовестность, интересы, взгляды и др.)». [9 с. 98–110]

В настоящее время цифровой профиль личности только начинает применяться в электронном доказывании в производстве по делам об административных правонарушениях. Стоит уточнить, что идентификация, как и аутентификация личности в информационном поле осуществляется с помощью единой биометрической системы (ЕБС) и единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА). В соответствии с положениями соответствующих документов, установление цифрового профиля личности в информационной сети расценивается как мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении, а именно проверка документов, удостоверяющих личность физического лица. Согласно п. 21 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» под *идентификацией* понимается совокупность мероприятий по установлению сведений о лице, их проверке и сопоставлению с уникальным обозначением сведений о лице, необходимым для определения такого лица. Комплекс действий, направленных на определение идентификатора и соответствующего ему пользователя сети, происходит в рамках процедуры аутентификации, с соотнесением исходных данных о субъекте и приписанному ему идентификатора, с выяснением законных оснований владения лицом уникальным информационным кодом, в результате перечисленных мероприятий лицо признается установленным.

В то же время правоприменителями высказывается проблема невозможности определения геолокации и личных сведений пользователей, выкладывающих запрещенную информацию в сеть «Интернет», вне пределов Российской Федерации.

В настоящий момент меры обеспечения производства применяются для получения электронных доказательств, однако в КоАП РФ (в том числе, в проектных нормах) нет норм, комплексно регламентирующих порядок сбора и фиксации информации, содержащейся на электронных носителях (компьютерах, мобильных

телефонах, флэш, картах памяти и проч.), электронной информации, размещенной в сети «Интернет», находящейся в свободном доступе.

В отличие от административного кодекса ст. 164.1 УПК учитывает специфику изъятия электронных носителей информации и копирование с них информации при производстве следственных действий.

Воздействие цифровизации на все сферы общества требует эффективных способов защиты интересов государства в информационном пространстве.

Неопределенность характера действий, составляющих содержание некоторых мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, целей, оснований их применения негативно влияет на правоприменение. Так, статья 27.8 КоАП РФ, обеспечивающая проведение осмотра принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий, находящихся там вещей и документов, на законных основаниях, все же детально не определяет содержание этой меры, процессуальную цель и основания применения. Может ли быть произведен такой осмотр помещения при совершении любого правонарушения или только связанного с осуществлением предпринимательской деятельности? Можно ли при проведении осмотра требовать от представителя юридического лица или индивидуального предпринимателя предоставлять доступ к содержимому носителей электронной информации? Закон ответа на эти вопросы не дает.

Так, инспектором ООПАЗ УМВД России как уполномоченным на то должностным лицом был проведен осмотр помещения, в ходе которого обнаружен ноутбук с установленными на нем программными продуктами с признаками контрафактности. На рабочем столе бухгалтера в указанном помещении на момент осмотра находились печать и документация юридического лица, а также ноутбук, при осмотре которого с участием специалиста выявлен факт установленного на нем приложения «1С: Предприятие» и наличие документов ООО. В связи с чем данный ноутбук был изъят в качестве предмета административного правонарушения (ст. 27.10 КоАП РФ). Согласно протоколу изъятия вещей и документов, перед изъятием ноутбука должностным лицом присутствующим при проверке лицам предоставлена возможность скопировать с него необходимую информацию. Действия должностного лица ООПАЗ УМВД России по осмотру помещения и изъятию ноутбука Вторым кассационным судом общей юрисдикции признаны соответствующими требованиям действующего законодательства (ст. 27.8, 27.10 КоАП РФ). [4]

В юридической литературе формулируются поддерживаемые нами предложения о внесении в КоАП РФ из-

менений, аналогичных предусмотренным ст. 164.1 УПК РФ. Так, предлагается в ст. 27.10 КоАП РФ предусмотреть, что «изъятие электронных носителей информации, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения, имеющих значение доказательств по делу об административном правонарушении и обнаруженных на месте совершения публичного проступка либо при осуществлении личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице, досмотре транспортного средства, обнаруженных при осуществлении осмотра принадлежащих юридическому лицу территорий, помещений, находящихся у него товаров, транспортных средств и имущества, осуществляется в присутствии двух понятых либо с применением видеозаписи, при участии специалиста». [1, с. 50]

По поводу обязательного участия специалиста при изъятии электронной информации мы выражаем сомнения. В некоторых случаях участие специалиста действительно является значимым и необходимым, так как при неправильных действиях субъекта административной юрисдикции электронная информация может быть утеряна или уничтожена. В то же время специальные познания специалиста необязательны для изъятия, например, мобильных телефонов, флэш-накопителей, дисков. Поэтому вопрос участия специалиста при изъятии электронной информации отдадим на усмотрение правоприменителя.

Рассмотрим целесообразность введения еще одной предлагаемой новеллы — меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении «временное ограничение доступа к Интернет-ресурсам, содержащим информацию с признаками административных правонарушений, предусмотренных ч. 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ, и указанных в пп. 58 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ, до рассмотрения по существу такого дела и вступления в законную силу судебного постановления». [10 с. 37] Основной целью применения новой меры указывается временное пресечение (приостановление, блокировку) контента, а в дальнейшем, при определенных обстоятельствах, и удаление вредоносной информации, ограничение доступа к подобным информационным ресурсам.

Несомненно, предлагаемая новая мера обеспечения заслуживает внимания законодателя, если распространить ее действие на все правонарушения, совершаемые в сети Интернет, а не только к перечисленным авторами, а также предусмотреть еще одну не менее значимую цель ее применения — недопущение утраты доказательственной информации, удаления правонарушителем противоправного контента до вступления в законную силу постановления с целью избежать ответственности за содеянное.

Рассмотрим, как в настоящее время осуществляется сбор и процессуальное оформление доказательств по делам об административных правонарушениях, зафиксированных в информационном пространстве и информации, найденной на цифровых и мобильных устройствах.

Преимущественно в научной литературе, как и в практической деятельности остаются проблемы, связанные с ограничением конструктивных прав и свобод граждан России (право на неприкосновенность частной жизни, тайны переписки и телефонных переговоров, сообщений (ст. 23, ст. 24 Конституции РФ). В процессе осмотра электронных носителей информации (например, мобильного телефона). Проблема обеспечения прав человека — сложна, а поиск необходимого баланса ограничений прав становится как никогда актуальным. Ст. 152.2 ГК РФ устанавливает, «если иное не предусмотрено законом, не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о частной жизни, в частности сведений о его происхождении, о месте пребывания или жительства, о личной или семейной жизни». Исключениями являются публичный интерес, общедоступность соответствующей информации, ее раскрытие по воле гражданина.

В юридической литературе делается акцент на важность выработки правового механизма использования персональных данных в процессе собирания электронных доказательств при условии обеспечения конституционных прав, свобод и законных интересов граждан. [6 с. 174–175]

Многочисленные изученные нами дела об административных правонарушениях содержали акты осмотра мобильного телефона с приложением скриншота его экрана. Осмотр информационных компонентов мобильного устройства в полной мере представляет процессуальную процедуру исследования электронной информации: осуществления анализа находящихся в телефонной книге мобильного гаджета звонков, списка сохраненных и удаленных контактов; отслеживания переданных и полученных СМС и ММС сообщений, проверка истории браузера (сохраненных закладок, посещение веб-страниц, социальных сетей, тематических порталов; изучение скаченных и используемых приложений, просмотр фотографий; фиксирование геопозиции лица и его передвижений; установление геолокации лица, передаваемой и получаемой им информации различными средствами (ГЛОНАСС); поиск файлов; анализ проводимых лицом финансовых операций, благодаря мобильным приложениям.

Каждый акт осмотра мобильного телефона в изученных делах содержал выраженное добровольное

согласие гражданина на осмотр мобильного телефона, поскольку добытая в процессе подобного осмотра информация принадлежит к группе охраняемой законом тайны. А как быть, когда такое согласие лицо не дает?

В соответствии с нормами УПК РФ в случаях отказа от добровольного предоставления информации, имеющейся на хранилище мобильного устройства, такая информация может быть изъята осмотром по решению суда. В том случае, когда осмотр должен быть произведен безотлагательно, он может осуществляться без согласия лица по аналогии с правилами, указанными в ч. 5 ст. 165 УПК РФ. [2 с. 27]

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 28.3 КоАП РФ к непосредственной компетенции органов внутренних дел по составлению протоколов об административных правонарушениях отнесено 13 статей, включающих в себя 31 квалифицированный состав административных правонарушений, в диспозициях которых указаны противоправные деяния, совершаемые с использованием сети «Интернет». Они имеют разные объекты посягательства: «благополучие и общественная нравственность» (гл. 6 КоАП РФ); «общественные отношения в области связи и информации» (гл. 13 КоАП РФ); «общественные отношения в области предпринимательской деятельности и деятельности саморегулируемых организаций» (гл. 14 КоАП РФ); «общественные отношения в сфере общественного порядка и общественной безопасности» (гл. 20 КоАП РФ).

Анализ судебной и административной деятельности территориальных органов МВД РФ позволяет выделить порядок действий практических работников органов внутренних дел по сбору, проверке и фиксации доказательств по делу об административном правонарушении, совершенном в сети «Интернет».

Например, при поступлении информации к сотрудникам полиции, благодаря различным источникам: заявлений граждан, телефонных звонков в отдел полиции или на горячую линию, о нахождении в сети «Интернет» данных унижающих общечеловеческие ценности, этические нормы поведения в обществе, пренебрежение к социуму, государству, официальным государственным символам РФ, Конституции РФ или органам государственной власти (ч.3-5 ст. 20.1), в том числе в случае прямого обнаружения факта совершения административного правонарушения в ходе мониторинга сети «Интернет» необходимо провести следующие действия.

Во-первых, установить (через оперативные подразделения территориальных органов МВД России, на которые возложены функции мониторинга ресурсов в сети «Интернет») источник распространения (сеть «Интернет» или сеть операторов сотовой связи); лицо, распро-

странившее такую информацию, место и время совершения правонарушения.

Во-вторых, следует выявить наличие совокупности следующих условий, при отсутствии хотя бы одного из которых выносится определение об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении (ч. 5 ст. 28.1 КоАП РФ): информация адресована широкой группе лиц, и не применяется пользователями глобальной сети в частных, закрытых беседах. Данная информация, выставляется на всеобщее обозрение пользователям сети «Интернет», она включает в себя надругательство над Конституции РФ, государственными публичными символами, общественными и государственными организациями выполняющими функции по осуществлению государственной политики России; при этом такая информация изложена в грубой нецензурной форме, с изображениями непристойного содержания; где гражданин противопоставляет себя окружающим, демонстрирует надменность, унижительное отношение к обществу, государству.

В-третьих, при наличии всех условий, материалы направляются в экспертно-криминалистическое подразделение для проведения лингвистической экспертизы (выносится определение), в ходе которой устанавливается наличие или отсутствия оскорбительного характера информации, открытого презрения к моральным устоям общества, к государственной символике Российской Федерации, Конституции России и ее органам принимающих государственно-политические решения.

Наконец, в-четвертых, при положительном результате экспертного заключения и установления факта совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ осуществляются процессуальные действия по сохранению и документированию доказательств правонарушения (отбор объяснений, осмотр места совершения правонарушения, составление акта-исследования интернет-страницы, изъятие доказательств). Через специализированную программу «Административная практика» СООП, а также специализированные базы (ИБД-Р, ИБД-Ф), подозреваемое лицо проходит процедуру проверки причастности к совершению других противоправных деяний, в ходе которой устанавливается было ли лицо ранее привлечено к административной ответственности по ч. 3 и 4 ст. 20.1 КоАП РФ. В случаях подтверждения факта неоднократного привлечения лица к административной ответственности по вышеупомянутой статье составляется протокол об административном правонарушении по соответствующей части (3–5) ст. 20.1 КоАП РФ. Материалы дела направляются в течение 24 часов в территориальную прокуратуру, при положительном решении которой — на рассмотрение судье районного суда.

Таким образом, поскольку противоправный контент размещается в сети «Интернет» в виде устной речи (записи разговоров, видеобращения, интервью), письменных текстов (статьи, книги, надписи), поликодовых текстов (реклама, видеоролики, видеофильмы) и электронных текстов (переписка в социальных сетях, мессенджерах, блогах, форумах, комментариях), важное значение для доказывания вины лица, приобретают сформированные результаты *осмотра социальной страницы сети «Интернет» (акт (протокол) осмотра, акт исследования интернет-страницы)*, заключение эксперта (ст. 26.5 КоАП РФ), пояснения специалиста (25.8 КоАП РФ).

Вернемся к рассматриваемому вопросу по формированию доказательственной базы составов административных правонарушений, предусмотренных ч. 3–5 ст. 20.1 КоАП РФ. Для правильной квалификации и ее формирования привлекаются лица, обладающие специальными познаниями в области лингвистики, психологии, культурологии, искусствоведения и др. Размещенные в сети «Интернет» тексты представляются в виде распечатанных копий снимков экрана (скриншотов) или иных форм представления информации, фиксирующих тексты в их полном объеме и исходном виде. Для исследования записей устной речи, зафиксированной на электронном носителе, представляется фонограмма и протокол ее прослушивания, фиксирующий содержание устного текста.

Подобная практика особенностей процессуального оформления электронных доказательств в сети «Интернет» сложилась во многих территориальных органах МВД России. Проведенное анкетирование сотрудников органов внутренних дел (должностных лиц подразделений охраны общественного порядка, ГИБДД, по вопросам миграции, по противодействию экстремизму, участков уполномоченных, осуществляющих мониторинг сети «Интернет», мессенджеров) позволило выявить основные проблемы при сборе доказательств по делам об административных правонарушениях, совершаемых с использованием сети «Интернет»: 1) отсутствие в КоАП РФ нормы регулирующей использование новой меры обеспечения производства по делу об административных правонарушениях как осмотр Интернет-ресурсов, что в практической деятельности выступает как причина представления с позиции защиты ходатайств о признании полученных доказательств не допустимыми; 2) невозможность своевременного получения от администрации информационных ресурсов в сети «Интернет» данных о пользователях, в том числе результатов проведения экспертиз; 3) трудности с определением расположения персональных и других сведений пользователей, выкладывающих противоправную информацию на Интернет-ресурсах, размещенных географически вне юрисдикции Российской Федерации; 4) недоступность

использования итогов оперативно-разыскных мероприятий для привлечения лиц к административной ответственности, в результате совершения административных правонарушений в том числе в сети «Интернет».

Вышеперечисленные проблемы в доказывании по делам об административных правонарушениях, непосредственно возникающие в сети «Интернет» и на различного рода информационных ресурсах, устройствах подталкивают к неизбежному усовершенствованию современной законодательной базы.

Во-первых, следует рассмотреть вопрос о дополнении КоАП РФ **осмотр электронной информации**, содержащейся на любом электронном носителе которая впоследствии может стать электронным доказательством по делу (Интернет-ресурса, мобильного телефона, видеозаписи и проч.). В виде модернизации законодательства введение новой меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, представляется уместным.

Принимая во внимание, что меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях в юридической литературе относят к мер административного принуждения, представляющие собой юридические санкции имеющие отрицательное влияние на лиц, в отношении которых ведется производство по делу, а «осмотр электронной информации» не носит принудительного характера, то целесообразно главу 28 КоАП РФ дополнить процессуальным действием — «осмотр электронной информации» следующего примерного содержания:

«Статья 28.1.2. Осмотр электронной информации

1. В целях выявления и фиксации данных о совершенном административном правонарушении в сети Интернет, должностным лицом, уполномоченным в соответствии с настоящим Кодексом составлять протокол о соответствующем административном правонарушении, осуществляется осмотр электронной информации.
2. Осмотр электронной информации проводится незамедлительно случаях установления факта совершения административного правонарушения или во время получения информации о совершении административного правонарушения в сети «Интернет», при обязательном участии двух понятых, если же их участие невозможно, применяются средства видео фиксации, о чем делается

соответствующая запись. К протоколу осмотра электронной информации прилагаются скриншоты осматриваемого информационного ресурса или видеозапись».

Думается в дальнейшем, при переходе к производству по делу об административном правонарушении в электронной (цифровой) форме, необходимость бумажной фиксации в протоколе осмотра электронной информации отпадет. Электронное доказательство будет предоставляться в дело об административном правонарушении на любом носителе электронной информации, а указание на ее содержание будет сделано в постановлении об административном правонарушении, оформленном также в электронном виде.

Типовая форма протокола осмотра страницы (сайта) сети «Интернет» в юридической литературе уже была разработана. [5 с. 20–28] Можно ее взять за основу. В протоколе осмотра электронной информации необходимо отражать информацию об используемых технических и программных средствах. Кроме того, перед тем, как сделать скриншот, необходимо проверить актуальность отображаемых на экране монитора даты и времени. Скриншот обязан заключать в себе информацию о полном адресе ресурса в сети интернет (URL), что появляется в адресной строке любого веб-браузера. Напечатанный снимок, в обязательном порядке должен содержать подпись, должность и персональные данные лица создавшего данный документ.

Во-вторых, важно рассмотреть вопрос об увеличении сроков давности привлечения к административной ответственности (ст. 4.5 КоАП РФ), расширение возможности проведения административного расследования (ст. 28.7 КоАП РФ) по данной категории дел.

В-третьих, зафиксировать в нормативно-правовых документах право на применение итогов осуществления оперативно-розыскных мероприятий с целью выявления и фиксации административных правонарушений, совершенных с использованием сети «Интернет», что требует внесения соответствующих изменений в ст. 7 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

В научных публикациях утверждается, что «результаты ОРД могут служить поводом к возбуждению административно-деликтного производства» и «применяться в качестве доказательств по делам об административных правонарушениях». [8 с. 86–90]

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисифорова М.В., Машугина Е.В., Андреев М.В. Теория и практика применения электронных доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. — М.: ИНФРА-М, 2020. С. 50.
2. Желева О.В. К вопросу о порядке производства осмотра мобильного телефона // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2021. С. 27.
3. Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел: Системно-правовой анализ. Автореф. дис. . . . доктора юридических наук — М., 2005. С. 13.
4. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 03.04.2024 № 88а-7010/2024 Категория: Споры с МВД России. Требования заявителя: О признании незаконными действий должностного лица органа внутренних дел по осмотру арендованного помещения и изъятию ноутбука. Обстоятельства: Ноутбук являлся предметом административного правонарушения и в соответствии с требованиями ст. ст. 27.1, 27.10 КоАП РФ подлежал изъятию. Решение: Отказано // СПС «КонсультантПлюс».
5. Новгородов Д.А. Некоторые проблемы производства по делам об административных правонарушениях, совершаемых с использованием сети «Интернет». Полицейская деятельность. 2017. № 2. С. 20–28.
6. Оконенко Р.И. «Электронные доказательства» и проблемы обеспечения прав граждан на защиту тайны личной жизни в уголовном процессе: сравнительный анализ законодательства Соединённых Штатов Америки и Российской Федерации: дис. . . . канд. юрид. наук. М., 2016. Черкасов В.С. Правовое регулирование применения электронных средств в доказывании на досудебных стадиях уголовного процесса: дис. . . . канд. юрид. наук. Хабаровск. С. 174–175.
7. Определение Советского районного суда города Липецка от 17.06.2022 № 5–361/2022 О возвращении дела об административном правонарушении для устранения недостатков // СПС «Консультант Плюс».
8. Субботин А.М., Трусов Н.А. Критический взгляд на совершенствование законодательства об оперативно-розыскной деятельности в контексте производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023 г. № 1 (99). С. 86–90.
9. Терещенко Л.К. Трансформация понятийного аппарата информационного права в условиях цифровизации // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 98–110.
10. Шевченко Ю.П., Скорев В.А. Формирование правоприменительной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных чч. 3–5 ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, предусмотренных чч. 3–5 ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. — 2023. — № 2. С. 37.

© Зубарев Даниил Сергеевич (zubar2.0@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ «СВОБОДА» В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ. ЕЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ К ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ «ДОГОВОР»

THE PHILOSOPHICAL CATEGORY OF «FREEDOM» IN THE DIGITAL SPACE. ITS ORIGIN AND APPLICATION TO THE LEGAL CATEGORY OF «CONTRACT»

A. Latynin

Summary. The article analyzes the content of the category «freedom» in the digital space as one of the fundamentally important tools for regulating human information existence in the social realities of the XXI century. The author considers the problem of freedom as an integral feature of human existence and human psychology. The problem of defining a digital object in civil contracts concluded by the parties in the digital space, its comparison with the traditional subject of civil law contracts, as well as criteria for separating a digital object from a material world object is revealed.

Keywords: freedom, digital space, absolute freedom, information space, objective freedom, contract.

Латынин Артем Олегович

Аспирант, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
LAO-workmail@yandex.ru

Аннотация. В статье проводится анализ содержательного наполнения категории «свобода» в цифровом пространстве как одного из принципиально значимых инструментов регулирования информационного бытия человека в социальных реалиях XXI века. Автором рассмотрена проблема свободы как неотъемлемой черты человеческого бытия и психологии человека. Раскрыта проблема определения цифрового предмета в гражданских договорах, заключаемых сторонами в цифровом пространстве, его сравнении с традиционным предметом гражданско-правовых договоров, а также критериям отделения цифрового предмета от предмета материального мира.

Ключевые слова: свобода, цифровое пространство, абсолютная свобода, информационное пространство, объективная свобода, договор.

Развитие цифровых технологий существенно повлияло на состояние мира и специфику жизнедеятельности населения. Современные технические решения оказали положительное влияние на большое количество процессов, упростив жизнь человека. Актуальные цифровые решения настолько глубоко просочились в обыденность, что в настоящее время совершенно очевидна потребность в использовании специальных правового регулирования правоотношений, реализуемых в цифровой среде. Уже существующая система правового регулирования правоотношений не справляется с выросшей нагрузкой, так как в цифровом пространстве появилось большое количество новых действий, которые не были учтены при разработке системы права¹.

Субъект, используя различные цифровые ресурсы, может создать большое количество действий, каждое из которых различается по последствиям. Как пример, даже нажатие определенной кнопки на веб-сайте может способствовать наступлению правовых последствий. На сегодняшний день такие последствия определен в

¹ Долгов С.Г. Защита права на свободу в цифровую эпоху // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. — 2023. — С. 1000–1006.

тренними правилами информационного пространства, с которым взаимодействует человек. Отсутствие единого регулятора обусловило появление такой проблемы, как невозможность обеспечить полноценную защиту прав субъекта.

В научной среде распространено мнение о том, что большое количество спорных вопросов, касающихся обеспечения гражданских прав в цифровой среде, может быть разрешено путем применения принципов свободы договоров. Фактические, решение большинства проблем сводится к использованию принципов ограничения свободы договора.

Философская категория «свобода» в цифровом пространстве представляет собой многогранное и сложное явление, которое подлежит глубокому анализу с точки зрения этики, права и технологий. Свобода часто рассматривается как важнейший аспект человеческого существования, однако в условиях цифровизации и технологий ее интерпретация и проявление претерпевают изменения.

Концепция свободы восходит к античной философии, где свобода понималась как автономия индивида, воз-

возможность выбора и отсутствие внешнего принуждения. В XX веке идеи свободы переработаны в контексте прав человека, особенно с акцентом на личные и гражданские права².

Свобода является основополагающим принципом в гражданском праве, корни которого находятся в философских учениях. Без уяснения с философской позиции категории «свобода» представляются неполноценными рассуждения о свободе договора в рамках гражданской науки.

Прежде всего, понятие свободы является сугубо человеческим понятием в том смысле, что оно применяется для характеристики определенных действий только человека.

Свобода имеет фундаментальное значение в определении человека как мыслящего и самостоятельно действующего субъекта, обладающего возможностью выбора в соответствии со своей волей.

Итак, свобода — это неотъемлемая черта человеческого бытия, психологии человека. Субъективное, обыденное представление о том, что есть свобода, как правило, есть у каждого, так как это понятие относится к числу универсальных категорий, имеющих наивысшую ценность для человека.

В обыденном представлении, как отмечает В.С. Нерсесянц свобода, «прежде всего, ассоциируется у большинства с самим процессом высвобождения от прошлого, со свободой от чего-то».

В философском понимании понятие «свобода» возникло, вероятнее всего, с возникновением самой философии.

С философской позиции С.С. Алексеев определяет свободу в качестве возможности, самостоятельности выбора, решений, независимо ни от кого и любого внешнего влияния³.

Свобода через призму разумности может рассматриваться путём её ограничения в зависимости от конкретных объективных факторов. Например, в силу различия в возрасте и социально-экономических потребностей ГК РФ закрепил три уровня дееспособности: полностью не-

дееспособные (п. 2 ст. 28 ГК РФ); частично дееспособные (п. 2 ст. 26 ГК РФ); полностью дееспособные.

С появлением интернета и цифровых технологий свобода начала рассматриваться в контексте доступа к информации, личной безопасности и защиты данных.

Одной из ключевых проблем стало определение, что значит быть свободным в мире, где данные собираются и анализируются, а индивидуальная автономия может быть нарушена⁴.

В цифровом пространстве свобода может быть, как расширена, так и ограничена. Например, использование технологий предоставляет новые возможности для самовыражения и общения, однако также порождает такие проблемы, как интернет-цензура, слежка и манипуляция.

Принцип свободы договора в целом и общепризнанные механизмы его ограничения остаются эффективным и необходимым инструментом регулирования отношений в цифровой среде, даже если таковые обладают уникальными техническими особенностями (речь идет, к примеру, о смарт-контрактах или технологии блокчейн).

В правовой сфере свобода непосредственно связана с концепцией договора, так как договор является проявлением воли сторон, основанный на согласии.

Согласно устоявшейся концепции, правоотношения, которые построены на основании какого-либо договора, связаны с некоторой свободой. Данное утверждение не вызывает сомнений.

Тем не менее, в рамках договорного права именно проблема свободы поднимается на обсуждение чаще всего. Ученые-цивилисты на протяжении многих лет пытаются определить какие-либо четкие позиции в отношении пределов свободы правового творчества субъектов при составлении различного рода договоров. Эта проблема давно вышла за рамки правовой дисциплины и перетекла в область философских размышлений. Не имеет смысла рассматривать пределы свободы договора в качестве исключительной проблемы. Дело в том, что обозначенная проблема является наиболее обширной и практически единственно рассматриваемой при обсуждении категории свободы. По этой причине наиболее важным является смещение внимания на такие проблемные аспекты, как: критерии установления пределов свободы; допустимость определения критериев и самих

² Ловчикова Ю.В. Принцип свободы договора в гражданском праве: особенности и пределы // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2021. — №. 4. — С. 76–81.

³ Гюльнарзан Р.А. Методологические вопросы исследования принципов гражданского права в современном цифровом пространстве // Социально-экономические процессы современного общества (к 80-летию Льва Пантелеймоновича Куракова). — 2023. — №3. — С. 153–154.

⁴ Грачева С.А., Черемисинова М.Е. Основные права и свободы в цифровом измерении // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2021. — Т. 21. — №. 1. — С. 64–73.

Таблица 1.
Основные аспекты взаимодействия свободы и договора
в контексте цифрового пространства

Наименование	Характеристика
Автономия воли	Свобода сторон при заключении договора предполагает, что обе стороны имеют право свободно выражать свою волю, что является основополагающим принципом гражданского права.
Договор в электронной форме	Цифровизация сильно повлияла на форму заключения договоров. Электронный договор, реализуется в цифровом пространстве, что порождает новые юридические вопросы о том, как гарантировать, что волеизъявление действительно свободно и осознанно.
Юридические гарантии, безопасность и свобода	В условиях цифровизации возникают вопросы о том, как защитить индивидуальную свободу и права пользователей. Например, прозрачность условий использования цифровых платформ, возможность отказа от использования услуг в любой момент, и защита данных становятся необходимыми аспектами свободы в новых цифровых контекстах.
Манипуляция и свобода выбора	Невозможность увидеть полную картину условий исполнения договора может привести к манипуляциям, которые подрывают концепцию свободного выбора. Алгоритмы, использующие персонализированные рекомендации, могут ограничивать свободу выбора граждан, влияя на их решения.

пределов отдельными субъектами. Именно эти аспекты чаще всего лежат в корне обсуждения проблематики понятия свободы, в т.ч. при рассмотрении категории свободы в рамках системы права.

Как известно, основополагающим принципом, в соответствии с которым реализуется система договорного права, является принцип равенства сторон. Данный принцип берет начало из норм гражданского законодательства. Помимо прочего, в соответствии с нормами гражданского законодательства действует принцип неприкосновенности собственности, недопустимости воспрепятствовать реализации гражданских прав, право обращения в судебные инстанции с целью восстановления собственных прав и др. (п. 1 ст. 1 ГК РФ).

В рамках данной работы перейдем к обсуждению вопроса реализации цифровых участков. Данное право не противоречит основным принципам свободы договорных отношений. Дело в том, что существует общее правило, в соответствии с которым разрешение совершать такие действия, которые не находятся под запретом. В случае реализации цифровых сделок стороны правоотношений аналогичным образом именуется продавцом и покупателем. Более того, факт передачи

прав соответствует передаче предмета договорных отношений.

Представляется, что в настоящее время актуализировалась потребность в формировании гибридной системы правового регулирования в отношении цифровой среды. Иными словами, в настоящее время поднимается вопрос создания цифрового права⁵.

Самостоятельная система цифрового регулирования позволила бы упорядочить процессы заключения сделок между субъекта. Важно подчеркнуть, что перед применением цифровой правовой среды потребуются получение согласие всех участников. Такое согласие будет выступать в качестве подтверждения того, что участники ознакомлены с принципами функционирования виртуальной среды и принимают специальные положения. Согласие участников необходимо по той причине, что цифровая среда пока что не может быть отнесена к какой-либо конкретной юрисдикции. Это противоречивое обстоятельство может привести к коллизии между правовыми нормами. Действительно, законодательные положения и требования, которые применимы в реальной жизни, могут вступать в противоречие с положениями, используемыми в цифровой среде⁶.

На сегодняшний день считаем, что любые противоречия могут быть разрешены при помощи отдельного нормативно-правового документа. Такой документ должен содержать положения, касающиеся регулирования правоотношений, существующих в цифровой среде.

Принимая во внимание сказанное выше, представляется возможным сделать ряд выводов. Так, использование философского подхода при попытках определения понятия «свобода» не представляется возможным. Этот подход противоречит принципам формирования договорных правоотношений между субъектами. Отдельные ограничения свободы имеют важное значение о той причине, что их отсутствие приведет к нарушению базовых конституционных принципов. Полное отсутствие каких-либо ограничений повлечет за собой распространение произвола и, соответственно, нарушение прав субъектов права.

Так, действительно, понятие свободы изначально основывалось на традиционных философских подходах. Однако с течением времени потребности общества существенно преобразовались. Значительные изменения произошли и с момента функционирования цифровой

⁵ Шигин М.Д. Цифровой предмет гражданских договоров // Столыпинский вестник. — 2022. — Т. 4. — №. 6. — С. 3411–3417.

⁶ Бодров А.А., Борисова Т.В., Максимов А.М. Цифровое право как объект социально-философского анализа // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. — 2023. — Т. 5. — №. 3. — С. 27–36.

среды, которая на сегодняшний момент является также средой для реализации правоотношений. В настоящее время мы имеем дело с традиционными формами правоотношений, а также с формами, которые существуют исключительно в цифровой среде. Нормативно-правовые положения, которые применимы для регулирова-

ния правоотношений в реальной жизни, пока что не могут быть в полной мере применимы в цифровой среде, так как это может способствовать наступлению коллизий. По этой причине актуальным вызовом становится создание отдельной системы правового регулирования цифровой среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодров, А.А., Борисова, Т.В., Максимов, А.М. Цифровое право как объект социально-философского анализа / А.А. Бодров, Т.В. Борисова, А.М. Максимов // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. — 2023. — Т. 5, № 3. — С. 27–36.
2. Грачева, С.А., Черемисинова, М.Е. Основные права и свободы в цифровом измерении / С.А. Грачева, М.Е. Черемисинова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2021. — Т. 21. — № 1. — С. 64–73.
3. Долгов, С.Г. Защита права на свободу в цифровую эпоху / С.Г. Долгов // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве. — 2023. — С. 1000–1006.
4. Гюльназарян, Р.А. Методологические вопросы исследования принципов гражданского права в современном цифровом пространстве / Р.А. Гюльназарян // Социально-экономические процессы современного общества (к 80-летию Льва Пантелеймоновича Куракова). — 2023. — №3. — С. 153–154.
5. Ловчикова, Ю.В. Принцип свободы договора в гражданском праве: особенности и пределы / Ю.В. Ловчикова // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2021. — № 4. — С. 76–81.
6. Шигин, М.Д. Цифровой предмет гражданских договоров / М.Д. Шигин // Столыпинский вестник. — 2022. — Т. 4, № 6. — С. 3411–3417.

© Латынин Артем Олегович (LAO-workmail@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ НА СУЩНОСТЬ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ТРАНСПОРТНОГО ПРОЦЕССА И ИНСТИТУТА ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ

MAIN SCIENTIFIC VIEWS ON THE ESSENCE OF THE IMPLEMENTATION OF THE TRANSPORT PROCESS AND THE INSTITUTE OF CARGO TRANSPORTATION

Yu. Lonchakova

Summary. The article examines the transport complex as a link between the economy and infrastructure of the state. Approaches in the legal doctrine to the concept of «transport» and understanding of types of transport are considered. Based on the legal meaning of transportation and carriage of goods, the differences between the transportation of goods and their carriage are highlighted. The essence of cargo transportation is studied and its author's definition is proposed.

Keywords: transportation, carriage, economic activity, contract of carriage, movement.

Лончакова Юлия Андреевна

*Кандидат юридических наук, Муромский институт
Владимирского государственного университета
info@rt-p.ru*

Аннотация. В статье исследуется транспортный комплекс, как связующее звено хозяйства и инфраструктуры государства. Рассматриваются подходы в правовой доктрине к понятию «транспорт» и пониманию видов транспорта. Исходя из правового смысла транспортировки и перевозки грузов, выделяются отличия транспортирования грузов от перевозки. Исследуется сущность перевозки грузов и предлагается его авторское определение.

Ключевые слова: транспортировка, перевозка, хозяйственная деятельность, договор перевозки, перемещение.

Развитие транспортного комплекса в России — это не просто задача повышения эффективности экономики, но и ключевой фактор, определяющий уровень жизни граждан и конкурентоспособность страны на мировой арене. Современные инновационные модели экономического роста, будь то импортозамещение, развитие высокотехнологичных отраслей или расширение экспортного потенциала, невозможны без надежной и эффективной транспортной системы.

В отличие от большинства других отраслей, транспорт не производит материальных благ. Его «продуктом» является само перемещение грузов и пассажиров в пространстве [12, С.2]. Однако именно эта «нематериальная» составляющая, являясь связующим звеном хозяйства и инфраструктуры, играет весьма важную роль, обеспечивая бесперебойное функционирование всей экономики. Транспорт — это кровеносная система государства и даже глобальной экономики, соединяющая производителей и потребителей, регионы и страны. Он охватывает все этапы общественного воспроизводства: от добычи сырья и производства до распределения готовой продукции и потребления. Своевременная и качественная доставка грузов — это залог бесперебойной работы предприятий. Задержки и сбои в транспортной системе приводят к существенным экономическим по-

терям, а эффективность транспортного комплекса напрямую зависит от двух ключевых составляющих: транспортных средств и транспортной инфраструктуры.

Стоит обозначить, что в толковых словарях транспорт определяют как отрасль хозяйства, которая связана с перевозкой людей, вещей и грузов, а также сами перевозочные средства [21, С.315; 13, С.685; 25, С. 792].

В отечественной правовой доктрине, следует выделить два превалирующих подхода к пониманию термина «транспорт».

Во-первых, «транспорт» воспринимается как разновидность сервиса — предпринимательской деятельности [19, С. 636; 17, С. 244] по предоставлению услуг по перевозке грузов. Здесь имеется в виду профессиональный перевозчик и поэтому имеет место принцип свободы предоставления услуг. Во-вторых, «транспорт» понимается, как средство передвижения, принадлежащее на праве собственности определенной организации [19, С. 637; 17, С. 4].

При этом в юриспруденции в экономическом плане принято транспортную деятельность подразделять на коммерческий и некоммерческий секторы [20, С. 174;

10, С.52]. Коммерческий сектор работает на принципах рыночной экономики, где действуют принципы свободы предпринимательской деятельности и конкуренция. Сюда относятся все виды платных перевозок грузов и пассажиров, осуществляемые как государственными, так и частными компаниями. Некоммерческий сектор включает перевозки, выполняемые в рамках служебной деятельности, например, это относится к корпоративным автопаркам или транспортным средствам государственных учреждений.

Если на подразделение транспортной деятельности на коммерческую и некоммерческую составляющие, правоведы имеют единый взгляд, то касательно классификации видов транспорта данный вопрос, вызывает постоянные дискуссии среди специалистов в области гражданского, предпринимательского и транспортного права. В этом отношении не существует единого общепринятого подхода, а количество выделяемых категорий существенно варьируется в зависимости от используемых критериев.

Одни исследователи ограничиваются четырьмя основными видами, классифицируя их по среде перемещения, а именно воздушным, наземным, водным и трубопроводным, рассматривая их как фундаментальные способы перемещения грузов [22, С. 1001; 23, С. 429; 7; 9; 6].

При этом если в основу классификации данными учеными был взят за основу такой критерий, как среда перемещения, то их упущением является то, что ими не был включен в данную классификацию такой вид транспорта, как космический. Известно, что космические грузовые аппараты в СССР стали применяться с 20 января 1978 года, когда для снабжения орбитальных станций был выведен на орбиту первый беспилотный грузовой космический корабль «Прогресс» для доставки грузов для обеспечения жизнедеятельности человека в космосе, а также необходимого исследовательского оборудования, топлива и т.п. Такая упрощенная классификация удобна для общего понимания, но не отражает всей сложности и многообразия существующих транспортных систем.

Другие ученые предлагают значительно более детальную классификацию, включая в нее такие виды транспорта, как: вьючный (использование животных для перевозки грузов (например, мулов, верблюдов, лошадей и др.), гужевой (транспорт, основанный на тяге животных (например, повозки) [24, С. 23], монорельсовый (движение по единой опоре), подводный (подводные лодки и аппараты), космический (перемещение в космическом пространстве) и трубопроводный [16, С.5].

Эта расширенная классификация учитывает исторические и специфические способы передвижения (пере-

мещения) грузов, но также страдает от некоторой несистематичности.

Однако наиболее строгий и практически значимый подход предлагают юристы, ориентирующиеся на международное и национальное транспортное право. Исследователи такие, как К.В. Холопов, Н.Ю. Ерпылева и Д.М. Максимов, считают, что количество видов транспорта должно соответствовать количеству регулируемого законодательством. В этой системе выделяются шесть основных видов: воздушный, морской, внутренний водный, автомобильный, железнодорожный, мультимодальный [12, С. 500].

Мультимодальный транспорт, заслуживающий отдельного внимания, представляет собой комбинацию двух или более видов транспорта для доставки груза, например морской транспорт в сочетании с автомобильным. Именно такой подход обеспечивает ясность правового регулирования, позволяя установить четкие правила не только сохранности перевозимых грузов, но также ответственность перевозчика и тарифную политику для каждого вида транспорта.

Важно подчеркнуть, что установление правильной классификации вида транспорта имеет существенное значение, как для законодателя, так и для правоприменителя, поскольку это имеет ключевое значение для регулирования деятельности транспортных компаний, страхования грузов, а также для разрешения споров и применения санкций. Без четкой классификации могут возникнуть серьезные трудности в применении законодательства. Именно поэтому правовая регламентация концентрируется на шести основных видах транспорта, обеспечивая стабильность и предсказуемость в транспортной сфере.

В контексте современной транспортной системы, нельзя не отметить появившийся беспилотный транспорт, который уже не только набирает свои обороты, но и в отношении которого издаются соответствующие стратегические документы [2; 3; 1].

В связи с чем, необходимо указать на издание такого нормативно-правового документа, касающегося дорожной карты в отношении принятия необходимых законодательных актов, регулирующих использование данного вида транспортных средств [5]. Как отмечает Росстандарт, количество беспилотного автотранспорта к 2025 году превысит 20 тысяч единиц, а уже через 25 лет в России будет до 11 миллионов беспилотных транспортных средств [27], что потребует соответствующей правовой регламентации. Поэтому законодательная база, касающаяся беспилотного автотранспорта, в настоящее время находится лишь в зачаточном состоянии, но в самой ближайшей перспективе под давлением новых инновационных технологий будет расширяться.

Кроме того, следует обратить внимание на трубопроводный транспорт. Исходя, из логики определения видов транспорта, учеными Т.Н. Ивановой [14, С. 68], А.А. Моториной [18, С. 33] и другими, трубопроводный транспорт также имеет нормативную базу, как на международном, так и на национальном уровне. При исследовании транспортировки грузов, как представляется, наибольший интерес представляет, разграничение понятий «перевозка грузов» и «транспортировка грузов». Поскольку перемещение груза может быть осуществлено, как в форме перевозки груза, так и в форме транспортировки груза, то в случае, когда речь идет о перемещении груза, такого как нефть или иных жидких и газообразных веществ посредством трубопровода, следует говорить об его транспортировке, а не перевозке.

Кроме того, для жидких и газообразных веществ, перемещаемых по трубопроводу, следует учитывать специфику таких веществ, а также совокупность операций, которые включают в себя операции приема жидких и газообразных веществ на начальном приемо-сдаточном пункте, непосредственную перекачку данных веществ по системе трубопроводов, их прием и сдачу в конечном приемо-сдаточном пункте.

Соответственно, конструкция договоров перевозки, не применима к перемещению груза посредством трубопровода, поскольку их разработка была осуществлена под другие объекты отношений.

В литературе отмечается, что действующее законодательство подчеркивает не идентичность понятий «транспортирование грузов» и «перевозка грузов» [11,

С.730], поскольку, не всякое перемещение/ транспортировка грузов является перевозкой, поскольку понятие «перевозка» подразумевает употребление подвижных транспортных средств, а к примеру, трубопровод — это стационарное средство перемещения соответствующих жидких или газообразных грузов [8, С.23].

Перевозка грузов — это вид хозяйственной деятельности, направленный на перемещение материальных ценностей из одного пункта в другой с использованием различных подвижных транспортных средств. Ключевым элементом этой деятельности является договор перевозки, который формализует отношения между перевозчиком и грузоотправителем, а в некоторых случаях и с грузополучателем. При заключении договора перевозки учету подлежит вид транспорта, посредством которого будет перевезен груз, поскольку от вида транспортного средства производится правовая регламентация такой перевозки.

Таким образом, перевозка грузов — это не просто перемещение их в пространстве, а сложная система, взаимодействующая с различными сферами экономики. Ее эффективное функционирование определяет темпы развития многих отраслей хозяйствования, поэтому постоянное совершенствование данной системы является залогом экономического роста и устойчивого развития государства. Современные технологии и законодательная база направлены на повышение безопасности, эффективности и прозрачности процесса перевозок грузов, делая его более предсказуемым и надежным для всех его участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 10.10.2019 N 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // «Собрание законодательства РФ», 14.10.2019, N 41, ст. 5700.
2. Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2018 N 831-р (ред. от 22.02.2019) «Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2025 года» // «Собрание законодательства РФ», 07.05.2018, N 19, ст. 2804.
3. Распоряжение Правительства РФ от 25.03.2020 N 724-р «Об утверждении Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // «Собрание законодательства РФ», 30.03.2020, N 13, ст. 1995.
4. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 N 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // «Собрание законодательства РФ», 15.06.2020, N 24, ст. 3847.
5. Распоряжение Правительства РФ от 29.03.2018 N 535-р (ред. от 17.06.2021) «Об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по совершенствованию законодательства и устранению административных барьеров в целях обеспечения реализации Национальной технологической инициативы по направлению «Автонет»» // «Собрание законодательства РФ», 16.04.2018, N 16 (Часть II), ст. 2393.
6. Алиев Э.А. Проблемы развития транспортной деятельности государств в доктрине международного частного права // «Международное публичное и частное право», 2006, N 4
7. Базарова А.С. Расходы на страхование имущества: налоговый аспект // «Налоги» (газета), 2007, N 25.
8. Богоненко В. О правовой природе договора поставки грузов трубопроводным транспортом // Нефть, газ и право. 1998. N 4. С.23
9. Борисов А.Н. Комментарий к главе 26 части второй Налогового кодекса Российской Федерации «Налог на добычу полезных ископаемых» (постатейный). М.: Юстицинформ, 2005. 288 с.
10. Бянкина А.М. К вопросу о классификации договора перевозки грузов автомобильным транспортом // Право и экономика. 2011. N 10. С. 49–54.
11. Егизаров В.А. Транспортное право: учебник. 8-е изд., доп. и перераб. М.: Юстицинформ, 2015. 736 с.
12. Ерпылева Н.Ю., Максимов Д.М. Правовое регулирование международных комбинированных перевозок грузов, пассажиров и багажа // Международное право и международные организации. 2013. N 4. С. 498–524.

13. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. Том 2. М.: Астрель, 2006. С. 685.
14. Иванова Т.Н. Трубопроводный транспорт России: понятие и источники правового регулирования // Предпринимательское право. 2020. N 4. С. 66–73.
15. Иншакова А.О. Принципы правового обеспечения свобод общего рынка в транспортной политике ЕС // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. N 3. С. 242–251.
16. Кочетов С.Н. М.: Международные отношения, 1988. С. 5.
17. Лукашевич С.В. Беспилотное транспортное средство: смена парадигмы как следствие цифровизации экономики // Транспортное право. 2019. N 3. С. 3–5.
18. Моторина А.А. Совершенствование правового регулирования вывозных пошлин на углеводородное сырье в контексте международных договоров России // Финансовое право. 2021. N 5. С. 32–36.
19. Право Европейского союза: Учебник / Под ред. С.Ю. Кашкина. М.: ТК «Велби»; Проспект, 2009. С. 636–637;
20. Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография / В.К. Андреев, Л.В. Андреева, К.М. Арсланов и др.; отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2016. 340 с.
21. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. «Современный экономический словарь». ИНФРА-М, 2006. С.315
22. Семенихин В.В. Перевозки и автотранспорт. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2019. 1112 с.
23. Семенихин В.В. Доверительное управление, паевые инвестиционные фонды. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2020. 429 с.
24. Сушкевич А.Г. Институты конкурентного права и новая экономика: как добиться соответствия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. N 3. С. 21–34.
25. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Русские словари, 1994. Т. 4. С.792
26. Холопов К.В. Международное частное транспортное право. Анализ норм международного и российского транспортного права: учебное пособие. М.: Статут, 2010. 702 с.
27. В Росстандарте рассказали о перспективах беспилотных автомобилей. URL: <https://ria.ru/20181112/1532585345.html?ysclid=m2ah4vq3d550339365> (дата обращения 15.10.2004).

© Лончакова Юлия Андреевна (info@rt-p.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЭЛЕКТРОННОЙ ТОРГОВЛИ

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC COMMERCE

N. Orekhova

Summary. The article discusses current issues and problems of regulation of electronic commerce, which has been developing more and more actively in recent years. It is accompanied by many problems and factors that require the elaboration of a high-quality system of legislative regulation. In particular, the article examines the problems of regulating marketplaces, provides a critical overview of a possible draft law currently being considered by the government of the Russian Federation. The difficulties and specifics of the application of legislation on violations of personal data and the protection of cryptographic cryptography and personal data of market participants are also identified. It is concluded that it is necessary to improve and increase the transparency of legislation in the field of electronic commerce, taking into account the balance of interests of all market participants.

The purpose of the article is to study the problems related to the legal regulation of electronic commerce.

Keywords: e-commerce, commerce, identity identification, marketplaces, regulation, problems.

Орехова Наталья Леонидовна

кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург)
nataliaorekhova@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы и проблемы регулирования электронной торговли, которая в последние годы развивается все более активно. Она сопровождается множеством проблем и факторов, требующих проработки качественной системы законодательного регулирования. В частности, в статье рассмотрены проблемы регулирования маркетплейсов, представлен критический обзор возможного законопроекта, рассматриваемого в настоящее время правительством Российской Федерации. Также определены сложности и специфика применения законодательства о нарушениях персональных данных и защиты криптографической криптографии и личных данных участников рынка. Сделан вывод о необходимости улучшения и повышения прозрачности законодательства в области электронной торговли, учитывающего баланс интересов всех участников рынка. *Цель статьи:* исследование проблем, связанных с правовым регулированием электронной торговли.

Ключевые слова: электронная торговля, коммерция, идентификация личности, маркетплейсы, регулирование, проблемы.

В настоящее время электронная торговля набирает значительные обороты. Она развивается фактически во всём мире, благодаря новым технологиям, онлайн системам продаж, возможностям проведения расчётов в сети, минуя банки.

Электронная торговля может быть представлена разными вариантами, которые в базовом определении разделяют ее на следующие модели [1]:

1. b2b,
2. b2c;
3. c2c.

Первый тип торговых отношений осуществляется между организациями или другими юридическими лицами.

Второй вариант, когда организация реализует товары физическим лицам;

Третий, когда взаимодействуют между собой физические лица.

При этом, каждая система обладает свойственной ей правовой регламентацией, которая включает в себя

основы законодательства, регулирующего торговые отношения в целом, соблюдение прав участников электронного взаимодействия, а также безопасность проводимых сделок.

Кроме того, стоит подчеркнуть, что в настоящее время появилось множество разных форматов проведения торговых операций в электронном виде, преимущество среди которых принадлежит маркетплейсам [2].

Именно маркетплейсы представляют собой площадки с набором огромного количества товаров и услуг, на которых принимают участие множество продавцов из разных стран, реализуемых их в онлайн режиме.

Таким образом, лицо, находящееся в одном городе может приобретать товары у производителей не только из другого города, но и другой страны. При этом, данные операции подлежат нормативному регулированию.

Регулирование электронной торговли следует разделить на несколько подсистем.

В первую очередь, это регулирование, касающееся непосредственно самих торговых отношений, которые

установлены федеральным законодательством о торговле, а также деятельности маркетплейсов и набором законодательных актов, составленных в рамках ЕАЭС при перемещении товаров и страны в страну через территорию союза. В этом контексте регламентируются договорные основы и правовые аспекты продаж и проведения электронных расчётов, а также защиты персональных данных в сфере электронного бизнеса.

Кроме того, здесь имеет место специфика рекламы в сети интернет, антимонопольные и иные аспекты действия онлайн-платформ и экосистем.

Так, Федеральный закон «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [3], устанавливает методы регулирования торговой деятельности и правовые отношения в области торговли. Он касается и проведения торговли в электронном виде, а потому подлежит обязательному исполнению участниками этого рынка.

Данный закон устанавливает требования к отношениям, связанным с реализацией разных видов товаров на рынках, а также устанавливает полномочия Правительства РФ в области государственного регулирования торговли. В нём приводится методика расчёта и порядок установления субъектами Российской Федерации минимальной обеспеченности населения площадью торговых объектов, также перечень товаров, которые подлежат обязательной маркировке.

При этом стоит отметить, что маркировка и идентификация товаров является вопросом, который сопровождает и электронные продажи.

Основой нормативного регулирования системы маркировки товаров в России является Федеральный закон № 487-ФЗ от 31 декабря 2017 г. «О внесении изменений в статью 4.7 Федерального закона «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием электронных средств платежа» и статьи 5 и 8 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» [4].

Согласно данному закону Правительство РФ вправе устанавливать дополнительный обязательный реквизит кассового чека или бланка строгой отчетности — «код товара», определяемый Правительством Российской Федерации и позволяющий идентифицировать товар или код товарной номенклатуры.

Статья 2 внесла дополнения в Федеральный закон от 28 декабря 2009 года № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Рос-

сийской Федерации», а также ввела понятие маркировки товаров, определив ее цели и задачи, установив запрет на оборот немаркированных товаров.

Еще одним документом, регламентирующим порядок маркировки товаров, выступает Распоряжение Правительства РФ № 792-р от 28 апреля 2018 г. В нем приведен перечень товаров подлежащих обязательной маркировке [4].

Согласно законодательства, в 2024 году все представители розничного звена должны иметь сопряженные с контрольно-кассовой техникой сканеры двухмерных кодов Data Matrix, и заключить договор с оператором фискальных данных о передаче документов по маркированной продукции в систему Честный ЗНАК». Это касается и участников рынка электронной торговли.

В последние годы Правительство Российской Федерации ведёт значительную работу над регулированием деятельности маркетплейсов. Их деятельность развивается быстрыми темпами, а отдельного закона, регулирующего их функционирование в настоящее время нет.

При этом работа маркетплейсов сопровождается огромным количеством исков, поступающих от продавцов к потребителям и платформам, а также и покупателям маркетплейсов.

В настоящее время отношения внутри маркетплейсов выстраиваются на Законе «О защите прав потребителей» [5] и ФЗ «О конкуренции» [6]. Однако понятие маркетплейс, как таковое в законах отсутствует, а значит и применение договорных отношений также не всегда возможно.

В настоящее время Правительство РФ ведет работу над законом, регламентирующим работу маркетплейсов. Планируется, что будет снят запрет на продажу собственных товаров с оборотом более 150 млрд руб.

Кроме того, планируется что данным законом будет предусмотрен размер комиссии продавцов, который не может пересматриваться чаще, чем один раз квартал, что оценивается, как значительное повышение финансовой нагрузки на продавцов.

Предполагается и исключение ограниченности доступа к личным кабинетам продавцов и владельцев пунктов, что в целом вызывает определённые риски мошенничества и не добросовестных действий продавцов.

В тоже время, обязательность штрафов дает право возражать продавцам против списаний, проводимых маркетплейсами в автоматическом режиме, что также предполагает уравнение маркетплейсов с торговыми

сетями и в целом приводит к повышенной ответственности маркетплейсов именно за продаваемые товары.

Однако маркетплейсы являются лишь площадками для их распределения, а непосредственную ответственность несут сами продавцы. Кроме того, в этих условиях придётся проверять до продажи все партии, поступающие на склад, что в принципе противоречит бизнес-модели маркетплейса, и значительно увеличивает логистические расходы и повышает риски продавцов участников этих маркетплейсов. В целом, считается, что регулировать деятельность маркетплейса необходимо. Однако следует глубоко и качественно проводить анализ предлагаемых изменений, масштаб рынка, а также правила его работы.

Представленный законопроект, предлагаемый сформировать систему регулирования маркетплейса в имеющейся редакции снижает качество развития экономических отношений, угрожает в принципе существованию таких агрегаторов [7].

Особое недоумение вызывает норма об ответственности маркетплейса за недостатки товаров, которые он несёт наряду с продавцом. Агрегатор выступает стороной сделки купли-продажи и является местом ее заключения.

Таким образом, в настоящее время существует множество правовых недоработок, снижающих качество проведения электронных сделок в целом, и работы маркетплейсов. К тому же имеет место недостаток регулирования безопасности проводимых сделок для покупателей в онлайн сети.

Защита прав и участников электронной торговли, в определенной степени, установлена Законом «Об электронной цифровой подписи» [8]. Он предусматривает что использование электронных цифровых технических средств производится посредством закрепления подписей для идентификации сторон, которые принимают участие в данном соглашении. При этом цифровой формат торговли является допустимым при соблюдении определённых условий.

Цифровой договор обладает признаками удалённости, наличия точной идентификации сторон, заключающих сделку, а также полноты всех реквизитов, включая цифровой код и возможности использования договора на цифровом носителе. При этом, идентификация личности проводится по биометрическим показателям, которые определены Постановлением Правительства РФ № 2463 [9].

В отдельную группу ответственности в данном контексте относится платёжная информация о данных, ко-

торая также включается в состав персональных. Эта информация защищается указанным выше федеральном законом, а кроме того, регламентируется правилами General Data Protection Regulation, или Общими правилами защиты данных [10], определяющими отношения между владельцами личных данных и теми, кто их собирает, обрабатывает и использует в работе.

Стоит отметить, что все цифровые взаимодействия построены на технологии «блокчейн», которая не имеет четкой базы правового регулирования, что снижает устойчивость реализации прав участников данного процесса.

Кроме того, имеет место потребность в проработке правовой базы в части цифровых договоров и других элементов данной схемы в системе электронной торговли на практике.

Вторая проблема: наличие возможностей использования мошеннических схем в рамках электронной торговли, что снижает эффективность защиты и правового обеспечения безопасности участников рынка и повышает риски договоров, заключаемых в виртуальной сети.

Рассматривая более подробно первую группу проблем, стоит отметить, что в виду стремительного развития цифровых технологий, регулирование данного процесса не успевает за появлением новелл в определениях, связанных с цифровыми возможностями. Однако государство довольно быстро откликается на вызовы, с которыми сталкивается общество в рамках электронной торговли, что в целом позволяет выстроить определённую конструкцию правового регулирования, которая тем не менее имеет множество коллизий.

В частности, до сих просматривается необходимость приведения технологии «блокчейна» к единому консенсусу, о чем заявляют многие исследователи [11]. Данные вопросы регулярно обсуждаются на правовых юридических форумах и дискуссионных площадках.

Так на тематическом форуме «Обсерватория блокчейн», в части цифровых прав были выделены ряд причин, по которым необходимо совершенствовать систему правового законодательства данных технологий в Российской Федерации. При этом определено, что необходимо формировать максимально прозрачный и контролируемый широким кругом пользователей инструмент, обеспечивающий защиту хранимой информации, а также недопустимость псевдонимизации платформ, которые используются для заключения цифровых сделок в интернете.

Защита этих прав может быть обеспечена государством посредством использования им соответствующих

правовых инструментов, нацеленных на внедрение в систему законодательства оборота токенов.

В части решения второй проблемы должна быть разработана эффективная система защиты и правовое обеспечение возможности предотвращения мошенничества на рынке электронной коммерции. В этой связи, широкая возможность представляется в обеспечении правового механизма, связанного с формированием законодательства в сфере борьбы с киберпреступлениями.

Таким образом, целесообразно учитывать баланс между защитой прав и интересов граждан и обеспечением безопасности электронной торговли. Для этого стоит использовать следующие направления:

1. Разработка и внедрение механизмов защиты персональных данных физических лиц в цифровом

пространстве, включая законодательные и технические меры.

2. Создание образовательных программ и инициатив по цифровой грамотности, чтобы граждане были осведомлены о своих правах и обязанностях в электронной торговле.
3. Разработка механизмов для регулирования деятельности интернет-провайдеров и онлайн-платформ с целью защиты проводимых операций в рамках электронных продаж от незаконного контента.

Представленные меры позволят обеспечить безопасность и свободу электронной торговли, сохраняя при этом баланс между защитой прав продавцов и безопасностью всех участников рынка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Головенчик Г.А. Сущность, классификация и особенности электронной коммерции // Наука и инновации. 2020. №4 (206). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-klassifikatsiya-i-osobennosti-elektronnoy-kommertsii> (дата обращения: 29.06.2024).
2. Литвинов Е.А., Савинов Ю.А., Тарановская Е.В. Современное состояние и перспективы международной торговли на маркетплейсах // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-mezhdunarodnoy-torgovli-na-marketpleysah> (дата обращения: 29.06.2024).
3. Федеральный закон от 28.12.2009 N 381-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-28122009-n-381-fz-ob/> / <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71748800/>
4. Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2018 N 792-р (ред. от 27.03.2024) «Об утверждении перечня отдельных товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297114/26cdb7be00745ba8727bc131cfd01e77eb7b0a33/
5. Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 04.08.2023) «О защите прав потребителей» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/
6. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 19.04.2024) О защите конкуренции // <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-26072006-n-135-fz-o/>
7. Новый проект о торговле через маркетплейсы внесен в Госдуму // <https://www.skolkovo.ru/researches/issledovanie-klyuchevyh-problem-pravovogo-regulirovaniya-rynka-elektronnoj-kommercii/>
8. Федеральный закон от 06.04.2011 N 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) Об электронной подписи (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023) // <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-06042011-n-63-fz-ob/>
9. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 N 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373622/
10. Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/
11. Чепелевич, Е.В. Гражданско-правовое регулирование электронной торговли в Российской Федерации / Е.В. Чепелевич. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2024. — № 6 (505). — С. 223–225. — URL: <https://moluch.ru/archive/505/111123/> (дата обращения: 29.06.2024).

© Орехова Наталья Леонидовна (nataliaorekhova@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХАРАКТЕР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВОПОРЯДКА В КОНТЕКСТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ОГОВОРКИ О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ

Парамузова Ольга Геннадьевна

Кандидат юридических наук, доцент, РАНХиГС
paramuzova-og@ranepa.ru

THE NATURE OF THE INTERACTION OF INTERNATIONAL AND DOMESTIC LAW AND ORDER IN THE CONTEXT AND DETERMINATION OF THE POSSIBILITY OF APPLYING THE PUBLIC POLICY CLAUSE

O. Paramuzova

Summary. This study is devoted to topical issues of interaction between the mechanisms of international and national law and order in the context of the applicability of the public policy clause. The international and national legal systems, being independent, nevertheless are in constant interaction and have a mutual influence on each other. The possibility of applying the law of another State by one State depends on the availability of legal grounds for this, first of all, a reference to a foreign legal order by conflict of laws norms, both national and unified international, solving the problem of choosing the law to be applied. The choice of a competent legal order significantly reduces, if not excludes, the conflict of laws of different states, which define not only individual legal definitions in different ways, but also regulate private law relations that lie within the scope of the law of more than one State. At the same time, in the presence of certain circumstances, the application of foreign law is limited, and in some cases it is not allowed at all. One of these obstacles is a contradiction to the national public order. However, both in the doctrine and in the practice of individual States, there are objective difficulties with determining the fact of contradiction to public order and stating the impossibility of applying foreign law, especially when a particular legal relationship is more closely related to that law, the application of which becomes impossible due to contradiction to the public order of the court state. The author of the article examines various doctrinal points of view, analyzes the materials of law enforcement practice and formulates conclusions and proposals that allow a new look at the possibility of solving the identified problems.

Keywords: international legal order, national legal order, reservation on public order, generally recognized principles and norms of international law, peremptory norms of international law, foundations of the constitutional system.

Аннотация. Настоящее исследование посвящено актуальным вопросам взаимодействия механизмов международного и национального правопорядка в контексте применимости оговорки о публичном порядке. Международная и национальная правовая системы, будучи самостоятельными, тем не менее находятся в постоянном взаимодействии и оказывают друг на друга взаимное влияние. Возможность применения одним государством права другого государства зависит от наличия к этому правовых оснований, прежде всего, отсылки к иностранному правопорядку коллизионными нормами как национальными, так и унифицированными международными, решающими проблему выбора права, подлежащего применению. Выбор компетентного правопорядка значительно снижает, если не исключает конфликт законов разных государств, по-разному определяющих не только отдельные правовые дефиниции, но и регулирующих частноправовые отношения, лежащие в сфере действия права более, чем одного государства. Вместе с тем, при наличии определенных обстоятельств применение иностранного права ограничено, а в некоторых случаях вообще не допустимо. Одним из таких препятствий является противоречие национальному публичному порядку. Однако, как в доктрине, так и в практике отдельных государств существуют объективные сложности с определением факта противоречия публичному порядку и констатации невозможности применения иностранного права, особенно, когда конкретное правоотношения находится в более тесной связи именно с тем правом, применение которого становится невозможным по причине противоречия публичному порядку государства суда. Автором статьи рассматриваются различные доктринальные точки зрения, анализируются материалы правоприменительной практики и формулируются выводы и предложения, позволяющие по-новому взглянуть на возможность решения обозначенных проблем. Очевидно, что сформулированные автором объективно-обоснованные заключения будут представлять научно-практический интерес.

Ключевые слова: международный правопорядок, национальный правопорядок, оговорка о публичном порядке, общепризнанные принципы и нормы международного права, императивные нормы международного права, основы конституционного строя.

В современных условиях взаимозависимости мира [1] исключительно важное значение имеет оценка характера и вектора взаимодействия международной и национальных правовых систем [2]. Принимая во внимание когентность принципа суверенного равенства государств и вытекающую из этого принципа правосубъектность государств самостоятельно осуществлять свою внутреннюю юрисдикцию, в базе такого взаимодействия находятся основополагающие конституционные нормы, определяющие основы политической и правовой системы любого, даже не имеющего письменного конституционного акта или актов, государства. Речь идет, прежде всего, о ключевых конституционных принципах организации публичной власти и правового статуса индивида.

К основам конституционного строя современного правового государства относятся, краеугольные конституционные принципы, как правило, закрепляемые в первой главе внутригосударственных основных законов и получающие дальнейшее развитие в последующих главах конституций, имеющих характер материального носителя. В государствах не имеющих писанных конституций, конкретизация происходит в иных наиболее значимых для данного государства нормативно-правовых актах. Впоследствии нормы основных законов получают более детальную правовую конкретизацию. Таким образом, основы национального правопорядка определяются основными законами государств и получают развитие и детализацию в последующих легитимных источниках права.

Что касается основ международного правопорядка, то они заложены в императивных нормах общего международного права, прежде всего в Уставе ООН, признаваемом в качестве своего рода «Конституции» международного сообщества государств [3]. Несмотря на определенный дисбаланс международно-правового механизма, Россия продолжает развивать свою внешнеполитическую линию поведения, руководствуясь *Jus cogens* в контексте формирующегося многополярного взаимодействия как крупнейших геополитических гигантов, так и менее авторитетных субъектов универсального международного права. Существенную значимость при этом продолжают играть основные принципы деятельности Организации Объединенных Наций в лице ее главных органов, особенно Генеральной Ассамблеи, Совета Безопасности и главного должностного лица Секретариата Генерального секретаря [4].

Для раскрытия темы настоящего исследования необходимо уделить внимание вопросам определения важнейших правовых дефиниций: конституционный правопорядок, национальный правопорядок, международный правопорядок, публичный порядок.

В соответствии с п.4 ст. 15 Конституции РФ, «обще-признанные принципы и нормы международного права,

и международные договоры РФ являются составной частью правовой системы РФ [5]. В связи с этим возникают вопросы следующего содержания.

Во-первых, что означает «общепризнанные принципы»? Какой смысл стоит вкладывать в это понятие. Принципы, признанные подавляющим большинством государств? Основные принципы международного права, закрепленные в Уставе ООН? Какие отношения они могут регулировать в РФ? Невозможность однозначных ответов требует создания стабильного научно-теоретического каркаса, на основе которого будет возможно инициировать процесс обновления международного правосознания в данной сфере правового регулирования и попытаться сформировать логически выверенные выводы и способные к практическому воплощению предложения.

Во-вторых, каким образом следует подходить к раскрытию понятия «конституционный правопорядок». Национальный правопорядок в его классическом понимании теоретиками права — общественный порядок, урегулированный нормами права. Международный правопорядок это — результат механизма действия международного права, что отражает совокупность отношений государств, которая выражается в их деятельности на международной арене, регулируется принципами и нормами международного права по поводу общих и национальных интересов и ценностей. Многоплановость и неоднозначность доктринальных подходов к определению понятия «международный правопорядок» позволяют сделать вывод об отсутствии единой общеприменимой правовой дефиниции этого неоднозначно толкуемой правовой категории.

В-третьих, каким образом стоит определять понятие «публичный порядок»? Посредством доктринального толкования и анализа различных научных точек зрения на этот счет, можно определить публичный порядок следующим образом. Публичный порядок это — главный правовой фундамент жизни государства и общества, некое правовое начало, стабилизирующее и упорядочивающее всю совокупность национальных правоотношений. Причем в основе публичного порядка лежат не только конституционные принципы, но и нечто большее, не всегда просто определимое.

Абстрагируясь, приходим к выводу о том, что негативная оговорка является своего рода гарантом предотвращения возможного вредоносного влияния чужого права. Негативная форма оговорки более репрезентативна, чем позитивная в нормативно-правовых актах современных государств, особенно, когда речь идет о странах *common law*. Важно отметить, тот немаловажный факт, что как негативная оговорка о публичном порядке, так и позитивная, имеют несколько расплывчатый характер

нормативно-правового определения. Существование подобной тенденции, пожалуй, можно объяснить следующими доводами: само понятие «публичный порядок» является многоплановым, исключительно трудно толкуемым и сложно объяснимым с точки зрения здравого смысла разумно рассуждающего индивида; сквозь призму публичного порядка преломляются не только фундаментальные государственно-правовые основы, но и базовые представления о нравственности, религиозные и культурные особенности отдельных наций, общечеловеческие ценности в глобальном международно-правовом измерении, и даже в какой-то мере философские концепции, если речь идет о тех странах, где подобного рода концептуальные положения оказывают серьезное влияние на формирование правосознания всех уровней; правоприменительная практика в данной сфере правового регулирования крайне ограничена, ввиду того, что в подавляющем большинстве государств к отказу в применении иностранного права по данному обстоятельству прибегают в крайних случаях с учетом конкретных обстоятельств дела.

Статья 1193 ГК РФ определяет невозможность применения иностранного права, способного в случае его перенесения на российскую почву размыть фундаментальные основы национального публичного правопорядка [6]. В этом случае при необходимости применяется соот-

ветствующая норма российского права. Включение слов «при необходимости» допускает также возможность применения норм иностранного права.

В завершении настоящего исследования, стоит уделить внимание и дать анализ Информационному письму Президиума Высшего АС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основание отказа в признании и исполнении иностранных судебных и арбитражных решений» [7].

Согласно Приложению, под публичным порядком в целях применения названных норм понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства. К таким началам, в частности, относится запрет на совершение действий, прямо запрещенных сверх императивными нормами законодательства Российской Федерации (статья 1192) Гражданского кодекса Российской Федерации? если этими действиями наносится ущерб суверенитету или безопасности государства, затрагиваются интересы больших социальных групп, нарушаются конституционные права и свободы частных лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. Парамузова О.Г. Угрозы и вызовы международному правопорядку: правовые проблемы обеспечения международной безопасности в условиях современности (некоторые концептуальные заключения и выводы)//Теоретическая и прикладная юриспруденция. №4 (18). 2023.
2. Перевалов В.Д., Шерпаев В.И. Характерные черты современного мирового правопорядка// Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2018. N 2.
3. Парамузова О.Г. Обеспечение ядерной безопасности как фактор повышения управляемости современной межгосударственной системы международных отношений//Евразийский юридический журнал. 2024. № 9.
4. Основные российские подходы к актуальным вопросам текущей повестки дня 79 сессии Генеральной Ассамблеи ООН//https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/position_word_order/1688725/
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)
6. Гражданский кодекс РФ. Часть 3. (с изменениями и дополнениями)
7. Информационное письмо Президиума Высшего АС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основание отказа в признании и исполнении иностранных судебных и арбитражных решений» (https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144311/)
8. Paramuzova O.G. Threats and challenges to international law and order: legal problems of ensuring int1111

© Парамузова Ольга Геннадьевна (paramuzova-og@gaopera.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГЕНЕТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ МЕДИЦИНЫ

CONCEPTUAL ASPECTS OF LEGAL REGULATION GENETIC TECHNOLOGIES FOR MEDICINE

R. Khairullina

Summary. The article presents the rationale for the terminological conceptual aspect of the regulatory regulation of the medical use of genetic technologies and shows its socio-legal significance. Terminologically, this is a clear and precise definition of the subject of legal regulation in this area, as well as ensuring terminological uniformity of the basic concepts that reveal the specifics of the medical use of genetic technologies.

Keywords: genetic technologies, medicine, terminological conceptual aspect, legal definitions.

Хайруллина Рушана Салихзяновна

заместитель директора по воспитательной
и социальной работе Института искусственного
интеллекта, робототехники и системной инженерии
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский)
федеральный университет»
rusha-na@yandex.ru

Аннотация. В статье представлено обоснование терминологического концептуального аспекта нормативно-правового регулирования медицинского использования генетических технологий и показана его социально-правовая значимость. В терминологическом плане это чёткая и точная дефиниция предмета правового регулирования в данной сфере, а также обеспечение терминологического единообразия основных понятий, раскрывающих специфику медицинского применения генетических технологий.

Ключевые слова: генетические технологии, медицина, терминологический концептуальный аспект, легальные дефиниции.

П риступая к терминологическому концептуальному аспекту, начнём с его общеправовой рамки, заданной в академической и юрисдикционной интерпретации, то есть на уровнях правовой доктрины и судебной практики в решениях Конституционного Суда Российской Федерации.

Согласно академической трактовке, нормы права можно рассматривать как особый текст, закрепляющий важнейшие общественные отношения в правовой форме посредством юридических и иных специальных терминов, а также словесных конструкций [25]. Следовательно, юридическим термином в принципе может стать любое общеупотребительное либо техническое понятие, если только оно необходимо в тексте закона, чтобы поименовать какие-либо элементы именно тех отношений, в регулировании которых заинтересованы властные субъекты правотворчества при издании данного нормативного правового акта. Важно, чтобы в составе законодательного текста слова воспринимались единообразно, с тем чтобы исключить искажение правового смысла воли законодателя.

Таким образом, терминология является конструктивным первоэлементом нормативно-правового регулирования и тем основополагающим ресурсом, за счёт которого обеспечивается формальная определённость права. Из двусмысленных, расплывчатых, вызывающих ненужные ассоциации терминов и/или терминологических сочетаний невозможно построить действенную, логически непротиворечивую правовую норму и юридическую конструкцию.

Напротив, правильно выбранные при создании законодательного текста слова и термины, передающие существо предмета регулирования и волю законодателя с максимальной точностью и ясностью, адекватно обеспечивают правовую определённость как обязательный элемент верховенства права и правовой государственности в рамках общей системы правовых ценностей (формальная легитимность и справедливость содержания закона; законность как полное и точное осуществление правовых норм; равенство перед законом; доступность правосудия; соразмерность и разумная достаточность правового регулирования) [24].

Аналогичное правовое содержание находим и в юрисдикционной интерпретации. Так, Конституционный Суд РФ, начиная с первых решений, последовательно и неоднократно квалифицирует правовую определённость в двух её разновидностях: а) общеправовое требование, б) конституционный принцип. Например:

... Возможность произвольного понимания и применения норм закона является нарушением конституционно признанного равенства всех перед законом и судом; общеправовой критерий определённости, ясности, недвусмысленности правовой нормы вытекает из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, поскольку такое равенство может быть обеспечено лишь при условии единообразного понимания и толкования нормы всеми правоприменителями (Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 1995 года № 3-П [9]);

... Общеправовой критерий формальной определённости, ясности, недвусмысленности правовой нормы (формальной определённости закона), обусловленный природой нормативного регулирования в правовых системах, основанных на верховенстве права, непосредственно вытекает из конституционно закреплённых принципа юридического равенства, принципа верховенства Конституции и основанных на ней федеральных законов. Неопределённость содержания правовых норм влечёт неоднозначное их понимание и, следовательно, неоднозначное применение, создаёт возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведёт к произволу, а значит — к нарушению указанных конституционных принципов, реализация которых не может быть обеспечена без единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями (постановления Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 года № 11-П, от 11 ноября 2003 года № 16-П [10-11]);

Определённость требует согласованного правового регулирования общественных отношений: противоречащие друг другу правовые нормы порождают и противоречивую правоприменительную практику, возможность произвольного их применения ослабляет гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод. Отступление от принципа правовой определённости может быть оправдано только обстоятельствами существенного и непреодолимого характера (постановления Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 года № 13-П, от 21 января 2010 года № 1-П [12, 14]);

Лежащая на законодателе обязанность формулировать правовые предписания с достаточной степенью точности, позволяющей гражданину (объединению граждан) соотносить с ними своё поведение — как запрещённое, так и дозволенное, не исключает использования оценочных или общепринятых понятий, значение которых должно быть доступно для восприятия и уяснения субъектами правоотношений либо непосредственно из содержания нормативного положения или из системы взаимосвязанных положений, рассчитанных на применение к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций, либо посредством выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний, в частности с помощью даваемых судами разъяснений, а также не вызывает разногласий у субъектов правоотношений (постановления Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2008 года № 7-П, от 5 марта 2013 года № 5-П, от 31 марта 2015 года № 6-П, от 4 июня 2015 года № 13-П, от 22 июня 2017 года № 16-П, от 8 декабря 2017 года № 39-П [13, 15-19]).

Таким образом, правовая определённость нормативных актов является своего рода технико-юридической гарантией устойчивости регулируемых правоотношений, обеспечивая всем субъектам возможность пред-

видеть действия публичной власти, оценивать их законность, знать способы защиты при нарушении основных прав и свобод.

С учётом изложенного полагаем, что терминологический аспект нормативно-правового регулирования медицинского использования генетических технологий сопряжён с двумя взаимосвязанными проблемами:

во-первых, это поиск оптимальных вариантов включения естественнонаучных понятий и данных в содержание правовых норм;

во-вторых, это собственно словесное оформление в нормах права специальных понятий, которые в тексте закона будут корректно отражать существо предмета регулирования.

Правотворческий опыт российского законодателя показывает, что едва ли не единственным технико-юридическим приёмом решения обозначенных проблем являются легальные дефиниции, или легальные определения.

Вместе с тем не всякая легальная дефиниция релевантна с точки зрения требования правовой определённости. Явно избыточные дефиниции имеют противоположный эффект, поскольку не несут никакой значимой информации и лишь неоправданно загромождают законодательный текст, что не соответствует принципу законодательной экономии.

Наиболее известным примером такого рода считается второй абзац статьи 1 Водного кодекса Российской Федерации от 16 ноября 1995 года (утратил силу) [8], устанавливавший, что вода — химическое соединение водорода и кислорода, существующее в жидком, твёрдом и газообразном состояниях. В данном случае вместо правовой определённости получаем нарушение принципа законодательной экономии, ибо вода и её свойства изучаются в начальной школе, а включённое в нормативный правовой текст определение не указывает на какие-либо особые признаки, отличающие «воду в правовом смысле» от «воды в бытовом смысле».

Итак, выработка легальной дефиниции, равно как и включение её в нормативный текст — далеко не простая технико-юридическая задача. В трудах по теории права достигнут следующий консенсус относительно сущности и предназначения легальных дефиниций:

1. легальная дефиниция представляет собой вид логического определения, грамматически оформленного в нормативном тексте сочетанием слов, выражающих законченную мысль правотворческого субъекта;
2. легальное определение является государственно-властным предписанием, в котором указаны

содержательные либо формальные критерии разграничения определяемого правового понятия от иных, используемых в тексте данного нормативного акта либо в иных актах в системе действующего правового регулирования;

3. легальному определению свойственны:

- структура, включающая определяемое, определяющее и предикативную связку между ними;
- взаимозаменяемость определяемого и определяющего в любом контексте нормативно-правового акта;
- функция разграничения, идентификации предметов, явлений и процессов, а также уточнения правового смысла терминов, используемых в нормативном акте;
- общеобязательность при толковании и применении положений данного нормативного правового акта [20].

В настоящее время в качестве правовой основы применения генетических технологий в Российской Федерации рассматриваются:

Федеральный закон от 5 июля 1996 г. «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» [2];

Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [5];

Федеральный закон от 23 июня 2016 г. «О биомедицинских клеточных продуктах» [6];

Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. «О семеноводстве» [7];

Федеральный закон от 3 августа 1995 г. «О племенном животноводстве» [1].

Кроме того, правоотношения, возникающие в сфере клинических исследований по редактированию генома человека, но лишь в части изготовления генотерапевтических лекарственных препаратов, затрагиваются Федеральным законом от 12 апреля 2010 г. «Об обращении лекарственных средств» [4]; а Федеральным законом «О биомедицинских клеточных продуктах» установлены правила обращения биомедицинских клеточных продуктов, под которыми в силу пункта 1 статьи 2 названного Федерального закона понимаются комплексы, состоящие из клеточной линии (клеточных линий) и вспомогательных веществ либо из клеточной линии (клеточных линий) и вспомогательных веществ в сочетании с прошедшими государственную регистрацию лекарственными препаратами для медицинского применения, и (или) фармацевтическими субстанциями, включёнными в государственный реестр лекарственных средств, и (или) медицинскими изделиями.

Интересующие нас легальные дефиниции содержатся в Федеральном законе «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»:

- генетические данные — сведения о генетической информации различных биологических объектов, представленные в форме, пригодной для получения (сбора), систематизации, накопления, хранения, уточнения (обновления, изменения), использования, распространения (в том числе передачи) и уничтожения такой информации;
- генетическая информация — последовательность нуклеотидов в полимерах нуклеиновых кислот;
- генная инженерия — совокупность методов и технологий, в том числе технологий получения рекомбинантных рибонуклеиновых и дезоксирибонуклеиновых кислот, по выделению генов из организма, осуществлению манипуляций с генами и введению их в другие организмы;
- генно-инженерная деятельность — деятельность, осуществляемая с использованием методов генной инженерии в целях создания генно-инженерно-модифицированных организмов (статья 2 Федерального закона «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»).

Вместе с тем в статье 1 названного Федерального закона устанавливается, что порядок осуществления генно-инженерной деятельности и применения её методов к человеку, тканям и клеткам в составе его организма не является предметом регулирования настоящего Федерального закона, то есть указанные дефиниции к медицинскому использованию генетических технологий не относятся.

Однако смежные специальные понятия, связанные с генетической информацией о человеке, определены в статье 2 Федерального закона от 03 декабря 2008 г. (ред. от 14 февраля 2024 г.) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»:

- государственная геномная регистрация — деятельность, осуществляемая указанными в настоящем Федеральном законе государственными органами и учреждениями по получению, учету, хранению, использованию, передаче и уничтожению биологического материала и обработке геномной информации;
- биологический материал — содержащие геномную информацию ткани и выделения человека или тела (останков) умершего человека;
- геномная информация — биометрические персональные данные, включающие кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты физического лица или неопознанного трупа;

- обработка геномной информации — действия (операции) с геномной информацией, включая получение (сбор), систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), использование, распространение (в том числе передачу) и уничтожение геномной информации;
- федеральная база данных геномной информации — федеральная автоматизированная информационная система по обработке геномной информации, оператором которой является федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный настоящим Федеральным законом (пункты 1–5 статьи 2 названного Федерального закона) [3].

Отметим, что с точки зрения биологической науки нет препятствий к включению этих либо близких к ним по смыслу дефиниций в правовое регулирование медицинского использования генетических технологий,

так как базовое определяемое понятие в данном случае одно и то же: речь идёт о геноме, который есть у любого живого существа в каждой клетке, имеющей ДНК (аббревиатура от «дезоксирибонуклеиновая кислота»). «ДНК — это записанная на специальном «языке» информация. Клетка как бы «читает» ДНК и делает то, что в ней записано. «Алфавит» состоит всего из четырёх букв: А (аденин), Т (тимин), G (гуанин) и С (цитозин). Каждый участок ДНК, отвечающий за выработку какого-то белка, называют геном. Всю ДНК, находящуюся в клетке, называют геномом» [21].

Ввиду того, что естественнонаучное понятие генома одинаково по отношению к любым живым объектам, имеющиеся в действующем правовом регулировании дефиниции с ключевым компонентом «геном» могут быть адаптированы в целях обеспечения правовой определённости в области медицинского использования генетических технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 03.08.1995 г. №123-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «О племенном животноводстве» // Собрание законодательства РФ. 07.08.1995. №32. Ст. 3199.
2. Федеральный закон от 05.07.1996 г. №86-ФЗ (ред. от 29.12.2022 г.) «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 08.07.1996. №28. Ст. 3348.
3. Федеральный закон от 03.12.2008 г. №242-ФЗ (ред. от 14.02.2024 г.) «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 08.12.2008. №49. Ст. 5740.
4. Федеральный закон от 12.04.2010 г. №61-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. 19.04.2010. №16. Ст. 1815.
5. Федеральный закон от 21.11.2011 г. №323-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. №48. Ст. 6724.
6. Федеральный закон от 23.06.2016 г. №180-ФЗ (ред. от 04.08.2023 г.) «О биомедицинских клеточных продуктах» // Собрание законодательства РФ. 27.06.2016. №26 (Часть I). Ст. 3849.
7. Федеральный закон от 30.12.2021 г. №454-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «О семеноводстве» // Собрание законодательства РФ. 03.01.2022. №1 (Часть I). Ст. 23.
8. Водный кодекс Российской Федерации от 16.11.1995 г. №167-ФЗ (ред. от 31.12.2005 г.) // Собрание законодательства РФ. — 20.11.1995. — №47. — Ст. 4471 (утратил силу).
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 г. №3-П // Вестник Конституционного Суда РФ. №2-3. 1995.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.1999 г. №11-П // Вестник Конституционного Суда РФ. №5. 1999.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2003 г. №16-П // Вестник Конституционного Суда РФ. №6. 2003.
12. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 г. №13-П // Вестник Конституционного Суда РФ. №4. 2004.
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2008 г. №7-П // Вестник Конституционного Суда РФ. №3. 2008.
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.01.2010 г. №1-П // Вестник Конституционного Суда РФ. №2. 2010.
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.03.2013 г. №5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. №5. 2013.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.03.2015 г. №6-П // Вестник Конституционного Суда РФ. №3. 2015.
17. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2015 г. №13-П // Вестник Конституционного Суда РФ. №5. 2015.
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 г. №16-П // Вестник Конституционного Суда РФ. №5. 2017.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 г. №39-П // Вестник Конституционного Суда РФ. №2. 2018.
20. Апт, Л.Ф. Правовые дефиниции в законодательстве / Л.Ф. Апт // Проблемы юридической техники: Сборник статей / Под ред. В.М. Баранова. — Нижний Новгород, 2000. — С. 301–315.
21. Догаева У. У кого самый большой геном и почему это интересно // Биомолекула. — URL: <https://biomolecula.ru/articles/u-kogo-samyi-bolshoi-genom-i-roshetu-eto-interesno> (дата обращения: 24. 08. 2024)
22. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: Сборник статей: В 2 т. / Под ред. В.М. Баранова. — Нижний Новгород, 2001.
23. Кнапп, В., Герлох, А. Логика в правовом сознании. — М.: Прогресс, 1987
24. Мазаев, В.Д. Правовое государство, верховенство права и конституционные основы экономики // Доктрины правового государства и верховенства права в современном мире / Сборник статей. Ответственные редакторы: В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. — М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. С. 536.
25. Язык закона / С.А. Боголюбов, И.Ф. Казьмин, М.Д. Локшина и др.; под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юридическая литература, 1990. 189 с.

© Хайруллина Рушана Салихьяновна (rusha-na@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНТРОЛЬ КАК СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

CONTROL AS A STRATEGIC TOOL OF STATE BUILDING

*E. Shabalina
P. Krylov*

Summary. The article considers control as a strategic tool of state-building based on modern scientific discourse. The formulation of the research problem is aimed at the form of objectification of the content of control, taking into account the national socio-cultural tradition and the relevant research methodology. The article substantiates the thesis that control as a strategic tool of state-building is an independent structural and functional tool with organizational and legal design, designed to solve state tasks. In conclusion, it is concluded that control as a strategic tool of state-building is multifunctional, it is a set of consistent actions aimed at implementing internal and external functions of the state, taking into account objective information obtained during control measures.

Keywords: state building, strategic instrument, control, public authority, integrated system.

Шабалина Евгения Ивановна

кандидат юридических наук, доцент,
Автономная некоммерческая организация
высшего образования Белгородский университет
кооперации, экономики и права
evish13@yandex.ru

Крылов Павел Сергеевич

Аспирант, Автономная некоммерческая организация
высшего образования Белгородский университет
кооперации, экономики и права
pashakrilov26@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается контроль как стратегический инструмент государственного строительства на основе современного научного дискурса. Постановка проблемы исследования нацелена на форму объективации содержания контроля с учетом национальной социокультурной традиции и актуальной методологии исследования. В статье обосновывается тезис о том, что контроль как стратегический инструмент государственного строительства представляет собой самостоятельный структурно-функциональный инструмент, имеющий организационно-правовое оформление, предназначенный для решения государственных задач. В заключении сделан вывод о том, что контроль как стратегический инструмент государственного строительства носит многофункциональный характер, представляет собой совокупность последовательных действий, направленных на реализацию внутренних и внешних функций государства, с учетом объективной информации, полученной в ходе контрольных мероприятий.

Ключевые слова: государственное строительство, стратегический инструмент, контроль, публичная власть, целостная система.

Категория «государственное строительство» не нова для российской юридической науки, но определенный период времени была незаслуженно забыта и только сейчас начинает активно использоваться как учеными, так и практиками. В этой связи особый интерес представляет набор инструментария, используемого для государственного строительства. Одним из таких инструментов является контроль.

Для того, чтобы понять место контроля в стратегическом инструментарии государственного строительства необходимо определиться с этимологической нагрузкой категорий «государственное строительство», «стратегический инструмент», «контроль».

Категория «государственное строительство» активно используется в рамках конституционного права. В самом широком смысле государственное строительство — это создание институтов публичной власти, складывающиеся в эффективную систему публичной власти в госу-

дарстве. Как справедливо подчеркивает А.И. Каирова, развитие и совершенствование организации и осуществления государственной и муниципальной власти является процессом чрезвычайно сложным, рассчитанным на длительный период, поэтому этот процесс должен происходить на основательной научной основе [7, С. 51]. Так в Федеральном законе «О Государственном Совете Российской Федерации» сформулировано определение единой системы публичной власти, где под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи

полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства [1]. Указанное определение предполагает наличие определенных инструментов, позволяющих осуществлять и координировать деятельность органов публичной власти. Здесь важно отметить наличие стратегических или фундаментальных инструментов и вспомогательных.

Стратегический инструмент — это элемент плана по достижению установленных целей, а именно: защиты прав и свобод человека и гражданина и создания условий для социально-экономического развития государства. Учитывая, что стратегия представлена как план действия в условиях неопределенности, включающей в себя набор норм и правил, зависящих от внешних и внутренних обстоятельств в государстве, включая естественные события и поведение участников правоотношений, контроль в указанном контексте является стратегическим инструментом государственного строительства.

Контроль как стратегический инструмент государственного строительства представляет собой самостоятельный структурно-функциональный инструмент, имеющий организационно-правовое оформление, предназначенный для решения государственных задач [11, С. 40–41]. Как часть общей системы согласования взаимодействия индивидов и общества, первичный социальный контроль задается наличием институциональной организации общества [6, С. 998]. Указанному тезису созвучна позиция В.Г. Афанасьева [4] и Г.Х. Шахназарова [14], в соответствии с которой контроль рассматривается как составной элемент научного руководства всеми государственными и общественными делами, неотъемлемая часть управления, обеспечивающая нормальное функционирование общества. Б.М. Макаров отмечает, что контроль понимается как самостоятельная контрольно-надзорная деятельность государства, которая тесно сочетается с другими областями государственной деятельности, при этом понятие «контроль» также широко, как и понятие «власть» [9, С. 26].

По мнению профессора О.Ф. Шаброва, категория «контроль» имеет сложное содержание и применительно к человеческому обществу можно выделить три относительно самостоятельные составляющие:

- «...социальный контроль — как наиболее общее его содержание и высшая цель управления;
- функциональный контроль как функция управления, обеспечивающая обратную связь или контроль снизу;
- надзор как функция управления, входящая в совокупность функций власти или контроль сверху» [13].

Существование контроля в управлении не отрицает сам факт существования контроля как объективно развивающейся категории [5, С. 8]. В настоящее время одна из проблем определения сущности контроля состоит в том, что тесная связь между контролем и управлением никем не оспаривается, но нет комплексных исследований, находящих грань, разделяющую управление и контроль, при которой они эффективно взаимодействуют, не заменяют и не дублируют друг друга [8, С. 39].

Контроль как стратегический инструмент государственного строительства — это целостная система в контексте ее устройства, взаимодействия и закономерностей развития, с акцентом на целевую ориентацию; интегративность, обеспечиваемую общими функциями и механизмом взаимодействия составных элементов, направленных на поддержание стабильности системы публичной власти и появление новых качеств, отвечающих вызовам современности.

В указанном смысле контроль обеспечивает своевременное и эффективное обновление модели государственного устройства на основе критического переосмысления и переоценки задач и новых функций государства, ответственности, распределяемой между органами публичной власти, экономическим сектором и гражданским обществом.

Отметим, что в рамках имеющегося нормативного массива предмет контроля определяется федеральным законом о виде контроля, законом субъекта Российской Федерации о виде контроля. Исполнение решений, принимаемых по результатам контрольных мероприятий, включается в предмет контроля, содержащийся в едином реестре видов контроля, и не требует дополнительного указания в федеральном законе о виде контроля, законе субъекта Российской Федерации о виде контроля. Таким образом предметом контроля являются:

- соблюдение контролируемыми лицами обязательных требований, установленных нормативными правовыми актами;
- соблюдение (реализация) требований, содержащихся в разрешительных документах;
- соблюдение требований документов, исполнение которых является необходимым в соответствии с законодательством Российской Федерации;
- исполнение решений, принимаемых по результатам контрольных мероприятий [2].

Типовым для юридической литературы является деление на государственный и общественный контроль, с последующим делением по различным признакам. Разновидности контроля могут быть классифицированы по различным основаниям, цель классификации зависит от того, какие свойства рассматриваемого явления в данный момент представляют наибольший интерес [10, С. 28].

По справедливому замечанию Ю.А. Тихомирова, контроль выступает не в изолированном виде, а осуществляется с учетом содержания конкретной деятельности, его объем, формы и методы проведения дифференцируются в зависимости от специфики сфер и отраслей управления, места субъекта, осуществляющего контроль, в системе политической организации общества, системе государственного механизма [12, С. 269–271].

Отмеченное многообразие позиций среди исследователей контроля в юриспруденции подчеркивает наличие проблем стратегического инструментария государственного строительства, среди которых контроль занимает ведущее место, вызывая активный научный дискурс, нацеленный на форму объективации содержания контроля с учетом национальной социокультурной традиции и актуальной методологии исследования.

Таким образом, контроль как стратегический инструмент государственного строительства носит многофункциональный характер, представляет собой совокупность последовательных действий, направленных на реализацию внутренних и внешних функций государства, с учетом объективной информации, полученной в ходе контрольных мероприятий. И в этом ключе значение контроля — накопление и систематизация информации о функционировании элементов публичной власти для обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти [3] с целью соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина и создания условий для социально-экономического развития государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Государственном Совете Российской Федерации: Федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 50 (часть III). — Ст. 8039.
2. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31 (часть I). — Ст. 5007.
3. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 15.05.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 52 (часть I). — Ст. 8973.
4. Афанасьев В.Г. Научное управление обществом: (Опыт системного исследования). — Москва: Политиздат, 1968. — 384 с.
5. Внутренний контроль: основы теории и методологии: монография / Е.А. Касюк. — Омск: Изд-во ОмГТУ, 2010. — 108 с.
6. Всемирная энциклопедия: Философия / Главн. науч. ред. и сост. А.А. Грицанов. — Москва: АСТ, 2001. — 1312 с.
7. Каирова А.И. Понятие, признаки и соотношение политической и государственной власти / А.И. Каирова, А.Г. Хасиева. // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 7(223). — С. 51–53.
8. Куныкина О.В. Система контроля в кредитной организации и ее модернизация: монография / О.В. Куныкина; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное агентство по образованию, Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Оренбургский гос. ун-т». — Оренбург: ОИК ГОУ ОГУ, 2010. — 156 с.
9. Макаров Б.М. Народный контроль: органы и правовые формы деятельности. — Москва: Юрид. лит., 1975. — 152 с.
10. Правовое регулирование государственного контроля: монография / отв. ред. д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации / А.Ф. Ноздрачев. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; «Анкил», 2013. — 480 с.
11. Тихомиров Ю.А. Государственные институты и закон // Советское государство и право. — 1980. — № 10. — С. 39–47.
12. Тихомиров Ю.А. Управленческое решение. — Москва: Наука, 1972. — 288 с.
13. Шабров О.Ф. Системный подход и моделирование: общие принципы и специфика применения в политической сфере // Моделирование в социально-политической сфере. № 1. URL: <http://shabrov.info/almanah/1/1.pdf> (дата обращения 28.07.2024)
14. Шахназаров Г.Х. Стадии управления и демократический контроль // Советское государство и право. — 1969. — № 2. — С. 23–34.

© Шабалина Евгения Ивановна (evish13@yandex.ru); Крылов Павел Сергеевич (pashakrilov26@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАТЕГИИ И МЕТОДЫ ОПТИМИЗАЦИИ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

STRATEGIES AND METHODS OF OPTIMIZING MEDICAL AND SOCIAL EXPERTISE IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIETY

*K. Bazueva
D. Gerikhanov
Tao Zieu Lin*

Summary. This article examines the fundamental scientific and applied aspects of the problems of people with disabilities in a global context. The basis of the social protection institute is medical and social expertise, which requires continuous improvement of state expert structures to resolve complex social antinomies and conflicts in this area. The theoretical basis of the study is based on the «International Classification of Functioning, Disability, and Health» (ICF). The paper discusses the domains of health and well-being, their classification within the ICF, as well as the importance of taking into account environmental factors, including facilitators and barriers, in assessing an individual's functioning. Particular attention is paid to the need to develop universal and standardized methods for assessing body functions and structures, activity and participation, which will ensure data comparability and increase the effectiveness of medical and social expertise. The article emphasizes the importance of further research and integration of the aspects considered into the legal sphere and the health care system, contributing to a broader understanding of the health problem and improving the practice of medical and social expertise.

Keywords: ICF, health, well-being, medical and social expertise, disabilities, body functions, activity, participation, environment.

Введение

Постановка данной проблематики в глобальном контексте связывается с фундаментальными научными и прикладными вызовами. Основой института социальной защиты выступает медико-социальная экспертиза, которая предполагает непрерывное усовершенствование деятельности государственных экспертных структур, целью которых является разрешение сложной сети социальных антиномий и конфликтов в обозначенной сфере. Теоретическая база медико-со-

Базуева Карина Идрисовна
Ассистент, Чеченский государственный
университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный
karina.bazueva@mail.ru

Гериханов Дени Тамерланович
Преподаватель, ФГБОУ ВО
«ГГНТУ им. акад. М.Д. Миллионщикова», г. Грозный
misterdeni02@mail.ru

Дао Зьеу Линь
Отдел общего планирования — информационных
технологий, Больница традиционной медицины Нге Ан,
провинция Нге Ан, Вьетнам
daodieunhpharma@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются фундаментальные научные и прикладные аспекты проблематики лиц с ограниченными возможностями здоровья в глобальном контексте. Основой института социальной защиты выступает медико-социальная экспертиза, требующая непрерывного совершенствования государственных экспертных структур для решения сложных социальных антиномий и конфликтов в этой сфере. Теоретическая база исследования опирается на «Международную классификацию функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья» (МКФ). В работе обсуждаются домены здоровья и благополучия, их классификация в рамках МКФ, а также значимость учета факторов окружающей среды, включая облегчающие факторы и барьеры, в оценке функционирования индивида. Особое внимание уделяется необходимости разработки универсальных и стандартизированных методов оценки функций и структур организма, активности и участия, что позволит обеспечить сопоставимость данных и повысить эффективность медико-социальной экспертизы. Статья подчеркивает важность дальнейших исследований и интеграции рассмотренных аспектов в правовую сферу и систему охраны здоровья, способствуя расширению понимания проблемы здоровья и совершенствованию практики медико-социальной экспертизы.

Ключевые слова: МКФ, здоровье, благополучие, медико-социальная экспертиза, ограниченные возможности, функции организма, активность, участие, окружающая среда.

циальной экспертизы разворачивается через призму «Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья».

Исследование динамики и текущих публикаций, затрагивающих аспекты этой проблематики, позволяет выявить ранее нерешенные дилеммы в рамках обширной проблемы. В рамках этой же классификации исследователи обозначают методологические рамки ее применения, идентифицируют ключевые понятия и классификационные атрибуты, предлагая конкретные

методы использования данной системы. Эта классификация вводит в общую концепцию здоровья новую терминологию, предоставляя универсальный коммуникативный инструмент для специалистов различных государственных и социальных учреждений, занимающихся защитой лиц с ограниченными возможностями.

Основная цель заключается в изучении вопроса связи между внешним неблагополучием и изменением здоровья, которое категоризируется в соответствии с Международной классификацией болезней (МКБ-10), признанной во всем цивилизованном мире и официально применяемой в России с 2000 года как обязательный стандарт медицинского обслуживания.

В экспозиции исследовательской работы представлено критическое осмысление и демонстрация научных результатов, полученных в ходе исследования. Данная работа направлена на философское освещение и категоризацию понятия «здоровье», интерпретируемого как гармония физического, психологического и социокультурного аспектов существования. Так, здоровье воспринимается не просто как отсутствие болезни, а как оптимальное состояние субъективного и общественно-благоприятного.

Термин «благоденствие», в свою очередь, относится к идеалу полноценной жизни, где интеграция физического, психического и социального компонентов жизни человека происходит на высшем уровне. Эта интеграция находит свое отражение в классификации Международной классификации функционирования, инвалидности и здоровья (МКФ), где здоровье и благоденствие разделяются на домены, охватывающие различные сферы жизнедеятельности [4, с. 192].

Подчеркивается, что домены благоденствия и здоровья содержат определенные характеристики, которые описывают функциональное состояние человека на различных уровнях его организации — от биологического до социального. Отдельные домены, прямо или опосредованно ассоциированные с здоровьем, выделяются как первичные факторы, в то время как другие домены, косвенно связанные с здоровьем, оказывают значимое влияние на изменения в состоянии здоровья, но определяются иными, более широкими факторами благоденствия.

Таким образом, можно сделать вывод, что никакие аспекты человеческого бытия не могут быть полностью изолированы от здоровья, однако в определенных контекстах и ситуациях их можно классифицировать как не связанные непосредственно со здоровьем. Это подчеркивает сложность и многогранность понимания здоровья, которая не всегда позволяет однозначно разграничить домены, прямо связанные с здоровьем, от тех,

что определяются широкими контекстами человеческого благоденствия.

Следовательно, анализируя уникальное состояние здоровья определённого субъекта, медицинский специалист, реабилитолог и социальный работник должны осуществлять селекцию тех доменов в рамках универсального спектра здоровья, где обнаруживаются маркеры дисфункций, требующих коррекции. Домены здоровья и их аналоги, классифицированные по Международной классификации функционирования, отражают комплексное взаимодействие организма, личности и социальной матрицы, проявляющиеся через категории функциональности и структуры тела (B — Body), активности (A — Activity) на индивидуальном уровне и участия (P — Participation) в социокультурной динамике.

Домены, описывающие функции и структуры организма, разделены согласно различным системам тела, где каждая функция поддерживается определенными структурами, включенными в классификацию, и наоборот. Примером служит головной мозг, чьи когнитивные и психические функции категоризированы в рамках органических функций.

Индивидуальное и коллективное функционирование воплощено через концепции «активности» и «участия». Активность здесь понимается как выполнение задач индивидом, что отражает личностную составляющую функционирования, в то время как участие указывает на интеграцию субъекта в определенные социальные контексты, подчеркивая его социальную активность. Проблематика дифференциации между этими аспектами функционирования привела к формированию единого набора доменов, который последовательно переходит от базовых задач к более сложным социальным и индивидуальным вызовам, включая семейные, дружеские и профессиональные взаимоотношения [1, с. 26].

Таким образом, МКФ предоставляет рамки для анализа здоровья и благополучия через двухчастную классификацию доменов здоровья и других доменов, представленных как со стороны организма и индивида, так и со стороны общества, включая функции и структуры организма, а также активность и участие.

В сфере онтологического здоровья, Международная классификация функционирования (МКФ) предназначена для категоризации его эссенциальных аспектов: функций и структур телесности, активности и участия, синтезируемых в концепте «функционирование». Это понятие обладает амбивалентной натурой, подразумевая нейтральные или позитивные проявления в различных доменах здоровья. Функционирование, таким образом, выступает в роли генерализующего термина, олицетворяющего степень благополучия при всестороннем анализе здоровья индивида.

На практическом уровне критическую важность приобретает классификация дисфункций и ограничений, возникающих в результате изменений здоровья. Они не несут негативной коннотации, а объединяются под понятием «ограничения жизнедеятельности» (disability). В соответствии с МКФ, это понятие приобретает широкий спектр смысловых нюансов.

Изменения здоровья могут способствовать возникновению ограничений или снижению функционирования в определённых доменах. Ограничения могут варьироваться по степени выраженности, временной периодичности и пространственной прерывистости. Систематическое мониторинг и анализ ограничений позволяют прогнозировать качественные и количественные изменения в функционировании.

Регистрация и квантификация функционирования и ограничений без определения их параметров лишена смыслового содержания. В рамках МКФ определены критерии и параметры, которые позволяют измерять функции и структуры тела, а также активность и участие. Параметры «потенциальная способность» и «реализация» описывают, соответственно, способности индивида выполнять задачи в контролируемых условиях и его действия в реальной среде.

В контексте изложенной проблематики, представляется единый, гомогенный индекс первого порядка, который квантифицирует масштаб проблемы в унифицированной метрике. Под символом «XXX» фигурирует определённый домен здоровья или смежная сфера, за которым следует показатель степени выраженности соответствующих нарушений или препятствий. Этот индекс должен обладать универсальностью в численном выражении и требовать методологической отработки в рамках научных исследований. Вдобавок к первичному гомогенному индексу, допускается применение альтернативных измерителей (до четырёх).

На уровне организма, отклонения функций и структур рассматриваются через призму органических систем, и, подобно МКБ-10, но с большей детализацией в МКФ, подвергаются анализу. Эти функциональные и структурные девиации вызваны болезнями, травмами, повреждениями и дефектами, и представляют собой альтерацию здоровья. Однако, они должны анализироваться в отрыве от этиологии и механизмов развития (патогенеза). Оценка нарушений функций органа может производиться в терминах процентного соотношения потери нормальной функциональности, используя унифицированный количественный индекс [2, с. 80].

Применяются и дополнительные измерители, такие как устоявшиеся классификации синдромов, влекущих за собой нарушения функций и структур организма.

При диагностировании функциональных нарушений в сердечно-сосудистой системе, дыхательной системе, опорно-двигательном аппарате, а также в белково-энергетическом балансе используются измерители, хорошо апробированные в клинической практике и реабилитации. Выбор соответствующих измерителей для оценки функций и структур организма лежит в компетенции специалистов, несущих за это ответственность. Не рекомендуется рассматривать нарушения с точки зрения характера течения заболевания. Для этих целей следует разработать дополнительный параметр, учитывающий временные рамки нарушения (например, продолжительность госпитализации или период временной нетрудоспособности).

Синдромальный подход в диагностике, принятый в рамках МКБ-10, представляется адекватным для точной регистрации медицинской причины нарушения. В определённых обстоятельствах нарушение следует рассматривать на фоне наличия облегчающего фактора (например, искусственный водитель ритма сердца) или препятствующего барьера (например, сбой в функционировании искусственного водителя ритма). В контексте медико-социальной экспертизы нарушения, возникающие у индивида, должны рассматриваться без учёта облегчающего фактора, что способствует более точному пониманию необходимого объёма реабилитационных и социальных мероприятий.

В контексте онтологии существования, концепция ограничений активности и участия должна исследоваться независимо от аномалий в функциях и структурах тела. Эти аспекты являются первичными в размышлениях о сущностной полноте человека. Сущностные выводы о жизненной ситуации индивида следует формировать, основываясь на объективной оценке функциональных нарушений и структурных дефектов, а также на анализе ограничений активности и вовлеченности в социально значимые процессы. Мера ограничения выражается через категорический квантификатор первой степени, подчеркивающий качественную определенность проблемы.

В рамках классификации, активности и участие укладываются в иерархическую схему от простых (фундаментальных) до сложных (интегративных) задач. Важно освоить методику распознавания базовой и комплексной активности субъектов. Ментальная активность, в свою очередь, диагностируется специалистами в области психиатрии и психологии. Базовая физическая активность включает элементарные действия, такие как стояние, ходьба, манипулирование объектами. Эти действия определяются через специализированные опросники и простые тесты, которые, по сути, фиксируют момент «реализации» в жизнедеятельности, в то время как тесты показывают потенциальные возможности субъекта.

Комплексная физическая активность подразделяется на повседневную и дискретную, где повседневная включает управление личным бытом и выполнение ежедневных ритуалов. Эти аспекты жизнедеятельности оцениваются через специфические методики, относящиеся к исследованиям качества жизни.

Комплексная дискретная активность охватывает сферы, такие как педагогика, профессиональный труд, путешествия и атлетика. Эти аспекты деятельности являются предметом сложного измерения, поскольку степень физической и когнитивной нагрузки варьируется от минимальной до экстремально высокой. Кроме того, в процессе такой деятельности субъект часто подвергается стрессогенным ситуациям, природным, физическим и химическим воздействиям. Анализ такой активности ведется специалистами в области профессиональной патологии и спортивной медицины. В контексте МСЭ, сложность физического и умственного труда и его специфика оценивается на основании профессиограмм, классификационных таблиц тяжести трудового процесса и специальных исследовательских отчетов [9, с. 184].

Однако основной, и возможно единственный, недостаток текущих методик оценки заключается в отсутствии универсальных и общепризнанных стандартов, что необходимо с учетом новой классификации. Это затрудняет получение сопоставимых данных о профессиональном здоровье при различных условиях. Требуется дальнейшая апробация и стандартизация определителей различных параметров здоровья. Исследования должны учитывать экологические факторы, включая облегчающие факторы и барьеры.

Облегчающие факторы включают доступность природной среды, адекватность вспомогательных технологий, позитивное восприятие обществом и возможности трудоустройства, способствующие интеграции и активному участию индивидов. Барьеры, напротив, могут охватывать недоступность среды, отсутствие необходимых технологий, отрицательное отношение общества к инвалидности и ограничения в трудоустройстве.

Окружающая среда следует рассматриваться через призму субъекта, находящегося в её контексте, где каждый элемент может иметь двойное значение в зависимости от индивидуальных особенностей человека. Так, отсутствие бордюра на тротуаре может выступать как элемент, облегчающий передвижение для пользователя инвалидной коляски, однако, тот же элемент становится препятствием для человека с нарушениями зрения. Для адекватного анализа таких параметров окружающей среды используется унифицированный индикатор первого типа, апплицируемый для множества классификаций. Этот индикатор помогает определить, в какой степени конкретный элемент среды выступает как фаси-

литатор или как барьер, основываясь на таких аспектах как частота, продолжительность, изменчивость, консистенция, доступность, универсальность, адаптивность и качество. Оценка элементов как фасилитаторов или барьеров происходит на основании всестороннего анализа этих параметров.

Дальнейшие исследования в этой области и потенциальные направления развития обозначают важность интеграции данных аспектов в правовую сферу и систему охраны здоровья. Основные положения по охране здоровья и защите прав человека с особыми жизненными потребностями (ОЖП) наиболее полно представлены в «Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья» (МКФ), которая оперирует понятиями здоровья и благополучия, а также дифференцирует домены, связанные и не связанные со здоровьем. Эти домены артикулируются как функции и структуры организма, активность и участие в общественной жизни. Комплексное изучение параметров ОЖП и окружающей среды, с учетом их взаимодействия, позволит сформировать кодированную систему, которая расширит понимание здоровья и обеспечит более точные и объективные выводы.

Заключение

В свете изложенного становится очевидным, что понимание здоровья и благополучия требует интегративного и многоаспектного подхода, учитывающего биологические, психологические, социальные и экологические аспекты человеческого существования. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья (МКФ) выступает в качестве эффективного инструмента, предоставляющего универсальную терминологию и методологические рамки для анализа и оценки состояния индивидов с особыми жизненными потребностями.

Однако остаются нерешёнными ряд фундаментальных вопросов, связанных с стандартизацией и универсализацией измерительных индексов и параметров, необходимых для объективной оценки различных доменов здоровья и функционирования. Недостаток единых и общепризнанных критериев затрудняет возможность сопоставления данных и выработку эффективных стратегий медико-социальной экспертизы и реабилитации.

Особое внимание следует уделить изучению окружающих факторов, способных выступать как фасилитаторами, так и барьерами в процессе функционирования индивида. Глубокий анализ их влияния и интеграция в оценочные процедуры способны существенно повысить эффективность интервенций и мер социальной поддержки.

Таким образом, дальнейшие исследования и практические изыскания должны быть направлены на совершенствование методологической базы, разработку универсальных инструментов оценки и углубление понимания взаимодействия между различными доменами здоровья и окружающей средой. Только посредством синергетического объединения усилий медицинских,

социальных и философских дисциплин возможно достичь более полного и точного понимания феномена здоровья. Это, в свою очередь, создаст прочную основу для разработки эффективных стратегий поддержки, реабилитации и интеграции лиц с ограниченными возможностями в общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.А. Медико-социальная экспертиза и реабилитация. — М.: Медицина, 2018. — 256 с.
2. Баранов А.А., Скворцова В.И. Охрана здоровья населения: современные проблемы и перспективы. — СПб.: Питер, 2020. — 320 с.
3. Волков И.В. Международная классификация функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья: руководство для практиков. — М.: ГЭО-ТАР-Медиа, 2019. — 200 с.
4. Гусев Е.И., Крылов В.В. Социальная медицина и организация здравоохранения. — М.: Медицина, 2017. — 400 с.
5. Иванов С.П. Философские аспекты здоровья и благополучия человека. — М.: Наука, 2016. — 180 с.
6. Кузнецова Т.А. Оценка качества жизни и здоровья: методологические подходы. — СПб.: СпецЛит, 2021. — 240 с.
7. Михайлова О.Н. Реабилитация лиц с ограниченными возможностями: теоретические и практические аспекты. — М.: Академия, 2018. — 300 с.
8. Петрова Л.В. Международные стандарты в области медико-социальной экспертизы. — М.: Медицина, 2019. — 220 с.
9. Сидоров А.Б. Социальная интеграция инвалидов: проблемы и пути решения. — М.: Юрайт, 2020. — 260 с.
10. Шаповалов В.В. Окружающая среда и здоровье человека: экологические факторы риска. — М.: Логос, 2017. — 280 с.

© Базуева Карина Идрисовна (karina.bazueva@mail.ru); Гериханов Дени Тамерланович (misterdeni02@mail.ru);

Дао Зьёу Линь (daodieunhpharma@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В МОНОПРОФИЛЬНЫХ ГОРОДАХ

THE ROLE OF QUALITY OF LIFE IN FORMING SOCIAL ACTIVITY IN SINGLE- INDUSTRY CITIES

**A. Vagarov
G. Shtofer
L. Eskerkhanova**

Summary. This article examines the phenomenon of single-industry towns in the Russian Federation from a philosophical and sociological perspective. Single-industry towns are viewed as a central element of the national development strategy for the next decade, as emphasized in the speeches of the country's top leadership, including the President of the Russian Federation at the meeting of the Council for Strategic Development and Priority Projects on July 13, 2016. The article classifies research papers into various epistemological domains, including strategic planning for the development of single-industry towns, labor potential dynamics, socioeconomic problems, and others. Particular attention is paid to the specifics of the social space of single-industry towns, new sociocultural phenomena, and the need for an integrated approach to the development of social infrastructure. The article also examines methods for assessing political freedoms and social tensions, emphasizing the lack of a unified methodology and the need to use various indicators. Attention is paid to the influence of economic, environmental, and social factors on the quality of life of the population of single-industry towns.

Keywords: single-industry towns, quality of life, social policy, philosophical analysis, sociological analysis, strategic development.

Вагапов Айдар Ильшатович

Преподаватель, Казанский государственный
энергетический университет
aydar.vagapoff@yandex.ru

Штофер Геннадий Аркадьевич

Доцент,
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», г. Симферополь
sgena@mail.ru

Эскерханова Луиза Тагировна

к.э.к.наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет
им. А.А. Кадырова», г. Грозный
Lu-69@yandex.ru

Аннотация. В данной статье исследуется феномен моногородов в Российской Федерации с философской и социологической точек зрения. Моногорода рассматриваются как центральный элемент стратегии национального развития на ближайшее десятилетие, что подчеркивается в выступлениях высшего руководства страны, включая Президента РФ на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам 13 июля 2016 года. Статья классифицирует исследовательские работы по различным эпистемологическим доменам, включая стратегическое планирование развития моногородов, динамику трудового потенциала, социоэкономические проблемы и другие. Особое внимание уделяется особенностям социального пространства моногородов, новым социокультурным феноменам и необходимости комплексного подхода к развитию социальной инфраструктуры. Статья также рассматривает методы оценки политических свобод и социального напряжения, подчеркивая отсутствие унифицированной методологии и необходимость использования различных индикаторов. Внимание уделяется влиянию экономических, экологических и социальных факторов на качество жизни населения моногородов.

Ключевые слова: моногорода, качество жизни, социальная политика, философский анализ, социологический анализ, стратегическое развитие.

Введение

В контексте Российской Федерации моногорода становятся предметом интенсивного философского и социологического рассмотрения, находя под своим взором как научные, так и политические сферы управления. Особое внимание на эту тему обращает исполнительная власть страны, и в частности, президент, который акцентирует на моногородах как на центральном элементе в стратегии национального развития на ближайшее десятилетие. Это подчеркивалось в ходе заседания Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам 13 июля 2016 года.

Исследователи, такие как Е.Г. Анимица, В.С. Бочко и другие, углубляются в изучение феномена моногоро-

дов через призму философских и социологических концепций, разрабатывая критерии для их определения и классификации. Эти учёные рассматривают моногорода не только как экономические и социальные образования, но и как культурные и идеологические конструкции, влияющие на общественное сознание и структуру российского государства. Они изучают типологии и динамику развития этих городов, стремясь выявить и систематизировать ключевые проблемы и возможные пути их решения на основе фундаментального анализа и теоретического осмысления. Авторские диссертации, защищённые с 2001 по 2015 год, отражают широкий спектр подходов к этому вопросу, иллюстрируя академическую и практическую значимость темы в современных российских реалиях.

В контексте онтологии тематической направленности исследовательских работ, представляется целесообразным классифицировать их в рамках следующих эпистемологических доменов: — стратегическое планирование развития моногородов — 8 трактатов; — динамика трудового потенциала и механизмы функционирования рынка труда в моногородах — 7 трактатов; — социоэкономическая проблематика моногородов — 3 трактата; — моделирование устойчивого экономического прогресса моногородов — 3 трактата; — миграционные процессы и промышленная архитектура региона — 2 трактата; — социологические структурные анализы моногородов — 2 трактата [3, с. 99].

Следует утверждать, что особенности социального пространства моногородов конституируются через специфические условия бытия и формы активности, подлежащие разбору через философские категории времени, структуры и взаимодействия. В современной динамике, наряду с устойчивыми элементами эволюции, заметно начинают проявляться новые социокультурные феномены, такие как глобальный человеческий капитал, культурная экосистема урбанистических агломераций и эволюция коммуникативных инновационных систем. Важно, что при разработке стратегических направлений важно учитывать не только проблемы экономической эволюции, но и приоритизировать развитие социальной инфраструктуры и межличностного взаимодействия, включая здравоохранение, образование, культуру и спорт. Подлинной целью развития социальной сферы моногородов является не просто улучшение условий жизни, но реализация многоаспектного и многоуровневого понятия «качество жизни», охватывающего не только материальные, но и духовные, эмоциональные и интеллектуальные аспекты бытия населения.

Мы пришли к выводу, что концепция «качества жизни населения» представляется наиболее адекватной

для нашего анализа, исходя из её широкой распространённости в международных исследовательских контурах. Это позволяет нам встраивать наш дискурс в более широкую диалектику глобального знания, обеспечивая сопоставление и синтез разнообразных процессов в рамках унифицированной терминологии. К фундаментальным аспектам этой категории относятся продолжительность и качество здоровья населения, материальное благосостояние и культурные практики образа жизни (см. рис. 2).

Исследование концепции «уровень жизни» представляет собой глубокий анализ важнейшего детерминанта благополучия общества, которое осуществляется как в широких национальных рамках, так и в специфических территориально-административных контекстах. Это исследование учитывает социальные группы, их ассимиляцию с нормами и стандартами, которые приняты в данном обществе, а также анализирует экономические параметры, такие как порог доходности, уровни потребления и расходования ресурсов, наличие собственности и инфраструктурных элементов.

В рамках аналитической деятельности применяются разнообразные индикаторы, позволяющие получить комплексное представление о благосостоянии населения. Особое внимание уделяется индексу потребительских цен, который служит рефлексивным инструментом для отслеживания изменений в стоимости стандартного набора товаров и услуг, рассматривая их через призму актуальных потребительских предпочтений и расходов в сравнении с базовым периодом [1, с. 32].

Для систематического анализа качества жизни и социального устройства промышленного центра в Ростовской области был создан статистический массив данных, который охватывает начальные параметры исследования на 1 января 2017 года. Эти данные предоставляют

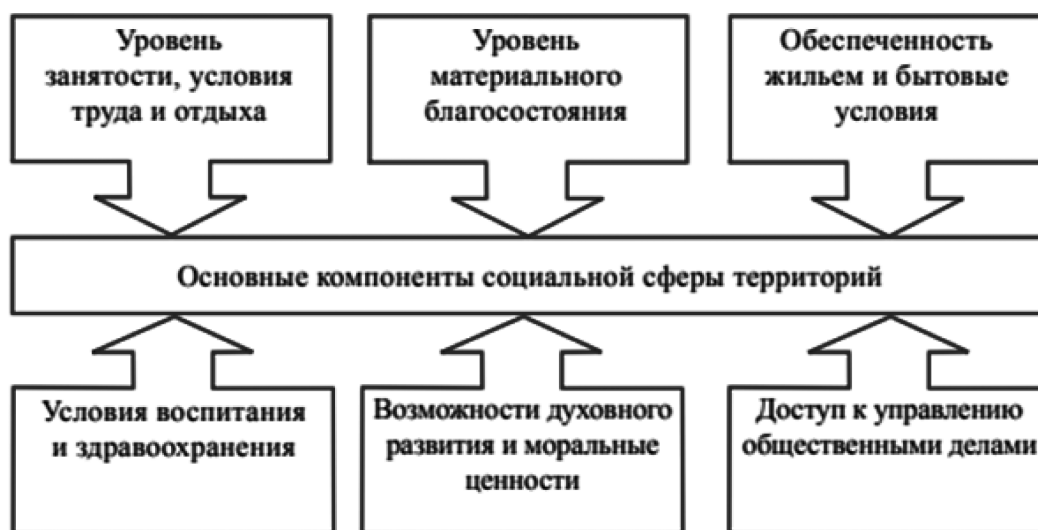

Рис. 1. Основные компоненты социальной сферы

Рис. 2. Структурные элементы качества жизни территории

основу для оценки и формулирования стратегий развития социальной сферы региона.

Для глубокого понимания качества жизни населения необходимо провести анализ социального благополучия через призму существующих философских и методологических подходов, унаследованных от научной традиции Кембриджского университета. Эти подходы исследуют аспекты самоопределения граждан, связывая их с политической свободой, которая, в свою очередь, рассматривается как многоуровневая категория, зависящая не только от материальных условий, но и от политической культуры общества.

Оценка политических свобод осуществляется по семибальной шкале, которая позволяет определить, насколько полно общество может реализовать свои гражданские и политические права. Например:

- Один балл присваивается политическим системам, демонстрирующим высокий уровень участия граждан в выборах и общественной жизни, что свидетельствует о зрелой демократии.
- Два балла отражают условия, в которых экономическое неравенство и социальные структуры ограничивают гражданскую активность и возможности для политического самовыражения.
- Три балла назначаются государствам с формально существующими демократическими институтами, но с высоким риском политических переворотов и фальсификаций выборов.

- Четыре балла присваиваются системам, где конституционные рамки сдерживают или ограничивают демократические процессы.
- Пять баллов присваиваются политическим системам, контролирующим выборы таким образом, что процесс теряет свою истинную сущность и эффективность.
- Шесть баллов отражают политические системы, где выборы либо не проводятся, либо сводятся к апробации одного кандидата.
- Семь баллов присваивается режимам, где власть диктаторская или подчинена внешнему контролю, полностью игнорируя волю граждан.

В современной геополитической реальности, где Россия и западные державы оказываются в эпицентре внешнеполитических динамик, возможность адекватного осмысления политических свобод и гражданских прав становится предметом философской неопределенности. Конфликт между внутренним и внешним восприятием правовой действительности в государстве проявляется через диалектику между внешней критикой и самоуверенным произнесением идеальных показателей по принятым мерам оценки [6, с. 123].

Социальное напряжение, будучи значительным аспектом качества жизни, получает приоритет в анализе в периоды политических и экономических трансформаций. Категориальный анализ этого явления включает в себя различия в доверии к властным структурам, при-

существование социальных конфликтов и политических диссонансов. Однако до сих пор не существует унифицированной методологии для исследования социального напряжения, что делает актуальным его изучение через различные индикаторы: осознание обществом своих фундаментальных потребностей, приемлемость средств удовлетворения этих потребностей, распределение благ, а также анализ работы социальных и государственных институтов.

Эти параметры позволяют глубже понять отношение различных социальных групп к основным потребностям и функционированию социальных институтов. Анализ качества жизни обогащается также учетом эмоциональной насыщенности и субъективного восприятия ситуации, что важно для понимания различных ожиданий, связанных с удовлетворением потребностей, способами реализации приоритетных нужд и распределения материальных ресурсов, а также специализированных институциональных структур, задачей которых является обеспечение функций социальной сферы.

Кроме того, в дополнение к предложенным параметрам, касающимся уровня социального дисбаланса, рекомендуется учесть ряд индикаторов, отражающих степень готовности социальных коллективов к защите своих базовых прав и потребностей. Преимущественно следует обратить внимание на развитие специфических адаптивных стратегий поведения, нацеленных на максимизацию собственных интересов. Такая готовность, однако, может подвергать рискам устойчивость социальной структуры.

В контексте анализа качества жизни и функционирования социальной сферы существенной частью работы является оценка эффективности социальной политики, проводимой муниципальными структурами. В федеральном законодательстве четко определены прерогативы местных органов, реализуемые на уровне городского самоуправления, что обуславливает создание основы для количественного анализа социально-экономических инициатив [5, с. 19].

Исследование социальной безопасности и устойчивости муниципальных образований включает определение критических параметров, которые описывают состояние социального благополучия города. Мы утверждаем, что эти параметры могут быть интерпретированы разнообразно. В некоторых случаях акцент делается на фундаментальные потребности человека как биологического существа, включая базовые условия питания и здоровья. Другой подход акцентирует внимание на социальном развитии индивида, рассматривая образовательные и социальные стандарты, на которые влияют как местное самоуправление, так и государственные органы. При этом пороговые значения таких стандартов имеют тенденцию к увеличению.

Другой важный аспект анализа заключается в оценке взаимосвязей между экономикой, экологией и социальными факторами. Очевидно, что воздействие социальной сферы на экономические условия может быть выражено через базовые показатели, отражающие текущую динамику. В свою очередь, экономические изменения, такие как снижение цен или освоение внешних рынков, становятся катализаторами для новых социальных явлений и взаимодействий, заставляя некоторые города сокращать социальные расходы в условиях уменьшения ключевых доходных источников.

В текущем дискурсе о взаимодействии экологической и социальной сферы городской жизни, особое внимание заслуживает онтологическая связь между экологией и качеством жизни граждан. Концепция качества жизни, несмотря на её многообразие интерпретаций, неотделима от каталога актуальных экзистенциальных проблем и демографических детерминантов. Эти аспекты, проявляясь в многослойности экологических феноменов, требуют холистического подхода в их анализе, который интегрирует экономические и социальные параметры.

Так, предлагается рассматривать динамику социальной сферы как объективный, свободный от идеологической окраски интегративный социоэкономический показатель эффективности действий муниципальных властей. В современной урбанистической реальности, условия и качество жизни определяют уникальные характеристики городского пространства, усиливая значимость социоэкономических факторов, формируемых под влиянием общечеловеческого прогресса и культурной эволюции.

В современной эпохе глобальных финансовых потрясений, особенно после экономической кризиса 2008–2009 годов, можно проследить явное ухудшение жизненных условий населения, которое касается не только экономической, но и социальной сферы жизни. Это ухудшение является результатом дисгармонии в системе социоэкономических отношений, вызванной нарушением равновесия между экономической стабильностью и социальным благосостоянием [7, с. 109].

Проблема качества жизни особенно остро стоит в монопрофильных городах, где экономика зависит от одной отрасли. Здесь благополучие граждан напрямую связано с государственной социальной политикой, которая влияет на уровень социальной стабильности и экономического благополучия.

Качество жизни в этих условиях становится зеркалом социальной структуры, отражая меру удовлетворения базовых и продвинутых потребностей человека, таких как экономические, культурные, духовные и политические аспекты. Именно поэтому в монопрофильных

городах с развитыми отраслями, такими как цветная металлургия и топливная промышленность, наблюдается повышенный уровень жизни, поскольку они могут предложить более высокие доходы и лучшие условия для своих жителей.

Тем не менее, изучение качества жизни требует всестороннего подхода, включающего не только экономические показатели, такие как доходы и уровень безработицы, но и социальные аспекты, такие как доступность и качество жилищных условий, здравоохранения и образования. Также важно учитывать уровень преступности, который отражает общее состояние правопорядка и социальной стабильности.

Исследование этих параметров позволяет создать более полную картину, понимая качество жизни не только как совокупность материальных условий, но и как систему возможностей для реализации жизненных стратегий каждого индивидуума в обществе.

В контексте социоэкономического анализа, экономический потенциал страны существенно влияет на онтологическое состояние жизни её населения. Национальное достояние, включающее в себя сумму материальных активов, артефактов прошлой деятельности и оборот природных ресурсов, является критическим элементом этого потенциала.

В 1960 году Организация Объединенных Наций закрепила первую международную систему индикаторов, картирующую экзистенциальные параметры качества жизни. Данная система артикулирует двенадцать фундаментальных аспектов, начиная от демографических метрик, включая смертность и продолжительность жизни, и заканчивая индексами политических и экономических свобод. Эти показатели поддерживаются условиями жилищного характера, доступности медицинской помощи, образовательными и культурными возможностями, а также уровнем доходов.

В современной России происходит трансформация условий существования различных социальных страт, воплощённая в маргинальных экономических индикаторах, таких как незначительное увеличение ВВП. Это изменение, однако, маскирует более глубокие диспропорции в распределении благ. В частности, региональная дифференциация качества жизни подчёркивает философские размышления о справедливости и равенстве. Пример тому — Самарская область, где за последние четыре года доходы населения сократились на 30 %, в то время как в столичных агломерациях Москве и Санкт-Петербурге наблюдается улучшение жизненных стандартов.

Рассматривая Северную Осетию, можно увидеть регресс по ключевым экономическим и социальным по-

казателям, что вызывает необходимость философского осмысления социальной справедливости и равноправия. Анализ ситуации в данном регионе показывает ухудшение образовательной инфраструктуры, производственного потенциала и прибыльности предприятий [9, с. 140].

Для адекватного понимания и оценки этих изменений необходим комплексный подход к мониторингу качества жизни, интегрирующий как объективные, так и субъективные показатели. Эта многомерная оценка позволяет не только углубить понимание социально-экономических процессов, но и оценить эффективность внедряемых политик. Важнейшими детерминантами, влияющими на уровень жизни, выступают политические переменные, определяющие экономическую динамику и развитие предпринимательства в стране.

Повышение качества жизни граждан представляет собой аксиологическую основу социальной политики государства. Этот процесс не только затрагивает материальные и экономические аспекты бытия, но и освещает более глубокие вопросы социальной справедливости и человеческого развития, подразумевая комплексное улучшение условий жизни и труда.

Для того чтобы кардинально улучшить уровень жизни населения по всей территории страны, необходимо реализовать социальную политику, ориентированную на:

1. Социальную защиту населения, включая увеличение размера социальных выплат, улучшение условий труда и пенсионного обеспечения, а также поддержку экономически уязвимых слоёв населения через государственные социальные инициативы.
2. Создание условий для развития предпринимательства через доступ к долгосрочным инвестициям, что способствует найму квалифицированных специалистов и общему экономическому росту.

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что повышение реальных доходов населения, развитие предпринимательской деятельности и эффективная социальная поддержка будут способствовать улучшению общего качества жизни. Кроме того, необходимо модернизировать технологическую базу и стимулировать потребление экологически чистых продуктов, создавая благоприятные условия труда.

Пренебрежение этими аспектами может привести к ухудшению жизненных условий, увеличению безработицы и снижению реальных доходов. Таким образом, уровень жизни населения остаётся тесно связанным с региональной экономической, демографической, экологической и политической динамикой. В данный мо-

мент правительство стремится к стабилизации и устойчивому развитию, стремясь преодолеть экономические и политические нестабильности.

Заключение

Исследование феномена моногородов в Российской Федерации демонстрирует необходимость комплексного философского и социологического подхода к проблематике качества жизни населения. Моногорода, будучи специфическими социально-экономическими образованиями, отражают глубокие противоречия и потенциалы современного российского общества. Их развитие или стагнация напрямую влияют на общенациональные процессы, подчеркивая значимость их включения в стратегию национального развития.

Проведенный анализ указывает на то, что улучшение качества жизни в моногородах невозможно без синергии экономических, социальных и культурных факторов. Приоритетное внимание должно уделяться не только экономической эволюции и модернизации технологической базы, но и развитию социальной инфраструктуры, укреплению социального капитала и созданию условий для всестороннего развития личности. Реализация

концепции «качества жизни» требует переосмысления существующих подходов к социальной политике, ориентируясь на многоаспектность человеческого бытия.

Неравномерность регионального развития и дифференциация уровня жизни населения свидетельствуют о необходимости пересмотра принципов распределения ресурсов и усилий по снижению социального напряжения. Государственная политика должна быть направлена на устранение диспропорций, обеспечение социальной справедливости и равенства возможностей для всех граждан, независимо от их территориальной принадлежности.

В заключение следует отметить, что повышение качества жизни населения в моногородах является не только экономической задачей, но и философской проблемой, связанной с пониманием смысла и цели развития общества. Это требует от государства и общества осознанного и ответственного подхода, основанного на ценностях гуманизма, социального равенства и устойчивого развития. Только в этом случае можно достичь гармоничного прогресса, способствующего раскрытию человеческого потенциала и укреплению национальной целостности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимцева А.В. Социально-экономические проблемы моногородов в современной России // Региональная экономика: теория и практика. — 2015. — № 9. — С. 12–18.
2. Анимца Е.Г., Шарова И.В. Моногорода России: проблемы и перспективы развития. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2010. — 204 с.
3. Бочко В.С. Социология моногородов: теория и методология исследования // Социологические исследования. — 2016. — № 5. — С. 45–51.
4. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. — М.: Экономика, 2010. — 288 с.
5. Зубаревич Н.В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода. — М.: Новый хронограф, 2003. — 296 с.
6. Кузнецова О.В. Моногорода в современной России: вызовы и решения // Проблемы прогнозирования. — 2011. — № 6. — С. 125–133.
7. Минакир П.А. Региональные проблемы социально-экономического развития России. — М.: Наука, 2014. — 356 с.
8. Плюсин Ю.М. Качество жизни в российских моногородах: социально-философский анализ. — М.: Институт философии РАН, 2012. — 270 с.
9. Ткаченко А.А. Социальная политика в условиях трансформации российского общества. — СПб.: Питер, 2013. — 240 с.
10. Шувалов И.И. Государственная политика поддержки моногородов: опыт и перспективы // Вопросы экономики. — 2014. — № 7. — С. 18–24.

Вагапов Айдар Ильшатovich (aydar.vagapoff@yandex.ru); Штофер Геннадий Аркадьевич (sgena@mail.ru);

Эскерханова Луиза Тагировна (Lu-69@yandex.ru)

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ФОРМЫ РАЗМЕЩЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ ОБ ОРГАНАХ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

IMPROVING THE FORM OF POSTING INFORMATION ABOUT THE MUNICIPAL AUTHORITIES OF THE MOSCOW REGION

A. Vasiliev

Summary. The article is devoted to studying the issue of residents' awareness of the local government bodies of their municipality. To achieve this goal, principles for posting information about municipal authorities were formulated, a sample form was compiled, and all websites of the administrations of urban districts of the Moscow Region were analyzed for compliance with the principles and sample. During the analysis of the websites, non-compliance or partial compliance of municipal websites with the requirements was revealed. The results obtained during the study can be used by municipal administrations to improve the form of posting information about their authorities and increase residents' satisfaction with the work of local government.

Keywords: municipal administration, communication, algorithm, optimization, website, data, contacts.

Васильев Артём Валерьевич

начальник Управления потребительского рынка,
инвестиций и развития предпринимательства,
Администрация Раменского городского округа
Московской области
reatin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению вопроса информированности жителей об органах местного самоуправления своего муниципалитета. Для достижения поставленной цели были сформулированы принципы размещения информации об органах власти муниципалитета, составлен образец формы и проанализированы все сайты администраций городских округов Московской области на соответствие принципам и образцу. В ходе анализа сайтов выявлено несоответствие или частичное соответствие сайтов муниципалитетов требованиям. Полученные в ходе исследования результаты могут использоваться администрациями муниципалитетов в целях совершенствования формы размещения информации о своих органах власти и, следовательно, повышения удовлетворённости жителей работой местного самоуправления.

Ключевые слова: муниципальное управление, коммуникация, алгоритм, оптимизация, сайт, данные, контакты.

В настоящее время сохраняется актуальность повышения удовлетворённости жителей деятельностью органов местного самоуправления в Московской области. В рамках реализации постановления Правительства России от 17.12.2012 N 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28.04.2008 N 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов» в Московской области ежегодно проводится оценка эффективности деятельности руководителей органов местного самоуправления. Согласно результатам опроса за 2023 г. [1] лишь 45 % принявших участие в опросе удовлетворены деятельностью органов местного самоуправления. Это свидетельствует о необходимости разработки и принятия мер, способствующих повышению удовлетворённости граждан. Одна из них — повышение информированности граждан об органах местного самоуправления.

Несмотря на развитость различных порталов и сервисов таких как «Услуги Подмосковья», «Добродел» и ряда других, часть коммуникаций по-прежнему осуществляется с помощью телефонной связи. Данный способ позволяет сокращать транзакционные издержки запросов отраслевого характера. Непосредственный исполнитель является источником информации в том, какая в настоящее время сложилась практика по осуществлению тех

или иных муниципальных полномочий, то есть он выступает координатором заявителя по нахождению оптимального пути решения нетипового запроса [2].

Согласно статье 10 Федерального закона от 09.02.2009 N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» органы местного управления для размещения информации о своей деятельности используют сеть «Интернет», в которой создают официальные сайты с указанием адресов электронной почты. Следовательно, основным источником данных в сети «Интернет» о работе муниципалитетов являются их официальные сайты.

На сегодняшний день отсутствуют сведения о том, насколько информативны официальные сайты муниципалитетов Подмосковья и позволяет ли их текущая наполненность удовлетворять своих пользователей исчерпывающей информацией для связи с компетентными сотрудниками в целях разрешения нетиповых отраслевых вопросов.

Исходя из вышеизложенного, цель статьи заключается в проверке полноты информации, предоставляемой муниципалитетами на своих официальных сайтах, исчерпывающей для связи жителей с запрашиваемым должностным лицом муниципального образования.

По состоянию на 2024 год удовлетворённость жителей деятельностью органов местного самоуправления состоит из следующих сфер деятельности: главы, транспорта, автодорог, теплоснабжения, водоснабжения, электроснабжения, газоснабжения. Во многом удовлетворённость связана с возможностью прямой коммуникации с органами власти и обменом информацией. Одним из таких инструментов являются консультации жителей по телефону [3].

Также информированность граждан об органах муниципальной власти позволяет жителям лучше защищать свои интересы, знать полномочия и ответственность каждого подразделения, специалиста. Эти сведения также нужны и органам муниципальной, региональной, федеральной власти, а также коммерческим и некоммерческим организациям для формирования эффективного взаимодействия [4].

Исходя из вышеизложенного сформулируем следующие принципы размещения информации на сайтах муниципальных образований:

1. Сайт должен содержать положения о всех органах муниципалитетов, а также должностные инструкции, должность, фамилию, имя, отчество каждого должностного лица
2. Сайт должен содержать рабочий телефон, электронный и физический адрес каждого органа муниципалитета.
3. Данные о подразделениях и должностных лицах должны указываться так, как они приняты согласно нормативным правовым актам
4. Отображение данных должно своевременно синхронизироваться с источниками данных и обновляться
5. Вышеуказанные данные должны находиться в одном месте для удобства пользователей.
6. Положения и должностные инструкции должны исполняться гиперссылкой для удобства пользователей.

На основании принципов размещения информации об органах местного самоуправления смоделируем образец формы размещения информации об органе муниципалитета Московской области в соответствии с таблицей 1.

Формирование перечня сайтов муниципалитетов Московской области. На сайте Правительства Московской области можно обнаружить перечень муниципальных образований, а также их сайты [5].

Осуществим поиск соответствующей информации согласно образца формы на указанных сайтах, а также проведём сравнение информации на соответствие принципам размещения информации об органах местного самоуправления. Вся информация по всем 57 муниципалитетам сведена в таблице 2.

Таблица 1.

Образец формы размещения информации об органе муниципалитета Московской области

<p>Управление потребительского рынка (активная ссылка на положение об Управлении) Начальник Управления потребительского рынка Иванов С.С. (активная ссылка на должностную инструкцию) Контактный телефон: 8-496-490-00-01 Электронная почта: Ivanov.SS@mosreg.ru Адрес: город Тестовый, улица Первая, дом 1, кабинет 100 Заместитель начальника Управления потребительского рынка Смирнов В.В. (активная ссылка на должностную инструкцию) Контактный телефон: 8-496-490-00-02 Электронная почта: Smirnov.VV@mosreg.ru Адрес: город Тестовый, улица Первая, дом 1, кабинет 101</p>
<p>Отдел координации в сфере услуг Управления потребительского рынка (активная ссылка на положение об отделе Управления) Контактный телефон: 8-496-490-00-03 Электронная почта: uslugi.gorod@mosreg.ru Адрес: город Тестовый, улица Первая, дом 1, кабинет 102 Начальник отдела координации в сфере услуг Управления потребительского рынка Петров Н.Н. (активная ссылка на должностную инструкцию) Главный специалист отдела координации в сфере услуг Управления потребительского рынка Михайлова И.И. (активная ссылка на должностную инструкцию) Ведущий специалист отдела координации в сфере услуг Управления потребительского рынка Григорьева А.А. (активная ссылка на должностную инструкцию) Главный эксперт отдела координации в сфере услуг Управления потребительского рынка Семёнова В.А. (активная ссылка на должностную инструкцию)</p>
<p>Отдел координации в сфере торговли Управления потребительского рынка (активная ссылка на положение об отделе Управления) Контактный телефон: 8-496-490-00-04 Электронная почта: torg.gorod@mosreg.ru Адрес: город Тестовый, улица Первая, дом 1, кабинет 103 Начальник отдела координации в сфере торговли Управления потребительского рынка Дмитрова Н.Н. (активная ссылка на должностную инструкцию) Главный специалист отдела координации в сфере торговли Управления потребительского рынка Сенин И.И. (активная ссылка на должностную инструкцию) Ведущий специалист отдела координации в сфере торговли Управления потребительского рынка Викторова А.А. (активная ссылка на должностную инструкцию) Главный эксперт отдела координации в сфере торговли Управления потребительского рынка Шеин С.А. (активная ссылка на должностную инструкцию)</p>

В ходе проведённого анализа сайтов муниципалитетов необходимо отметить следующее. В Балашихе не указаны положения каждого из составных подразделений, но есть положение о каждом самостоятельном

Таблица 2.
Сводная таблица соответствия сайтов муниципалитетов Московской области принципам размещения информации

№ п/п	Муниципальное образование (городской округ)	Наличие должностей и ФИО всех сотрудников	Наличие контактных телефонов каждого подразделения	Наличие электронных почт каждого подразделения	Наличие положений о структурных подразделениях	Наличие должностных инструкций сотрудников
1	Балашиха	х	v	v	х	х
2	Богородский	х	v	х	х	х
3	Бронницы	х	v	х	х	х
4	Власиха	х	v	v	х	х
5	Волоколамский	х	v	х	v	х
6	Воскресенск	v	v	v	х	х
7	Восход	v	х	х	х	х
8	Дзержинский	х	v	х	х	х
9	Дмитровский	х	х	х	х	х
10	Долгопрудный	х	v	х	х	х
11	Домодедово	х	v	х	х	х
12	Дубна	v	v	х	х	х
13	Егорьевск	х	v	х	х	х
14	Жуковский	v	v	х	х	х
15	Зарайск	х	v	х	х	х
16	Звёздный городок	х	v	х	х	х
17	Истра	v	v	v	х	х
18	Кашира	х	v	v	v	х
19	Клин	х	v	х	х	х
20	Коломна	х	v	х	х	х
21	Королёв	х	х	х	х	х
22	Котельники	х	х	х	х	х
23	Красногорск	х	v	х	х	х
24	Краснознаменск	х	v	х	х	х
25	Ленинский	х	v	х	х	х
26	Лобня	х	х	х	х	х
27	Лосино-Петровский	х	v	х	х	х
28	Лотошино	v	х	х	х	х
29	Луховицы	х	х	х	х	х
30	Лыткарино	х	v	v	х	х
31	Люберцы	х	х	х	х	х
32	Можайский	v	v	v	х	х

№ п/п	Муниципальное образование (городской округ)	Наличие должностей и ФИО всех сотрудников	Наличие контактных телефонов каждого подразделения	Наличие электронных почт каждого подразделения	Наличие положений о структурных подразделениях	Наличие должностных инструкций сотрудников
33	Молодёжный	х	х	х	х	х
34	Мытищи	v	v	х	х	х
35	Наро-Фоминский	х	v	х	х	х
36	Одинцовский	v	v	х	х	х
37	Орехово-Зуевский	х	v	х	х	х
38	Павлово-Посадский	х	х	х	х	х
39	Подольск	v	v	х	х	х
40	Пушкинский	х	х	х	х	х
41	Раменский	х	v	х	х	х
42	Реутов	х	х	х	х	х
43	Рузский	v	v	v	х	х
44	Сергиево-Посадский	х	v	х	х	х
45	Серебряные Пруды	v	v	х	х	х
46	Серпухов	х	v	х	х	х
47	Солнечногорск	х	v	v	v	х
48	Ступино	х	v	v	х	х
49	Талдомский	х	х	х	х	х
50	Фрязино	х	v	х	х	х
51	Химки	х	х	х	х	х
52	Черноголовка	х	v	х	х	х
53	Чехов	х	v	х	х	х
54	Шатура	х	v	х	х	х
55	Шаховская	х	v	v	х	х
56	Щёлково	х	v	v	х	х
57	Электросталь	v	v	х	х	х

подразделении. Несмотря на отсутствие ФИО и должностей сотрудников, таковые имеются для руководителей. В Богородском округе указаны полномочия и функции управлений, однако, они не могут подменять положения об управлении и каждого из отделов. В Бронницах в наличии даже фотографии каждого линейного руководителя, но электронная почта практически ни у кого не указана. Во Власихе есть электронные почты у заместителей глав и некоторых подразделений, но не у всех.

В связи с этим мы им засчитаем, что телефоны и почты есть, но отметим, что выполнение некачественное.

В Воскресенске указаны в некоторых подразделениях сотрудники, однако, выполнено это не повсеместно. Например, в отделе потребительского рынка указаны даже прикомандированные сотрудники из муниципального казённого учреждения, а в управлении финансов указаны сотрудники в должности не ниже начальников отделов. Так как информация об органах муниципалитета находится на разных страницах, то в качестве источника информации мы воспользовались ссылкой на отдел промышленности, предпринимательства и инвестиций Управления развития отраслей экономики и инвестиций администрации г.о. Воскресенск.

Также эта информация разбросана по направлениям деятельности, а не по структуре подразделений. В городском округе Восход есть информация о ФИО руководителей и сотрудниках, но стоит отметить, что информация неполная. В Дзержинском частично есть сведения о ФИО сотрудников, но нет должностей и обычно указаны только начальники подразделений и выше. В Дмитровском округе отсутствует любая информация, что осложняет жителям ознакомиться с полномочиями муниципалитета. В городском округе Дубна информация находится разрозненно, как и в Воскресенске. Также информация присутствует не о каждом направлении. В Жуковском контактная информация дублируется в нескольких местах — в контактах и в структуре, где-то указываются электронные почты, где-то нет. В Зарайске в разделе структурные подразделения администрации где-то указаны положения об управлениях, а где-то только основные задачи и функции подразделения. В Кашире, например, не везде указаны даже подразделения. Например, зайдя в раздел контакты администрации есть комитет по экономической политике, однако, в нём не указаны структурные подразделения.

Так, например, не выяснить, относятся ли к этому подразделению вопросы потребительского рынка или нет. Также неясен состав управления образования или финансового управления. В отличие от управления ЖКХ, где указаны хотя бы начальники отделов и рабочие телефоны. В Котельниках отсутствует информация совсем. В Лобне в разделе «Контакты» указаны номера телефонов только отдела по работе с обращениями граждан, ЕДДС, приёмной главы и общественной приёмной. В структуре администрации указаны только подразделения администрации без каких-либо контактных данных. В Люберцах в контактах указаны телефоны только нескольких подразделений, в разделе «Администрация города» указаны руководители подразделений, но без детализации до отделов.

В городском округе Молодёжный в разделе контактов указан только один телефон, в разделе «Администрация» указан тот же единственный телефон. Другие сведения отсутствуют. В Мытищах практически во всех подразделениях указаны сотрудники, однако, не указаны в Управлении потребительского рынка и услуг и финансовом управлении, например. В Павлово-Посадском округе структура отображена также не безупречно, например, не разложено на отделы правовое, финансовое управления, управление образования и так далее. Исходя из структуры непонятно, где осуществляются функции потребительского рынка, а в разделе «Контакты» отделы идут вперемешку. Несмотря на то, что в Пушкинском округе в разделе структуры администрации выложены телефоны и электронные почты всех подразделений, указанных там, однако, не указаны подразделения, которые были выведены в казённые учреждения, например,

осуществляющие вопросы потребительского рынка. То же касается и положений о подразделениях.

Кроме того положения отсутствуют по отделам управлений. В городском округе Реутов ни в разделе контакты, ни в разделе «Администрация» нет никакой информации о структурных подразделениях администрации. В городском округе Руза наиболее полная информация размещена в разделе «Муниципальные учреждения», однако, там размещена информация только о подразделениях, курирующих вопросы культуры, спорта, образования, молодёжи, поддержки бизнеса и потребительского рынка. Хотя в городском округе Щёлково и существует отдельная страница со всеми положениями, однако она находится не на одной странице с контактной информацией.

В настоящей работе мы не знаем точно какие дополнительные подразделения могут быть задействованы в работе. Например, подведомственные организации могут выделять штатные единицы для работы в структурах администрации [6]. Также если у нас нет доступа к должностным инструкциям, мы не знаем верны ли юридически названия должностей. Также мы не знаем насколько актуальны названия сайтов. Ключевым является то, что мы не знаем точно ли найденная страница является наиболее полной или в администрации есть другая страница, содержащая более полную информацию.

Данное исследование позволяет применить его результаты на практике. На основании таблицы 2 каждый из муниципалитетов может руководствуясь принципами размещения информации в соответствии с таблицей 1 внедрить на своём сайте оптимальную форму размещения информации, которая позволит пользователям лучше взаимодействовать с администрациями городских округов.

Одним из направлений дальнейших исследований могут быть принципы формирования единообразного размещения форм на сайтах, в том числе их наименование, так как в настоящее время сведения хранятся в основном либо в структуре администрации, либо в направлениях деятельности администрации или в контактном справочнике. Такие дифференцированные подходы затрудняют пользовательский опыт пользователям таких сайтов.

Также одно из направлений исследований — формирование индекса открытости муниципальной власти. Это реализуемо методом формализации [7]. Индекс может содержать показатели отражающие наличие контактных телефонов, электронных почт, должностные инструкции, положения о подразделениях, ФИО и должности сотрудников на единой странице. Индексом можно рейтинговать работу муниципалитетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Министерства территориальной политики Московской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://minter.mosreg.ru/deyatelnost/celevye-programmy/31-01-2024-17-00-17-rezultaty-oprosa-po-otsenke-effektivnosti-deyateln> (дата обращения 15.09.2024).
2. Некрасов А.А. Интернет как инструмент обратной связи населения с органами публичной власти // Политика, экономика и инновации. 2022. № 6 (47). С. 4
3. Медведева Н.В. Взаимодействие местных органов власти и населения в городском округе: социологическая оценка // Социальная политика и социология. 2022. Т. 21. №3. С. 105–114.
4. Глебова М.В. Проблемы информационной открытости официальных сайтов органов местного самоуправления // Научный потенциал. 2024. № 1-1. С. 36–39.
5. Официальный сайт Правительства Московской области. [Электронный ресурс]. URL: <https://mosreg.ru/pravitelstvo/podvedomstvennye-organizacii/organy-mestnogo-samopravleniya> (дата обращения 22.09.2024)
6. Раджабов Г.И. Виртуальные ассистенты в государственном управлении: новая эра взаимодействия с гражданами // Научный аспект. 2024. Т. 48. №4. С. 6348–6354.
7. Вайсбург А.В. Информированность жителей Тверского региона о возможностях электронных коммуникаций в сети Интернет между органами власти и населением // Вестник Тверского государственного технического университета. 2023. №3. С. 37–42.

© Васильев Артём Валерьевич (reatin@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ИНВАЛИДНОСТЬ» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЙ

EVOLUTION OF THE CONCEPT OF «DISABILITY» IN THE CONTEXT OF MODERN SOCIO-ECONOMIC REALITIES

**S. Gamataeva
G. Nazmutdinov**

Summary. The article is engaged in deconstruction and clarification of the category of «disability» through the prism of sociological analysis, focusing on its importance for social policy in the context of the legislative framework of the Russian Federation and modern socio-economic discourses. The text analyzes the mechanisms of social protection of individuals with disabilities, considering this category as an evolved scientific construct. Particular attention is paid to critical understanding of the diversity of definitions of disability presented in academic research, which indicates the multiplicity of approaches and theoretical frameworks that form this concept. The authors of the article outline the existing conceptual framework for theorizing the social aspects of disability and methods of social adaptation and rehabilitation, emphasizing the specificity of the socio-economic conditions that influence this process.

Keywords: disability, social policy, sociological analysis, legislation, socio-economic theories, social protection.

Гаматаева Саида Хасмагомедовна

старший преподаватель,
Дагестанский государственный университет
saida77771111@mail.ru

Нажмутдинов Гаджи Имамудинович

Дагестанский государственный университет
nazhmutdinov@bk.ru

Аннотация. Статья занимается деконструкцией и уточнением категории «инвалидность» через призму социологического анализа, акцентируя внимание на её значении для социальной политики в контексте законодательной базы Российской Федерации и современных социально-экономических дискурсов. В тексте осуществляется разбор механизмов социальной защиты индивидов с инвалидностью, рассматривая данную категорию как эволюционировавший научный конструкт. Особое внимание уделено критическому осмыслению разнообразия дефиниций инвалидности, представленных в академических исследованиях, что свидетельствует о множественности подходов и теоретических рамок, формирующих данное понятие. Авторы статьи излагают существующие концептуальные рамки для теоретизации социальных аспектов инвалидности и методы социальной адаптации и реабилитации, подчеркивая специфику социально-экономических условий, влияющих на этот процесс.

Ключевые слова: инвалидность, социальная политика, социологический анализ, законодательство, социально-экономические теории, социальная защита.

Введение

Изучение и теоретический анализ дискурсов ограниченности возможностей и инвалидности проводится на стыке комплексных социополитических и методологических подходов. Академические дебаты в сфере социологии сосредоточены на поиске адекватных концептуализаций, которые точно отражают условия жизнедеятельности лиц с инвалидностью. Проблема стандартизации терминологии остается нерешенной, особенно в отношении терминов «ограничение возможностей» и «инвалидность».

Понимание ограниченности функциональных возможностей человека, представленное в работах исследователей, таких как К.Н. Гусов, Л.В. Дмитриева, З.М. Сабанов и Е.И. Холостова, трактуется как значительное снижение или утрата ключевых физических, психических, физиологических, умственных или анатомических функций.

В социологическом анализе инвалидность рассматривается не только как медицинская категория, но и как

социальный феномен, отражающий неравенство, связанное с заболеваниями, дефектами развития или состоянием здоровья. Исследователи, такие как В.В. Бахарев и Л.Е. Данилюк, определяют инвалидность через призму ограничений способности выполнять действия, признаваемые обществом как нормативные, включая когнитивные и физические функции. Социальные последствия этих ограничений проявляются в ущербе, вызванном ослаблением функциональных возможностей или наличием инвалидности, что ограничивает возможности индивида с учетом его личных, гендерных, возрастных, социальных и культурных особенностей [4, с. 92].

Критический анализ недавних академических трудов, затрагивающих определенные аспекты данной проблемы, подтверждает аргументацию автора, обращая внимание на ранее не исследованные сегменты обширного исследовательского поля. Интеллектуальный дискурс о социальных дисфункциях, связанных с инвалидностью в условиях современной социоэкономической динамики, продолжает расширяться благодаря вкладу таких ученых, как Г.П. Артюнина, Л.А. Гусева, Т.С. Ларионова, Е.А. Миронова и других. Определенная группа со-

циологов, включая М.Н. Гуслову и А.М. Панова, предлагает методологическую критику существующих подходов к анализу социальных аномалий. Они утверждают, что проблематизация социальной защиты часто неправомерно сводится к индивидуальным особенностям личности, игнорируя сложные структурные механизмы социальной системы, которые выходят за пределы контроля и влияния отдельных индивидов.

В рамках Федерального закона РФ от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ (в редакции от 21 июля 2014 года) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» даётся определение инвалидности через призму социологических и медицинских категорий. Оно звучит следующим образом: инвалид — это человек, имеющий нарушения здоровья, выраженные в устойчивых функциональных расстройствах, вызванных патологическими состояниями, последствиями травм или врождёнными дефектами. Эти расстройства приводят к снижению способности к полноценной жизнедеятельности, что, в свою очередь, обосновывает необходимость социальной поддержки и защиты. Ограничения жизнедеятельности определяются как полная или частичная утрата способности к самообслуживанию, самостоятельному передвижению, ориентации в пространстве, коммуникации, регуляции поведения, обучению и трудовой деятельности [3, с. 122].

В соответствии с феноменологическим подходом к разграничению уровней функциональных ограничений, лица с инвалидностью классифицируются по трём группам. Это деление основывается на степени выраженности нарушений функционального состояния организма и их влиянии на основные сферы жизнедеятельности.

Критерии присвоения первой группы инвалидности связаны с серьёзными нарушениями функциональных возможностей, требующими постоянного социального вмешательства или поддержки. Такие состояния чаще всего вызваны тяжёлыми нарушениями здоровья, заболеваниями, травмами или врождёнными дефектами, которые значительно снижают способность к участию в важных аспектах социальной жизни.

Для второй группы характерны выраженные, но менее критичные функциональные расстройства, требующие регулярной социальной поддержки. Нарушения, порождающие такие условия, могут быть вызваны различными заболеваниями, последствиями травм или анатомическими аномалиями, которые ограничивают способность человека к полноценной жизнедеятельности или выполнению определённых социальных функций.

Третья группа инвалидности характеризуется умеренными ограничениями, которые также требуют со-

циальной поддержки, но в меньшей степени. Эти ограничения обычно связаны с длительными нарушениями, которые влияют на выполнение общественно значимых функций, но оставляют возможность для определённой степени самостоятельности.

В социологической литературе и практике вместо традиционного термина «инвалид» всё чаще используются альтернативные понятия, такие как «человек с нетипичными функциональными особенностями» или «человек с ограниченными возможностями». Это отражает переход к социальной модели инвалидности, которая делает акцент на интеграции таких людей в широкий спектр общественных процессов, а не на их ограничении. В России, однако, более распространён официальный термин «инвалид», поскольку он закреплён в законодательстве и активно используется в средствах массовой информации [6, с. 52].

Инвалидность воспринимается как маркер социальной эксклюзии, при котором физические или психические нарушения человека препятствуют его способности полноценно интегрироваться в социальные структуры. Этот термин подчеркивает не просто отсутствие способностей, но и социокультурное измерение взаимодействий, которые структурированы таким образом, что систематически ограничивают возможности определённых групп. Сущность понятия «недееспособный человек» заключается в устойчивом утверждении о невозможности самостоятельного обеспечения своих жизненных потребностей, что сопровождается социальной маргинализацией.

Осмысление инвалидности как медико-социального конструкта в российской академической среде основывается на законодательных рамках и широко принимается в научных дискурсах без значительных контroversий. Это объясняется устоявшейся системой определений, поддерживаемой большинством учёных. В зависимости от акцента на социальный аспект и возможности интеграции людей с ограниченными физическими или психическими функциями, все дефиниции инвалидности условно можно сгруппировать в три категории:

1. Юридическо-правовые определения, фокусирующиеся на различиях в доступе к правам и возможностям.
2. Функционально-социальные определения, акцентирующие внимание на ограничениях в выполнении социальных ролей.
3. Психологическо-социальные определения, освещающие аспекты психологического благополучия и влияния инвалидности на личное самочувствие [7, с. 124].

Пролиферация различных определений инвалидности в академических исследованиях свидетельствует

о многомерности и комплексности этой категории, что отражает широкий спектр теоретико-методологических рамок, применяемых для анализа данной социальной проблемы. Один из аспектов, который позволяет глубже осмыслить это явление, заключается в исследовании интеракционной модели инвалидности, которая подчеркивает взаимосвязи между индивидуальными особенностями лиц с ограниченными возможностями и структурными характеристиками общества. Эта модель акцентирует роль социальных служб в адаптации, интеграции и реабилитации лиц с инвалидностью, исследуя взаимодействие между социальными условиями и индивидуальным потенциалом.

Современная классификация инвалидности охватывает медицинские, социальные, юридические, социокультурные и экономические перспективы, а также подходы, основанные на понятии функциональных ограничений, впервые систематизированные В. Петровым.

В медицинской модели инвалидность концептуализируется как биопатологический дисбаланс, при котором индивиды классифицируются как «патологические субъекты», «лица с выраженными физиологическими аномалиями», «лица с ограниченными когнитивными способностями» и тому подобное. Инвалидность определяется как патология или функциональная недостаточность, требующая коррекции посредством медицинского вмешательства. Соответственно, лица, признанные инвалидами, обязаны проходить комплексную медицинскую реабилитацию для соответствия социальным стандартам. До 1996 года в России господствовала исключительно эта модель восприятия инвалидности. Ключевым элементом в определении инвалидности являлось присвоение «группы инвалидности», то есть классификация степени её тяжести на основе медицинских критериев и уровня снижения трудоспособности. Этот подход, основанный на специфических медицинских знаниях, поддерживал социальные стереотипы о зависимости таких людей, их неспособности к автономному существованию без помощи медицинских специалистов и опекунов. Взаимодействие с инвалидами в этом контексте часто сводилось к патерналистской практике, что приводило к социальной зависимости.

Проблематика инвалидности в этой модели рассматривается через призму социальной дезинтеграции, вызванной ограничением их функциональных возможностей для полноценного участия в общественной жизни. Люди с инвалидностью оказываются неспособными самостоятельно выполнять ключевые социальные роли, доступные большинству граждан, что препятствует их интеграции в гражданское общество. Полноценное участие в экономической активности, профессиональное обучение и культурный досуг становятся для них недоступными [8, с. 91].

Необходимость оказания помощи выражается через создание специализированных учреждений, обеспечивающих условия для профессиональной деятельности, общения, обучения и отдыха. Однако создание таких учреждений, как специализированные образовательные заведения, санатории и социально-производственные предприятия, приводит к социальной изоляции людей с физическими, психологическими или интеллектуальными отклонениями, подвергая их дискриминации и ущемлению прав. Таким образом, подход медицинской модели, направленный на компенсацию социальных потерь, связанных с исключением из общественного трудового процесса, фактически усиливает их изоляцию от основного общества и способствует формированию зависимого и иждивенческого подхода к решению социально-экономических проблем лиц с инвалидностью.

Принцип лимитации медицинской модели проистекает из её фундаментально трудоцентрической природы, что проявляется в её доминирующей роли в социокультурной эволюции общества на протяжении значительного исторического периода. В рамках этого длительного процесса люди с инвалидностью в значительной степени подвергались социальной изоляции и систематической дискриминации. В современном контексте, с пересмотром и расширением понимания термина «инвалидность», на передний план выходит комплексная научная концепция, которая интегрирует медицинские, социальные, социокультурные и правовые аспекты инвалидности. Эта междисциплинарная перспектива критически оценивает традиционные подходы, предлагая создание социальной ниши для людей с ограниченными возможностями, что, однако, нередко приводит к возникновению коммуникативных барьеров между этими индивидами и остальными членами общества.

Проблематика инвалидности в контексте социальной модели выходит за рамки индивидуального существования людей с ограниченными возможностями и подвергается анализу через призму социальных взаимодействий между лицами с инвалидностью и другими участниками общественной жизни, освещая вопросы дискриминации и социального давления. В рамках этой модели инвалидность интерпретируется преимущественно не как медицинская проблема, а как социальная дисфункция [4, с. 35].

Социальная модель инвалидности акцентирует внимание на структурной несправедливости и нормативных дисфункциях в общественной системе, критикуя недостатки законодательства и институциональных механизмов, способствующих социальной маргинализации этой категории граждан. Согласно данной концепции, проблемы, с которыми сталкиваются люди с инвалидностью, следует рассматривать как результат существования социальных барьеров, обусловленных социально-эконо-

мической структурой общества. Эти барьеры включают в себя не только распространенные стигматизирующие стереотипы, но и транспортные, а также социокультурные препятствия, которые затрудняют интеграцию лиц с инвалидностью в полноценную жизнь общества и создание комфортных условий для реализации их жизненных стратегий.

Дефицит в структурировании гражданского общества акцентирует углубление институциональных дискриминаторных практик в отношении людей с ограниченными возможностями, влекущих за собой их всестороннюю изоляцию от общества. Адепты социально-структурной модели интеграции настаивают на необходимости реинклюзии данной категории граждан путём модификации социокультурного пространства в их интересах. Это подразумевает создание инклюзивной среды, ориентированной на устранение барьеров: внедрение безбарьерной архитектуры, такой как пандусы и специализированные подъемники, усиление доступности информации через адаптацию визуальных и текстовых данных для людей с нарушениями зрения и слуха, а также интеграцию звуковой информации в системы жестового общения. Также предусматривается стимулирование инклюзии в трудовую сферу с учётом индивидуальных возможностей каждого, а также образовательные инициативы для населения по развитию компетенций в области коммуникации с лицами, испытывающими особые потребности. Данный подход демонстрирует высокую эффективность и находит распространение не только в развитых странах, но и в регионах России, маркируя прогресс в социальной адаптации и интеграции.

Юридическая концепция инвалидности определяется принципом, согласно которому лица с ограниченными физическими возможностями должны интегрироваться в общественные структуры как полноправные участники, обладая идентичными правами и несущие равные обязанности, с учетом их уникальных потребностей и капабельностей. Эти индивиды обладают правом на включение в социальные процессы на условиях, определяемых лично ими, а не наложенных общественными нормами, предназначенными для непораженных инвалидов. Следовательно, инвалидность не является отклонением, а скорее нормативной характеристикой жизненного пути атипичного человека, причем главная проблема заключается в социальной дискриминации — ограниченных возможностях, вызванных социальным и экономическим подавлением в рамках общества.

Таким образом, индивиды с ограниченными возможностями могут быть рассмотрены как угнетаемая социальная группа, а не как аномальная или трагическая. Первоочередная задача заключается в сосредоточении внимания на реализации гражданских прав инвалидов и, прежде всего, на создании соответствующих соци-

альных условий для их жизнедеятельности. В этом контексте инвалидность может рассматриваться как одна из форм социального неравенства. Равные права для лиц с инвалидностью на активное участие во всех аспектах жизни общества должны быть закреплены в нормативно-правовых документах, реализованы через стандартизацию конституционных норм в различных сферах деятельности человека и поддерживаемые равными возможностями, предоставляемыми социальной структурой общества [9, с. 231].

В современном социальном контексте наибольшее признание среди экспертов (С.В. Колударова, Ю.Н. Мазаев, Е.А. Миронова) получает социокультурная модель инвалидности, которая предлагает радикальный пересмотр традиционных подходов к пониманию ограничений физической и психической активности. Эта модель интерпретирует «ограничения возможностей» не просто как следствие биофизиологических нарушений или недостаточности инфраструктуры, но как комплексное социокультурное явление, которое ограничивает полноценное участие индивида в жизни общества.

Социальные исследования инвалидности демонстрируют эволюцию общественного восприятия от идеализированного отторжения и изоляции людей с инвалидностью как «неполноценных» до признания необходимости их активной интеграции в трудовые и общественные процессы. Современное общество приходит к осознанию, что интеграция лиц с разнообразными физическими и психическими отклонениями, включая патофизиологические синдромы, во все сферы социальной жизни становится ключевой для поддержания социокультурной гомогенности.

Современная реальность демонстрирует, что значительная часть этого контингента лишена адекватной поддержки, необходимой для восстановления нормального функционирования в рабочей, семейной и общественной сферах. Отсутствие социальной поддержки часто обусловлено экономической нестабильностью, которая наблюдается в стране в последние годы. В условиях усугубляющихся экономических вызовов, государственная политика в сфере социальной защиты инвалидов становится менее приоритетной, что усиливает социальную изоляцию этой категории граждан.

Основными факторами, которые деструктивно влияют на социальную среду и ограничивают интеграционные возможности людей с ограниченными возможностями, являются так называемые «барьеры инвалидности», препятствующие их социально-нормативной интеграции в общество.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в рамках гуманистической парадигмы, личности с различными

девиациями от общепринятых норм и ограниченными функциональными возможностями, требуют интенсифицированного фокуса внимания. Это обусловлено тем, что такие индивиды сталкиваются с барьерами в самоорганизации своей повседневной жизни, что обосновывает необходимость их включения в систему усиленной правовой, экономической и социальной поддержки со стороны общественных институтов и государственных структур. В ответ на эти специфические потребности,

формируются социальные учреждения, задачей которых является обеспечение социальной интеграции и защиты лиц, испытывающих ограничения в активности и участии. Под социальной защитой понимается не только создание условий для компенсации физических, психологических или интеллектуальных ограничений, но и разработка мероприятий, направленных на обеспечение равенства в возможностях участия всех граждан в социальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декларация о правах инвалидов: Провозглашенная резолюцией 3447 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1975г. // Социальное обеспечение. 2005. №23. С.4–5.
2. Концепция федеральной целевой программы «Социальная поддержка инвалидов на 2006–2010 годы»: концепция утверждена распоряжением Правительства РФ от 28.09.2005г. №1515-р.
3. Артюнина Г.П. Основы социальной медицины: учебное пособие. М.: Академический Проект, 2005. 576 с.
4. Гусева Л.А. Технология социальной реабилитации инвалидов //Социальное обслуживание. 2004. №3. С.33–44.
5. Гуслова М.Н. Организация и содержание социальной работы с населением: учебник. М.: Академия, 2007. 256 с.
6. Данилюк Л.Е., Бахарев В.В. Ограниченные возможности здоровья: логико-методологический анализ // Общество: экономика, политика и право. 2010. № 6. С. 8–11.
7. Колударова С.В., Мазаев Ю.Н. Методологическая специфика социологического исследования различных проблематик //Социальная политика и социология. 2016. Т. 15. № 2 (115). С. 96–103.
8. Миронова Е.А. Инвалиды как субъект социальной политики //Отечественный журнал социальной работы. 2009. №4. С.20–22.
9. Петров В. Социальная среда интеграции людей с ограниченными возможностями здоровья // Социальная политика и социология. 2009. №2. С.50–54.
10. Холостова Е.И. Социальная работа с пожилыми людьми: учебное пособие. М.: Дашков и К. 2007.

© Гаматаева Саида Хасмагомедовна (saida77771111@mail.ru); Нажмутдинов Гаджи Имамутдинович (nazhmutdinovg@bk.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

PROBLEMS OF SOCIAL ADAPTATION OF STUDENTS WITH DISABILITIES IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

**A. Gilfanova
N. Gazizova
K. Kafarova**

Summary. This study analyzes aspects of sociological integration and psychological adaptation of students with functional limitations in the educational environment of a higher education institution. The importance of studying and applying various methodologies to improve the integration process of these categories of students is updated. The article examines how the principles of inclusive education are implemented in practice using the example of various universities in Russia. A sociological analysis of the mechanisms of adaptation and integration of students with disabilities into the academic and social life of the university is carried out. The article also raises issues of the effectiveness of existing programs of psychological and pedagogical support and the identification of social barriers that impede full social adaptation. Innovative approaches to creating conditions for social inclusion and psychological adaptation are considered, including socialization strategies through creative activities and the formation of the self-concept among students.

Keywords: social adaptation, students with disabilities, inclusive education, psychological support, integration barriers, learning environment.

Гильфанова Ангелина Викторовна

Ассистент, Казанский государственный энергетический университет
angellloko@mail.ru

Газизова Наталия Валерьевна

преподаватель, руководитель Центра психологической поддержки и социальной защиты РГУ СоцТех, Москва
nataliia.burghart@yandex.ru

Кафарова Кизханум Загировна

Старший преподаватель, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный
kafarovak@mail.ru

Аннотация. В данном исследовании анализируются аспекты социологической интеграции и психологической адаптации студентов с функциональными ограничениями в образовательной среде высшего учебного заведения. Актуализируется важность изучения и применения различных методологий для улучшения процесса интеграции данных категорий студентов. Исследуется, как принципы инклюзивного образования воплощаются в практику на примере разнообразных университетов России. Осуществлен социологический анализ механизмов адаптации и интеграции студентов с ограниченными возможностями в академическую и социальную жизнь вуза. В статье также поднимаются вопросы эффективности существующих программ психолого-педагогического сопровождения и выявления социальных барьеров, препятствующих полноценной социальной адаптации. Рассмотрены инновационные подходы к созданию условий для социальной инклюзии и психологической адаптации, включая стратегии социализации через творческую деятельность и формирование Я-концепции среди обучающихся.

Ключевые слова: социальная адаптация, студенты с ограниченными возможностями здоровья, инклюзивное образование, психологическая поддержка, барьеры интеграции, учебная среда.

Введение

Инклюзивное образование в высших учебных заведениях России превращается в ключевую тему социологического анализа, отражая тенденцию к расширению доступа к образовательным ресурсам для студентов, требующих специальных условий обучения. Законодательные инициативы на федеральном уровне утверждают инклюзию как фундаментальный элемент образовательной политики. Например, 1124 высшие учебные заведения в стране, включая Московский государственный гуманитарно-экономический университет и Казанский федеральный университет, декларируют готовность к приему студентов с особыми образовательными потребностями.

В контексте социологического анализа, студенты с особыми потребностями здоровья часто сталкиваются с структурными несоответствиями между декларируемым уровнем доступности образовательных услуг и их реальной инкорпорацией в образовательное пространство, что не всегда фаворизирует их полноценную интеграцию и академический успех. Процесс деинституционализации барьеров в образовании охватывает не только физическую доступность, но и создание условий для качественного обучения.

Основные препятствия для инклюзивного включения студентов с особыми потребностями проявляются через ряд экзогенных переменных, таких как неадекватная подготовка преподавательского состава к особенностям различных нозологий и адаптации учебных про-

грамм, а также ограниченное понимание студентами без особых потребностей важности социальной поддержки и эмпатии. Эти аспекты вносят диссонанс в процесс формирования социально интегрированных образовательных сред, усугубляя социальное разделение и способствуя формированию параллельных образовательных контекстов, что препятствует развитию истинно инклюзивного академического сообщества.

Во-вторых, субъективные факторы охватывают специфику решения интрапсихических задач, связанных с определенными заболеваниями, которые способствуют развитию недооценки собственной персоны. Это включает ограниченную коммуникативную компетентность и такие черты характера, как психологическая незрелость и зависимые поведенческие ориентации.

В контексте создания инклюзивного образовательного пространства, акцентируется внимание на стратегические направления для повышения социокультурной интеграции студентов с индивидуальными образовательными запросами и ограниченными возможностями здоровья:

- Разработка и имплементация передовых психолого-педагогических программ, ориентированных на адаптацию;
- Гарантирование социально-психологического партнёрства в адаптационный период для студентов-первокурсников с специфическими потребностями;
- Апгрейд профессиональной квалификации преподавателей, с учётом особенностей различных нозологических групп;
- Стимулирование развития целевых социокоммуникативных умений среди студентской общности без особых запросов, для эффективного взаимодействия с пирами, имеющими специальные образовательные потребности.

В рамках социологии образования, российские академические исследования в домене психолого-педагогических наук акцентируют внимание на дискурсе инклюзивного образования. Учёные такие как Л.Е. Елгина и А.П. Парахонский проводят анализ социокультурной интеграции студентов с особыми образовательными потребностями (ОВЗ) и инвалидностью в высших учебных заведениях. А.П. Парахонский детализирует четыре основных компонента адаптационного процесса в учебных институтах: психолого-педагогический, социально-психологический, мотивационно-личностный и психофизиологический. Л.Е. Елгина подчеркивает значимость профессиональной адаптации как ключевого фактора для полноценного инкорпорирования студентов в образовательный процесс. Дополнительно, социально-психологическая адаптация играет критическую роль в организации взаимодействий между студентами

с ОВЗ и их коллегами без ОВЗ. Исследование фокусируется на идентификации и анализе барьеров для эффективности инклюзивного образования и разрабатывает прогрессивные методики обучения и социальной адаптации, способствующие успешной социальной и академической интеграции данных студентов.

Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана занимает ведущую роль в социализации студентов с различными формами образовательных барьеров, включая инвалидность, в рамках академической среды. Процесс социальной интеграции этих студентов инициируется с момента их зачисления в Главной учебно-исследовательский и методический центр реабилитации инвалидов (ГУИМЦ). В течение первых трех лет обучения учреждение предоставляет адаптированную учебную программу, включающую дисциплины, направленные на профессиональную ориентацию и адаптацию, а также на развитие ключевых компетенций для преодоления социальных и физических ограничений. Начиная с четвертого курса, программа обучения обогащается специализированными профессиональными курсами, облегчая процесс трансформации студентов в полноценных участников образовательного процесса и их дальнейшее включение в общеобразовательные группы с возможностью получения поддержки от тьюторов.

Уральский государственный лесотехнический университет выделяется своей активной ролью в фасилитации социокультурной интеграции и психологической поддержке студентов с ограниченными физическими возможностями. Эта учебная институция осуществляет стратегическую имплементацию принципов инклюзии, мультикультурализма и толерантности. В качестве ключевых агентов изменения выступают тьюторы, которые играют центральную роль в оказании индивидуализированной поддержки и способствуют адаптационным процессам студентов через многоуровневую диагностику их социальных и психологических нужд.

С начала 1990-х годов, Челябинский государственный университет развернул структурные инновации для интеграции студентов с специфическими потребностями в здоровье, включая лиц с инвалидностью, через разработку и реализацию адаптивных образовательных и социокультурных программ. Эти инициативы направлены на учет как индивидуальных, так и коллективных образовательных потребностей, подкрепляемые региональным информационным ресурсом «Молодые инвалиды и высшее образование». Этот ресурс функционирует как инструмент систематического сбора и анализа данных о студентах с ограниченными возможностями, что способствует оптимизации образовательной среды и углублению процессов их академической социализации. В ЧГУ психолого-педагогическая поддержка начи-

нается с момента поступления и продолжается на протяжении всего обучения, что способствует градуальной интеграции студентов в образовательную среду и их последующему трудоустройству.

Новосибирский государственный университет с 2000 года функционирует по принципам инклюзивного образования, предоставляя студентам с ОВЗ условия для полноценного образования и социализации. В числе мероприятий — адаптация учебных пространств и общежитий, оборудование специальными техническими средствами и создание доступной инфраструктуры. Эти меры направлены на устранение барьеров в образовании и повседневной жизни, что способствует формированию социальной компетентности и психологического комфорта в студенческой среде.

Таким образом, в российских вузах основная задача психолого-педагогического сопровождения студентов с ОВЗ заключается в создании условий для их полноценной социализации и профессиональной интеграции через системные изменения в образовательном пространстве и культуре, а также через формирование инклюзивного настроения среди преподавательского состава и студентов.

Процесс социокультурной интеграции индивида не может считаться завершённым до момента, когда личность не достигнет понимания своего статуса и роли в социальной структуре. Университетский этап обучения часто служит транзитным периодом, переходом от зависимого статуса, поддерживаемого семьей, к этапу профессиональной идентификации, способствующему социальной независимости и автономии. В академической среде студенты без физических ограничений часто переживают период, который можно определить как нормативную социализацию, в течение которой формируются их социальные роли и профессиональное самоопределение, подкрепляемое общественным признанием их потенциального вклада в профессиональную сферу. В контрасте, студенты с ограниченными возможностями здоровья часто сталкиваются с процессами социального сравнения и стигматизации, что может негативно сказываться на формировании их профессиональной идентичности и восприятии собственной социальной ценности. Это явление может привести к тому, что академические неудачи интерпретируются как следствие дискриминации или сравнения с возможностями других, не имеющих таких ограничений. В свете этих вызовов, анализ педагогического и психологического сопровождения этих студентов в образовательных учреждениях подчеркивает критическую необходимость разработки и внедрения стратегий, способствующих их социальной интеграции и психологической адаптации. Текущее положение вещей отмечает недостаток в инициативах, направленных на стимулирование социальной активности и участия таких студентов в университетской жизни.

Инициатива Самарского государственного технического университета (СамГТУ) в области инклюзивного образования иллюстрирует важные аспекты социальной инкорпорации студентов с разнообразными образовательными потребностями. В рамках этого проекта университет реализовал комплекс социально-структурных стратегий, направленных на укрепление этого процесса, включая создание барьероустраняющей среды на кампусе и в учебных зданиях, а также предоставление специализированного оборудования для студентов, относящихся к различным нозологическим группам. Эти меры способствуют социализации студентов и их академической адаптации через разработку адаптивных учебных программ и психолого-педагогическое сопровождение, создавая условия для их успешной интеграции в академическое и социальное пространство университета.

На кафедре «Психология и педагогика» была разработана масштабная инициатива для социализационной адаптации, целящая в усиление социальной идентичности и культурной интеграции студентов в академическую среду. Программа внедряет стратегии для:

- фасилитации инклюзивной социализации студентов с ограниченными возможностями, обеспечивая равные возможности для их академической и социальной интеграции;
- создания образовательной экосистемы, которая стимулирует когнитивное и творческое развитие;

С 2019 года была инициирована академическая программа под названием «Эффективные практики инклюзивного образования», направленная на профессиональное развитие преподавателей высших учебных заведений в области работы со студентами, обладающими особыми образовательными потребностями и инвалидностью. Этот курс отвечает на вызовы социализации и адаптации данных групп в академической среде, акцентируя внимание на необходимости компетентного взаимодействия в контексте специфических нозологий. Он подчеркивает роль социально-психологической поддержки и адекватной подготовки преподавателей, что является ключевым для успешной интеграции студентов с особыми потребностями в учебный процесс.

В рамках этого проекта акцентируется внимание на создании социокультурного капитала через внедрение волонтерской программы, эффективно администрируемой студентами Мининского университета. После прохождения специализированной подготовки в Ресурсном учебно-методическом центре, ориентированном на обеспечение образовательных услуг лицам с инвалидностью, студенты активизируют свою деятельность в этом направлении. Кафедра «Психология и педагогика» участвует в разработке и реализации междисциплинарных стратегий, направленных на повышение социокуль-

Таблица 1.

Динамика показателей адаптационных составляющих студентов начальных курсов СамГТУ в процессе реализации психолого-педагогического сопровождения

Категория обучающихся	Принятие себя (До)	Принятие себя (После)	Принятие других (До)	Принятие других (После)	Локус контроля (До)	Локус контроля (После)	Адаптация (До)	Адаптация (После)
Обучающиеся с ОВЗ и инвалидностью	низкий и ниже среднего	средний и выше среднего	низкий и ниже среднего	высокий и выше среднего	внешний	внутренний	зона неопределенности	средняя и выше среднего
Обучающиеся без ОВЗ и инвалидности	средний и высокий	высокий и выше среднего	средний и ниже среднего	смешанный	смешанный	смешанный	средний и выше среднего	выше среднего

Таблица 2.

Средние показатели психических состояний студентов начальных курсов СамГТУ до проведения мероприятий психолого-педагогического сопровождения

Категория обучающихся	Тревожность	Фрустрация	Ригидность	Агрессия
Обучающиеся с ОВЗ и инвалидностью	высокий	высокий	высокий	выше среднего
Обучающиеся без ОВЗ и инвалидности	выше среднего	выше среднего	высокий	варьируется в широких пределах

турной интеграции и доступности образования. Проект «Обучение без ограничений», инициированный в социальной сети ВКонтакте и внедренный в Самарском Государственном Техническом Университете, фокусируется на укреплении социальных связей и улучшении процессов социальной интеграции студентов с ограниченными возможностями здоровья через инклюзивное образование и коллаборативные практики.

Критически важными элементами данной программы являются не только обеспечение поддержки, но и постоянное отслеживание адаптации учащихся на начальных курсах. Исследования, проведенные в период с 2016 по 2020 год, включали тестирование и непосредственное наблюдение за изменениями в коммуникативных стратегиях и поведенческих реакциях студентов с ОВЗ в различных учебных и социальных контекстах. Особое внимание уделялось динамике психологической адаптации, что позволило глубже анализировать и корректировать психообразовательные стратегии.

Оценка психосоциальной адаптации студентов осуществлялась с использованием методики К. Роджерса и Р. Даймонд, что обогатило понимание основных адаптационных процессов. Заметное улучшение показателей я-концепции и локуса контроля было зафиксировано после внедрения целенаправленных психолого-педаго-

гических интервенций, подчеркивающих важность этих показателей в процессе социальной интеграции студентов с ОВЗ в академическое сообщество.

Результат психодиагностических процедур показал динамику изменения психических состояний обучающихся (табл. 1).

В процессе реализации программы психолого-педагогического сопровождения в СамГТУ, активное участие всех заинтересованных сторон в инклюзивном образовательном процессе способствовало эффективной социализации студентов с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью. Эмпирические данные свидетельствуют о положительной динамике в самоприятии и приятии других учащихся, с большинством отмеченных результатов, показывающих средние и высокие уровни. Была обнаружена тенденция к смещению локуса контроля в сторону интернализации. Данные о психологических аспектах адаптации студентов представлены в таблице 3.

Таблица 3.

Средние показатели психических состояний студентов начальных курсов СамГТУ после проведения мероприятий психолого-педагогического сопровождения

Категория обучающихся	Тревожность	Фрустрация	Ригидность	Агрессия
Обучающиеся с ОВЗ и инвалидностью	средний	низкий	средний	средний
Обучающиеся без ОВЗ и инвалидности	средний	низкий	средний	варьируется в широких пределах

Социологический анализ эффективности инклюзивных образовательных мероприятий подтверждает их значимость в улучшении качественных параметров академической среды, особенно через снижение тревожности среди студентов с особыми образовательными по-

требностями (ООП) и инвалидностью. Дополнительно, редукция стигматизации среди студентов без указанных особенностей также отмечена как результат внедрения данных практик. Повышение профессиональной компетентности педагогического состава в контексте работы с такими студентами стало одним из заметных аспектов нашего исследования.

На основе социологического изучения практик инклюзии в высших образовательных учреждениях, были идентифицированы основные аспекты психолого-педагогического сопровождения, которые, несмотря на их важность для эффективной социальной интеграции студентов с различными нозологическими особенностями, остаются недостаточно разработанными. Это открытие подчеркивает потребность в улучшении общей эффективности образовательного процесса.

Из исследования вытекают следующие выводы:

- Инклюзивные процессы развиваются асимметрично, демонстрируя значительные вариации в подходах и результатах;
- Проактивно формируются условия, способствующие академической адаптации и обучению студентов с особыми образовательными потребностями и инвалидностью;
- Осуществляется динамичное совершенствование пространственной и академической инфраструктуры;
- Разрабатываются адаптивные образовательные программы, направленные на учет индивидуальных особенностей и потребностей студентов.

Тем не менее, социально-психологический аспект инклюзии, связанный с самооценкой и идентичностью сту-

дентов с инвалидностью и особыми образовательными потребностями, требует дополнительного исследования и разработки, особенно в контексте социального признания и признания разнообразия.

В контексте социальной интеграции важным аспектом выступает самоуважение, влияющее на успешность реализации индивидуального потенциала. Поэтому комплексные инновационные программы социально-психологической адаптации необходимы для полноценного включения молодежи с инвалидностью и ООП в общественную жизнь, превосходя пространственные и академические компетенции.

Активное участие студентов в социокультурных программах высших учебных заведений является механизмом внеклассной социализации, который расширяет границы их образовательного опыта. Университеты разрабатывают и внедряют программы, где студенты не только принимают роль лидеров, но и являются ключевыми исполнителями в деятельности, например, в научных и технических клубах, артистических и театральных фестивалях, интеллектуальных играх, таких как КВН. Эти мероприятия открывают возможности для проявления и развития творческих способностей молодежи, способствуют культурному обогащению студентов с особыми образовательными потребностями и вкладывают в их индивидуальное Я-концепт в виде удовлетворения и самореализации. Разработка универсально доступных культурных и творческих программ, особенно в контексте инклюзивного образования, становится критически важной для эволюции и адаптации инклюзивного образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Елгина Л.С. Социальная адаптация студентов в вузе // Вестник Бурятского государственного университета. — 2010. — № 5.
2. Бейлина Н.С. Деятельность куратора как фактор эффективной адаптации студентов младших курсов // Человек в условиях неопределенности. Сборник научных трудов: в 2-х томах / Под общ. и науч. ред. Е.В. Бакшутовой, О.В. Юсуповой, Е.Ю. Двойниковой. — 2018. — С. 110–113.
3. Павлова А.М. Субъективные особенности студентов с ограниченными возможностями здоровья, препятствующие их успешной адаптации // Молодой ученый. — 2016. — № 18. — С. 193–196. — URL <https://moluch.ru/archive/122/33614/> (дата обращения: 27.09.2019).
4. Парахонский А.П. Социальная адаптация студентов в процессе обучения в вузе // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. — 2010. — № 11.
5. Елизарьева Л.В. Опыт организации инклюзивного обучения студентов-инвалидов в Челябинском государственном университете / Л.В. Елизарьева, С.А. Ярушева // Вестник факультета управления Челябинского государственного университета. — 2017. — № 2. — С. 72–74.
6. Богомолова Т.Ю. Инклюзивное высшее образование как часть жизненной траектории: опыт выпускников НГУ, имеющих инвалидность / Т.Ю. Богомолова, С.В. Корждук // Мир экономики и управления. — 2017. — Т. 17. — № 4. — С. 201–214.

© Гильфанова Ангелина Викторовна (angelloko@mail.ru); Газизова Наталия Валерьевна (natalia.burghart@yandex.ru);

Кафарова Кизханум Загирова (kafarovak@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ

STUDY OF THE LEVEL OF COMMUNICATIVE TOLERANCE AMONG STUDENTS OF PEDAGOGICAL UNIVERSITIES

**A. Gilfanova
D. Gerikhanov
M. Taranova**

Summary. The study focuses on the need to analyze communicative tolerance among students of pedagogical universities in the context of inclusive education programs for individuals with disabilities. Empirical data on tolerant and intolerant attitudes of students to the problems of individuals with disabilities were carefully analyzed. The study is based on the works of such scientists as Asmolov, Boyko, Bondareva and others, who made a significant contribution to the development of the theory of communicative tolerance. It was determined that this phenomenon includes several key components and is associated with the general concept of tolerance. The results showed positive changes in the characteristics of communicative tolerance among graduates of defectological and pedagogical specialties, especially those who chose a profession related to working with individuals with disabilities. These findings confirm the importance of a conscious choice of profession and interaction in the educational environment for the formation of a tolerant personality.

Keywords: communicative tolerance, inclusive education, pedagogical university, limited health opportunities, disability.

Гильфанова Ангелина Викторовна

Ассистент, Казанский государственный
энергетический университет
angelloko@mail.ru

Гериханов Дени Тамерланович

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Грозненский
государственный нефтяной технический университет
имени академика М.Д. Миллионщикова»,
ПЦК «Информационные технологии»
misterdeni02@mail.ru

Таранова Мадина Султановна

Преподаватель, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный
университет им. А. А. Кадырова», г. Грозный
madina763@mail.ru

Аннотация. Исследование акцентирует внимание на необходимости анализа коммуникативной толерантности среди студентов педагогических вузов в контексте программ инклюзивного образования для лиц с ограниченными возможностями. Эмпирические данные о толерантных и интолерантных установках студентов к проблемам лиц с инвалидностью подверглись тщательному анализу. Изучение основывается на работах таких учёных, как Асмолов, Бойко, Бондарева и другие, которые внесли значительный вклад в разработку теории коммуникативной толерантности. Определено, что этот феномен включает в себя несколько ключевых компонентов и связан с общей концепцией толерантности. Результаты показали положительные изменения в характеристиках коммуникативной толерантности у выпускников дефектологических и педагогических специальностей, особенно тех, кто выбрал профессию, связанную с работой с лицами с инвалидностью. Эти находки подтверждают важность сознательного выбора профессии и взаимодействия в образовательной среде для формирования толерантной личности.

Ключевые слова: коммуникативная толерантность, инклюзивное образование, педагогический вуз, ограниченные возможности здоровья, инвалидность.

Введение

В рамках эпохи гуманизма в социокультурной динамике мы становимся свидетелями метаморфозы аксиологического ландшафта, особенно в аспектах социального прогресса. Эти изменения манифестируются через реформацию социокультурных политик, которые стремятся к инклюзии и поддержке индивидов с различными функциональными ограничениями. Такой процесс укрепляется международными нормативами, например, Конвенцией о правах ребенка и Конвенцией о правах инвалидов, вносящими в общественное сознание идею интринсечной ценности каждого человека, независимо от его физиологических или психологических особенностей.

Данная идеология получает дальнейшее развитие через стремление к инклюзивному образованию, выступающему в качестве краеугольного камня образовательной политики России и ключевого элемента реализации Федеральной целевой программы развития образования. Инициативы направлены на создание таких условий, при которых каждый индивид способен полноценно интегрироваться в общественную жизнь, способствуя тем самым социальной интеграции и культурному обогащению коллектива.

Инклюзивные процессы проникают в различные страты социума, охватывая не только индивидов с особыми физическими потребностями и их окружение, но и экспертов в области образования, а также участников

более широкой образовательной экосистемы (педагогов, родителей, лиц без здоровья ограничений). Реализация концепции инклюзивного образования сталкивается с множественными барьерами, включая задачи создания адаптированной среды, интеграцию специализированных технологий, а также противодействие со стороны акторов образовательного процесса принципам гуманизма. Недостаток аксиологического подхода в обучении лиц с особыми потребностями усугубляет проблемы в формировании культуры признания, толерантности, а также реализации принципов сотрудничества и партнерства во взаимодействии с людьми, столкнувшимися с инвалидностью [3, с. 22].

Исследования указывают, что примерно 40 % участников (педагоги, родители, дети, общественные активисты) видят главные барьеры в продвижении инклюзивных практик в отсутствии уважения к индивидуальности в поликультурном образовательном контексте и существующих стереотипах относительно лиц с ОВЗ. Около 25 % опрошенных указывают на сложности в межличностных взаимодействиях среди участников образовательного процесса. По данным других исследований, 40 % лиц с ОВЗ ощущают негативное восприятие со стороны других участников образовательного пространства.

Таким образом, критическим аспектом успешной реализации инклюзивного образования на всех уровнях является создание образовательной среды, которая бы акцентировала важность принципов признания и толерантности, обеспечивая эффективное включение всех участников образовательного процесса в равных условиях.

Имплементация стратегий инклюзивного образования для лиц с особыми образовательными потребностями и инвалидностью акцентирует необходимость культивирования толерантного мировоззрения в контексте всех агентов социальной интеракции. Концепция толерантности, как указывается в «Декларации принципов толерантности» ЮНЕСКО 1995 года, включает в себя не только признание и принятие различий, но и активное отказ от доминирования и насилия, с целью установления уважительных и диалогических отношений между индивидами. Это отношение становится системообразующим элементом в определении толерантности.

Исследования в области социологии, психологии и социальной антропологии демонстрируют широкий спектр подходов к анализу феномена толерантности, включая работы таких ученых, как А.А. Акулова, А.Г. Асмолов, и М. Уолцер. В разных научных дисциплинах акцентируется различие в интерпретациях толерантности, что способствует более глубокому пониманию её многоаспектности и влиянию на социальное взаимодействие.

В частности, в рамках психологической перспективы толерантность рассматривается как многогранное личностное качество, которое проявляется через акцептацию, понимание и уважение к разнообразию внутри человека, включая возрастные, половые, национальные и другие социальные характеристики. Это подход подчеркивает значимость индивидуального развития толерантности как составляющей компетентности, необходимой для полноценного участия в социокультурной жизни современного общества [1, с. 115].

Толерантность в коммуникативном контексте определяется как способность индивида к адекватному восприятию и уважению разнообразия мнений, поведенческих паттернов и культурных особенностей других людей. Эта форма толерантности встраивается в структуру межличностных взаимодействий и регулируется через нормы и ожидания, принятые в социуме. Коммуникативная толерантность проявляется не только в способности переносить психологический дискомфорт, вызванный различиями, но и в активном стремлении к конструктивному диалогу, даже если мнения сторон кардинально расходятся.

Проблематика толерантности активно разрабатывается в рамках социологических и социально-психологических исследований, где она анализируется как комплексное явление, включающее в себя как индивидуально-психологические, так и групповые аспекты. Изучение толерантности помогает выявлять механизмы социальной интеграции и дезинтеграции, а также разрабатывать методы социальной адаптации и кооптации в условиях мультикультурного общества.

Научное понимание коммуникативной толерантности значительно расширилось благодаря работам таких ученых, как В.В. Бойко, который ввел данный термин в научный дискурс. Бойко рассматривал эту категорию как важный элемент социальной компетентности личности, определяющий его способность к эффективно-му и этичному взаимодействию в общественной сфере. По его мнению, недостаточно развитая коммуникативная толерантность и негативные коммуникативные настройки могут проявляться через агрессивные поведенческие реакции и предвзятость, что снижает качество и продуктивность социальных взаимодействий.

Таким образом, развитие коммуникативной толерантности становится ключевым для устойчивости социальных структур и гармонизации межгрупповых отношений, что в свою очередь способствует общему социальному благополучию и интеграции.

В.В. Бойко рассматривает толерантность как эссенциальную черту субъекта, служащую основой для интеграции и координации многообразных аспектов че-

ловеческой природы — от моральных до когнитивных процессов. Толерантность воспринимается как синтетическая характеристика, обеспечивающая единство разноуровневых элементов личностной архитектуры. Подобные рассуждения находят отражение в трудах исследователей социологической и психологической антропологии коммуникаций, таких как З.А. Агеева, Н.А. Асташова, О.В. Скрыбина.

Они акцентируют внимание на структурных компонентах коммуникативной толерантности, включающих когнитивные, мотивационные, эмоционально-волевые и поведенческие аспекты. В частности, выделяют мотивационно-ценностный элемент, интерпретируя коммуникацию как процесс равноправного взаимодействия. Успешность такого взаимодействия предполагает не только понимание, но и учет взаимных целей, нужд и интересов субъектов, обеспечение гармонии и взаимоуважения. Этот аспект играет критическую роль в координации всех компонентов коммуникативной структуры [5, с. 90].

Основной же компонент, который охарактеризован как деятельностный, связывает реальные и представленные события в единый смысловой континуум, определяя жизненные компетенции индивида. Таким образом, деятельностный компонент становится механизмом, через который толерантность проявляется в повседневной жизни, формируя способность личности адаптироваться и функционировать в социальной среде.

Теоретические исследования проблемы толерантности находят свое отражение и внедрение в практическую деятельность, особенно в сфере образования, где обсуждение и разработка методов формирования культуры толерантности становятся основополагающими. Академическое сообщество, включая исследователей и педагогов (Е.Е. Дмитриева, Н.Р. Зыкова, О.В. Карынбаева и другие), уделяет особое внимание исследованию процессов социализации и интеракции в мультикультурной образовательной среде.

Социологический анализ подчеркивает важность соответствия образовательных практик общественным ожиданиям и социокультурным требованиям современности. Статья 12 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» предусматривает создание условий для формирования взаимопонимания и кооперации среди студентов, преодолевая этнические, национальные и социальные барьеры, что подчеркивает необходимость интеграции разнообразия в образовательный процесс.

В контексте высшего педагогического образования, как отмечает Н.А. Ореховская, создание инклюзивной образовательной среды является ключевым для разви-

тия коммуникативной толерантности у будущих педагогов. Преподаватели и выпускники, как носители инклюзивных и толерантных ценностей, играют ведущую роль в продвижении этих принципов в широком социальном и культурном контексте. Эффективное образование, ориентированное на толерантность, способствует формированию у студентов не только профессиональных компетенций, но и гражданской ответственности и этических установок.

Таким образом, задача развития коммуникативной толерантности в образовательных учреждениях тесно связана с созданием среды, которая способствует укреплению социальной когезии и улучшению взаимодействия между различными социальными группами [9, с. 145].

Целью данного эмпирического исследования было исследовать особенности толерантности и нетолерантности в установках студентов, а также оценить глубину их коммуникативной толерантности. В ходе исследовательской деятельности, участие принимали 120 студентов старших курсов Нижегородского государственного педагогического университета имени К. Минина, разделённые на две группы в соответствии с их специализациями: первая группа (далее — группа I) включала 60 студентов факультета специальной психологии, вторая (далее — группа II) — 60 студентов факультета русской филологии.

Методология сбора данных основывалась на социологических инструментах анкетирования и опроса, направленных на анализ уровня осведомлённости студентов о правах людей с ограниченными возможностями здоровья и их интеграции в образовательный процесс. Результаты исследования показали, что студенты группы I, обучающиеся в области дефектологии, проявляли высокую осведомлённость о правах и возможностях индивидов с инвалидностью в 83 % случаев. Аналогично, студенты группы II, фокусирующиеся на педагогических дисциплинах, демонстрировали значительную информированность, достигая 70 %.

Эти данные предоставляют основу для дальнейшего анализа межкультурной коммуникации и социальной интеграции в учебной среде, выявляя взаимосвязь между профессиональной подготовкой и уровнем коммуникативной толерантности. Особое внимание в рамках исследования уделялось изучению влияния образовательных профилей на формирование отношения к инклюзии и социальной ответственности среди будущих специалистов.

В рамках эффективной интеграции инклюзивного образования в академической атмосфере университетов, социологический анализ выделяет необходимость

формирования толерантного академического микроклимата. В этом контексте, значительная доля студентов первой (33 %) и второй (20 %) групп определяют важность осведомлённости и готовности студентов без ограничений в здоровье к интеграции с лицами, имеющими особые образовательные потребности (ООП). При этом лишь незначительное число студентов имеют персональный опыт взаимодействия с данными индивидуумами, что подчёркивает необходимость расширения социального взаимодействия и включения в образовательный процесс.

Анализируя полученные данные через призму «Индекса толерантности» от Г. Солдатовой и соавторов, можно углубить понимание о социальных установках среди студентов различных специальностей, в частности, педагогического направления. Этот метод позволяет оценить не только межэтническую и социальную толерантность, но и личностные характеристики толерантности. С помощью количественного и качественного анализа результатов можно выявить уровни толерантных и интолерантных установок, что способствует более глубокому пониманию динамики социальных отношений в университетской среде.

Внедрение инклюзивных практик требует от академических учреждений не только создания соответствующих условий, но и активизации социальной ответственности и эмпатии среди студентов. Важно стимулировать развитие компетенций, связанных с управлением разнообразием и укреплением социокультурной гармонии в образовательной среде. Это потребует интеграции социологических исследований и педагогических инноваций для подготовки специалистов, способных работать в мультикультурной и мультидисциплинарной среде, что в конечном итоге способствует формированию устойчивого и инклюзивного образовательного пространства.

В данном исследовании, обращается внимание на уровень коммуникативной толерантности среди студентов двух различных групп. Минимальная толерантность наблюдается у 2 % студентов первой группы и 5 % второй группы, которые демонстрируют резко выраженные интолерантные установки в социальных взаимодействиях. В то время как 14 % студентов первой и 10 % второй группы выделяются высокой степенью толерантности, проявляющейся в позитивных установках к социальным взаимодействиям и эффективном саморегулировании поведенческих реакций [7, с. 108].

Подавляющее большинство студентов обеих групп (84 % и 85 % соответственно) занимают промежуточную позицию с умеренной толерантностью, проявляющейся в сбалансированности толерантных и интолерантных установок. Этот уровень толерантности предполагает способность к адекватной реакции на разнообразие социальных групп и ситуационную адаптацию к ком-

муникативным процессам. Исследование личностных особенностей показало, что студенты первой группы демонстрируют значительно более высокие показатели по шкале «Толерантность как черта личности», что может быть связано с их активным участием в волонтерской и ресурсной поддержке лиц с ограниченными возможностями.

Для оценки уровня коммуникативной толерантности применялся «Тест коммуникативной толерантности» В.В. Бойко, который позволяет изучить динамику личностных установок в процессе социальных взаимодействий. Тест включает в себя девять блоков вопросов, отражающих различные аспекты коммуникативного поведения в специфических контекстах. Анализ результатов осуществлялся с использованием качественно-количественного подхода, что дало возможность классифицировать студентов по уровням развития коммуникативной толерантности от высокой до низкой.

Результаты этого исследования позволяют сделать выводы о значительном влиянии участия в социально значимых активностях на формирование толерантного отношения к разнообразию социальных идентичностей и умения эффективно взаимодействовать в различных коммуникативных контекстах.

Группы респондентов	Степень выраженности коммуникативной толерантности	Высокая	Средняя	Низкая	Полное неприятие
		абс.	%	абс.	%
Студенты I группы		9	15,0	32	53,3
Студенты II группы		5	8,3	30	50,0

Исследование коммуникативной толерантности среди студентов выявило различия в уровне адаптивности и акцептации разнообразия личностных характеристик в двух образовательных группах. В первой группе 15 % студентов демонстрировали высокий уровень толерантности, что включает готовность к диалогу, уважение к уникальности собеседника, а также способности к саморегуляции и контролю над своим поведением во время общения. Такой подход способствует формированию инклюзивного академического пространства.

Во второй группе только 8,3 % студентов показали аналогичные результаты, что может свидетельствовать о различиях в культурной или образовательной атмосфере между группами. Напротив, значительное количество студентов обеих групп (31,7 % в первой и 40 % во второй) продемонстрировали низкий уровень толерантности. Это выражалось в индифферентности к интересам и чувствам других, а также в склонности к агрессив-

ным и конфликтным взаимодействиям, что подрывает основы конструктивного диалога и взаимопонимания.

Крайняя форма неприятия разнообразия была зафиксирована у одного студента второй группы, что составляет 1,7 % от общего числа, что может указывать на глубоко укоренившиеся интолерантные установки. Большинство студентов в обеих группах показали средний уровень толерантности, характеризующийся сдержанными и ситуативными реакциями в коммуникации, что подчеркивает важность развития межкультурных компетенций в учебных заведениях.

Количественный анализ данных иллюстрации 1 показывает, что в первой группе обучающихся преобладает тенденция к достижению средне-высоких уровней в коммуникативной толерантности, тогда как во второй группе распространены средние и низкие значения этого индикатора. Более детализированное исследование уровней коммуникативной толерантности выявило определённые закономерности в распределении параметров. Например, самые высокие показатели толерантности замечены в сфере «Отказ от признания и понимания индивидуальности другого» (33,3 % у первой группы и 20 % у второй) и «Нетерпимость к физическому или психологическому дискомфорту, вызванному другими людьми» (20 % у второй группы).

По другим показателям, таким как «Категоричность в суждениях или консервативные оценки других» (53,3 %) и «Тенденция приспосабливать других под свои стандарты» (53,4 %), наблюдается высокий процент низких значений во второй группе, что указывает на потенциальные барьеры в понимании уникальных черт личности партнеров и может способствовать конфликтам в межличностных отношениях.

На основе социологического исследования можно утверждать, что студенты первой группы, обучающиеся

в рамках дефектологического профиля, демонстрируют высокий уровень социальной толерантности и низкую склонность к конфликтам, в отличие от студентов второй группы, проходящих педагогическую подготовку. Эти данные подтверждают, что обучающиеся на дефектологическом факультете более склонны к признанию и уважению индивидуальности других, что свидетельствует о различиях в социокультурных компетенциях между двумя образовательными группами.

Заключение

Формирование у студентов высшего педагогического образования компетенций для осуществления толерантной коммуникации представляет собой важный аспект подготовки современного педагога. Социализация толерантной личности включает в себя стратегическое углубление в ценностно-ориентированные аспекты личностного развития будущего образовательного специалиста. Это охватывает стимуляцию качеств, формирующих основу для личной готовности к интерактивному общению и эффективному взаимодействию в мультикультурном контексте, несмотря на индивидуальные различия субъектов общения.

Дополнительно, акцентируется внимание на активизации процесса самоидентификации и саморефлексии как ключевых элементов саморазвития и самоактуализации личности. В качестве основных условий для достижения данных целей выступает обогащение практического опыта студентов через вовлечение их в программы педагогической практики и сопровождения лиц с особыми образовательными потребностями и инвалидностью. Такое взаимодействие реализуется в рамках инклюзивного образовательного пространства высших учебных заведений, что способствует интеграции и социальной адаптации всех участников образовательного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Текст с изменениями и дополнениями на 2015 год. М.: Эксмо, 2015. 208 с.
2. Постановление Правительства РФ от 23 мая 2015 г. № 497 «О федеральной целевой программе развития образования на 2016–2020 гг.». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102372590&rdk=4> (дата обращения: 25.08.2024).
3. Дмитриева Е.Е. Профессионально-ценностная готовность выпускников педагогического вуза к работе в условиях инклюзивного образования // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 59 (1). С. 448–452.
4. Дмитриева Е.Е. Социально-личностная готовность субъектов образовательного процесса высшего учебного заведения к инклюзивному образованию. Н. Новгород, 2017. С. 39–45.
5. Dmitrieva E.E., Kashtanova S.N., Medvedeva E.Y., Olkhina E.A., Kudryavtsev V.A. Tolerant Consciousness of Educational and Multicultural Space Subjects // Espacios. 2018. Vol. 39, is. 38. 14 p.
6. Сорокоумова С.Н. Организация инклюзивного обучения в условиях модернизации образования // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 2 (3). С. 618–620.
7. Медведева Е.Ю., Ольхина Е.А. Проблема формирования толерантного отношения к лицам с ОВЗ // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-2. С. 227.
8. Декларация принципов толерантности: Двадцать восьмая сессия Генеральной конференции ЮНЕСКО (25 октября — 16 ноября 1995). Париж: Грааль, 1995. 16 с.
9. Асмолов А.Г. О смысле понятия толерантность. М.: Век толерантности, 2001. С. 8–18.
10. Бондарева С.К., Колесов Д.В. Толерантность. Введение в проблему. М., 2003. 523 с.

© Гильфанова Ангелина Викторовна (angelloko@mail.ru); Гериханов Дени Тамерланович (misterdeni02@mail.ru);

Тарамова Мадина Султановна (madina763@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФЕНОМЕН ДОВЕРИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ ЭКОНОМИКИ И ОБЩЕСТВА РОССИИ

Карапетян Степан Арсений Рубенович

Преподаватель-исследователь, Санкт-Петербург
stepan.a.karapetyan@gmail.com

THE TRUST PHENOMENON IN DIGITAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN ECONOMY AND SOCIETY

S. Karapetyan

Summary. The article reveals an actual problem of the transformation of digital trust in the Russian Federation in the context of digitalization of the economic and social spheres of life.

The research goal is to identify the impact of cultural, institutional and technological factors on the formation of digital trust with the subsequent analysis of changes in the structure of social capital in virtual interactions. The research objectives were to analyze the conceptual foundations and essence of the concept of «digital trust»; to identify its key elements (protection of personal data, transparency of interactions and state regulation); to consider explanatory models of trust, as well as to analyze the consequences of the transformation of digital trust for society.

The research methodology is based on a systematic approach and includes the descriptive method, the formal-logical method, the method of scientific generalization and systematization. Based on the results, the author concluded that, in order to maintain and strengthen digital trust, it is important to ensure the inclusiveness, transparency and security of digital services, which will create a more efficient and equitable digital society in which every citizen can fully participate.

Keywords: digital trust, Russian Federation, data protection, transparency, government regulation, digital literacy, economic sociology, transaction costs, rational choice, digitalization.

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблема трансформации цифрового доверия в Российской Федерации в условиях цифровизации экономической и социальной сфер жизни. Цель исследования состоит в том, чтобы выявить влияние культурных, институциональных и технологических факторов на формирование цифрового доверия с последующим анализом изменения структуры социального капитала в виртуальных взаимодействиях. Задачи исследования заключаются в том, чтобы проанализировать концептуальные основы и сущность понятия «цифровое доверие»; выявить его ключевые элементы (защита персональных данных, прозрачность взаимодействий и государственное регулирование); рассмотреть объяснительные модели доверия, а также проанализировать последствия от трансформации цифрового доверия для общества. Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя описательный метод, формально-логический метод, метод научного обобщения и систематизации. По итогу проведения исследования автор пришел к следующим выводам: для поддержания и укрепления цифрового доверия важно обеспечить инклюзивность, прозрачность и безопасность цифровых сервисов, что позволит создать более эффективное и справедливое цифровое общество, в котором каждый гражданин сможет участвовать в полной мере.

Ключевые слова: цифровое доверие, защита данных, прозрачность, государственное регулирование, цифровая грамотность, экономическая социология, транзакционные издержки, рациональный выбор, цифровизация.

Введение

Актуальность темы исследования состоит в том, что в условиях цифровизации экономической и социальной жизни вопрос цифрового доверия становится одним из ключевых для понимания взаимодействий в цифровом пространстве. В условиях цифровизации значительная часть взаимодействий переходит в виртуальную среду. Традиционные модели доверия, основанные на личных и физических контактах, сталкиваются с новыми вызовами, такими как анонимность и дистанционное общение. Важно понять, как эти модели трансформируются и какие элементы сохраняются или меняются в новом контексте.

Суть объяснительной модели цифрового доверия состоит в том, что для объяснения формирования цифрового доверия можно использовать модель рационального выбора, активно применяемую в экономической

науке и экономической социологии. Одними из основоположников теории рационального выбора являются Г. Беккер [2] и Д. Коулман [12]. Согласно этой модели, индивиды принимают решения о доверии на основе оценки потенциальных выгод и рисков. В цифровом контексте это означает, что пользователи анализируют, насколько платформа безопасна, какие правовые и социальные гарантии существуют, и какие потенциальные выгоды они могут получить от использования этих технологий.

Рациональное доверие в цифровой среде строится на нескольких ключевых факторах, таких как стоимость использования, риск потерять персональные данные, степень правовой защиты и уверенность в предсказуемости взаимодействий. В этом смысле цифровое доверие становится результатом рационального анализа, который проводят пользователи, взвешивая свои потенциальные выгоды против возможных угроз и издержек.

В России рациональное доверие к государственным цифровым платформам объясняется, как правило, сочетанием факторов: высокий уровень безопасности данных, наличие правовой поддержки и исторически сложившаяся репутация государства как главного гаранта безопасности и др. Пользователи зачастую считают государственные сервисы более надежными, так как они предполагают наличие жесткого регулирования и ответственности за нарушение обязательств. В объяснительной модели рационального выбора также присутствуют элементы социальной выгоды: люди могут доверять цифровым платформам, если их использование приносит им не только индивидуальные, но и коллективные выгоды.

Также интерес представляет теория транзакционных издержек, разработанную Р. Коузом [4] и О. Уильямсоном [14], которая помогает объяснить, почему пользователи склонны доверять определенным цифровым платформам. Согласно теории данных авторов, доверие к цифровым платформам помогает минимизировать транзакционные издержки, такие как время, усилия и ресурсы, необходимые для взаимодействия с платформой. В России государственные платформы, такие как «Госуслуги», обеспечивают пользователям возможность взаимодействовать с различными государственными органами и получать услуги с минимальными затратами времени и усилий. Платформы, которые снижают транзакционные издержки для пользователей, автоматически получают большее доверие, так как они упрощают взаимодействие и делают его более эффективным.

При этом, если пользователь уверен в том, что взаимодействие с платформой будет проходить гладко и без неожиданных проблем, он будет более склонен доверять этой платформе. В этом контексте особенно важны такие элементы, как пользовательская поддержка, быстрые ответы на запросы и простота в использовании. Объяснительная модель цифрового доверия включает в себя комбинацию рационального анализа выгод и рисков, минимизацию транзакционных издержек и социальные выгоды от использования цифровых платформ. Модель рационального выбора и теория транзакционных издержек в совокупности позволяют более полно понять, как формируется цифровое доверие в условиях Российской Федерации, и какие шаги могут предпринять государственные и частные платформы для его укрепления. Поддержание баланса между безопасностью, выгодой и удобством использования — это ключ к созданию устойчивого цифрового доверия, необходимого для полноценного функционирования цифрового общества.

Сушность, элементы и факторы цифрового доверия

Цифровое доверие мы определяем как *способность людей принимать решения и взаимодействовать в циф-*

ровой среде на основе уверенности в безопасности, прозрачности и предсказуемости происходящих процессов. Цифровое доверие включает такие элементы, как защита персональных данных, прозрачность взаимодействий, подотчетность платформ и четкие правовые механизмы, которые фактически формируют основу взаимодействия граждан в цифровой среде [8].

В работе Н. Уллаха «Гибридизация сокращения издержек и доверия к технологии блокчейн финансовыми учреждениями», анализируется и объясняется как увеличение прозрачности операций, укрепляет доверие пользователей к цифровым продуктам и инструментам за счет обеспечения прозрачности транзакций, уменьшению информационной асимметрии и снижению транзакционных издержек [13].

Важной характеристикой цифрового доверия в Российской Федерации является также роль государства и восприятие государственными органами ответственности за цифровое пространство. Государственное регулирование играет как положительную, так и потенциально негативную роль в формировании цифрового доверия. В частности, чрезмерное вмешательство и цензура могут вызвать противоположные эффекты, формируя недоверие к цифровой среде. Согласно данным исследований, около 63 % россиян выражают уверенность в государственных цифровых сервисах, таких как портал «Госуслуги», что свидетельствует о значительном влиянии государственного контроля на формирование цифрового доверия. Так, например, в 2020 году в Санкт-Петербурге порядка 60 % заявок в первые классы школы были поданы в электронном виде, через «Госуслуги». Ранее этот показатель был на уровне только 30 % [9].

В России государственные инициативы направлены на уменьшение цифрового неравенства путем создания образовательных программ по цифровой грамотности и поддержки граждан, не имеющих достаточных навыков работы с цифровыми технологиями. Например, программы по повышению цифровой грамотности, организуемые при поддержке Министерства цифрового развития, направлены на то, чтобы дать возможность широким слоям населения участвовать в цифровой экономике, что способствует повышению доверия, так как граждане видят, что усилия государства направлены на улучшение их возможностей и уменьшение цифрового разрыва [7].

Другой характеристикой цифрового доверия является культурный контекст и исторические модели доверия. Например, цифровые государственные сервисы пользуются большим доверием, чем коммерческие цифровые платформы, что отражается в статистических данных. Согласно данным исследования, проведенного Аналитическим центром НАФИ в 2023 году, 68 % россиян

доверяют государственным интернет-сервисам, 62 % — банкам, 59 % — интернет-магазинам, а 44 % — мобильным операторам и сервисам электронных платежей [1].

Приведенные статистические данные свидетельствуют о более высоком уровне доверия к государственным цифровым сервисам по сравнению с частными платформами. Данное явление можно объяснить не только привычкой полагаться на государство, но и видимой прозрачностью и ответственностью в работе государственных цифровых сервисов, что создает дополнительную уверенность у граждан.

Важно также учитывать роль социальных сетей и межличностных взаимодействий. Социальные сети становятся важным каналом, через который транслируются успешные примеры использования технологий, формируя коллективное доверие. Положительные отзывы играют важную роль в формировании восприятия цифрового сервиса: по данным исследования НИУ ВШЭ (2023), более 55 % пользователей готовы доверять платформе, если их окружение имеет позитивный опыт взаимодействия с ней [3].

Цифровое доверие не ограничивается только платформами или государственными сервисами, оно также охватывает широкий спектр услуг, связанных с цифровыми финансами, телемедициной и электронной коммерцией. Уровень доверия в каждой из этих областей может значительно различаться. Например, по данным отчета «Лаборатории Касперского» за 2023 год, более 58 % россиян предпочитают использовать приложения с высоким уровнем безопасности и шифрования данных, что подчеркивает значимость технологии для формирования доверия в контексте финансовых транзакций [5]. Согласно исследованию, проведенному холдингом «Ромир» в 2021 году, лишь 25 % россиян, знакомых с телемедициной, доверяют ей, тогда как 57 % выражают недоверие. Это свидетельствует о том, что значительная часть граждан обеспокоена вопросами безопасности хранения личных медицинских данных в телемедицинских сервисах [10]. Чем выше уровень доверия к цифровым платформам, тем активнее граждане готовы участвовать в цифровой экономике, используя доступные инструменты для улучшения качества своей жизни и общества в целом.

На основе вышеприведенных данных можно выделить следующие факторы, влияющие на институционализацию цифрового доверия:

1. Государственное регулирование. Важным фактором, формирующим цифровое доверие в России, является роль государства в регулировании цифрового пространства. Роль государства распространяется и на развитие цифровой инфраструктуры, что также способствует повышению

доверия. Государственные программы по созданию безопасной цифровой среды, такие как проекты по внедрению защищенных серверов для государственных услуг и поддержка технологий шифрования, направлены на создание доверительных отношений между пользователями и платформами [6].

2. Цифровые платформы, такие как социальные сети, банковские приложения и государственные порталы, являются элементом формирования доверия. Наличие прозрачных механизмов работы, обратной связи с пользователями и защита персональных данных напрямую влияют на уровень доверия к этим платформам. Основная задача технологических платформ — гарантировать безопасность, удобство и прозрачность взаимодействий, так как именно эти факторы определяют готовность пользователей доверять цифровым сервисам.
3. Социальный и культурный контекст. Важную роль в формировании цифрового доверия играет культура взаимодействия и восприятие рисков. Согласно социологическим исследованиям. Культурные и социальные нормы также играют роль в восприятии риска. Например, для российской культуры характерна высокая значимость личного взаимодействия и рекомендаций от знакомых, что формирует доверие на уровне межличностных отношений.
4. Экономические факторы. Финансовые стимулы и экономическая устойчивость также могут играть важную роль в формировании цифрового доверия. Согласно данным Банка России, объем безналичных операций физических и юридических лиц в 2022 году увеличился в 1,4 раза по сравнению с 2021 годом, что свидетельствует о росте доверия к финансовым цифровым сервисам [10]. В условиях экономической нестабильности, когда люди ищут способы сэкономить и рационально использовать свои ресурсы, возможность экономических выгод от использования цифровых технологий становится значимым фактором для формирования доверия.

Экономические аспекты цифрового доверия также связаны с наличием доступной инфраструктуры. Для многих граждан наличие стабильного интернета, доступных устройств и удобных сервисов является основой для доверия к цифровым платформам. Без развитой инфраструктуры цифровое доверие не может сформироваться на должном уровне, так как пользователи сталкиваются с техническими проблемами, которые снижают уровень уверенности и готовности к использованию технологий.

Трансформация цифрового доверия имеет как положительные, так и отрицательные последствия для раз-

личных аспектов жизни общества. Последствия институционализации цифрового доверия представлены ниже:

1. Повышение экономической активности. Одним из главных положительных последствий повышения цифрового доверия является увеличение экономической активности в онлайн-пространстве. В частности, внутренние затраты на развитие цифровой экономики в России по итогам 2022 г. превысили 3.1 трлн руб., что почти на 30 % больше, чем в 2019 году [11].

Таблица 1.

Внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников [11]

Год	2019	2022
Внутренние затраты на развитие цифровой экономики за счет всех источников — всего (тыс. руб.)	2 451 594 948,6	3 187 257 632,8

Таким образом, активное использование онлайн-банкинга, электронной коммерции и других цифровых финансовых инструментов создает условия для расширения внутреннего рынка и привлечения инвестиций в цифровые технологии.

2. Снижение барьеров для получения государственных услуг. Еще одним положительным последствием является упрощение доступа к государственным услугам через цифровые платформы. В условиях роста цифрового доверия все больше граждан предпочитают пользоваться государственными сервисами онлайн, такими как портал «Госуслуги», что приводит к снижению административных барьеров и уменьшению времени, необходимого для получения государственных услуг.
3. Риски цифрового неравенства. Однако наряду с положительными последствиями трансформация цифрового доверия может привести и к возникновению определенных негативных аспектов. Одним из таких аспектов является рост цифрового неравенства. Не все группы населения обладают одинаковым уровнем доступа к цифровым технологиям. Например, пожилые люди и граждане с низким уровнем дохода могут испытывать трудности с доступом к современным цифровым устройствам или недостатком навыков для их использования, что, в свою очередь, ограничивает их возможности получать государственные и коммерческие услуги онлайн.
4. Зависимость от цифровых технологий. Трансформация цифрового доверия также приводит к уве-

личению зависимости общества от цифровых технологий. С одной стороны, это способствует развитию технологических решений и интеграции цифровых сервисов в повседневную жизнь, однако с другой стороны, чрезмерная зависимость от технологий может представлять угрозу в случае сбоев, технических проблем или кибератак. Например, сбой в работе государственных цифровых сервисов может привести к серьезным последствиям для граждан, которые полагаются на эти сервисы для получения важных услуг.

5. Этические и правовые вопросы. Повышение цифрового доверия также порождает новые этические и правовые вопросы, касающиеся использования данных, алгоритмического принятия решений и автоматизации процессов. Таким образом, трансформация цифрового доверия в Российской Федерации ведет к множеству разнообразных последствий. Для обеспечения устойчивого развития цифрового общества необходимо находить баланс между безопасностью, доступностью и инновациями, чтобы минимизировать негативные последствия и максимально использовать возможности, которые предоставляет цифровая трансформация.

Выводы

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. В современном российском обществе цифровое доверие играет ключевую роль в формировании устойчивого цифрового общества, особенно в условиях активной цифровизации экономики и социальной жизни. В Российской Федерации цифровое доверие определяется комплексом факторов, включая государственное регулирование, прозрачность технологий, культурный и социальный контекст, а также экономические стимулы.
2. Создание эффективной системы управления цифровым доверием может привести к значительным положительным последствиям, таким как рост экономической активности, повышение социальной интеграции и упрощение доступа к государственным услугам. Для поддержания и укрепления цифрового доверия важно обеспечить инклюзивность, прозрачность и безопасность цифровых сервисов, что позволит создать более эффективное и справедливое цифровое общество, в котором каждый гражданин сможет участвовать в полной мере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аналитический центр «НАФИ» В России выросла доля людей с продвинутым уровнем цифровой грамотности. URL: <https://nafu.ru/analytics/v-rossii-vyros-la-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsifrovoy-gramotnosti/> (дата обращения 28.10.2024).
2. Беккер, Г.С. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. — 1993. — Т. 1. — С. 24–40.
3. Исследование ВШЭ. Цифровое доверие потребителей. URL: <https://gsb.hse.ru/news/834109565.html> (дата обращения: 29.10.2024г.)
4. Коуз, Р. Фирма, рынок и право / пер. с англ. Б. Пинскера. — М.: «Дело ЛТД», 1993. — 192 с.
5. Лаборатория Касперского. Цифровая безопасность. URL: <https://esg.kaspersky.com/ru/safer-cyber-world/digital-security> (дата обращения 29.10.2024).
6. Министерство цифрового развития. Информационная инфраструктура. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/870/> (дата обращения: 29.10.2024).
7. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 28.10.2024).
8. Опрос россиян об информационной безопасности ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovaja-samooborona>. (дата обращения: 01.11.2024).
9. Растет доверие петербуржцев к цифровым сервисам // Санкт-Петербург: госуслуги. URL: <https://gu.spb.ru/mfc/news/> (дата обращения: 02.02.2020)
10. РОМИР. Лишь четверть россиян доверяют телемедицине. URL: <https://romir.ru/studies/lish-chetvert-rossiyan-doveryaet-telemedicine> (дата обращения 29.10.2024).
11. Федеральная служба государственной статистики. Наука, инновации и технологии. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ikt-org.xlsx> (дата обращения: 20.09.2024).
12. Coleman, J.S. Foundations of Social Theory. Harvard University Press, 1988. Social capital in the creation of human capital, American Journal of Sociology. — 1990. — Vol 94. 1990. — 993 p.
13. Ullah, N. Hybridizing Cost Saving with Trust for Blockchain technology adoption by Financial Institutions // Telematics and Informatics Reports. URL: <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/> (дата обращения 11.09.2024).
14. Williamson, O.E. Calculativeness, Trust and Economic Organization // Journal of Law and Economics. — 1993. —Vol. 36. — № 1. — pp. 453–486.

© Карапетян Степан Арсений Рубенович (stepan.a.karapetyan@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕПЕРТУАР РЕГИОНАЛЬНЫХ ТЕАТРОВ ВО ВРЕМЕНА ВОВ И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

Левченко Наталья Валерьевна

кандидат социологических наук, старший научный
сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва
nataya_levchenko@mail.ru

REPERTOIRE OF REGIONAL THEATERS DURING THE SECOND WORLD WAR AND NOW

N. Levchenko

Summary. The theatre is considered as a socio-cultural institution, striving not so much for a direct reflection of social reality, but to fulfill a socio-cultural mission, to meet the demands of society and the authorities. It was noted that during the Great Patriotic War, the repertoire of theatres was mainly based on military drama, although productions based on classical works continued. Front-line theatres and brigades were created, visual propaganda tools were used. All this contributed to patriotic education and mobilization of fighting spirit not only on the front line, but also in the rear. In the repertoire of modern regional theatres, in addition to productions based on classical works, performances based on Soviet and modern plays were noted, which touched upon issues of worldview, the value of feelings, close environment, and problems of interpersonal relationships. In ethnic regions, problems of moving away from one's roots and origins, preserving and developing the national language and traditions are often raised. Recently, performances related to military themes have begun to appear more often in theatre playbills.

Keywords: regional theater, repertoire, plays, unity and diversity, Great Patriotic War, Special Military Operation.

Аннотация. Театр рассматривается как социокультурный институт, стремящийся не столько к прямому отражению социальной действительности, сколько выполнять социокультурную миссию, отвечать запросам общества и власти. Было отмечено, что во времена ВОВ репертуар театров преимущественно основывался на военной драматургии, хотя продолжались постановки по классическим произведениям. Создавались фронтовые театры и бригады, использовались средства наглядной агитации. Все это способствовало патриотическому воспитанию и мобилизации боевого духа не только на линии фронта, но и в тылу.

В репертуаре современных региональных театров, помимо постановок по классике, было отмечено спектакли по советским и современным пьесам, в которых затрагиваются вопросы миропонимания, ценности чувств, близкого окружения, проблемы межличностных отношений. В этнических регионах зачастую поднимаются проблемы ухода от своих корней и истоков, сохранения и развития национального языка и традиций. В последнее время в афишах театров чаще стали появляться спектакли, связанные с военной тематикой.

Ключевые слова: региональный театр, репертуар, пьесы, единство и разнообразие, Великая отечественная война.

Как известно, отражение динамических процессов, происходящих в обществе, можно проследить в культурной сфере, в том числе и в театральном искусстве, особенностью которого «является художественное отражение явлений жизни посредством драматического действия, возникающего в процессе игры актеров перед зрителями» [Комиссарова, 2015, с. 191]. В отечественной истории одними из первых социологических исследований театра, как «особого социально-психологического феномена массовой коммуникации», начали проводиться в конце XIX в. [Евсеева, Ядова, 2017]. Результаты данных работ были отражены в публикациях Игнатова И.Н., Ю.У. Фохт-Бабушкина и др. [Публика театра..., 2010]. В 1910–1920 гг. деятельность представителей театрального искусства (актеров, драматургов, художников, режиссеров и т.д.) «начинает рассматриваться в связи и взаимовлиянии со зрителем как выразители общественного настроения, носители установок и ценностей массового сознания» [Дмитриевский, 2015, с. 5]. В 1920-е в период бурного развития социологической науки начинают осуществляться систематические исследования аудитории театра, где преимущественно

использовались методы описания, учет реакций зрителя и т.п. В дальнейшем интерес исследователей распространился и на мотивацию зрителей к походу в театр, на их культурное окружение. С 1930-х гг. до 1960-х гг. процесс развития социологической науки был прерван, но период возрождения советской социологии ученые сосредоточились на комплексном анализе аудитории «уже не отдельных театров, а целых городов или даже областей и республик» [Большаков, Максимова, 2019, с. 108–109; Ушкарев, 2019]. В постсоветское время «отечественная социология театра окончательно вышла «из тени», возрастает количество фундаментальных трудов, среди которых можно выделить работы В.Н. Дмитриевского, Ю.У. Фохт-Бабушкина, Н.А. Хренова и др. [Евсеева, Ядова, 2017, с. 16; Хренов, 2009; Фохт-Бабушкин, 2010]. Не угасает интерес исследователей и в дальнейшем. Так, современные исследования показывают, что, «несмотря на то, что театр считается устаревшим способом проведения досуга, молодежь в регионе относится позитивно к театральному искусству, добровольно посещает постановки и интересуется данной сферой» [Павлова, 2016, с. 225]. Отдельные исследователи полагают,

что с этим может быть связано введение в практику программы социальной поддержки молодежи «Пушкинская карта» [Гречкина, 2023].

Стоит отметить, что репертуарная политика театра является одной из важных характеристик театральной жизни [Дмитриевский, Салиева, 2018]. Как отмечает И.В. Иванова «из всех показателей театрального процесса именно репертуар позволяет понять тенденции развития художественной мысли и потребности зрителей» [Иванова, 2020], а сам театр обладает не только общими национальными, но и региональными чертами [Комиссарова, 2015, с. 191]. Поэтому в своем исследовании мы сфокусируемся именно на репертуаре региональных театров во времена ВОВ и в настоящее время. В качестве теоретико-методологического основания к исследованию был выбран социокультурный подход, который «делает актуальной роль культуры, как активной преобразующей силы, открывает перспективные возможности исследования театра, его деятельности, связанной с трансляцией художественных ценностей, создания им условий для общения людей по поводу восприятия сценического искусства». При этом театр как социокультурный институт, выступает «искусственно созданной адаптивной системой, которая стремится удовлетворять социокультурные потребности граждан, а также стремящаяся к активности» [Андрианова, 2014, с. 82–83]. Между тем само определение «социокультурного» не имеет четких границ. Методология социокультурного подхода рассматривалась такими учеными, как Т. Парсонсом, А. Ахиезером, Н.И. Лапиным, П. Сорокиным и др. В современной отечественной социологии интересной представляется позиция А.Л. Темницкого, который предлагает рассматривать «социокультурное», используя диалектический подход к интерпретации этого понятия и учитывать ряд положений, среди которых: социальное и культурное не могут существовать друг без друга; «возможно гармоничное либо вынужденное единение социального и культурного»; возможность доминирования одного над другим и т.д. [Темницкий, 2011, с. 155–160]. В свете нашей цели и задач в качестве теоретико-методологического основания исследования был выбран подход Питирима Сорокина. Ученый в рамках определения социокультурного явления выделяет три компонента человеческого взаимодействия: «1) мыслящих, действующих и реагирующих людей, являющихся субъектами взаимодействия; 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым индивиды взаимодействуют, осознавая их и обмениваясь ими; 3) открытые действия и материальные артефакты как двигатели или проводники, с помощью которых объективируются и социализируются нематериальные значения, ценности и нормы» [Сорокин, 1992, с. 193]. Можно отметить, что сами постановки театров могут быть рассмотрены как проводники, где в художественной форме соединяются агенты значимого действия: «речь и музыка» (П. Соро-

кин). Так, на примере выступления музыканта, Сорокин указывает, что «из индивидов, составляющих концертную аудиторию, создается эмоциональное и часто идеологическое целое» [Сорокин, 1992, с. 209]. Андрианова отмечает, что «одной из главных причин появления социокультурных институтов является соответствующие социальные и культурные потребности, возникновение этих потребностей и возможность для их удовлетворения является необходимым условием для институционализации». Вторым условием выступает устойчивость самой системы, где ее элементы выполняет ряд функций. А третьим элементом является «наличие здания, работников учреждения, обслуживающего персонала, определенной материальной базы, финансов» [Андрианова, 2014, с. 82–83]. Так, театр обладает перечисленными элементами, а в качестве его функций выделяются: ценностно-ориентационная (идеологическая и воспитательная, формирование представлений об общественном идеале); информационная (познавательная, просветительская); творческо-эстетическая (эмоциональный опыт, художественное и эстетическое переживание); развлекательная (снятие утомления, усталости и бытовых переживаний); коммуникативная (возможность социализации) [Дмитриевский, 2015, с. 60].

С целью выявления транслируемых театром проблем, специфики развития общества в военные годы в статье анализируется репертуар театров центральных и этнических регионов, в числе которых: Башкирия, Бурятия, Саха (Якутия), Северная Осетия, Волгоградская, Калужская и Ярославская области и др. Выбор регионов объясняется желанием проследить сходство и различие в репертуарах театров в различных округах России, как в годы Великой отечественной войны, так и в настоящее время. Был проанализирован ряд пьес (взятых для театральных постановок), публикации и рецензии в СМИ, а также исследования, посвященные изучаемой тематике.

Театральные постановки во времена ВОВ

В первую очередь стоит отметить, что сталинское руководство с первых дней войны уделял особое внимание литературным деятелям и театральному искусству, как основным трансляторам ценностей и установок в тот период времени. В июне 1941 г. М. Храпченко, председатель Комитета по делам искусств, провел совещание среди поэтов и драматургов по вопросам создания художественных произведений, посвященных военной тематике. Однако, как отмечает Дмитриевский, «новая качественная драматургия о войне рождалась трудно» и театр обогащается новыми пьесами только к 1942 году» [Дмитриевский, 2013, с. 286–287]. До этого практически во всех регионах страны ставились спектакли по произведениям русской и зарубежной классики: «Тартюф» Ж. Мольера, «Старик» М. Горького, «Волки и овцы» А.Н. Островского, «Ревизор» Н.В. Гоголя и др.,

а также современные комедии (например, «Модная лавка» И. Крылова). Однако, театр все равно сохранял свою пропагандистскую роль. Например, пьеса «Тартюф» Ж. Мольера в комедийном жанре, обличала пренебрежительное отношение к низшему сословию, противостояние богатых и бедных, демонстрировала и другие пороки французского буржуазного общества. Нравственные аспекты пьес И.А. Крылова касались семейных отношений, морального расслоения русского общества в начале XIX века, а также включали протестную позицию автора против «разрушения общественных связей и естественных человеческих чувств» [Героева, 2019]. В пьесе «Волки и овцы» А.Н. Островский разоблачает пороки общества, поднимает темы нравственности и, хорошо знакомый с жизнью и бытом помещиков, показывает распад дворянского уклада. Так, в годы, описанные писателем росла доля промышленного пролетариата, сокращалась численность дворян, владеющих землей, формировался слой буржуазных промышленников, несостоятельность облика которого также демонстрировался в пьесе Островского. Таким образом, постановки по классическим произведениям имели свою агитационную значимость: укрепление позиции партии, формирование негативного образа капиталистического строя, привлечение внимания советского общества к социально-значимым темам.

Между тем общая обстановка требовала патристических спектаклей и репертуар театров постепенно переходил в русло военной драматургии. Многие театры временно прекращали работу, часть сотрудников уходила на фронт, создавались фронтовые театры и бригады, однако в ряде театров выступления продолжались. На Северном Кавказе «в этих целях коллективы театров не только проводили традиционные для них спектакли, но также использовали различные средства наглядной агитации, размещая стенные газеты и боевые листки, организуя выставки, посвященные доблести и героизму советских воинов» [Панарин, Панарина, 2022, с. 149]. В Якутии создавались «специальные концертные программы «боевые теа-сборники», в которые входили одноактные пьесы, отрывки из художественных произведений, стихи, пьесы, посвященные военной тематике, музыкальные номера. Также в ходу были частушки, которые сочинялись по горячим событиям, сила которых «заклучалась в живой связи с сегодняшним днем, с чувствами, владевшими актерами и аудиторией» [Крылова, 2014, с. 2].

Для понимания специфики произведений первых военных лет, стоит отметить, что эти годы сопровождалась большими потерями со стороны войск Красной армии и быстрым продвижением противника на территории СССР. Такие трагические дни войны находили свое отражение в ряде постановок, таких как: «Русские люди» К. Симонова, «Нашествие» Л. Леонова, где «воссоздавалась жизнь обыкновенных, рядовых людей» [Дмитриев-

ский, 2013, с. 288]. В пьесе «Русские люди» идет развитие двух параллельных сюжетных линий: с одной стороны демонстрация трагической судьбы жителей на оккупированных врагом территориях, а с другой стороны — борьба представителей партизанского движения. Любовь к Родине в постановке раскрывалась с помощью различных метафор и образов (например, через любовь шофера Вали и командира автобата Сафронова). Как отмечает Крылова, «герои пьесы К. Симонова были образцом русского характера, на который равнялись и в тылу, и на фронте. Фронтвики, посмотревшие спектакль искали себя среди героев, пытались понять также ли они стойки, смелы и отважны как герои пьесы, готовы ли они умереть за Родину» [Крылова, 2014, с. 6].

В 1942 году продолжались тяжелые поражения Красной армии, потери больших территорий страны. В мае этого года была проведена Харьковская операция, закончившаяся окружением и практически полным разгромом советских войск, немецкой армией был захвачен Воронеж, что позволило дальнейшему продвижению врага к Волге и Кавказу. Выход к Волге положил начало Сталинградской битве. Последняя нашла свое отражение в спектакле «Сталинградцы» по пьесе земляка, участника битвы на Волге, Ю. Чепурина, и данная постановка с успехом проходила в Ярославле. И в это время выходит пьеса А. Корнейчука «Фронт», где явно прослеживалась критическое отношение к командному составу Красной армии. Пьеса представляла собой анализ хода военных событий, где автор вполне не двусмысленно представляет действующие лица: Горлов — командующий фронтом; Благонравов — начальник штаба фронта; Огнев — командующий армией (молодой военачальник); Удивительный — начальник разведотдела штаба фронта; Крикун — специальный корреспондент; Тихий — редактор фронтовой газеты; Хрипун — начальник связи фронта; и пр. В произведении показывается, что во главе фронтов стоят храбрые полководцы «старой закалки», которые, однако, не понимают особенности современной войны, в то время как военное дело с течением времени непрерывно развивается и совершенствуется, на месте старых военных положений появляются новые, более современные [Проскурин, 2023, с. 314]. В пьесе командующим фронтом консервативный Горлов противопоставляется молодому, талантливому новатору Огневу. «Разумеется, санкции на столь острый и актуальный замысел могли быть получены только на самых верхних этажах власти. Драматург подтверждает, что пьесу серьезно редактировал Сталин, собственноручно сокращая одни сцены и дописывая другие. После публикации в «Правде» пьеса издается массовым тиражом, политруки читают ее вслух в боевых и тыловых воинских частях» [Дмитриевский, 2013 с. 288].

Укреплению боевого духа способствовало и обращение драматургов к русской истории, к героическому

прошлому страны. В регионах шли спектакли «Давным-давно» А. Гладкова. На Северном Кавказе в начале 1942 г. были поставлены спектакли «Батый идет на восток» и «Петр I и Алексей» о переломных событиях в истории России. В Якутии в русском драматическом театре, как и в ряде других регионов, ставился спектакль «Полководец Суворов» по пьесе И. Бехтерева и А. Разумовского. Через образы пьесы демонстрировался героизм русского народа, идея воинского долга, любовь к Родине, «служил вдохновляющим примером солдатам армии и в Великой Отечественной войне» (Крылова, с. 3–4). О мужестве, героизме и любви проходили спектакли «Жди меня» К. Симонова и «Синий платочек» В. Катаева, в регионах на подобную тематику проходили постановки местных драматургов (в Северной Осетии — «Свинец» Д. Туаева).

В этнических регионах театры также отражали доблесть советских воинов: проходили спектакли, посвященные участию отдельных народов в борьбе против фашистских захватчиков. В Бурятии были поставлены: «Рыбаки Байкала» Н. Балдано и «Снайпер» Г. Цыдынжапова. В 1943 г. был поставлен спектакль «Сын народа» Г. Цыдынжапова, который был посвящен первому бурятскому революционеру Цыремпилу Ранжурову¹.

Отдельно следует отметить, что в 1942 году в оккупации оказались Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Ростовская область, Ставропольский край и другие регионы, которые были освобождены в 1943 году. Как стратегически важные территории, являющиеся основными поставщиками нефти и зерна, данные территории нуждались в особом внимании со стороны центральных и местных партийных органов. В силу чего представители руководства страны стремились преодолеть «последствия фашистской пропаганды и восстановить в сознании людей, оказавшихся на оккупированной территории, прежние идеологические установки». Северо-Осетинским драматическим театром ставились антифашистские пьесы, местные драматурги посвящали свои произведения героизму советского народа: «На восходе солнца» З. Аскирова, «Парень из Кабарды» М. Тубаева и др. (Панарин, Панарина, 2022: 153). Далее по мере приближения победы в театральных постановках все большее внимание уделялось развлекательным произведениям, отечественной и зарубежной классике. В Бурятии с 1943 по 1948 г. были поставлены оперные спектакли: «Русалка» Даргомыжского, «Севильский цирюльник» Россини, «Фауст» Гуно и др. [Старкова, Аюшева, Доржиева, Эрхеев, 2022, с. 82].

¹ Официальный сайт. Государственный бурятский академический театр драмы. 10 мая 2018. URL: <https://burdram.ru/media/news/buryatskij-gosudarstvennyj-dramaticheskij-teatr-dramyi-im.-x.namsaraeva-v-godyi-velikoj-otechestvennoj-vojny.html> (дата доступа: 10.07.2024)

В годы Великой отечественной войны в регионах продолжалось развитие культурной жизни, искусства, а театрам отводилась важная роль — духовная мобилизация советских граждан, военно-патриотическое воспитание. Кроме того, «театр понимал, что в трудное военное время зрителям не менее необходимы и веселые, жизне-радостные комедии, способные скрасить серые будни, поднять настроение» [Крылова, 2010]. В произведениях военного времени поднимались проблемы Красной армии, тем самым объясняя зрителям возможные причины ее временного поражения. Региональные театры (как центральные, так и этнические) помогали формировать единое социокультурное пространство, сохраняя при этом традиции и наследие отдельных этносов. Обобщая содержание пьес того времени, можно заключить, что несмотря на тяжелые военные годы, суровую и строгую драматургию, театр не стремился прививать жестокость, скорее через героев постановок раскрывались нравственные основы и высокие моральные качества советского солдата.

Репертуар театров в настоящее время

В дальнейшем театральное искусство претерпевает ряд трансформаций, и вместо политического диктата появляется зрительский. А в результате коммерциализации сферы искусства, производители «культурных продуктов» в большей степени начинают ориентироваться на их рыночную стоимость. В искусстве наблюдается переход от стремления творческого самовыражения, трансляции духовных и культурных ценности в сторону удовлетворения рекреационных потребностей аудитории. Постепенная утрата традиций русского классического театра, фокусирование на развлекательной функции театра приводит к оттоку зрителей из театральной жизни в городах России. Однако со временем ситуация меняется, социологические исследования 2010-х гг. показывают, что население вновь начинает интересоваться театром, при этом повышенное внимание наблюдается «к тематике, оригинальности театральной постановки и к ее качеству как к важнейшим параметрам при выборе пьесы для посещения» [Павлова, 2016, с. 225]. Помимо желания пережить яркие эмоции и просто по сопереживать героям, современный зритель приходит в театр для расширения своего кругозора, получения повода для раздумий, познания чего-то нового [Большаков, Максимова, 2019, с. 112].

Обзор репертуара современных региональных театров показал, что продолжают проводиться постановки по зарубежной и русской классике, среди которых спектакли по произведениям Ф. Достоевского, Н. Гоголя, А.Н. Островского, А.С. Грибоедова, У. Шекспира, Мольера и др. Во многих региональных театрах проходят постановки «Ханума» А. Цагарели, «Восемь любящих женщин» Тома. Также зачастую в театрах проходят спектакли,

посвященные современности с ее нравственным и моральным кризисом. Черты человеческого миропонимания в постановке «Очень простая история» М. Ладо. На сцене Ярославского драмтеатра ставится пьеса «Мы живем в чудесное время, Оля» Ю. Вороновой, о вытеснении гаджетами истинных чувств и ценности воспоминаний. Об эгоизме и жажде успеха «Забыть Герострата!» Г. Горина, о ценности человеческих взаимоотношений «Белый квадрат» Я. Реза. Актуальной остается проблема отцов и детей: «Отцы и дети» по роману И.С. Тургенева, «Посадить дерево» А. Житковского, «Земля Эльзы» Я. Пулинович. Рассуждения о жизни показаны в спектакле «Вечер» А. Дударева в Калужском драмтеатре. А в постановке «Музей исчезнувших вещей» по произведению калужского писателя А. Убогого через сказочную историю показывается ценность реальной жизни, значение в ней близких и родных. В Северной Осетии в постановках «Моя теща» Г. Хугаева, «Желание Паша» Д. Туаева поднимается проблема социального неравенства.

Было замечено, что в ряде этнических регионов в 2022–2023 гг. проходят спектакли, посвященные проблемам ухода от своих корней и истоков, о пороках общества («Чаша, секира. Плуг» Г. Тедеева, «Не говорите, что не слышали!» В. Гаглоева в Северо-Осетинской государственном академическом театре им. В. Тхапсаева). Поднимаются проблемы сохранения и развития национального языка: «Честь Осетина» по пьесам Е. Бритаева (Северная Осетия) и «Бальжан Хатан» (Бурятия). Отдельно проходят постановки с элементами обрядов, игр и танцев народов, фольклора (например, «Улейские девушки», Бурятия). Таким образом, часть спектаклей в регионах акцентируют внимание на истории и культуре этноса, заставляют сопереживать героям и чувствовать гордость за свой народ.

Отвечая запросам времени, в ряде регионов в 2020-х гг. проходят постановки «Калиной красной» В. Шукшина, в которой прослеживается вера в русского человека, тема совести и важность исправления ошибок, «Весов» Е. Гришковца, «Так и будет» К. Симонова. В Ярославле в 2020 г. состоялась премьера «Письма первой мировой» С. Гирсона. О нравственном выборе в советское время иллюстрирует спектакль Калужского драмтеатра «Вечно живые», а также «Журавли» Ростовского академического театра (оба по произведению «Летят журавли» В. Розова).

С целью понимания специфики дальнейших театральных постановок обратимся к историческим событиям. В феврале 2022 г. президентом РФ В.В. Путиным было объявлено о начале Специальной военной операции, продолжающейся до сегодняшнего дня. В силу чего тема войны все чаще стала освещаться региональными театрами. В Ярославле 9 мая 2023 г. состоялась премьера постановки «Герои в жизни — герои на сцене», посвя-

щенная актерам-волковцам, воевавшим на фронтах Великой Отечественной войны. В этом же году в Курском государственном драмтеатре, Белгородском государственном академическом театре и Ростовском академическом театре драмы имени Горького на сцену вышла постановка «Саня, Ваня, с ними Римас» по одноименной пьесе Владимира Гуркина. Произведение было написано в 2005 году, но сами действия происходят во времена Великой отечественной войны далеко за Уралом и хотя подробности военных событий в произведении не затрагиваются, ярко прослеживается влияние их на судьбы героев. Здесь показывается сельский быт, раскрываются истории военных лет, прослеживается критика начальства местного самоуправления и тема любовного треугольника. Последняя поднимается и в пьесе «Мой бедный Марат» А. Арбузова, по мотивам которого также активно ставятся постановки в ряде регионов. Так, например, во Владикавказе его премьера состоялась в 2023 г. Написанная в 1960-х гг., пьеса содержит в себе рассказ о жизни героев в трех временных отрезках советской эпохи: период блокады Ленинграда 1942 г., послевоенное время, когда неизбежный отпечаток прошедшей войны отражается на героях пьесы (например, протез Леонидика) и конец 1950-х гг., где олицетворялась смена пропаганды борьбы и победы на популяризацию мирного времени и построения светлого будущего. Здесь помимо изображения межличностных отношений, зародившихся в тяжелых условиях военного времени, раскрытию внутренних противоречий человеческого характера, показывается общий настрой и гражданский долг советского человека (из разговора Марата и Лики: *все равно ты живешь глубоко неверно — совершенно отъединилась от общей борьбы народа*).

Среди современных пьес, взятых к театральным постановкам, отдельно стоит отметить «Ангел, чёрт, проктолог» И. Глинкова, премьерные показы которого прошли в Донецкой Народной Республике. Так, в августе 2021 года коллектив Ярославского драматического театра им. Волкова приезжает в республику с постановкой «Предстоящее событие» по пьесе И. Глинкова о нравственных принципах, русской культуре, целостности цивилизации. И становится первым российским профессиональным коллективом, приехавшим «с культурной миссией в самопровозглашенную республику, тем самым доказывая: настало время собирать камни и создавать единое культурное пространство на просторах когда-то единой страны»². В дальнейшем данная постановка ставится и на сцене родного театра вплоть до настоящего времени. Через диалоги между ангелом, чертом и врачом-проктологом автор показывает соотношение добра и зла, когда невозможно понять добро

² Виталия Боб. Пускаепалис выпускает комедию об ангеле и демоне // Театр. 5 сентября 2021. URL: <https://oteatre.info/spektakl-o-angele-i-demone/> (дата доступа: 7.07.2024)

при отсутствии зла, как одно неотделимо от другого. В комедийном жанре произведение раскрывает актуальные социальные проблемы, при этом акцентируя внимание на проблемах либерального западного общества.

Помимо инициатив режиссеров и постановщиков отдельных региональных театров, вопросом актуальных пьес озаботился Союз театральных деятелей России, который при поддержке Министерства культуры РФ и Президентского фонда культурных инициатив в ноябре 2022 г. объявил конкурс пьес «Новое время. Новые герои»³. По итогам конкурса первое место получило произведение современного драматурга Михаила Умного «Позывной Свет», постановки которого в 2023–2024 г. прошли в Симферополе, Хабаровске и Уссурийске. В пьесе поднимаются темы дружбы, человеческих отношений, взаимовыручке и поддержки «своих». Отдельно раскрывается тема взаимоотношений между родителями и детьми, когда мать выбрасывает письмо с фронта от возлюбленного своей дочери, отчасти определяя тем самым ее судьбу. В пьесе также затрагивается вопрос неоднозначного отношения к политическим событиями, на примере родителей героини Марты и ее возлюбленного — художника Алеши. Герой чувствует в себе потребность помогать на линии фронта, выступая вначале волонтером и оказывая гуманитарную помощь в Донбассе, а потом по ряду причин выходит на передовую. Через главного героя на первый план выходят человеческие качества, когда невозможно поступить по-другому. Героем движет некая боль, которая останется,

если ничего не делать («Боль от несправедливости. Понимаешь? Ну, это когда обижают ребенка или слабого, а ты по какой-то причине не можешь помочь. Вот такая же боль. И чтобы заглушить ее, я и занимаюсь волонтерством».).

Исследование показало, что, как в 1940-х гг. XX века, так и в настоящее время в регионах ставятся спектакли как по зарубежной и отечественной классике, так и по современным произведениям, в том числе, созданным местными писателями и драматургами. Во времена ВОВ актуальные события находят свое отражение в афишах региональных театров, тем самым способствуя укреплению патриотического духа. Интересно отметить, что, если в советское время в этнических регионах, несмотря на сохранившиеся разнообразие и специфику национальных постановок, театры старались показать единство народа и целостный образ советского солдата, его борьбы против общего врага. В результате советская централизация культурной жизни, хоть и предполагала некую унификацию, все же включала свободу и возможность встраивать этническое разнообразие в структурные и институциональные основания культурной среды. То в настоящее время в театрах этнических регионов на первый план выходят постановки, акцентирующие внимание на важности сохранения своего национального языка, культуры, традиций, смещая тем самым фокус внимания больше на проблемы этносов, входящие в состав РФ.

В рассмотренных региональных театрах на данный момент актуализируются темы нравственности, морали и гражданского долга, а также с новой силой транслируются ценности советской эпохи.

³ Официальный сайт. Конкурс «Новое время. Новые герои». URL: <https://stdrf.ru/proekti/novie-geroi/> (дата доступа: 20.08.2024)

ЛИТЕРАТУРА

1. Адрианова Т.О. Театр как социокультурный феномен / Адрианова Т.О. // Вестник ОГУ. 2014. №7 (168). С. 82–85.
2. Большаков Н.В., Максимова А.С. (2019). Театральная социология: зритель настоящего и его ожидания от будущего / Большаков Н.В., Максимова А.С. // Гитис. Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2019. №4. С. 105–121.
3. Булатов Р.Ф. Хронология Специальной военной операции / Р.Ф. Булатов // Россия и мир: история и современность: Тезисы XII всероссийской конференции студентов и молодых учёных, Сургут, 19 апреля 2024 года. — Сургут: Сургутский государственный педагогический университет. — 2024. С. 62–64. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_65657261_49248330.pdf (дата доступа: 20.06.2024).
4. Героева Л.М. Воспитательный аспект комедий И.А. Крылова / Героева Л.М. // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 4. Вып. 1. С. 20–24.
5. Гречкина М.А. (2023). Пушкинская карта как инструмент организации воспитательной работы / Гречкина М.А. // Universum: психология и образование: электрон. научн. журн. 2023. №10(112). С. 9–11 URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/16038> (дата доступа: 11.09.2024).
6. Дмитриевский В.Н. Театр и зрители: отечественный театр в системе отношений сцены и публики: советский театр, 1917 — 1991: [монография] / В.Н. Дмитриевский. — Москва: Государственный институт искусствознания: Канон+. 2013.
7. Дмитриевский В.Н. Основы социологии театра. История, теория, практика: Учебное пособие. — 2-е изд., доп. / Дмитриевский В.Н. — СПб.: Издательство «Лань»; Издательство Планета Музыки», — 2015. 224 с. — (Учебник для вузов. Специальная литература).
8. Дмитриевский В.Н., Салиева Н.Ю. Проблемы включенности театра в социокультурный аспект города и региона (начало XXI в.) / Дмитриевский В.Н., Салиева Н.Ю. // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 6 (105). URL: https://vestnik.yspu.org/releases/2018_6/50.pdf (дата доступа: 11.09.2024).
9. Евсеева Я.В., Ядова М.А. Социология кино и театра: история и современность: введение к тематическому разделу / Евсеева Я.В., Ядова М.А. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: социология. 2017. №2. С. 6–20.
10. Иванова И. В. Принципы планирования репертуара и прокатной афиши в музыкальном театре (балетная афиша). / И. В. Иванова // Театр. Живопись. Кино. Музыка ежеквартальный альманах / Российская академия театрального искусства — ГИТИС; гл.ред. К.Л. Мелик-Пашаева. — Москва: РАТИ-ГИТИС, 2008. — Вып. 1: Театр. Живопись. Кино. Музыка / гл.ред. А.Н. Зорин. — Москва: Российский институт театрального искусства — ГИТИС, 2020. — С. 130–145.

11. Комиссарова Е.В. Региональные традиции и творческая инициатива в динамике развития театрального искусства Волгоградской области / Комиссарова Е.В. // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. 2015. №2 (97). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnye-traditsii-i-tvorcheskaya-initsiativa-v-dinamike-razvitiya-teatralnogo-iskusstva-volgogradskoy-oblasti> (дата доступа: 20.06.2024).
12. Крылова В.К. И в глубоком тылу драматическое искусство становилось острым оружием победы над врагом / Крылова В.К. // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2014. №5 (36). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/i-v-glubokom-tylu-dramaticheskoe-iskusstvo-stanovilos-ostрым-oruzhiem-pobedy-nad-vragom/viewer> (дата доступа: 20.06.2024).
13. Крылова В.К. Роль театра в консолидации общества в период Великой Отечественной войны / Крылова В.К. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. №11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-teatra-v-konsolidatsii-obschestva-v-period-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer> (дата доступа: 20.06.2024).
14. Павлова А.М. Театр как социокультурный институт: особенности функционирования в регионе / Павлова А.М. // Актуальные проблемы развития человеческого потенциала в современном обществе. Материалы III Международной научно-практической Интернет-конференции. 2016. С. 224–226.
15. Панарин А.А., Панарина Е.В. Творческая деятельность театров Северного Кавказа в годы великой отечественной войны / Панарин А.А., Панарина Е.В. // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorcheskaya-deyatelnost-teatrov-severnogo-kavkaza-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer> (дата доступа: 20.06.2024).
16. Проскурин И.М. Особенности современных боевых действий в специальной военной операции / И.М. Проскурин // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств: Сборник материалов XXV международной научно-практической конференции, Иркутск, 26 октября 2023 года. — Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, — 2023. С. 314–317.
17. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: Пер. с англ. / Сорокин П.А. — М.: Политиздат, 1992 — 543 с.
18. Старкова И.И., Аюшева С.С., Доржиева Л.Г., Эрхеев С.В. Театральное искусство Бурятии как экскурсионный ресурс / Старкова И. И., Аюшева С.С., Доржиева Л.Г., Эрхеев С.В. // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2022. № 1. С. 77–88.
19. Хренов Н.А. Театр как социологический феномен / Российская акад. наук, М-во культуры Российской Федерации, Гос. ин-т искусствознания; отв. ред. Н.А. Хренов. — Санкт-Петербург: Алетейя, (СПб.: ИПК Бионт). 2009 — 520 с.: ил., табл.; 25 см. — (Серия Социология и экономика искусства: научное наследие) (Алетейя. Историческая книга).
20. Темницкий А.Л. Социокультурное: от нерасчлѐнного понятия к дуальным оппозициям / Темницкий А.Л. // Вестник Института социологии. 2011. Том 2. № 2. С. 141–163.
21. Ушкарев А.А. Аудитория искусства в социальных измерениях / Ушкарев А.А. СПб.: Алетейя, 2019, 658 с.
22. Фохт-Бабушкин Ю.У. Публика театра: Социологические свидетельства 1890–1930-х годов / сост., вст. статья, прим. Ю.У. Фохт-Бабушкин. СПб.: Алетейя, 2010, — 764 с.

© Левченко Наталья Валерьевна (nataya_levchenk@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНИЦИАТИВНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

PROACTIVE BUDGETING IN THE REPUBLIC OF CRIMEA: DEVELOPMENT DYNAMICS AND PROSPECTS

I. Litvinenko

Summary. The article analyzes the dynamics of development and prospects of initiative budgeting in the Republic of Crimea. The author notes the positive dynamics of the development and functioning of the practice of initiative budgeting. The author focuses on the fact that the practice of proactive budgeting contributes to the involvement of civil society in budget decision-making. Proactive budgeting in the Republic of Crimea contributes to the improvement and modernization of the infrastructure of settlements, the development of civil society and confidence building in the government.

Keywords: budget, civil society, engagement, initiative budgeting, school initiative budgeting.

Литвиненко Игорь Геннадьевич

научный сотрудник,

*Центр изучения гражданских инициатив
ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический
университет имени Февзи Якубова» (г. Симферополь)
litvinenko-igor@mail.ru*

Аннотация. В статье произведен анализ динамики развития и перспектив инициативного бюджетирования в Республике Крым. Автором отмечается положительная динамика развития и функционирования практики инициативного бюджетирования. Автор акцентирует внимание на том, что практика инициативного бюджетирования способствует вовлечению гражданского общества в принятие бюджетных решений. Инициативное бюджетирование в Республике Крым способствует улучшению, модернизации инфраструктуры населенных пунктов, развитию гражданского общества и укреплению доверия к власти.

Ключевые слова: бюджет, гражданское общество, вовлеченность, инициативное бюджетирование, школьное инициативное бюджетирование.

Введение

Современные условия развития Российской Федерации подразумевают активное вовлечение гражданского общества в процесс принятия решений, относящихся к его жизни и развитию. Одним из инструментов, применяемых на государственном уровне для вовлечения граждан в процесс распоряжения финансовыми средствами бюджета — это практика инициативного бюджетирования (далее — ИБ). ИБ представляет собой механизм гражданского участия в решении локальных проблем, в рамках которого граждане самостоятельно инициируют и выбирают проекты, на которые будут израсходованы бюджетные средства [1].

ИБ основано на принципах прямой демократии, предоставляя гражданам возможность самостоятельно инициировать и реализовывать проекты, направленные на решение местных проблем. Среди этих принципов можно отметить следующие: открытость, прозрачность, участие и ответственность. Принцип открытости выражается в информировании граждан о ИБ, в свою очередь принцип прозрачности характеризуется контролем принятия бюджетных решений гражданами. Принцип участия подразумевает обязательное активное участие гражданского населения в инициировании, голосовании и контроле за реализацией проектов. Последний принцип закреплен за местными администрациями — это принцип ответственности, подразумевающий ответ-

ственность местных властей за реализацию проектов, поддержанных гражданами.

Инициативное бюджетирование имеет огромное значение, как для граждан, так и для бюджетной системы. Для граждан ИБ является возможностью влияния на распределение средств бюджета, решения местных проблем и улучшения качества жизни и инфраструктуры места проживания. Говоря об эффекте для бюджетной системы, стоит отметить, что ИБ способствует решению наиболее актуальных проблем, что повышает эффективность расходования бюджетных средств [10].

В Республике Крым ИБ развивается с 2021 года и за это время уже достигнуты значительные результаты. Наряду с появлением практики ИБ в Республике Крым был создан Центр изучения гражданских инициатив, целью которого является обеспечение научно-исследовательской, консультационной, информационной и аналитической поддержки реализации ИБ в Республике Крым [5].

Целью статьи является анализ динамики развития и перспектив инициативного бюджетирования в Республике Крым.

Изложение основного материала

Практика инициативного бюджетирования (далее — ИБ) в Республике Крым дала старт в 2021 году и по на-

стоящее время активно реализуется в муниципальных районах. В Республике Крым насчитывается 14 муниципальных районов, каждый из них не остался в стороне и принял участие в реализации данного проекта. Высокий интерес жителей в принятии бюджетных решений поспособствовал активному вовлечению финансовых средств из бюджета Республики Крым в практику ИБ, о чем свидетельствует динамика распределения субсидий из бюджета Республики Крым.

За период с 2021 по 2024 год на реализацию проектов ИБ суммарно было выделено 306,9 млн рублей [7, 8, 9]. Анализ динамики финансирования ИБ в Республике Крым за период с 2021 по 2024 год отражает значительный рост бюджетных ассигнований. Так, в 2021 году на реализацию проектов ИБ было выделено 45,5 млн рублей, в 2022 году — 52,6 млн рублей, в 2023 году — 81,8 млн рублей, а в 2024 году — 127 млн рублей. Можно сделать вывод, что с появлением практики ИБ в Республике Крым произошло стремительное вовлечение муниципальных районов и жителей, в лице сельских поселений. Данный факт свидетельствует об интересе и необходимости практики ИБ для жителей Республики Крым, которая в свою очередь оказывает максимальную финансовую поддержку инициатив граждан.

Стоит отметить, что финансовые показатели выделяемых субсидий из бюджета Республики Крым — это не предельные значения. Проект бюджета Республики Крым на 2025–2027 годы отражает тенденцию к увеличению финансирования проектов ИБ. В соответствии с документом, на реализацию проектов ИБ планируется выделить: 152,3 млн рублей в 2025 году, 159,9 млн рублей в 2026 году и 167,9 млн рублей в 2027 году.

Исходя из имеющихся данных о субсидиях из бюджета Республики Крым и проекта бюджета, мы видим колоссальный прирост бюджетных средств, субсидируемых на практику ИБ. Так, в 2021 году субсидия составляла 45,5 млн рублей, а в 2027 году — 167,9 млн рублей, что соответствует процентной разнице в 269,01 %. Данная динамика свидетельствует о поддержке Республикой Крым инициатив граждан в принятии бюджетных решений.

Стоит отметить, что в реализации проектов ИБ принимают участие средства не только бюджета Республики Крым, но и гражданского населения и спонсоров. Эти средства представлены в роли инициативных платежей и являются неотъемлемой частью реализации практики ИБ в Республике Крым, поскольку отражают гражданскую активность населения и вовлеченность бизнеса в принятие бюджетных решений. Основным индикатором финансовой вовлеченности граждан и бизнеса является показатель, отражающий объем средств из внебюджетных источников по отношению к 1 рублю бюджетных средств. Так, в 2021 году этот по-

казатель был равен 12,89 руб., в 2022 году — 9,73 рублей, в 2023 году — 12,36 рублей, а в 2024 году он равнялся 10,78 рублей. Исходя из этого, можно сделать вывод, что за 4 года реализации практики ИБ в Республике Крым объем внебюджетных источников финансовых средств увеличился, что свидетельствует о положительной динамике. Граждане и бизнес видят материальный результат вложения своих средств, что дает возможность удостовериться в эффективности работы практики ИБ и формирует доверие к власти. Благодаря тому, что гражданское общество и бизнес активно принимает участие в практике ИБ, улучшается инфраструктура и комфортность проживания жителей сельских поселений Республики Крым.

В соответствии с постановлением Совета министров Республики Крым от 16.10.2020 г. №658 (ред. от 11.09.2023) «О некоторых вопросах реализации инициативного бюджетирования на территории Республики Крым», установлены типологии проектов, допускаемых к участию в конкурсе ИБ в Республике Крым. К ним относятся: «освещение улиц», «объекты благоустройства», «физическая культура и массовый спорт» [4].

Анализ реализованных проектов ИБ за период с 2021 по 2024 год показывает следующее распределение по типологиям: 43 проекта — «освещение улиц», 223 проекта — «объекты благоустройства», 41 проект — «физическая культура и массовый спорт». Всего за этот период было реализовано 307 проектов. Под типологию проектов «освещение улиц» попадают проекты, связанные с монтажом уличного освещения в поселениях. Исходя из имеющихся данных по распределению проектов по типологиям, можно сделать вывод, что проблема уличного освещения является важной, однако не столь острой, о чем свидетельствует относительно небольшое количество проектов в данной категории. Это связано с тем, что начиная с 2014 года, ГУП РК «Крымэнерго» совместно с администрациями муниципальных районов и сельских поселений производит организацию уличного освещения на территории Республики Крым на безвозмездной основе. Благодаря этому практически во всех селах в настоящее время имеется уличное освещение. Внедрение данной типологии проектов в практику ИБ в Республике Крым, нацелено на помощь тем жителям сел, где в настоящее время существует проблема уличного освещения.

Типология проектов ИБ «физическая культура и массовый спорт», подразумевает создание объектов спортивного назначения — спортивных площадок. Небольшое количество проектов данной типологии за период с 2021 по 2024 год обусловлено тем, что существует плановая программа установки и модернизации многофункциональных спортивных площадок по поручению главы Республики Крым.

Наиболее частой типологией проектов, участвующих в конкурсе проектов ИБ является «объекты благоустройства». Это связано с тем, что данная типология имеет большую вариативность проектов. Типология проектов ИБ, связанная с «объектами благоустройства» направлена на создание комфортных условий проживания для населения сельских поселений Республики Крым и является наиболее популярной среди проектов. В рамках этой типологии жители муниципальных районов часто выдвигают инициативы по благоустройству общественных территорий, модернизации детских площадок, созданию мест культурного досуга в сельских поселениях и др.

Наряду с практикой ИБ в Республике Крым, с 2023 года активно осуществляется практика школьного инициативного бюджетирования (далее — ШКИБ) в Республике Крым. Практика ШКИБ задействует школьное сообщество — школьников, учителей и администрации школ. Данная практика нацелена на вовлечение школьного сообщества в принятие бюджетных решений и модернизации инфраструктуры школы, в соответствии с инициативами обучающихся школ.

Практика ШКИБ является относительно молодой практикой по сравнению с ИБ, однако, её развитие не менее стремительное.

Анализ динамики финансирования ШКИБ в Республике Крым за период с 2023 по 2024 год отражает значительный рост бюджетных ассигнований. Суммарно за 2 года на реализацию проектов ШКИБ было выделено 131,1 млн рублей. Так, в 2023 году на реализацию проектов ШКИБ было выделено 59 млн рублей, а в 2024 году — 72,1 млн рублей.

За период с 2023 по 2024 год благодаря практике ШКИБ в Республике Крым было реализовано 417 проектов [2]. В муниципальных районах Республики Крым насчитывается 335 школ. Однако не все школы принимают участие в практике ШКИБ. Зачастую это связано с игнорированием информации о проведении конкурса школами, а также безынициативностью руководства образовательных организаций. Однако за период реализации практики, большинство школ приняли в ней участие и стали победителями. Так, в 2023 году в ШКИБ приняли участие 204 школы, 197 из которых стали победителями, а в 2024 году приняли участие 286 школ, из которых 220 стали победителями. Данная динамика свидетельствует о позитивном эффекте реализации практики, что выражено в вовлечении все большего количества обучающихся школ.

В соответствии с постановлением Совета министров Республики Крым от 16.10.2020 г. №658 (ред. от 11.09.2023) «О некоторых вопросах реализации иници-

циативного бюджетирования на территории Республики Крым» и приказом Министерства финансов Республики Крым от 21.03.2023 г. №47 «Об организации проведения конкурсного отбора проектов инициативного бюджетирования, основанных на инициативах обучающихся в муниципальных общеобразовательных организациях», установлена типология проектов, которые допускаются к конкурсному отбору проектов ШКИБ в Республике Крым. В таблице 1 представлена типология и количество проектов, реализованных в образовательных организациях Республики Крым за период с 2023 по 2024 год [6].

Таблица 1.

Результаты конкурса проектов школьного инициативного бюджетирования в Республике Крым в 2023–2024 гг. (по типологиям)

Типология проектов школьного инициативного бюджетирования в Республике Крым	Количество проектов-победителей конкурса по годам реализации	
	2023	2024
Библиотеки	15	17
Театры	6	14
Музеи	32	23
Зоны отдыха	38	43
Столовые (за исключением пищеблоков)	5	14
Балетные, художественные и музыкальные классы	0	4
Оснащение спортивных команд	8	6
Радио-, медиа— и киностудии	22	26
Редакции периодических изданий общеобразовательной организации	0	0
Организация хранения личных вещей	2	2
Другие проекты	69	71
Итого	197	220

Стоит отметить вариативность проектов, иницируемых обучающимися школ. Наиболее популярными типологиями проектов у школьников являются «зоны отдыха», «музеи», «радио-, медиа— и киностудии», а также «другие проекты», что свидетельствует о желании школьников создать уютное и интересное пространство для отдыха, саморазвития и получения полезных навыков.

В рамках реализации проекта школьного инициативного бюджетирования и при поддержке Правительства Республики Крым, Центром изучения гражданских инициатив ГБОУВО РК КИПУ имени Февзи Якубова совместно с Центром инициативного бюджетирования Научно-

исследовательского финансового института Минфина России с 26 июня по 14 июля 2024 года в Детском оздоровительном центре «Алые паруса» (г. Евпатория) была проведена профильная смена «Школа у моря». Данный проект подразумевал знакомство обучающихся школ с практикой инициативного бюджетирования и основами финансово-хозяйственной деятельности в игровой форме [11].

Стоит отметить, что результаты совместной деятельности граждан в принятии бюджетных решений замечены не только в Республике Крым, но и на всероссийском уровне. В 2024 году два проекта ШКИБ из Республики Крым заняли призовые места на VIII Всероссийском конкурсе проектов инициативного бюджетирования. Проект «Школьный Универсальный Медиацентр «ШУМ», реализованный в «Окуневской средней школе им. Дьяченко Ф.С.» Черноморского района занял 1 место в номинации «Проект школьного инициативного бюджетирования». В свою очередь проект «Прикосновение к подвигу», реализованный в «Куйбышевской СОШ им. Хрусталева Н.Т.» Бахчисарайского района занял 3 место в этой же номинации [3].

Выводы

1. Динамика развития инициативного бюджетирования отражается в увеличении субсидий из бюджета Республики Крым. За 4 года реализации объем субсидий на проекты ИБ увеличился практически в 3 раза, что свидетельствует о функционировании

практики, как эффективного инструмента улучшения качества жизни населения и инфраструктуры Республики Крым.

2. Широкое вовлечение граждан и представителей бизнеса в практику ИБ свидетельствует об эффективности данного механизма в укреплении доверия к власти и повышении прозрачности бюджетного процесса.
3. Развитие школьного инициативного бюджетирования в Республике Крым способствует формированию у будущего поколения финансовой грамотности и пониманию механизмов бюджетного процесса.
4. Перспективным вектором развития инициативного бюджетирования в Республике Крым является внедрение практики студенческого инициативного бюджетирования. Данная практика характеризуется преемственностью и постоянством участия в распределении бюджетных средств, начиная со школьной скамьи, а далее в студенчестве и взрослой жизни.
5. Практика инициативного бюджетирования в Республике Крым имеет большой потенциал дальнейшего развития. Увеличение объема финансирования, усовершенствование механизмов вовлечения граждан будет способствовать улучшению, модернизации инфраструктуры населенных пунктов, развитию гражданского общества и укреплению доверия к власти.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вагин В.В. Инициативное бюджетирование и смежные практики / В.В. Вагин, Н.А. Шаповалова // Финансовая аналитика: проблемы и решения — 2016. — №38 (320). — С. 2–19. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/initiativnoe-byudzhetrovanie-i-smezhnye-praktiki> (дата обращения: 02.10.2024).
2. Об итогах реализации проектов инициативного бюджетирования в Республике Крым в 2021–2023: [Электронный ресурс] // Портал Министерства финансов Республики Крым. — URL: https://minfin.rk.gov.ru/uploads/txteditor/minfin/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpsL0oAq_26.10.23%20Парламентские%20слушания%20ШКИБ.pdf (дата обращения: 29.09.2024)
3. Победители VIII Всероссийского конкурса проектов инициативного бюджетирования: [Электронный ресурс] // Портал МОИФИНАНСЫ.РФ. — URL: <https://моифинансы.рф/article/pobediteli-viii-vserossijskogo-konkursa-proektov-iniciativnogo-byudzhetrovaniya/> (дата обращения: 29.09.2024)
4. Постановление Совета министров Республики Крым от 16 октября 2020 года №658 «О некоторых вопросах реализации инициативного бюджетирования на территории Республики Крым»
5. Постановление Совета министров Республики Крым от 16 ноября 2020 года № 703 «О создании Центра изучения гражданских инициатив»
6. Приказ Министерства финансов Республики Крым от 21 марта 2023 года №47 «Об организации проведения конкурсного отбора проектов инициативного бюджетирования, основанных на инициативах обучающихся в муниципальных общеобразовательных организациях»
7. Сводный отчет по итогам представленных муниципальными образованиями Республики Крым отчетов о реализации проектов инициативного бюджетирования за 2021 год: [Электронный ресурс] // Портал Министерства финансов Республики Крым. — URL: [https://minfin.rk.gov.ru/uploads/txteditor/minfin/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpx9tc0X_Итоги%20за%202021%20год%20\(ИСПР%20ИТОГОВАЯ%20ВЕРСИЯ\).pdf](https://minfin.rk.gov.ru/uploads/txteditor/minfin/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpx9tc0X_Итоги%20за%202021%20год%20(ИСПР%20ИТОГОВАЯ%20ВЕРСИЯ).pdf) (дата обращения: 01.10.2024)
8. Сводный отчет по итогам представленных муниципальными образованиями Республики Крым отчетов о реализации проектов инициативного бюджетирования за 2022 год: [Электронный ресурс] // Портал Министерства финансов Республики Крым. — URL: https://minfin.rk.gov.ru/uploads/txteditor/minfin/attachments/d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpmgcnKL_1.Итоги%202022%20года%20_%20на%20сайт.pdf (дата обращения: 01.10.2024)
9. Сводный отчет по итогам представленных муниципальными образованиями Республики Крым отчетов о реализации проектов инициативного бюджетирования за 2023 год: [Электронный ресурс] // Портал Министерства финансов Республики Крым. — URL: https://minfin.rk.gov.ru/uploads/minfin/continer/2024/02/20/2024-02-20-13-02-09_2024-02-15-11-56-22.pdf (дата обращения: 01.10.2024)
10. Стратегия развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации на 2023–2030 годы: [Электронный ресурс] // ФГБУ «Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации». — URL: https://www.nifi.ru/images/FILES/IB/2023/strategyIB_2030.pdf
11. Школа у моря: инициативное бюджетирование в детском лагере Крыма: [Электронный ресурс] // БЮДЖЕТ.RU. — URL: <https://bujet.ru/article/491732.php> (дата обращения: 02.10.2024)

ТРАДИЦИОННЫЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ ФОРМЫ УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ-СИРОТ: СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

TRADITIONAL AND INNOVATIVE FORMS OF PLACEMENT OF ORPHANS: A CONTENT ANALYSIS

**N. Magdieva
I. Labazanov
F. Borlakova**

Summary. The article examines the problems of socialization of these children in the context of the ineffectiveness of traditional institutional methods of education and the limitations of existing family forms of placement. The article analyzes the shortcomings of boarding schools, where the psychological and intellectual development of children is slowed down, and social adaptation after graduation is difficult. The experience of the community of foster families «Kitez» is considered as an innovative model that combines family and collective education in an integrated developmental environment. A study conducted among children from «Kitez» and the Kaluga region shows that children from the community demonstrate higher indicators of subject status, including the development of self-identification, future planning and value orientations. The article emphasizes the need to develop new pedagogical approaches focused on the individual needs of children deprived of parental care.

Keywords: orphans, risk society, socialization, foster family, subject status, integration, pedagogical models.

Магдиева Нателла Тахмановна

к.м.н., доцент, ФГБОУ ВО Дагестанский государственный университет, г. Махачкала
saida77771111@mail.ru

Лабазанов Ислам Лечиевич

Ассистент, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова», г. Грозный
Mamed95region@mail.ru

Борлакова Фатима Аубекировна

старший преподаватель, ФГБОУ ВО Северо-Кавказская государственная академия, Черкесск
borlakova82@bk.ru

Аннотация. Статья рассматривает проблемы социализации этих детей в контексте неэффективности традиционных институциональных методов воспитания и ограниченности существующих семейных форм устройства. Анализируются недостатки интернатных учреждений, где психологическое и интеллектуальное развитие детей замедлено, а социальная адаптация после выпуска затруднена. Рассматривается опыт сообщества приёмных семей «Китеж» как инновационной модели, объединяющей семейное и коллективное воспитание в интегрированной развивающей среде. Исследование, проведённое среди детей из «Китежа» и Калужской области, показывает, что дети из сообщества демонстрируют более высокие показатели субъектного статуса, включая развитие самоидентификации, планирование будущего и ценностные ориентации. Статья подчёркивает необходимость разработки новых педагогических подходов, ориентированных на индивидуальные потребности детей, лишённых родительской опеки.

Ключевые слова: дети-сироты, общество риска, социализация, приёмная семья, субъектный статус, интеграция, педагогические модели.

Введение

Согласно современным социологическим исследованиям, российское общество последних десятилетий преобразуется в арену повышенной социокультурной неопределённости, которую характеризуют термины «общество риска». Отражение этой концепции в индивидуальных жизненных стратегиях молодёжи выражается через принципиальный отказ от унаследованных нормативно-традиционных моделей существования, что ставит молодого человека в условия отсутствия стабильных социальных гарантий и привычных путеводителей жизненного пути.

Разрушение унифицированных жизненных траекторий, прежде обусловленных традиционной принадлежностью к определённому социальному слою, трансформируется в возможность для молодого индивида самостоятельно конструировать собственную биографию. Это требует от него развития таких качеств как

инициативность, вера в собственные силы и высокая степень личностной автономии — характеристик социально активной личности, способной к самодетерминации в рамках «полностью индивидуализированного жизненного проекта».

В данной ситуации аккультурация молодых людей из уязвимых групп в социальную ткань общества сталкивается с многочисленными барьерами. Анализ данных по социализационным процессам у молодёжи, находящейся на границе социальных рисков, демонстрирует сложности постинтернационального включения в социум, преимущественно среди выпускников интернатных заведений. Миноритарное число индивидов демонстрирует успешную социальную интеграцию, в то время как доминирующее большинство испытывает непреодолимые трудности адаптации к динамично изменяющимся условиям современного социального контекста. Семейная структура, несмотря на закреплённые законодательно социальные гарантии и усовершенствованную систе-

му поддержки для этой категории молодежи, остается неэффективной в решении их актуальных жизненных проблем [4, с. 92].

Исследование современных законодательных инициатив в данной области демонстрирует, что государственная стратегия акцентируется на прогрессивной модернизации и оптимизации правовой основы, регулирующей сферу защиты и поддержки несовершеннолетних. Это направление включает в себя реформирование механизмов гарантий прав ребенка на воспитание в условиях семейного уклада. Основным законодательный акт, Федеральный закон РФ № 48 от 2008 года, вместе с целым рядом постановлений, структурирует и упрощает процедуры, связанные с опекой и попечительством, а также вводит новые формы поддержки, такие как временная и предварительная опека, что значительно укрепляет социальную защиту детей.

Изложенные модификации законодательного корпуса создают юридический фундамент для институционализации процесса интеграции детей в семейные структуры и для охватывающей системы поддержки семейного института на основе интегрированного взаимодействия всех агентств и учреждений, задействованных в процессе опеки и попечительства.

Неудачи подростков, находящихся в группе повышенного риска, в процессе ассимиляции в социальные структуры систематически ассоциируются с проблемами социализации. Это на практике проявляется в виде дефицита социальной инициативы, что влияет на их способность воздействовать на параметры собственной экзистенции, а также в неспособности к формулированию жизненного проекта и отсутствию стратегического планирования собственных действий. Также наблюдается недоразвитость внутриличностной мотивации. В целом, это состояние можно характеризовать как отсутствие сформированности статуса субъектности. Статус субъектности определяет индивидуума с точки зрения его автономии в рамках самоопределения и взаимодействия с социальным окружением. Развитие субъектного статуса включает в себя активизацию социального бытия личности в соответствии с ее индивидуальными aspirationами, потребностями и возможностями. Такое развитие является ключевой задачей для социальных институтов, занимающихся адаптацией детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки.

Каждый метод размещения ребенка обладает своим уникальным комплексом образовательных условий, которые способствуют развитию социальных атрибутов личности и её последующей социальной интеграции. В этом контексте мы идентифицируем несколько ключевых аспектов: а) уровень интеграции ребенка в активности и возможности для автономного выбора действий;

б) уровень его интеграции в сети социальных взаимосвязей; в) баланс между индивидуальными и коллективными подходами в воспитании; г) стимуляция элементов ценностно-ролевой структуры среды; д) степень проницаемости и закрытости образовательной системы [7, с. 112].

Исследования, проведенные М.И. Лисиной, А.М. Прихожан, Л.С. Рузской, Г.В. Семей, Н.Н. Толстыми и другими, комплексно анализируют вопросы воспитания и развития детей в условиях интернатных учреждений. Определено, что психологическое и интеллектуальное развитие в таких условиях протекает с замедленными темпами, сопровождается упрощенным эмоциональным реагированием и скудным воображением, а также недостаточной развитостью навыков саморегуляции. Современные исследователи, такие как М.С. Астоянц, В.В. Лемиш, В.Н. Ослон, Н.В. Пристяжная, акцентируют внимание на проблемах социальной адаптации выпускников таких учреждений. Они указывают на ограниченные возможности для свободного выбора деятельности, ригидный регулятивный режим жизни, изоляцию от широкого социального контекста, что препятствует персонализированному усвоению социальных моделей и форм поведения, а также творческой самореализации. Коллективные условия и воспитательные методики в таких учреждениях способствуют отсутствию у лиц возможности самостоятельного планирования своего будущего и строительства временной перспективы жизни.

Исследователи подчеркивают значительный разрыв между оценками экспертов и восприятием подростками собственных перспектив на будущую деятельность, что, как указывает Пристяжная (2007), частично обусловлено невозможностью подростков верифицировать свои представления через практический опыт, что приводит к упрощенному восприятию реальности.

Усиление негативных тенденций и прогрессирующее ухудшение условий жизни, образования и развития определенной категории детей требует разработки и применения стратегий, способных модифицировать и компенсировать эти негативные процессы. Опыт России за последние десятилетия выявил, что приемные семьи являются одной из эффективных форм заботы о детях, оставшихся без родительской опеки. Исследования Г.В. Семьи, А.М. Прихожан, О.В. Заводилкиной, Л.Я. Олиференко, В.Н. Ослон, М.Ф. Терновской и А.Б. Холмогоровой изучали динамику адаптации детей в приемных семьях, процессы реконструкции детско-родительских взаимоотношений и как получение статуса в приемной семье коррелирует с улучшениями в психологическом развитии ребенка.

Социальная динамика развития ребенка в семейной среде определяется: а) способностью формировать привязанности, которые, как установлено, служат фундамен-

том его психологического и эмоционального роста; б) неструктурированным и неформализованным взаимодействием на основе совместной активности и выбора действий, что способствует гибкому социальному взаимодействию; в) персонализированным подходом в воспитании, который включает интенсивное личное внимание со стороны родителей. Исследования подтверждают, что такие образовательные условия положительно сказываются на интеллектуальном и эмоциональном развитии ребенка и предоставляют возможности для компенсации дефицитных аспектов социализации в условиях дисфункциональной семьи или учреждения. Приемные семьи также формируют предпосылки для социального развития личности, обеспечивая приобретение навыков самообслуживания, управления личным пространством и временем. Однако для более глубокой социальной адаптации необходимы условия «институциональной социализации» (по А.В. Мудрику), в рамках которой подросток осваивает социально одобренные модели поведения и приобретает соответствующий опыт [2, с. 31].

Теоретически, приемная семья функционирует как открытая система, нацеленная на взаимодействие с другими агентами социализации и включенная в комплекс психолого-педагогического сопровождения. Однако на практике реализация этой модели сталкивается с проблемами, часто обусловленными сложностями адаптации ребенка в различных социальных институтах и противоречивостью их воздействий.

Из этого вытекает, что действующие модели устройства ребенка, включая семейные, не решают проблему одностороннего воздействия взрослого социума на детей. Существующие подходы: — не компенсируют недостаток положительных влияний на детство со стороны ключевых институтов социализации, таких как семья, образовательно-воспитательные учреждения, культурные институции, СМИ; — не восстанавливают потерянные в современном обществе формы кооперации между взрослыми и детьми, неформальные пространства взаимодействия; — не обеспечивают последовательного включения ребенка в социальное пространство.

В этом контексте остается насущной задачей разработка инновационных образовательных подходов и педагогических моделей, целью которых является создание специфических условий для эффективного формирования субъектного статуса у детей, лишенных родительской опеки.

Процесс воспитания таких детей требует создания на основе деятельности приемных семей интегрированной развивающей среды, которая способствовала бы полноценному выполнению функций социальных институций, таких как школа, детские коллективы, ближайшее социальное окружение. В качестве субъекта социальных

взаимодействий в такой среде, ребенок расширяет свои социальные компетенции, что в дальнейшем позволяет ему творчески использовать накопленный социальный опыт в новых социальных ролях.

Следовательно, конструирование жизненного пространства ребенка в контексте приемных семей предполагает создание системы социокультурных сценариев, способствующих его развитию в условиях: — ценностной конгруэнтности и интеграции развивающейся среды, достигаемой за счет интеграции ключевых агентств социализации ребенка и их координированной работы; — активного участия в разнообразных видах деятельности с возможностью свободного выбора и спонтанности возникающих отношений в группе сверстников и среди взрослых; — открытости системы, способствующей широкому спектру социальных взаимодействий и препятствующей развитию антисоциальных субкультур.

Эффективность функционирования сообщества приемных семей и адекватность созданных условий оценивались на основе критериев сформированности субъектного статуса ребенка, ключевые аспекты которого включают уровень рефлексивного анализа, осознание жизненных перспектив, планирование будущего и ценностные установки.

В рамках исследования приняли участие 98 приемных детей из города Калуги и Калужской области, а также 45 детей, проживающих в сообществе «Китеж», возрастной диапазон которых составлял от 12 до 18 лет [8, с. 90].

Анализ нестандартизированных самоотчетов в рамках исследования жизненных перспектив выявил, что дети из сообщества «Китеж» демонстрируют разнообразное и дифференцированное восприятие собственной личности, а также высокую степень развития познавательных функций, что отражается в значительной доле индивидуальных характеристик (61 %). В контрасте, дети из приемных семей также показали высокую выраженность этой сферы (40 %), однако их самоидентификация обнаруживала большую степень однообразия и контрастности. Отмечается, что ключевую роль в формировании самовосприятия играет наличие представлений о других индивидах, которое зависит от объема и качества социальных взаимодействий. Недостаток социальных контактов и личностного общения приводит к схематичности и бедности в самоописании (Лемиш, 1998: 147–152).

Преобладающее настроение к будущему среди участников исследования из группы Китеж отражает высокий уровень оптимизма (89 % респондентов), в отличие от калужской группы, где таковых оказалось лишь 53 %. Это демонстрирует уверенность в собственных ресурсах и возможностях. Респонденты обеих групп опи-

сывают предстоящее как захватывающее и стабильное время, насыщенное значимыми событиями, при этом у детей из Китежа наблюдается наличие реалистичных целей и четко очерченных жизненных планов.

Согласно самоотчетам, в китежской группе 87 % детей визуализировали свое будущее, перечисляя предполагаемые личные события, и 56 % из них могли точно указать временные рамки для их реализации, что свидетельствует о наличии детально проработанного жизненного сценария.

Тем временем, только 21 % детей из калужской группы детализировали свое видение будущего, указывая на временные рамки событий. Для этой группы характерно неопределенно-отдаленное видение будущего, часто с неясными перспективами. Особенно это присуще воспитанникам детских домов, что подтверждено исследованиями Федотовой (2007, 2008), отражающими противоречивое отношение к предстоящему и ориентацию на дальние перспективы.

Ценностные ориентации детей, находящихся в воспитании в приемных семьях общины «Китеж», демонстрируют более высокий уровень развития потребностей в саморазвитии и обучении (27 %) и участия в творческой профессиональной деятельности (8 %). В сравнении, в калужской выборке наблюдается деформация ценностей, проявляющаяся в доминировании материальных ценностей над абстрактными и семейными ценностями, что находит отражение в аналогичных тенденциях среди детей из институциональных учреждений (Федотова, 2007).

Жизненный опыт в сообществе приемных семей «Китеж» выявляет новую траекторию развития социальных институтов помощи детям-сиротам, организованных в семейном и коллективном форматах. Эффективность воспитательного процесса в этих условиях зависит от интегрированной, развивающей среды, целенаправленного внимания к индивидуальным потребностям ребенка, разнообразия предлагаемых видов деятельности и основанных на них социальных взаимодействий, а также демократического стиля управления. Все это способствует формированию у детей-сирот субъектности, активной жизненной позиции, способности к ответственному выбору и принятию решений в критических ситуациях.

Продолжая анализ опыта сообщества приемных семей «Китеж», следует отметить, что подобные модели семейно-коллективного воспитания могут служить прототипами для реформирования системы социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Интеграция принципов демократического управления, персонализированного подхода и широ-

кого спектра социальных взаимодействий способствует не только компенсации дефицитов, возникших вследствие ранней социальной депривации, но и формированию устойчивых жизненных стратегий, необходимых для успешной адаптации в современном обществе риска [5, с. 76].

Важным аспектом является необходимость институциональной поддержки таких сообществ со стороны государства и общества. Это включает разработку нормативно-правовой базы, обеспечивающей стабильное функционирование подобных инициатив, а также финансирование и методическое сопровождение. Государственная политика должна быть направлена на стимулирование создания и развития подобных форм семейного устройства, признавая их эффективность в формировании субъектности и социальной компетентности у детей из уязвимых групп.

Кроме того, актуальным является развитие программ подготовки и сопровождения приемных родителей, способных реализовывать инновационные педагогические подходы и создавать благоприятную развивающую среду. Профессиональное развитие и поддержка приемных родителей являются ключевыми факторами в обеспечении качества воспитательного процесса и достижении позитивных результатов в развитии детей.

Необходимо также обратить внимание на интеграцию усилий различных социальных институтов — образовательных, медицинских, культурных — в рамках междисциплинарного подхода к поддержке детей-сирот. Создание сетей сотрудничества между сообществами приемных семей, государственными структурами и некоммерческими организациями может способствовать обмену опытом, распространению лучших практик и повышению общей эффективности системы социальной поддержки.

В перспективе дальнейших исследований стоит рассмотреть вопросы масштабирования подобных моделей и их адаптации к различным социально-культурным контекстам. Изучение долгосрочных результатов воспитания в сообществах типа «Китеж» позволит более полно оценить их влияние на жизненные траектории воспитанников, их профессиональную реализацию и вклад в общество.

Заключение

Таким образом, в условиях современного общества риска, где молодёжь сталкивается с неопределённостью и отсутствием традиционных жизненных ориентиров, особенно уязвимы дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей. Традиционные формы устройства и институциональные методы социализации не всег-

да обеспечивают эффективную интеграцию этих детей в общество и развитие их субъектного статуса. Опыт общества приёмных семей «Китеж» показывает, что создание интегрированной развивающей среды, сочетающей семейное и коллективное воспитание, способствует формированию у детей активной жизненной позиции, ответственности и способности к самореализации. Это

подчёркивает необходимость разработки инновационных педагогических моделей и образовательных подходов, ориентированных на индивидуальные потребности ребёнка и обеспечивающих его полноценное развитие и успешную социализацию в условиях современного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астojанц М.С. Социальная адаптация выпускников интернатных учреждений. М.: Академия, 2010. — 245 с.
2. Бекешина Л.И. Социальные проблемы детей-сирот в России. СПб.: Питер, 2009. — 192 с.
3. Заводилкина О.В. Психологическая поддержка детей-сирот: методы и практики. М.: Педагогика, 2018. — 208 с.
4. Лемиш В.В. Проблемы социализации детей-сирот: исследования и практические рекомендации. М.: Наука, 2017. — 176 с.
5. Лисина М.И. Психологические аспекты развития детей в условиях интернатов. СПб.: Питер, 2015. — 189 с.
6. Олиференко Л.Я. Психолого-педагогическое сопровождение приемных семей. М.: ВЛАДОС, 2016. — 234 с.
7. Ослон В.Н. Особенности адаптации детей-сирот в приемных семьях. М.: МГППУ, 2020. — 220 с.
8. Пристяжная Н.В. Социальная адаптация детей-сирот: проблемы и перспективы. М.: Юрайт, 2017. — 198 с.
9. Семья Г.В. Воспитание детей-сирот в семейных условиях: опыт и перспективы. М.: Просвещение, 2019. — 210 с.
10. Чернова Г.В. Основы психолого-педагогического сопровождения в инклюзивном образовании. Ростов-на-Дону: Феникс, 2019. — 174 с.

© Магдиева Нателла Тахмановна (saida777771111@mail.ru); Лабазанов Ислам Лечиевич (Mamed95region@mail.ru);
Борлакова Фатима Аубекировна (borlakova82@bk.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕДИЦИНСКИЙ БЛОГИНГ И СОЦИОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО РАЗРЫВА В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: АНАЛИЗ ДОСТУПНОСТИ ИНФОРМАЦИИ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ДЛЯ УЯЗВИМЫХ ГРУПП НАСЕЛЕНИЯ

MEDICAL BLOGGING AND THE SOCIOLOGY OF THE DIGITAL DIVIDE IN HEALTHCARE: AN ANALYSIS OF THE AVAILABILITY OF INFORMATION AND POTENTIAL NEGATIVE CONSEQUENCES FOR VULNERABLE GROUPS OF THE POPULATION

A. Milinis

Summary. In the context of the complete digital transformation of the industry, the question of the readiness of medical workers to change the work of the entire healthcare system remains open. Therefore, the study aims to analyze medical blogging and identify the sociology of the digital divide in healthcare. The relevance of the topic lies in the necessary analysis of the accessibility of information about health, medicines and medical services provided in medical institutions to the general population. Consequently, the widening of the digital divide can have negative consequences, such as the unavailability of high-quality medical information for vulnerable populations. *Material and methods.* The study is based on data obtained during a survey, analysis and data processing conducted among medical personnel working in private and public health organizations. The survey includes questions related to aspects of digital literacy of healthcare professionals. *The results of the study* showed that the majority of respondents (92 %) are women. The respondents are represented in different age groups, mainly between the ages of 25 and 45 (79 %). The study showed that the use of digital technologies in some areas of medicine improves decision-making processes in the field of medical care, care and is associated with a high level of satisfaction with health services. *The results of the study* emphasize that modern medicine relies on innovative technologies and artificial intelligence, which play an important role by providing opportunities and methods to improve healthcare efficiency, improve service efficiency and expand the availability of medical services.

Keywords: healthcare, medical education, digital society, digital sociology.

Милинис Алисия Андреевна

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского» Москва
salim.sungj@mail.ru

Аннотация. В условиях полной цифровой трансформации отрасли до сих пор остается открытым вопрос о готовности медицинских работников к изменению работы всей системы здравоохранения. Поэтому исследование направлено на анализ медицинского блоггинга и выявления социологии цифрового разрыва в здравоохранении. Актуальность темы заключается в необходимом анализе доступности информации о здоровье, лекарствах и медицинских услугах, предоставляемой в медицинских учреждениях широким слоям населения. Следовательно, расширение цифрового разрыва может иметь негативные последствия, такие как недоступность высококачественной медицинской информации для уязвимых групп населения. *Материал и методы.* Исследование базируется на данных, полученных в ходе опроса, анализа и обработки данных, проведенных среди медицинского персонала, работающего в частных и в общественных организациях здравоохранения. Опрос включает вопросы, касающиеся аспектов цифровой грамотности медицинских работников. *Результаты исследования* показали, что большинство респондентов (92 %) составляют женщины. Респонденты представлены в разных возрастных группах, в основном в возрасте от 25 до 45 лет (79 %). Исследование показало, что применение цифровых технологий в некоторых областях медицины улучшает процессы принятия решений в сфере медицинского обслуживания, оказания помощи и связано с высоким уровнем удовлетворенности услугами здравоохранения. *Выводы* из исследования подчеркивают, что современная медицина опирается на инновационные технологии и синтетический интеллект, которые играют важную роль, предоставляя возможности и методы для улучшения эффективности здравоохранения, повышения эффективности обслуживания и расширения доступности медицинских услуг.

Ключевые слова: здравоохранение, медицинское образование, цифровое общество, цифровая социология.

Введение

Современные технологии расширяют сферу своего применения не только в медицине для лечения и профилактики заболеваний, но и переносятся в область медицины, направленную на улучшение и оптимизацию функций человеческого организма. Цифро-

вая медицина учитывает как современные технологии, так и потенциальные возможности, тем самым раскрывая новое видение медицинской сферы. Такой подход открывает перспективу для более эффективного лечения и профилактики заболеваний за счет интеграции медицинских знаний и данных о состоянии здоровья.

Используя метод визуальной оценки, основанный на социологическом анализе, цель состоит в том, чтобы обсудить долгосрочные последствия новых технологий еще до их широкого внедрения. Особый интерес представляют исследования цифровых технологий в здравоохранении как инструмента комплексного мониторинга и моделирования, а также изменения их подходов к медицинской практике. Еще один аспект, который меняет технологию цифрового здравоохранения, — это традиционные представления о самозанятых людях. Здоровье становится четкой целью и процессом оптимизации. Это, в свою очередь, приводит к изменениям в общественном мнении и влияет на то, как мы поддерживаем наше здоровье и как мы лечим или предотвращаем коренные заболевания [12].

Восстановление, поддержание и укрепление здоровья охватывает не только сферу медицины, но и выходит далеко за ее пределы. Цифровые технологии существенно меняют систему здравоохранения, выходя за рамки традиционной медицины и профилактической медицины и переходя к концепции медицины, основанной на желаниях, которая направлена на улучшение и оптимизацию человеческого организма и его функций. Применение цифровой медицины контролирует медицинское вмешательство, поскольку его технологии могут использоваться не только профессионалами, но и самими пациентами. Он представляет собой гораздо более широкий диагностический и терапевтический контекст, который также применяется в области фитнеса и поддержания здорового образа жизни.

Данной теме посвящены исследования следующих авторов: Муслимов М.И., Дмитриева Е.В., Черная И.П., Просалова В.С., Николаева А.А., Дмитриева Е.В. Муслимов М.И. в своем исследовании сосредоточен на изучении различных концепций и областей цифрового здравоохранения, которые применяются как в некоторых странах, так и в России. Особое внимание уделено анализу роли частного медицинского сектора в развитии цифрового здравоохранения в России, обобщению текущего состояния цифровизации медицинской инфраструктуры в стране и формулированию перспективных прогнозов [2].

В статье Галстян А.Г. рассматриваются различные аспекты, которые не учитываются при разработке платформы для рынка здравоохранения, и сформулированы рекомендации по успешному проектированию этой платформы [9].

Важным исследованием является работа Дмитриева Е.В., в котором исследуется характеристика социального института здоровья и связи между индивидом и здравоохранением как объектов социологии здоровья. Эффективность цифрового здравоохранения анализируется с помощью социологического исследования [3].

Авторами Черная И.П., Просалова В.С., Николаева А.А. рассмотрены особенности сквозных технологий в области здравоохранения, их применение и связь с медицинским образованием [4].

Интересный вклад в изучение темы вносит исследование Дмитриева Е. В., в котором демонстрируется характеристика общения между врачом и пациентом в контексте мобильного здравоохранения. Было изучено, как новые способы общения влияют на выполнение различных задач, таких как информирование пациентов о конкретных рисках для организма, помощь и реабилитация людей с разными видами зависимости, и повышение информированности здоровых клиентов [5].

Одним из важных вопросов является то, как работники здравоохранения адаптируются к изменениям, вызванным полным переходом к цифровым технологиям в отрасли. Доверие к цифровым технологиям имеет ключевое значение в развитии глобальной цифровой экономики, поскольку без него эффективная работа технологий невозможна. Одной из основных проблем, которую мы рассматриваем при изучении готовности к цифровым технологиям и процессу цифровизации, является уровень доверия населения к цифровым технологиям [1]. Исходя из вышесказанного, цель исследования изучить уже существующие медицинские блоги, рассмотреть социологию цифрового разрыва в области здравоохранения, а также оценить уровень цифровой грамотности среди медицинских специалистов.

Материал и методы

Материалом исследования послужили данные из сайта [1, 13], опрос медицинских специалистов из различных возрастных категорий. Опрос был проведен в период с 1 февраля по 1 апреля 2024 года и включал 128 участников. В исследовании приняли участие медицинские специалисты из 39 субъектов Российской Федерации. Для изучения уровня цифровой грамотности был использован опросник DigCompSAT, который был разработан Объединенным исследовательским центром (JRC) Европейской комиссии для самооценки с учетом будущих возможностей трудоустройства. Все участники опроса были обладателями высшего медицинского образования. Основная цель проведения опросов заключалась в оценке общего уровня цифровой грамотности среди медицинского персонала.

Для проверки точности и полноты данных в рамках исследования были задействованы методы опроса, анализа и обработки информации. Для обеспечения максимальной объективности были разработаны вопросы опросника, позволяющие собирать как количественные, так и качественные данные относительно цифровой грамотности медицинского персонала (табл. 1).

Таблица 1.
Определение цифровой грамотности

Номер вопроса	Вопрос	Имею представление	Хорошо знаю об этом
1.	Не все новости в Интернете правдивы	30,2 %	49,8 %
2.	Перед публикацией информации уточнять о правах и обязанностях	16,8 %	58,2 %
3.	Различные факторы влияют на содержание информации	48 %	39 %
4.	Не все персональные данные следует публиковать в интернет-пространстве	41,8 %	46,7 %
5.	Новые цифровые технологии влияют на профессиональную сферу	69,8 %	29,3 %
6.	Благодаря новым технологиям анализ данных дает больше прогресса	45,1 %	14,6 %
7.	Использовать программу защиты персональных данных	75,8 %	7,8 %
8.	Важно следить за обновлением операционной системы и программы антивирус	45,3 %	48,9 %

Применяя данный метод опроса, можно выявить не только актуальные проблемы и недостатки существующей системы обеспечения безопасности, но и определить наиболее эффективные пути их решения на основе мнений и предложений непосредственно медицинских работников. Таким образом, проведение опроса способствовало выявлению недостатков в цифровом образовании у медицинских работников на разных уровнях и формулировке рекомендаций по его улучшению (табл. 2).

Таблица 2.

Характеристика респондентов

Показатель	Процент
Женщины	92 %
Возрастной диапазон от 25 до 45 лет	79 %
Структура частной медицины	36,7 %
Место работы в государственных медицинских организациях	52,4 %
Место работы одновременно и в частной, и в государственной медицинских организациях	27,1 %

Из предоставленных в таблице данных можно сделать вывод, что 25 % респондентов работают как в частных,

так и в государственных учреждениях сферы здравоохранения, в то время как 52,4 % работают исключительно в государственных учреждениях. Большинство опрошенных (92 %) представлены женщинами. Респонденты включают представителей различных возрастных категорий, в основном в возрасте от 25 до 45 лет (79 %). Погрешность выборки не превышает 3 %.

Результаты и обсуждение

Согласно исследованию, цифровые технологии в сфере здравоохранения оказывают положительное влияние на поставщиков медицинских услуг, о чем свидетельствуют результаты глобального мета-анализа, опубликованного в журнале *The Lancet Digital Health* (рис. 1).

Многочисленные обзоры подтверждают, что применение цифровых технологий в некоторых областях медицины улучшает процессы принятия решений в сфере медицинского обслуживания (20 %), оказания помощи (18 %) и связано с высоким уровнем удовлетворенности услугами здравоохранения (20 %). Кроме того, данные технологии позволяют быстрее выявлять новые клинические проблемы (7 %). Исследование также показало, что телемедицина может способствовать карьерному росту, расширению знаний и повышению эффективности и производительности (16 %). Его можно использовать для терапевтических вмешательств (8 %) и для обучения и найма медицинских работников (11 %).

При этом исследователи обнаружили, что телемедицина может увеличить нагрузку на медицинских работников и может быть связана с риском выгорания (3,1 %). Системы поддержки принятия медицинских решений, основанные на искусственном интеллекте, доказали свою эффективность в улучшении медицинского обслуживания на 14,9 %. Интеграция нейронных сетей также расширила возможности медицинских работников по принятию решений (15,8 %) и улучшила соблюдение руководящих принципов и клинических протоколов (13,5 %). Однако такая система может привести к конфликту между знаниями поставщика медицинских услуг и рекомендациями этих систем.

Результаты опроса показывают, что сохранение ценности здоровья возможно в современных условиях при условии дальнейшего развития компетенций, связанных с применением информационных технологий специалистами здравоохранения, с учетом тенденций цифровой трансформации. Эксперты ожидают, что процесс цифровой трансформации здравоохранения будет сопровождаться следующими эффектами. Во-первых, цифровая трансформация направлена на повышение качества медицинской помощи и повышение эффективности за счет упрощения решения клинических и административных

Результат глобального метанализа

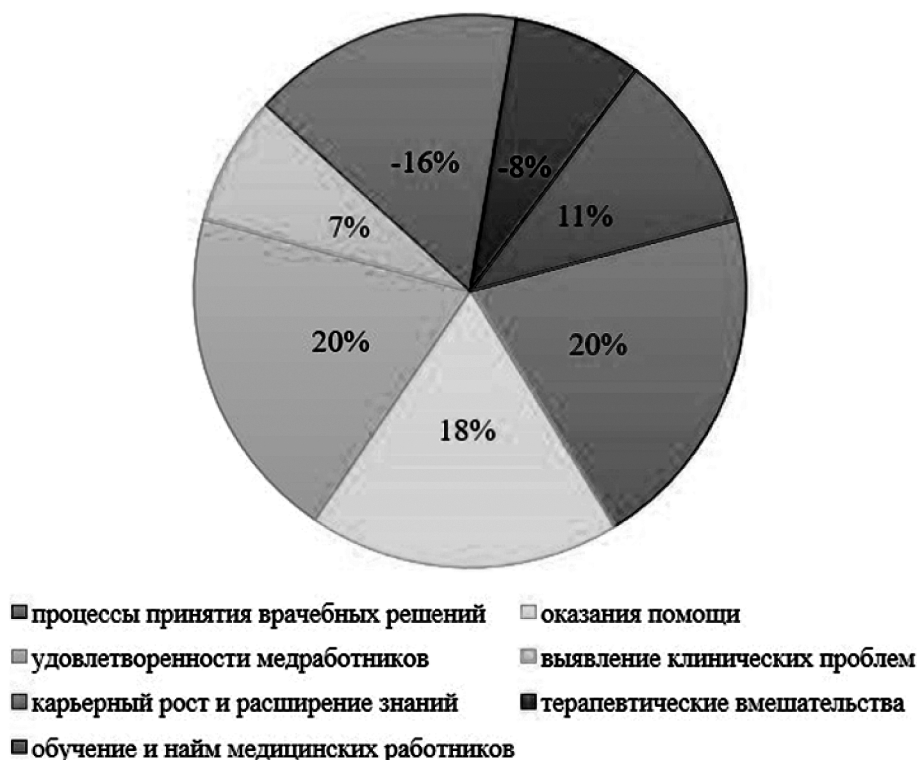

Рис. 1. Результаты глобального метанализа

задач, связанных с передачей, оценкой и точностью информации в процессе лечения. Во-вторых, заинтересованные стороны в области здравоохранения представлены четырьмя заинтересованными сторонами, которые тесно сотрудничают: пациенты (потребители), поставщики медицинских услуг, политики и сторонние кредиторы. Цифровая трансформация в сфере здравоохранения меняет механизмы создания ценности, объединяя интересы. В-третьих, цифровая трансляция не только меняет механизмы взаимодействия между традиционными участниками отрасли, но и пересматривает общую структуру всей системы здравоохранения [6].

Таким образом, современные технологии и развитие искусственного интеллекта имеют важное значение для медицины, предоставляя средства и решения для улучшения эффективности здравоохранения, повышения качества медицинского обслуживания и расширения доступности медицинских услуг. Приборы, гаджеты и приложения помогают людям лучше понимать свое здоровье, улучшать образ жизни, эффективно управлять заболеваниями и получать медицинскую помощь и консультации в удобное для них время и место. В связи с этим, мною предложены следующие мероприятия, направленные на улучшение медицинского блогинга и борьбу с цифровым разрывом в здравоохранении (рис. 2).

Как показано на рисунке, данные меры помогают улучшить доступ к медицинской информации в Интернете, уменьшить разногласия в общении и снизить угрозы уязвимым группам в обществе. Взаимодействие между врачом и пациентом через социальные сети становится обыденным способом общения в медицинской сфере и превращается в новую форму дискурса — медицинское публичное общение. В рамках общения между медицинскими работниками создаются различные медиатексты, содержащие элементы разных стилей и образующие особое пространство для обмена мнениями и идеями в области медицины. Исследования общения врачей в социальных сетях показывают, что границы профессионального общения расширяются за счет новых форм общения и расширяется пространство для взаимодействия медицинских экспертов. Эти изменения напрямую влияют на то, как общаются члены медицинского сообщества, что приводит к изменению традиционных и новых методов общения [7].

Основным методом передачи содержательной информации аудитории остается использование устного изложения в лингвистическом и мультимедийном контексте медиатекста. Использование иллюстраций в формате плаката, инструкции или руководства с использованием фото и видео материалов чаще всего используется для иллюстрации и структурирования информации, чтобы облегчить понимание текста и эконо-

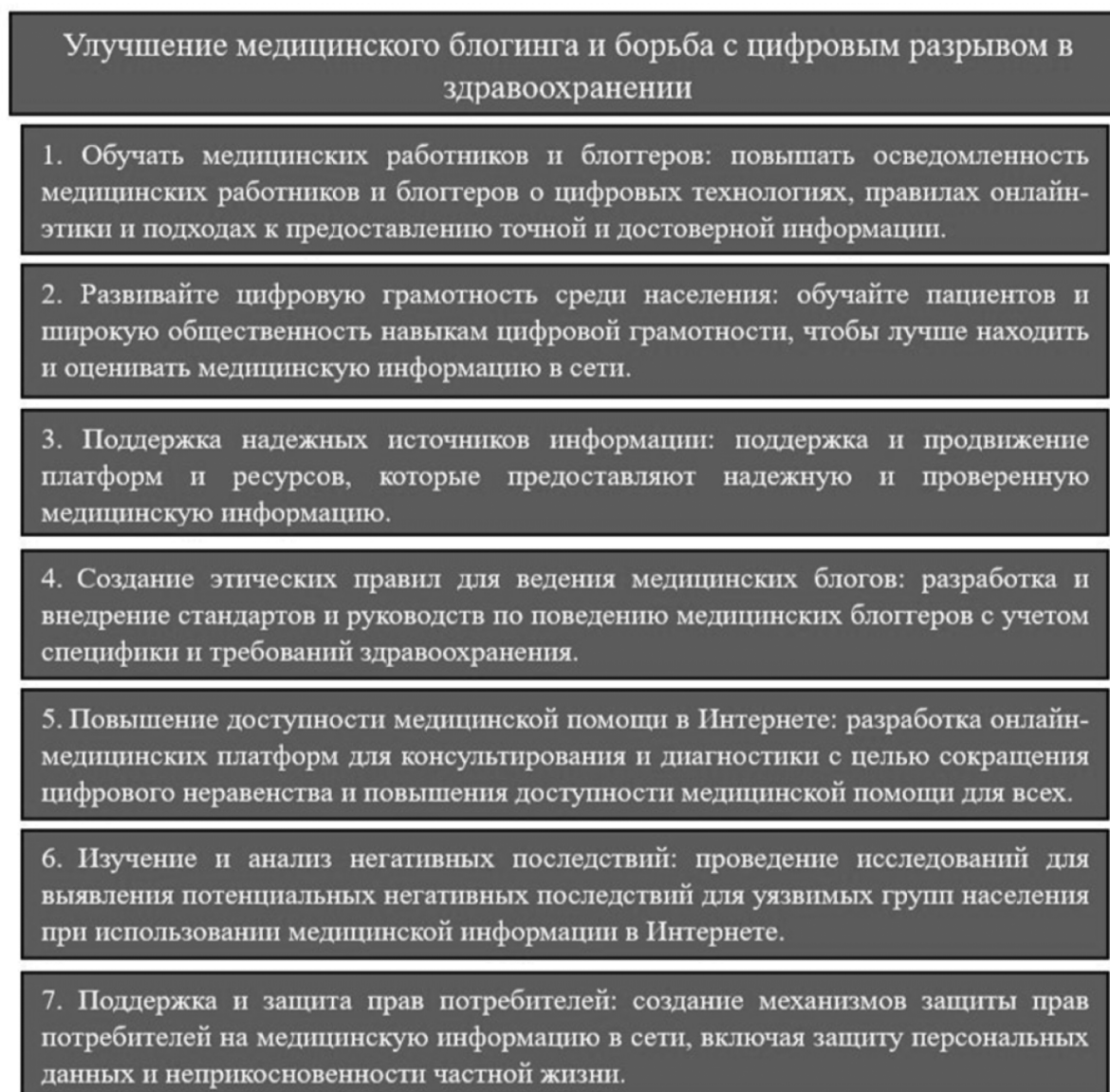

Рис. 2. Улучшение медицинского блоггинга и борьба с цифровым разрывом в здравоохранении

номить читателю время и силы. Разнообразные методы реализации медиа-текста выполняют различные задачи по привлечению внимания к конкретному контенту. Подробное изучение этих методов в рамках анализа стратегий вовлечения и удержания аудитории поможет лучше понять роль в диалоге с адресатами. Анализ лингвистических и стилистических приемов, используемых для применения коммуникативной тактики на всех языковых уровнях в медиатекстах, рассматривается как возможное направление будущих исследований [8].

Поэтому изучение дискурсивного и коммуникативно-прагматического аспектов позволяет сделать вывод о широких возможностях медицинского блоггера в успешной реализации информационно-просветительской деятельности и эффективном воздействии на целевую аудиторию посредством создания мультимедийного контента в социальных сетях. Использование различ-

ных каналов передачи доли в мультимедийных текстах позволяет читателю выбирать наиболее удобные для него способы восприятия специализированного материала. Взаимодействие врача с широкой аудиторией посредством диалога на страницах его профессионального блога в социальных сетях может улучшить репутацию специалиста и медицинского сообщества в целом. В долгосрочной перспективе это может способствовать повышению уровня медицинской грамотности среди населения. В современной практике онлайн-общения с пациентами врач должен обладать новыми компетенциями в области медиа грамотности, чтобы эффективно использовать все возможности современной медиа коммуникации [10,11].

Следует отметить, что появление новых средств коммуникации привело к изменению привычного способа участия профессиональных сообществ в медиасреде.

Исследование того, как профессиональные сообщества взаимодействуют в медиапространстве, может быть выполнено с помощью модели, состоящей из нескольких частей, которая включает в себя следующее: — описание системы способов общения (включая устные выражения) в Интернете, объединяющей профессиональные сообщества; — анализ лингвистических особенностей профессионального общения в онлайн среде; — описание системы дискурсивных практик (в том числе речевых) интернет-коммуникации, объединяющих профессиональное сообщество системное описание лингвистической специфики профессиональной коммуникации в интернет-среде характеристику жанрового состава и составление типологии текстов профессиональной коммуникации в интернет-среде; — описание системы ценностей и мировоззренческих установок (корпоративные ценности, идеология), отраженных в текстах представителей профессиональных сообществ в интернет-коммуникации; — описание динамических процессов, происходящих в рамках профессионального языка в интернет-коммуникации [15].

Заключение

Использование цифровых технологий в медицине, несомненно, является одной из больших надежд сегодняшнего дня. Потенциал виден во всей области, начиная с управления медицинскими данными, их использования в исследованиях, и заканчивая здравоохранением, лечением и уходом. В настоящее время эти технологии все еще в значительной степени находятся в стадии разработки. Несмотря на то, что на рынке уже можно найти отдельные продукты по сравнению с огромным потенциалом, приписываемым этим технологиям, цифровая

медицина в настоящее время в первую очередь является перспективной на будущее.

Новые технологии и искусственный интеллект играют ключевую роль в современной медицине, предоставляя инструменты и решения для повышения эффективности здравоохранения, улучшения качества медицинского обслуживания и расширения доступности медицинских услуг.

Приборы, гаджеты и приложения помогают людям лучше понимать свое здоровье, улучшать образ жизни, эффективно управлять заболеваниями и получать медицинскую помощь и консультации в удобное для них время и место.

В результате цифровой трансформации в здравоохранении, основанной на цифровых инновациях и усилении самодиагностики и лечения на дому, наблюдается переход к более доступной, персонализированной и эффективной модели здравоохранения. Новые технологии, такие как мобильные приложения для здоровья, телемедицинские платформы и устройства самомониторинга, становятся все более распространенными среди пациентов, что позволяет им активнее участвовать в процессе ухода за своим здоровьем.

Эта трансформация ведет к изменениям в структуре и компетенциях медицинского персонала, требуя от них большей цифровой грамотности, аналитических навыков и умения работы с пациентами на удаленном уровне. Стандарты безопасности данных и конфиденциальности становятся все более важными в условиях расширения цифровизации медицинской сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беззубцева М.В., Григорьева, Н.С., Демкина, А.Е., Кочергина, А.М. Цифровизация здравоохранения в России: мониторинговое исследование цифровой грамотности медицинских работников. Государственное управление. Электронный вестник. 2022. 93, 108–120.
2. Муслимов М.И. Роль частного медицинского бизнеса в формировании проектов цифрового здравоохранения. Саратовский научно-медицинский журнал. 2018. 14(4), 667–670.
3. Дмитриева Е.В. Социология здоровья и цифровое здравоохранение. Коллекция гуманитарных исследований. 2021. 3(28), 6–11.
4. Черная И.П., Просалова, В.С., Николаева, А.А. Сквозные технологии как цифровые инновации в здравоохранении и медицинском образовании. Теория и практика общественного развития. 2022. 3(169), 64–73.
5. Дмитриева Е.В. Коммуникационное взаимодействие врача и пациента в условиях цифрового здравоохранения. Коммуникология. 2020., 8(3), 150–162.
6. Стрельников С.С., Каткова, А.Л., Егоров, Д.Б., Захаров, С.Д. Реализация проекта «цифровая кафедра» в медицинском вузе: контекст цифровой трансформации здравоохранения. Мир науки. Педагогика и психология. 2024. 12(1).
7. Волкова Е.В. Профессиональная коммуникация врача в социальных сетях как новая дискурсивная практика. Виртуальная коммуникация и социальные сети. 2022. 1(2), 85–90.
8. Волкова Е.В. Реализация информационно-просветительской стратегии врача в медиа дискурсе социальной сети. Вестник Томского государственного университета. 2021. 463, 15–24.
9. Галстян А.Г., Мартиросян, В.А. Вопросы проектирования маркетплейса в цифровой системе здоровья человека. Век качества. 2023. 4, 71–93.
10. Афан А.И., Полозова, Д.В., Гордеева, А.А. Цифровая трансформация государственной системы здравоохранения России: возможности и противоречия. Цифровое право. 2021. 2(4), 20–39.
11. Блюм В.С. Условия информационной безопасности в клинической сфере системы здравоохранения. Региональная информатика и информационная безопасность. 2017. Выпуск 4, 196–205.
12. <https://link.springer.com/article/10.1007/s11614-019-00389-6>
13. Digital Society Index 2019: Human Needs in a Digital World // Oxford Economics [Электронный ресурс] URL: <https://www.oxfordeconomics.com/resource/digital-society-index-2019-human-needs-in-a-digital-world/> (дата обращения: 26.05.2022)

© Милинис Алисия Андреевна (salim.sungi@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ КОММУНИКАЦИИ В DIGITAL ПРОСТРАНСТВЕ

EFFECTIVE COMMUNICATION MANAGEMENT IN THE DIGITAL SPACE

**N. Pisarevskaya
I. Tolmacheva
V. Kozhina**

Summary. The article analyzes the main aspects of communication management in the digital space, as a result of which the importance of adapting the organization's communication processes to modern technologies and the rapidly developing digital environment is emphasized. Digital solutions that contribute to the implementation of the organization's communication tasks are considered, and the need to use an integrated approach in managing communications in the digital space is noted. The results of the survey «Efficiency of Communications Management in the Digital World» are described.

Keywords: communication, communication management, digital technologies, management, interaction, organization.

Писаревская Наталья Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент,

АНОВО «Московский международный университет»

n-pisarevsk@mail.ru

Толмачева Ирина Вильевна

кандидат экономических наук, доцент,

АНОВО «Московский международный университет»

i.tolmacheva@mtu.ru

Кожина Вероника Олеговна

кандидат экономических наук, доцент,

АНОВО «Московский международный университет»

v.kozhina@mtu.ru

Аннотация. В статье проведен анализ основных аспектов менеджмента коммуникации в цифровом пространстве, в результате которого подчеркивается значимость адаптации коммуникационных процессов организации к современным технологиям и стремительно развивающейся цифровой среде. Рассматриваются цифровые решения, способствующие реализации коммуникационных задач организации, а также отмечается необходимость использования комплексного подхода в управлении коммуникациями в digital-пространстве. Описываются результаты опроса «Эффективность менеджмента коммуникаций в цифровом мире».

Ключевые слова: коммуникация, коммуникационный менеджмент, цифровые технологии, управление, взаимодействие, организация.

В современном цифровом мире эффективное управление коммуникациями стало необходимым фактором, определяющим успешность, как каждого отдельного человека, так и в целом организаций. Распространение цифровых платформ и технологий трансформировало способы взаимодействия, создав как новые возможности для оптимизации коммуникационных процессов, так и вызовы, с которыми сталкиваются современные руководители в ходе организации эффективного управления коммуникацией.

Отечественные исследователи дают следующую дефиницию коммуникационному менеджменту: «теория и практика управления внутренними и внешними коммуникациями организации с целью формирования и поддержания благоприятного общественного мнения различных целевых аудиторий. Он объединяет в себе управление всем комплексом корпоративных коммуникаций, что является обязательной составной частью менеджмента» [1, с. 118]. Н.Н. Скрипникова и Е.С. Чеснокова говорят, что коммуникационный менеджмент «является многоаспектной и разноректорной управленческой деятельностью, характер и интенсивность которой определяется спецификой деятельности организации, конъюн-

ктурой рынка, информационной средой и внутренними процессами» [3, с. 141]. Так, менеджмент коммуникаций — это процесс планирования и реализации коммуникационных стратегий, направленных на достижение организационных целей и оценки их эффективности.

Эффективная коммуникация основана на следующих принципах: ясность, точность, своевременность и достоверность информации, ее релевантность потребностям и интересам аудитории, а также получение и предоставление обратной связи. Коммуникация внутри организации или группы выполняет информационную, мотивационную, экспрессивную функции, а также функцию контроля.

В рамках деятельности организации выделяют такие формы коммуникации, как внутренняя и внешняя. Внутренняя коммуникация разделяется на восходящую (движение информации от подчиненных к руководству), нисходящую (движение информации от руководства к подчиненным) и горизонтальную (коммуникация внутри подразделений организации и между ними). Как пишет А.К. Рубас, «хорошая коммуникация способствует пониманию действий, предпринимаемых руководством,

повышает лояльность и чувство идентификации с компанией» [2, с. 31].

Внешняя коммуникация — это любое взаимодействие организации с внешними партнерами, целевой аудиторией (ЦА), клиентами и т.д. Сегодня эффективный менеджмент коммуникации играет значимую роль в развитии организаций, поскольку вследствие внедрения цифровых технологий коммуникации организаций трансформируются, цифровые платформы и каналы связи открывают новые возможности для взаимодействия со всеми заинтересованными сторонами. Так, возникает острая необходимость эффективного управления коммуникацией, включающего оптимизацию деятельности компании, улучшение взаимодействия с клиентами, управление репутацией, повышение прозрачности деятельности и т.д.

Для реализации принципов эффективной коммуникации, организации следует придерживаться следующего алгоритма действий:

1. Установление четких целей коммуникации, таких как информирование, убеждение или побуждение к действию обеспечивает согласованность сообщений.
2. Сегментация и анализ аудитории, понимание ее потребностей, интересов и предпочтений, адаптация сообщений, распространяемого контента и выбора соответствующих каналов коммуникации.
3. Выбор каналов коммуникации наиболее подходящих для реализации целей коммуникации.
4. Планирование и координация взаимодействия с ЦА
5. Предоставление регулярной и конструктивной обратной связи ЦА имеет решающее значение для улучшения коммуникации.
6. Использование новых технологий для взаимодействия, предоставляющих инструменты для совместной работы, обмена информацией и отслеживания прогресса.
7. Оценка и измерение эффективности коммуникации для улучшения и оптимизации коммуникационных процессов.

Преимущества эффективного менеджмента коммуникации заключаются в улучшении взаимодействия между сотрудниками, клиентами и другими заинтересованными сторонами, оптимизации принятия решений, повышение производительности и эффективности труда, укреплению репутации и доверия, управлении репутационными рисками, улучшении взаимодействия с клиентами, способствующее формированию их лояльности и удовлетворенности. В результате осуществляется поддержание положительной репутации среди заинтересованных сторон, а также построение сильной коммуни-

кционной инфраструктуры позволяющей организации эффективно реагировать на кризисы и минимизировать их негативное влияние.

Сегодня для реализации своих коммуникационных стратегий организации используют различные цифровые инструменты. Взаимодействие посредством сетей Интранет и Интернет (Внутренние и внешние сети) позволяет осуществлять коммуникацию, как внутри организации, так и за ее пределами. Так, письменная коммуникация осуществляется посредством электронной почты, сообщений, представления электронных отчетов, презентаций и т.д. Устная коммуникация реализуется как в офлайн формате (личные встречи, телефонные звонки), так и в онлайн (видеоконференции, видеозвонки в мессенджерах, социальных сетях и т.д.). Посредством создания и ведения сайта компании осуществляется представление организации общественности. Использование сервисов, предоставляющих сотрудникам возможность одновременно работать с одним и тем же документом, оптимизирует и ускоряет работу над проектами. Посредством мессенджеров осуществляется взаимодействие в конкретных группах сотрудников, решающих общую задачу. Сервисы для управления бизнесом, которые включают в себя: CRM, менеджер задач, корпоративную социальную сеть, календарь, учёт рабочего времени, генератор документов и отчетов и т.д. оптимизируют распределение задач внутри организации и позволяют отслеживать их исполнение. Так, благодаря использованию различных цифровых технологий осуществляется коммуникация с коллективом организации, ее партнерами и целевой аудиторией.

В Таблице 1 описаны цифровые решения, способствующие решению организационных задач в процессе осуществления внутренней и внешней коммуникации.

Таким образом, различные цифровые решения охватывают практически все сферы деятельности организаций, включая управление коммуникацией, и оптимизируют работу и взаимодействие сотрудников.

Однако нельзя не учитывать и негативные стороны внедрения цифровых технологий в рабочие процессы. Развитие цифрового мира требует от организаций постоянного обновления и адаптации коммуникационных стратегий при организации как внутренней, так и внешней коммуникации. Теперь необходим детальный таргетинг и адаптация коммуникационных стратегий к различным сегментам потребительской аудитории. При этом вследствие перенасыщения информацией компаниям становится все труднее доносить свои сообщения до целевой аудитории, а распространение дезинформации и фейков подрывает доверие к внешним коммуникациям и, как следствие, негативно сказывается на репутации организации.

Таблица 1.

Цифровые решения, способствующие реализации задач коммуникации в организации

Задачи коммуникации	Решения
Внутренняя коммуникация	
Обмен информацией, планирование внутренних мероприятий, обучение и развитие сотрудников, получение обратной связи, предоставление доступа к документам, виртуальная информационная база, поддержка командной работы, мотивация и стимулирование коллектива	Ведение сайта
Взаимодействие в ходе работы с документами	Сервисы, предоставляющие возможность одновременного внесения изменений в документы, Интрасети
Коммуникация в организации	Мессенджеры, электронная почта, Интрасети, видеоконференции и коллаборативные платформы
Управление задачами, отслеживание прогресса и общение внутри коллектива	Системы управления проектами
Учет рабочего времени	Сервисы управления бизнесом
Внешняя коммуникация	
Публикация новостей организации, размещение контактной информации и форм обратной связи, создание форумов, размещение календаря событий организации, организация онлайн-чатов и видеоконференций, размещение информации о предложениях и акциях для привлечения новых клиентов и партнеров. Публикация отзывов и рекомендаций клиентов, улучшение репутации организации.	Ведение сайта
Коммуникация с клиентами и партнерами	Мессенджеры, почтовые рассылки, автоматизированные программы, использующие ИИ для взаимодействия с клиентами (чат-боты)
Голосовые вызовы	Традиционные телефонные звонки или вызовы через мессенджеры
Видеоконференции	Сервисы, позволяющие пользователям осуществлять видеозвонки и взаимодействовать в режиме реального времени
CRM (customer relationship management)	Платформы для автоматизации взаимодействия с клиентами
Управление социальными сетями	Платформы, помогающие компаниям управлять своими социальными сетями, планировать публикации и отслеживать аналитику.

Для выявления отношения молодых специалистов к использованию цифровых технологий в коммуникации при управлении организационными процессами, мы провели опрос «Эффективность менеджмента коммуникаций в цифровом мире». В нашем опросе приняли участие 50 человек. Все респонденты указали, что коммуникационная стратегия важна для достижения организационных целей. Также 100 % опрошенных подчеркнули значимость внутренних коммуникаций для поддержания информированности и вовлеченности сотрудников в деятельность организации.

По вопросу с возможностью выбора нескольких вариантов ответа «Какие аспекты являются ключевыми для эффективного менеджмента коммуникаций?» мнения распределились следующим образом: Стратегии комму-

никации (84 %), Отношения с общественностью (68 %), Внутренние коммуникации (58 %), Каналы коммуникации (54 %), Создание контента (38 %), Социальные сети (32 %). При этом наиболее эффективным для осуществления воздействия на целевые аудитории каналом коммуникации 48 % респондентов считают Цифровые каналы (веб-сайты, социальные сети, блоги, электронная почта и т.д.), 12 % отдают предпочтение Личным коммуникациям (встречи, телефонные звонки и т.д.), 8 % указали Традиционные СМИ (телевидение, радио, печатные издания). При этом 32 % говорят об эффективности использования синтеза каналов и способов коммуникации. На вопрос о частоте обмена информацией с коллегами/ клиентами/партнерами посредством цифровых средств 74 % опрошенных ответили «Ежедневно», 24 % используют цифровые средства для коммуникации не-

сколько раз в неделю и только 2 % ответили, что редко обмениваются информацией посредством цифровых средств.

При ответе на вопрос с возможностью выбора нескольких вариантов ответа «Какие преимущества Вы видите в использовании цифровых средств коммуникации?» респонденты указали следующее: Быстрая передача информации (82 %), Возможность общения удаленно (62 %), Удобство и простота использования (50 %), Возможность сохранения истории переписки/общения (46 %). Таким образом, современные сотрудники позитивно относятся к одновременному использованию офлайн и онлайн способов взаимодействия, отмечая продуктивность задействования digital-технологий в ходе осуществления коммуникации и управления ею.

При ответе на вопрос с возможностью выбора нескольких вариантов ответа «Какие инструменты цифровой коммуникации Вы используете в своей деятельности?» респонденты указали следующее: Мессенджеры (WhatsApp, Telegram и т.д.) (86 %), Социальные сети (62 %), Электронная почта (36 %), Видеоконференции (Zoom, Skype и т.д.) (28 %).

На вопрос о роли социальных сетей в менеджменте коммуникаций респонденты указали, что они являются Важным инструментом для коммуникации и взаимодействия с целевыми аудиториями (42 %), Полезным каналом для управления репутацией (12 %), Эффективным способом измерения эффективности коммуникационных кампаний (8 %). При этом 38 % отметили значимость всех указанных аспектов использования социальных сетей.

Наиболее перспективными инновациями в цифровом мире для улучшения менеджмента коммуникации наши респонденты выбирая несколько вариантов от-

вета, выделили следующее: Искусственный интеллект и автоматизация процессов (74 %), Использование виртуальной и дополненной реальности (52 %), Голосовой поиск и умные устройства (42 %).

Следует учитывать, что при всех позитивных аспектах использования цифровых технологий в менеджменте коммуникаций, следует учитывать и их негативные стороны. Так, рассматривая проблемы и недостатки цифровой коммуникации, 49 % респондентов указали на проблемы с безопасностью данных, 31 % отметили потерю контекста и эмоций в текстовых сообщениях, 14 % сказали о затруднении в установлении эффективной коммуникации, а 6 % отметили, что сталкиваются с ограничениями в передаче больших объемов информации.

Как мы видим по результатам опроса, современные специалисты не отрицают доли негативного влияния digital-технологий на менеджмент коммуникации, однако в основном видят перспективы и продуктивность использования преимуществ цифровых ресурсов в менеджменте коммуникаций.

Таким образом, активное использование digital-технологий позволяет оптимизировать процессы взаимодействия внутри компании, осуществлять учет рабочего времени и выполнение задач сотрудниками, улучшать обмен информацией, автоматизировать взаимодействие с клиентами и расширять аудиторию. Поскольку успех в сфере цифровой коммуникации требует адаптации к быстро меняющимся технологическим трендам, постоянного улучшения качества контента и обеспечения согласованности при взаимодействии на различных онлайн-платформах, эффективный менеджмент коммуникации является ключевым фактором функционирования современной организации в digital-пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мокшина, К.И. Коммуникационный менеджмент в системе управления организацией / К.И. Мокшина, Л.П. Кузьмина, С.В. Пирогова // Менеджмент в социальных и экономических системах. — Пенза: Пензенский государственный аграрный университет, 2022. — С. 117–119.
2. Рубас, А.К. Совершенствование системы коммуникационного менеджмента в организации / А.К. Рубас, А.М. Тлеппаев // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2022. — № 5-3(87). — С. 28–33.
3. Скрипникова, Н.Н. Коммуникационный менеджмент как средство координации информационных потоков организации / Н.Н. Скрипникова, Е.С. Чеснокова // Человек в информационном пространстве: сборник научных статей. — Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2020. — С. 139–143.

© Писаревская Наталья Сергеевна (n-pisarevsk@mail.ru); Толмачева Ирина Вильевна (i.tolmacheva@mmu.ru);

Кожина Вероника Олеговна (v.kozhina@mmu.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ И СУЩНОСТИ СОЦИАЛИЗАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

APPROACHES TO THE CONCEPT AND ESSENCE OF SOCIALIZATION AS A SOCIAL PHENOMENON

V. Skopa

Summary. Socialization plays an important role in the life of both an individual and society as a whole. The comfortable and prosperous life of an individual in the social sense depends on its success. Thus, a person must learn the values that have formed in a given culture, norms of behavior, and also realize their abilities by establishing interaction with partners in the system of social connections. The process of socialization is the subject of study of many scientific disciplines, including philosophy and sociology, psychology, anthropology and pedagogy. Analysis of the category of socialization allows us to trace the evolution of scientific views on this phenomenon in the context of historical development.

Keywords: socialization, personality, society, man, anthropology.

Аннотация. Социализация играет важную роль в жизни как отдельной личности, так и общества в целом. От ее успеха зависит комфортная и благополучная жизнь индивида в социальном смысле. Так, личность должна усвоить ценности, которые сформировались в данной культуре, нормы поведения, а также реализовать свои способности, наладив взаимодействие с партнерами в системе социальных связей. Процесс социализации является предметом исследования множества научных дисциплин, включая философию и социологию, психологию, антропологию и педагогику, которые на основе различных методологических подходов интерпретировали данную категорию. Анализ социализации с позиции различных научных областей позволяет проследить эволюцию взглядов на этот феномен в контексте диалектического подхода.

Ключевые слова: социализация, личность, общество, человек, антропология.

В исследовании феномена социализации в современном отечественном социально-гуманитарном знании наступил новый этап. Во многом это связано и объясняется с актуализацией проблемы определения сущности, выявления новых целей, содержания форм, методов социализации, при чем, определяется это с позиции различных наук и научных школ [2, 4, 10].

Первым, кто употребил слово «социализация», был Г. Зиммель. Именно он в своей работе «Проблема социологии» ввел данную категорию. По его мнению, исследование значений, форм развития социализации, сотрудничества, общения индивидов должно стать единственной целью социологии как особой науки. Под социализацией он имел в виду формирование социальных групп и развитие форм объединений индивидов [3]. Однако, применительно к личности, впервые данный термин появился в работе американского социолога Ф. Г. Гиддинга «Теория социализации». Социализация, с его точки зрения, означала «развитие социальной природы или характера индивида, подготовку человеческого материала к социальной жизни» [1]. Таким образом, социализацию он рассматривал как следствие объединения и образования социальных групп, и как причину развития разных видов объединений. Несмотря на то, что сам термин был введен в научный оборот американским социологом, представления о формировании личности индивида в процессе взаимодействия с соци-

умом были отражены в ряде концепций, появившихся на рубеже XIX-XX вв., в частности З. Фрейда, Ж. Пиаже, Э. Дюркгейма. Только в 50-е гг. XX века термин «социализация» стал общепринятым научным понятием и нашел свое активное распространение в западной психологической и философской литературе [12].

Исходя из выявленного массива научных работ можно отметить, что социализация — развитие и самореализация человека на протяжении всей жизни в процессе усвоения и воспроизводства культуры общества может быть представлена как совокупность трех составляющих:

- стихийная социализация человека по взаимодействию и под влиянием объективных обстоятельств в жизни общества, содержание, характер и результаты ее определяются социально-экономическими и социокультурными реалиями;
- относительно направляемая социализация, когда государство принимает определенные экономические, законодательные, организационные меры для решения своих задач, которые объективно влияют на изменение возможностей и характер развития, на жизненный путь тех или иных возрастных или социально-профессиональных групп населения;
- социально-контролируемая социализация — планомерное создание обществом и государством

правовых, организационных, материальных и духовных условий для развития человека.

Социализация — это ключевой процесс, благодаря которому человек усваивает нормы, ценности, знания и навыки, необходимые для полноценного участия в жизни общества. Этот процесс является предметом исследования множества научных дисциплин, включая философию и социологию, психологию, антропологию и педагогику. Анализ категории социализации позволяет проследить эволюцию научных взглядов на этот феномен в контексте исторического развития.

С точки зрения философии, социализация представляет собой, с одной стороны, стабилизацию и сохранение общественных отношений при максимальном приближении к ним молодежи, с другой — процесс коммуникативного взаимодействия, в ходе которого индивид берет на себя роли других людей, формируя свое социальное «я». Социология, в свою очередь, акцентирует внимание на том, как социализация способствует поддержанию социальной структуры и стабильности. Важные социологические концепции включают теории Эмilia Дюркгейма, который рассматривал социализацию как ключевой механизм интеграции индивидов в общество, и Талкотта Парсонса, который видел в социализации процесс интернализации социальных ролей и норм [5,7].

Психологический смысл социализации включает в себя, с одной стороны, усвоение индивидом социального опыта, в ходе которого создается конкретная личность, с другой — процесс и результат включения индивида в социальные отношения, осуществляемый путем активного усвоения им социального опыта и последующего его воспроизведения в своей деятельности, с третьей стороны, это двусторонний процесс, включающий в себя усвоение социального опыта путем вхождения в социальную среду, систему социальных связей, процесс активного воспроизводства индивидом системы социальных связей за счет его активной деятельности, активного включения в социальную среду; с четвертой стороны, социализация рассматривается как двунаправленный процесс, означающий становление человека как личности, как субъекта деятельности, конечной целью которого является формирование индивидуальности [9, 11].

В контексте антрополого-педагогических исследований социализация выступает как комплексный процесс с акцентом на целенаправленное воздействие со стороны институтов социализации на формирующуюся личность, как процесс, гуманизирующий отношение личности к другим людям, ценностям бытия. В данном ключе антропология рассматривает социализацию в контексте культурного разнообразия, исследуя, как различные общества и культуры влияют на процесс становления личности. Педагогика изучает процессы социализации в об-

разовательных учреждениях, рассматривая роль школы и педагогов в формировании личности [6, 11].

Современные исследования продолжают развивать теорию социализации, учитывая влияние таких факторов, как массовая культура, новые технологии и социальные сети. В условиях глобализации изучение процессов социализации приобретает особую значимость, поскольку изменения в социальной и культурной среде требуют адаптации теоретических моделей и методов исследования [12]. Таким образом, интеграция подходов из различных научных дисциплин позволяет более полно и комплексно рассмотреть процесс социализации, выявляя его ключевые механизмы и факторы, влияющие на формирование личности.

В ранних концепциях социализации акцент делался на передаче знаний и умений от одного поколения к другому, что обеспечивало стабильность и непрерывность культуры. Этот процесс рассматривался как основа для поддержания социальной целостности и преемственности. Одной из ключевых фигур в развитии теории социализации был Э. Дюркгейм, который считал социализацию важным механизмом для поддержания социальной интеграции и порядка. Он утверждал, что социализация является процессом интернализации общественных норм и ценностей, необходимых для того, чтобы индивиды могли функционировать как часть общества. В своих работах он подчеркивал, что без эффективной социализации общество не сможет существовать как стабильная и упорядоченная система. Он видел в социализации способ формирования коллективного сознания, объединяющего индивидов и создающего основу для солидарности [7]. Для Э. Дюркгейма социализация начиналась с раннего детства и продолжалась на протяжении всей жизни, охватывая различные социальные институты, такие как семья, школа, религиозные учреждения и рабочие организации. Семья, по его мнению, была первым агентом социализации, где дети усваивали основные ценности и нормы. Школа играла важную роль в формировании более сложных социальных навыков и знаний, необходимых для интеграции в общество.

Ранние концепции также подчеркивали роль ритуалов и обрядов как средств передачи культурных традиций и норм. Эти процессы способствовали формированию общей идентичности и солидарности среди членов общества, что было особенно важно в условиях быстро меняющихся социальных и экономических условий. Таким образом, ранние концепции социализации, в частности взгляды Э. Дюркгейма, заложили фундамент для дальнейших исследований в этой области, подчеркнув значимость процесса передачи культурных норм и ценностей для поддержания социальной интеграции и стабильности.

Позднее Ж. Пиаже и Л. Выготский развили идеи о когнитивном и социальном аспектах развития, подчеркивая роль взаимодействия ребенка с окружающей средой и культурой в процессе социализации. Так, Ж. Пиаже сосредоточил свои исследования на когнитивном развитии детей, предложив теорию стадийного развития. По мнению Пиаже, дети проходят через четыре основных стадии когнитивного развития: сенсорно-моторную, дооперациональную, конкретно-операциональную и формально-операциональную [14]. Каждая из этих стадий характеризуется определенными когнитивными способностями и формами мышления. Пиаже подчеркивал, что когнитивное развитие происходит через активное взаимодействие ребенка с окружающей средой, что способствует усвоению новых знаний и навыков [14].

Пиаже также ввел понятие «схем» — ментальных структур, с помощью которых дети организуют и интерпретируют информацию. Процесс социализации, по его мнению, включает адаптацию этих схем через ассимиляцию и аккомодацию. Это взаимодействие между ребенком и окружающей средой является ключевым для когнитивного роста и социализации [14].

Выготский Л., в отличие от Ж. Пиаже, акцентировал внимание на социальном контексте развития. Он разработал культурно-историческую теорию, согласно которой когнитивное развитие ребенка не может быть понято без учета социальных и культурных факторов [15]. Выготский Л. ввел концепцию зоны ближайшего развития — области задач, которые ребенок может выполнить с помощью взрослого или более компетентного сверстника. Это подчеркивает важность социального взаимодействия и обучения в процессе когнитивного развития. Он также рассматривал язык как основной инструмент мышления и социализации. В последствии утверждал, что через язык дети усваивают культурные нормы и ценности, что помогает им интегрироваться в общество. Роль взрослых и сверстников в обучении и передаче знаний была ключевой в его теории. Таким образом, идеи Ж. Пиаже и Л. Выготского обогатили понимание процесса социализации, подчеркнув значимость когнитивных и социальных взаимодействий. Взаимодействие с окружающей средой и культурой играет центральную роль в формировании личности и усвоении социальных норм и ценностей, что является основой для успешной социализации.

Современные исследования акцентируют внимание на многоуровневом характере социализации, учитывая влияние как макро-, так и микросоциальных факторов. В центре внимания находятся такие аспекты, как влияние массовой культуры, новых технологий и социальных сетей на процесс социализации, а также роль семьи, школы и сверстников. Макросоциальные факторы включают массовую культуру, средства массовой информа-

ции и новые технологии. Массовая культура, представляющая собой кино, музыку, литературу и другие формы искусства, формирует восприятие мира и общественные нормы. Она оказывает значительное влияние на ценностные ориентации и поведенческие модели, особенно среди молодежи. Средства массовой информации, такие как телевидение, радио, печатные издания и интернет, играют ключевую роль в формировании общественного мнения и передаче культурных норм. СМИ также влияют на представления о гендерных ролях, этнической идентичности и социальном статусе. С развитием интернета и социальных сетей процесс социализации приобретает новые формы. Социальные сети влияют на самооценку, социальные навыки и восприятие реальности, особенно среди подростков и молодежи [13].

Семья остается основным агентом социализации, предоставляя первоначальные модели поведения, нормы и ценности. Родители играют важную роль в формировании моральных и этических установок, а также в развитии эмоциональной и социальной компетентности. Школа не только передает академические знания, но и способствует развитию социальных навыков и формированию гражданской идентичности. Взаимодействие с учителями и сверстниками в школьной среде помогает детям осваивать социальные роли и нормы поведения. Группы сверстников оказывают значительное влияние на процесс социализации, особенно в подростковом возрасте, когда идентичность и самооценка формируются под воздействием социального окружения. Взаимодействие со сверстниками помогает осваивать навыки сотрудничества, разрешения конфликтов и социальной адаптации.

Современные вызовы и направления исследований включают глобализацию и технологический прогресс. В условиях глобализации происходят значительные изменения в процессе социализации. Миграция, культурные обмены и глобальные коммуникации создают новые контексты для усвоения норм и ценностей. Исследования показывают, как глобальные процессы влияют на локальные практики социализации и формирование идентичности. Быстрое развитие технологий меняет традиционные способы взаимодействия и передачи знаний. Виртуальная реальность, искусственный интеллект и другие технологические новшества влияют на процесс социализации. Изучение влияния новых технологий на когнитивное и эмоциональное развитие становится важным направлением современных исследований [9]. Таким образом, современные исследования подчеркивают комплексный и многоуровневый характер социализации, где взаимодействие между макро- и микросоциальными факторами играет ключевую роль. В условиях глобализации и технологического прогресса исследование этих аспектов становится особенно актуальным, помогая лучше понять процессы формирования личности в современном обществе.

Таким образом социализация, как процесс формирования личности через усвоение культурных норм и ценностей оказывает глубокое влияние на развитие индивидуальных и социальных характеристик человека. Выявленные подходы к данной категории из различных

научных областей позволяют более системно и целостно подходить к оценочным суждениям в отношении данного процесса, который имманентен обществу и его трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Giddings, F.H. The theory of socialization / F.H. Giddings — New York: The Macmillan Company, 1897.
2. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. — 295 с.
3. Давыдов Ю.Н. История теоретической социологии. Начало XX века. Первый общетеоретический кризис социологии. М.: Академический проект, 2010. — 354 с.
4. Добренков В.И., Кравченко А.И. Социология. Т. 1. Методология и история. М., 2000.
5. Желтов В.В. История западной социологии: этапы, идеи, школы. М.: Академический проект, 2010. — 863 с.
6. Квале С. Исследовательское интервью. М., 2003. — 119 с.
7. Кимелев Ю.А., Полякова Н.Л. Социологические теории модерна, радикализованного модерна и постмодерна. М., 1996. — 325 с.
8. Кравченко А.И. История зарубежной социологии. М.: Академический проект, 2005. — 704 с.
9. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России. М., 2016. — 361 с.
10. Пятакова Т.Л. Диалектика количественного и качественного подходов в исследовании этносоциальных проблем // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. №1. — С. 89–95.
11. Реан А.А. Акмеология личности // Психологический журнал. 2000. № 3. — С. 88–95.
12. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. — 362 с.
13. Хеллеик Оттар Социологический метод / пер. с норв. М., 2002. — 184 с.
14. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. СПб.: Питер, 2004. — 160 с.
15. Размыслов П.И. О «культурно-исторической теории психологии» Выготского и Лурия // Книга и пролетарская революция. 1934. № 4. — С. 78–86.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОПРОСЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАВИСИМОЙ ОЦЕНКИ КВАЛИФИКАЦИИ В ОБЛАСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Яковлева Ольга Ивановна

Академия ГПС МЧС России

Olga200663@gmail.com

QUESTIONS ON THE ORGANIZATION OF AN INDEPENDENT ASSESSMENT OF QUALIFICATIONS IN THE FIELD OF SAFETY IN EMERGENCY SITUATIONS

O. Yakovleva

Summary. The relevance of the study is due to new trends in the adaptation requirements put forward by young professionals from the labor market, the conjugation with which guarantees their professional relevance and competitiveness. Through theoretical research methods, its goal was achieved, which is to substantiate the mechanism for combining the state final certification of graduates of professional educational organizations and an independent assessment of qualifications in the field of safety in emergency situations. According to the results of the study, the conditions for the successful integration of the activities of two structures are formulated, among which a priority role is given to reviewing the qualification requirements of a specialist, taking into account the specifics of his functionality in the context of labor market interactions with professional educational organizations, organizing a demonstration exam and combining the requirements of educational standards with the unification of the approach to issuing final documents. And the implementation of the demonstration exam determines the importance not only of improving the material and technical base for its organization in the practice of professional training of specialists, but also the development of an innovative software product that ensures compliance with the principle of consistency of assessment activities. The results of the study can serve as a basis for studying the substantive aspect of professional qualifications.

Keywords: independent assessment of qualifications; qualification exam procedure; demonstration exam; professional standards; organizational and methodological tools of integration.

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена новыми тенденциями в адапционных требованиях, выдвигаемых молодым специалистам со стороны трудового рынка, сопряженность с которым гарантирует их профессиональную востребованность и конкурентоспособность. Посредством теоретических методов исследования достигалась его цель, заключающаяся в обосновании механизма совмещения государственной итоговой аттестации выпускников профессиональных образовательных организаций и независимой оценки квалификаций в области обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях. По результатам исследования сформулированы условия успешной интеграции деятельности двух структур, среди которых приоритетная роль отдана пересмотру квалификационных требований специалиста с учетом специфики его функционала в контексте взаимодействий рынка труда с профессиональными образовательными организациями, организации демонстрационного экзамена и сопряжение требований образовательных стандартов с унификацией подхода к выдаче итоговых документов. А реализация демонстрационного экзамена обуславливает важность не только совершенствование материально-технической базы для его организации в практике профессиональной подготовки специалистов, но и разработку инновационного программного продукта, обеспечивающего соблюдение принципа системности проводимых оценочных мероприятий. Результаты исследования могут послужить основанием для изучения содержательного аспекта профессиональных квалификаций.

Ключевые слова: независимая оценка квалификаций; процедура квалификационного экзамена; демонстрационный экзамен; профессиональные стандарты; организационно-методический инструментарий сопряжения.

Введение

Иntenсивность трансформаций в мире, вобравшем в себя среди прочих взаимодействующих информационных технологии, определила новые тенденции в адапционных требованиях, выдвигаемых молодым специалистам. Необходимость совершенствования профессиональных адаптаций к новым вызовам обуславливает изменения в социальных практиках, которые сопряжены с рисками в сфере профессионального становления, несущей ответственность за формирование и совершенствование профессиональных компетенций, обеспечивающих конкурентный уровень

выполнения специалистами профессиональных функций [1, с. 253].

Быстрота трансформационных процессов обязывает на систематической основе выявлять уровни сформированности специальных знаний и проводить оценку на их соответствия текущим требованиям со стороны общества. Мониторинговые мероприятия обязывают обладать современным критериально-оценочным аппаратом, благодаря которому возможна организация процедуры по установлению степени готовности профессионала к выполнению функций, связанных с профессией [4, с. 153].

В силу обстоятельств, складывающихся под влиянием множественности факторов влияния, быстрота изменений и их скоротечность устаревания определяет необходимость создания высоко адаптированных форм оценки. В настоящее время одной из таких форм стала независимая оценка квалификаций (далее — НОК), функции которой определены ФЗ «О независимой оценке квалификации» [10] и адаптированы в соответствии с Указом Президента РФ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [9].

НОК — это процедура оценки уровня сформированности профессиональных компетенций специалиста в соответствии с требованиями профессионального стандарта, призванная обеспечить страну квалифицированными кадрами и предотвратить риски причинения вреда жизни и здоровью граждан, а также нанесения ущерба окружающей среде [7, с. 187].

Однако, несмотря на оперативно предпринятые шаги по устранению несвоевременности выявления «профессиональной недостаточности» [8, с. 467], особенно у работников, деятельность которых связана с работой на опасных производственных объектах, сохраняются проблемы, требующие немедленного разрешения. Одной из проблем является поиск адекватного современным требованиям и задачам механизма совмещения государственной итоговой аттестации (далее — ГИА) выпускников профессиональных образовательных организаций и НОК.

Материалы и методы исследований

В рамках сформулированной проблемы, активирующей исследовательских интерес, нами задействованы инструментальные теоретических методов исследования: анализ, формулировка проблемы, систематизация и обобщение опыта, и сравнение. В ходе анализа выявлена фрагментарность в изучении вопросов, совокупность которых формирует исследуемое поле объектов изучения. В контексте проблемного пространства, образованного пробелами в результатах исследовательской деятельности, практически не представлены данные, систематизация которых позволила бы внести ясность в противоречивую ситуацию, характеризующую несоответствием:

- требований к повышению адаптационного потенциала социальных практик в области образования и уровню профессиональной готовности молодых специалистов [2, с. 994], и
- механизма реализации НОК в рамках образовательной среды, сопряженной с трудовой деятельностью выпускников профессиональных образовательных организаций [12, с. 263].

Степень разработанности проблемы освещена результатами научных работ К.Н. Колмогорова, указыва-

ющего на необходимость оценки профессионального уровня подготовки работников на протяжении всей трудовой деятельности путем установления степени соответствия затрат на его содержание с эффективностью профессиональных результатов [3, с. 302]. Среди исследователей, научный интерес которых проявлен к теме оценки профессионального уровня работников, можно назвать Е.А. Лаврентьеву и К.Д. Афонину, результатами деятельности которых, стало обоснование необходимости перепроектирования всей системы профессионального образования в рамках перспективной, с их точки зрения, тенденции создания индивидуальной образовательной траектории каждого обучающегося [5, с. 40].

Анализ исследовательской деятельности Е.Н. Чикилевой и В.В. Строковой позволил сформировать понимание о значимости учета стратегических типов занятости при проектировании конфигурации оценочных мероприятий, базирующихся на трех составляющих:

1. распознавание профессиональной проблемы;
2. предвидение образа итоговых результатов в сопряжении с сопровождаемыми последствиями;
3. участие в деятельности профессиональных сообществ [13, с. 16].

Краткий обзор результатов научных поисков решения нами сформулированной проблемы позволяет констатировать отсутствие исследовательских изысканий, свидетельствующих о поиске пути ее оптимального разрешения. Кроме того, анализ текущей ситуации позволяет признать неэффективность решения актуального вопроса по организации оценочных мероприятий в контексте требований по обеспечению безопасности в чрезвычайных ситуациях только лишь за счет ресурсов системы образования или НОК.

Цель настоящего исследования заключается в обосновании механизма совмещения ГИА выпускников профессиональных образовательных организаций и НОК в области обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях.

Результаты и обсуждения

Изначально, следует указать на сложившиеся противоречие между значимостью человеческого капитала, способного создать инновационный конкурентоспособный продукт, и рамками квалификаций с набором компетенций, ограничивающих его функционал в рамках профессиональной деятельности [11, с. 267]. Создавшаяся ситуация указывает на необходимость пересмотра квалификационных требований специалиста с учетом специфики его функционала в контексте взаимодействия рынка труда с профессиональными образовательными организациями.

Признавая важность осуществляемой НОК деятельности, устраняющей фрагментарность подходов в оценке уровня профессиональной готовности выпускника образовательного учреждения во взаимодействии с работодателями современного трудового рынка, следует обратить внимание на несостоятельность предъявляемого после сдачи ГИА портфолио в виду отсутствия в нем оценки качества его практической подготовленности [6, с. 54].

В выявленной ситуации противоречий можно предложить обратить внимание на эффективность смены, устаревшей в контексте сложившихся реалий формы ГИА на демонстрационный экзамен, способный предоставить инструментарий сопряжения двух процедур, осуществляемых разными организациями, деятельность которых сводима к единой цели. В рамках такого экзамена становится возможным объективизировать оценку содержания и качества образовательных программ, путем привлечения экспертов со стороны потенциальных работодателей посредством инструментария информационных технологий.

В случае интеграции двух моделей организации оценочных процедур можно получить образовательный продукт, обладающий новыми особенностями, позволяющими решать проблемные аспекты достижения заданного требованиями современных реалий уровня профессиональной подготовки выпускника и специалиста. Среди особенностей нами выделены четыре, на наш взгляд, наиболее преимущественные:

- отсутствие конкурсной составляющей реализуемых оценочных процедур;
- полное сопряжение в оценочной шкале критериев с положениями профессионального стандарта;
- достаточность оценки, выраженной через значения дихотомической шкалы;
- содержание оценки.

Благодаря высокой степени сопряжения, достигается сбалансированное сочетание всех структурно-функциональных компонентов оценочных процедур, что позволяет по их окончании выдавать студенту-выпускнику наравне с дипломом об окончании профессионального обучения, и присваивать квалификацию «отраслевой пригодности».

Проблемное поле рисков в этом случае образуется отсутствием единых стандартов к разработке контрольно-измерительных материалов, так как на сегодняшний день форма оценки НОК не имеет разделения компетенций по уровням квалификации, что присутствует в образовательных стандартах профессиональной подготовки выпускников в виде разноуровневых по сложности задач.

Сопряжения требований образовательных стандартов сопровождается необходимостью принятия решения по унифицированию подхода к выдаче итоговых документов, которые на сегодняшний день обладают разной юридической силой. А реализация демонстрационного экзамена обуславливает важность не только совершенствование материально-технической базы для его организации в практике профессиональной подготовки специалистов, но и разработку инновационного программного продукта, обеспечивающего соблюдение принципа системности проводимых оценочных мероприятий.

Достижение максимального сопряжения ГИА-НОК может быть реализовано путем методической синхронизации требований профессиональных стандартов путем приведения фондов оценочных средств в соответствие с критериями трудовых функций и действий. Осуществляемые интеграционные мероприятия изменят архитектуру оценки профессионального соответствия выпускника требованиям современного рынка через валидацию его квалификации. Процедура интеграции возможна через этап познания функциональных свойств системообразующих элементов, и этап формирования эффективных образовательно-карьерных траекторий, в которых за образовательным учреждением закреплена административная, а за НОК — информационная и мотивационная функции.

Результаты сопряжения отражаются на всех уровнях взаимодействия, обеспечивая удовлетворенность всех их участников (рис. 1).

В этом случае реализуется разновекторность в достижении конкурентных преимуществ молодого специалиста за счет:

- продвижения «по горизонтали» шкалы сложности профессиональной деятельности путем расширения диапазона присвоенных знаний, умений и навыков (далее — ЗУН);
- продвижения «по вертикали» шкалы сложности профессиональной деятельности, за счет освоения новых трудовых функций в пределах смежных профессии операций.

Совокупность сформулированных нами условий в случае их практического воплощения способно повысить конкурентоспособность выпускников на трудовом рынке труда за счет обратной связи со стороны НОК.

Выводы

В контексте поставленной исследовательской цели и освещенных результатов теоретического осмысления путей ее достижения, мы пришли к заключению о перспективности применения инструментария сопряжения

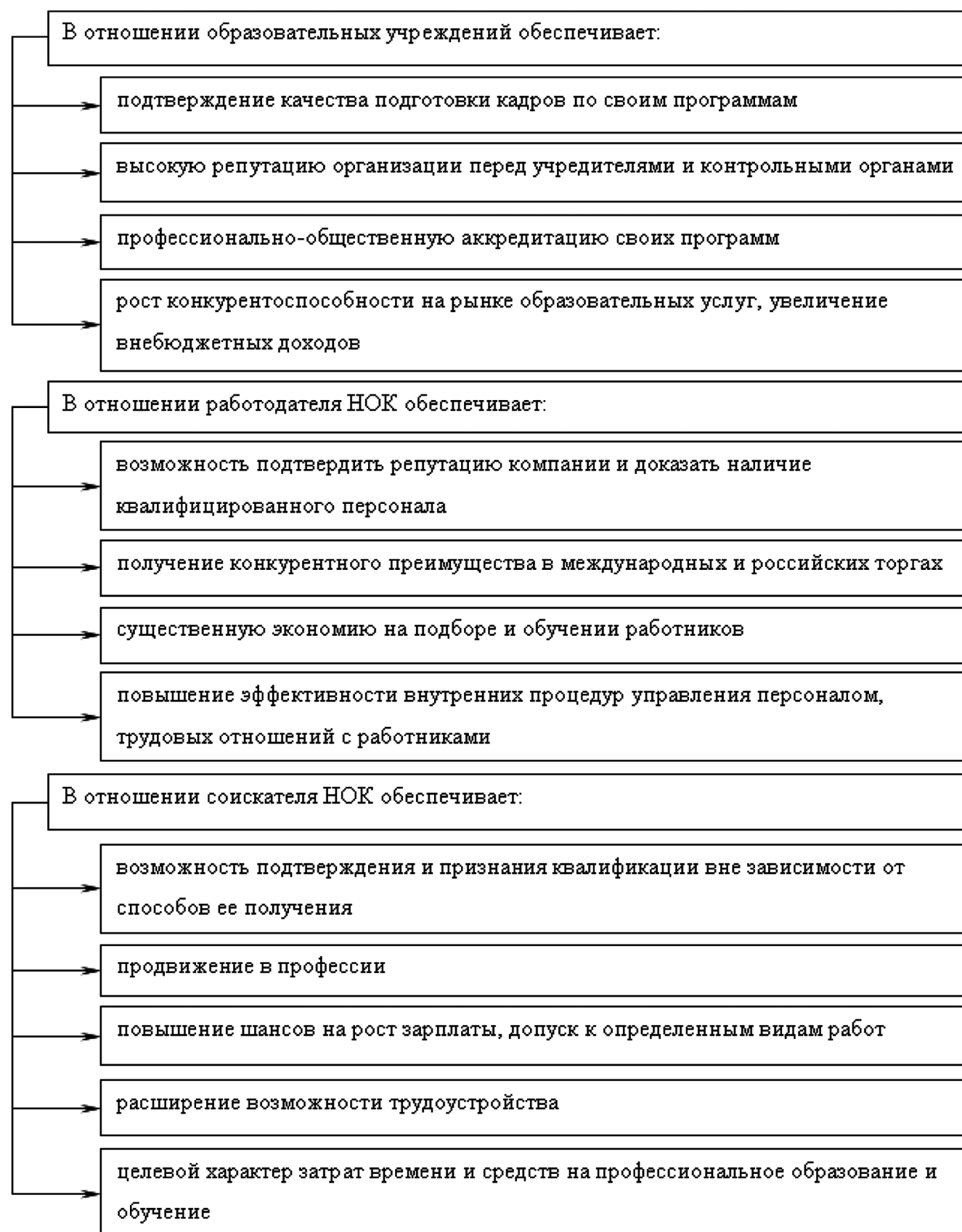

Рис. 1. Результаты сопряженных взаимодействий в рамках оценочных мероприятий

оценочных мероприятий ГИА и НОК на начальных этапах хотя бы комплементарно. Благодаря инструментам сопряжения возможно устранение коллизии между профессионально-образовательным и трудовым законодательством в рамках единой системы оценки профессиональной подготовленности выпускников.

Практическая значимость результатов исследования определяется возможностью применения выявленных нами теоретико-методологических, организационных и технологических аспекты сопряжения исследуемых оценочных процедур, благодаря чему обеспечивается:

1. достоверность и прозрачность результатов оценочных процедур с сопряжением оценочных методик;

2. повышение качества профессиональной подготовки специалиста через консолидацию требований производственно-образовательного сообщества к результатам обучения.

Результаты исследования могут послужить основанием для изучения содержательного аспекта профессиональных квалификаций, структурирование которого в соответствии с новыми вызовами и текущими реалиями приведут к обновлению характера и результат взаимодействия профессионального образовательного учреждения с НОК.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинов В.И., Куртеева Профессионалитет — новая сущность и старые смыслы // *Техник транспорта: образование и практика*. 2021. Т. 2, № 3. С. 248–255. DOI 10.46684/2687-1033.2021.3.248–255. EDN DJGLXL.
2. Доронина А.А. Независимая оценка квалификации как аналог получения образования в условиях применения профессиональных стандартов // *Экономика и социум*. 2022. № 5-1(96). С. 991–995. EDN RSLTNX.
3. Колмагоров К.Н. Актуальные направления цифровизации в сфере независимой оценки квалификации ТЭК РФ // *Губкинский университет в решении вопросов нефтегазовой отрасли России: Тезисы докладов VII Региональной научно-технической конференции, посвященной 100-летию В.Л. Березина, Москва, 19–21 сентября 2023 года*. М: Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, 2023. С. 301–302. EDN BKXCGV.
4. Кривальцевич С.В., Холкина Е.В. Независимая оценка квалификаций как технология оценки качества образования // *Актуальные вопросы профессионального образования: качество, приоритеты, технологии: сборник материалов Национальной научно-методической конференции, приуроченной к Году педагога и наставника в Российской Федерации, Омск, 22–23 марта 2023 года*. Омск: Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ), 2023. С. 152–155. — EDN ENUATY.
5. Лаврентьева Е. А., Афонина К. Д. Организационно — теоретические основы независимой оценки квалификации работников // *Бюллетень инновационных технологий*. 2022. Т. 6, № 1(21). С. 37–41. EDN QSDVXS.
6. Лебедев В.А., Макаренко Е.В. Инструментарий менеджмента знаний: организация независимой оценки квалификации // *Общество. Доверие. Риски: материалы 3-го Ежегодного международного форума: в 3 книгах, Москва, 01 декабря 2021 года. Том Книга 2*. М: Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2021. С. 51–58. EDN SVVRMD.
7. Маштакеева Д.К. Независимая оценка квалификаций: ориентир на взаимодействие рынка труда и образования // *Архитектура университетского образования: стратегические направления трансформации и новые модели развития: сборник материалов V Национальной научно-методической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 01–04 июня 2022 года*. СПб: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2022. С. 186–194. — EDN XNUZZM.
8. Применение методики независимой оценки квалификаций для промежуточной аттестации по образовательным программам высшего образования / А.В. Аристов, А.В. Ворохобин, Н.М. Дерканосова, Е.В. Талицких // *Инновационные технологии в пищевой промышленности: наука, образование и производство: Материалы VII Международной научно-технической конференции, Воронеж, 20 ноября 2020 года*. Воронеж: Отдел полиграфии ФГБОУ ВО «ВГУИТ», 2020. С. 465–468. EDN APNTGR.
9. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс] URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/?ysclid=m1acw31kxa744864792> (дата обращения: 20.09.2024)
10. Федеральный закон «О независимой оценке квалификации» от 03.07.2016 N 238-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200485/?ysclid=m1acpkhбii671754626 (дата обращения: 20.09.2024)
11. Федосеев А.А., Сулейманова Н.В. Отдельные вопросы организации независимой оценки квалификации в области обеспечения безопасности в чрезвычайных ситуациях // *Социально-экономические аспекты принятия управленческих решений: Сборник материалов восьмого межвузовского научного семинара (форума), Москва, 27 февраля 2024 года*. М: Академия государственной противопожарной службы, 2024. С. 264–270. EDN HXY000.
12. Хорошева Е.Р., Забавнов В.А. Оценка уровня сформированности профессиональных компетенций обучающихся по результатам независимой оценки квалификаций // *Век качества*. 2022. № 1. С. 253–265. EDN IHACMN.
13. Чикилева Е.Н., Строкова В.В. Об опыте внедрения инструментов независимой оценки квалификаций в практику вуза // *Образование и общество*. 2022. № 2(133). С. 11–18. EDN GUEKMC.

© Яковлева Ольга Ивановна (Olga200663@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

- Abbaszade F.** — Doctoral student, Baku State University
- Aksenov I.** — PhD in Law, lawyer
- Antipin P.** — Postgraduate student, Kuban State University of Technology
- Barysheva G.** — Dr. Sc., Professor, National Research Tomsk Polytechnic University
- Bazueva K.** — Assistant, Chechen State University named after A.A. Kadyrov, Grozny
- Borlakova F.** — Senior Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education North Caucasian State Academy, Cherkessk, Russian Federation
- Chernikova A.** — Postgraduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»
- Chvanov B.** — Intern Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation
- Dzhandubaeva T.** — PhD in Geography, senior teacher, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Russian Peoples' Friendship University»
- Erofeeva K.** — Assistant, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Russian Peoples' Friendship University»
- Eskerkhanova L.** — Ph.D. in Economics, Associate Professor, A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny
- Gamataeva S.** — Senior Lecturer, Dagestan State University,
- Gazizova N.** — Lecturer, Head of the Center for Psychological Support and Social Protection of the Russian State University of Social Technologies, Moscow
- Gerikhanov D.** — Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «GGNTU named after academician M.D. Millionshchikov», PCC «Information Technologies»
- Gilfanova A.** — Assistant, Kazan State Power Engineering University
- Gish B.** — Assistant Professor, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
- Gutman S.** — PhD in Economics, Associate Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
- Kafarova K.** — Senior Lecturer, Chechen State University, Grozny

OUR AUTHORS

- Karapetyan S.** — Teacher-researcher, Saint Petersburg
- Kazantsev I.** — Postgraduate student, JSC «Research Institute of Automobile Transport»; Lecturer, Private Institution — Organization of Additional Professional Education «ASMAP Academy»; General Director of ASMAP-Service LLC, Moscow
- Khachatryan K.** — Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, FGBNU «Analytical Center», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation»
- Khachatryan S.** — PhD in economics, senior researcher, FGBNU «Analytical Center»
- Khairullina R.** — Deputy Director for Educational and Social Work Institute of Artificial Intelligence, Robotics and Systems Engineering Federal State Educational Institution of Higher Education «Kazan (Volga Region) Federal University» Kazan, Russia
- Kozhina V.** — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, ANOVO «Moscow International University»
- Krylov P.** — graduate student, Autonomous non-profit organization of higher education «Belgorod University of Cooperation, Economics and Law»
- Kuxenok S.** — Postgraduate Student, National Research Tomsk Polytechnic University
- Kuznetsova E.** — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Voronezh State Agrarian University named after Peter the Great»
- Labazanov I.** — Assistant, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chechen State University named after A.A. Kadyrov», Grozny, Russian Federation
- Latynin A.** — postgraduate student, Federal State Educational Institution of Higher Education «Kazan (Volga Region) Federal University»
- Lebedev N.** — Doctor of Economics, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
- Leonova N.** — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Voronezh State Agrarian University named after Peter the Great»
- Levchenko N.** — Cand. Sci. (Sociol.), Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Russia

Litvinenko I. — Researcher, Center for the Study of Civil Initiatives SBEIHE RC «Crimean Engineering and Pedagogical University named after Fevzi Yakubov» (Simferopol)

Lonchakova Yu. — Candidate of Law, Murom Institute of Vladimir State University

Magdieva N. — PhD, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation

Markova A. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Voronezh State Agrarian University named after Peter the Great»

Matantseva O. — Deputy General Director, JSC «Research Institute of Automobile Transport»; Moscow Automobile and Road State Technical University (MADI)

Milinis A. — Federal State Budgetary Educational Institution National Research University, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky» Moscow, Russia

Nasser Muhammad Hussein Nasser — Graduate Student, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow

Nazmutdinov G. — Dagestan State University

Nikulin M. — Doctoral student, Candidate of Chemical Sciences, St. Petersburg State University of Economics

Orekhova N. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg)

Osipov V. — Postgraduate student, Non-State Educational Private Institution of Higher Education «Moscow University for Industry and Finance «Synergy», Moscow

Papoyan A. — Postgraduate student, Kuban State University of Technology

Paramuzova O. — Candidate of Law, Associate Professor, NWIU RANEPА

Pisarevskaya N. — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, ANOVO «Moscow International University»

Sekisov A. — Candidate of Economic, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin

Seredin E. — Specialist at the Laboratory of Industrial Stream Data Processing Systems, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Seredin V. — PhD student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Shabalina E. — Candidate of Law, Associate Professor, Autonomous non-profit organization of Higher Education «Belgorod University of Cooperation, Economics and Law»

Shtofer G. — Associate Professor, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

Skopa V. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University (Barnaul)

Tang Zhenlian — Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

Tao Zieu Lin — Department of General Planning — Information Technology, Nge An Traditional Medicine Hospital, Nge An Province, Vietnam

Taramova M. — Lecturer, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Chechen State University named after A.A. Kadyrov», Grozny

Tolmacheva I. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, ANOVO «Moscow International University»

Vagapov A. — Lecturer, Kazan State Power Engineering University, Kazan

Vasiliev A. — Head of the Department of Consumer Market, Investments and Entrepreneurship Development Administration of the Ramenskoye urban district of the Moscow region

Voronin N. — graduate student, Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, Moscow

Yakovleva O. — Academy of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia

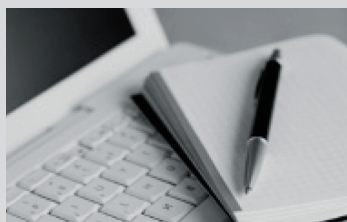
Zaporozhtseva L. — Minister of Economic Development of the Voronezh Region; Doctor of Economic Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Voronezh State Agrarian University named after Peter the Great»

Zavyalov S. — Postgraduate student, CHOU VO «Law Institute», St. Petersburg

Zubarev D. — postgraduate student, senior police lieutenant, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Zubkova S. — C.E.S., Senior Researcher, Finance Financial University under the Government of the Russian Federation

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные — 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).